

**КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
КАК РЕСУРС
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО
СОГЛАСИЯ**

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ
ИМЕНИ Д. С. ЛИХАЧЁВА

ЮЖНЫЙ ФИЛИАЛ

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА КАК РЕСУРС МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

по итогам VII международного научного форума

Москва
2023

УДК 008+304.44+93/94

ББК 66/5+70+86

К 90

Редакционная коллегия:

Горлова И. И., доктор философских наук, профессор, директор Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (ответственный редактор);

Коваленко Т. В., кандидат философских наук, заместитель директора Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва;

Гуцалов А. А., кандидат философских наук, руководитель отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва;

Костина Н. А., кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва;

Саркисова Е. Г., кандидат культурологии, старший научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва.

Рецензенты:

Матвеев О. В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета;

Романова А. П., доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии, директор Института исследований проблем юга России и Прикаспия Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева.

Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального соглашения : сб. науч. ст. по итогам VII междунар. науч. форума [Электронное сетевое издание] / Отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко, А. А. Гуцалов, Н. А. Костина, Е. Г. Саркисова. — М. : Институт Наследия, 2023. — 422 с. — DOI: 10.34685/НИ.2022.85.64.001. — ISBN 978-5-86443-411-6.

К 90

В сборник вошли статьи, подготовленные по материалам докладов и сообщений Седьмого международного научного форума «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального соглашения, состоявшегося 23–26 сентября 2021 г.

В опубликованных статьях рассмотрены проблемы культурного наследия народов России в аспекте укрепления российской государственности, основные вопросы теории и практики сохранения культурного и природного наследия, специфические черты этнических культур народов Юга России и механизмы межнационального взаимодействия, научно-техническое наследие, художественная жизнь Юга России и формирование сферы духовно-нравственных ценностей. Особое внимание уделяется анализу опыта актуализации и репрезентации культурного наследия Северного Кавказа в современном обществе.

Сборник подготовлен в рамках государственного задания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва.

УДК 008+304.44+93/94

ББК 66/5+70+86

ISBN 978-5-86443-411-6

ISBN 978-5-86443-411-6

9 785864 434116

© Коллектив авторов, 2023

© Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, 2023

MINISTRY OF CULTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

RUSSIAN RESEARCH INSTITUTE FOR CULTURAL
AND NATURAL HERITAGE

SOUTHERN BRANCH

**CULTURAL HERITAGE
OF THE NORTH CAUCASUS AS A RESOURCE
OF INTERETHNIC CONCORD**

**Proceedings
of the 7-th International Scientific Forum**

Moscow
2023

UDC 008+304.44+93/94

LBC 66/5+70+86

K 90

Editorial Board:

Irina I. Gorlova, Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Director, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, (Editor-in-Chief);

Timofey V. Kovalenko, Cand. Sci. (Theory and History of Culture), Deputy Director, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage;

Aleksandr A. Gutsalov, Cand. Sci. (History of Philosophy), Herd, Department of Complex Problems of Cultural Studies, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage;

Natalya A. Kostina, Cand. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology), Assoc. Prof., Leading Researcher, Department of Complex Problems of Cultural Studies, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage;

Elena G. Sarkisova, Cand. Sci. (Museology, Conservation and Restoration of Cultural Heritage), Senior Researcher, Department of the Heritage Studies and Expert Activities, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage.

Reviewers:

Oleg V. Matveev, Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Russian History, Kuban State University;

Anna P. Romanova, Dr. Sci. (Religious Studies, Philosophical Anthropology, and Philosophy of Culture), Prof., Director, Institute for Research on the Problems of the South of Russia, Astrakhan State University.

Kul'turnoe nasledie Severnogo Kavkaza kak resurs mezhnatsional'nogo soglasiya

K 90 (The Cultural Heritage of the North Caucasus as a Resource for the Interethnic Concord): Proceedings of the 7-th International Scientific Forum / Ed.-in-Chief I. I. Gorlova; Editorial Board: T. V. Kovalenko, A. A. Gutsalov, N. A. Kostina, E. G. Sarkisova. — Moscow : Institut Naslediya, 2023. — 422 p. — DOI: 10.34685/HI.2022.85.64.001. — ISBN 978-5-886443-411-6.

The book includes materials based on the reports and messages of the 7-th International Scientific Forum “Cultural Heritage of the North Caucasus as a Resource for the Inter-Ethnic Concord”, held on September 23–26, 2021.

The authors deal with the problems of the cultural heritage of the peoples of Russia in the aspect of strengthening Russian statehood, the main issues of theory and practice of preserving cultural and natural heritage, the specific features of the ethnic cultures of the peoples of the South of Russia and the mechanisms of interethnic interaction, the scientific and technical heritage, the artistic life of the South of Russia and the formation of the sphere spiritual and moral values. Particular attention is paid to the analysis of the experience of actualization and representation of the cultural heritage of the North Caucasus in modern society.

The book was prepared within the framework of the state task of the Likhatchev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage.

UDC 008+304.44+93/94

LBC 66/5+70+86

ISBN 978-5-86443-411-6

ISBN 978-5-86443-411-6

9 785864 434116

© By Composite authors, 2023

© Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

И. И. Горлова

Культурное наследие как ресурс межнационального согласия:
Седьмой международный форум
(вместо предисловия)..... 15

РАЗДЕЛ 1

Культурное наследие и гражданская идентичность

И. В. Василенко

Социокультурная память и процесс формирования
гражданской идентичности..... 20

Е. Ю. Третьякова

Трансляция и кросс-культурное освоение памятников
устного народного эпоса как школа гражданской зрелости 35

С. Н. Глазкова, Е. А. Жесткова

Александр Невский как символ национальной идеи
в языковом сознании школьников 46

Г. Д. Гриценко

Великая Отечественная война как ценностная
основа этнополитического единства России 57

О. И. Сгибнева

Культурное и религиозное многообразие в социокультурной
среде современного города: опыт социологического анализа..... 65

О. Р. Тучина

Исторический опыт в контексте национальной и локальной
идентичности личности (на материале исследований
респондентов города-героя Севастополь) 78

Л. М. Слюсаренко

Культурно-образовательный потенциал
Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова
в диалоге о национальной идентичности 84

Е. В. Макарова

Музей локальной истории:
актуализация наследия как фактор сохранения
и трансляции локальной идентичности..... 95

РАЗДЕЛ 2

Научно-техническое наследие России: практики актуализации

Е. С. Студеникина

Отечественное научно-техническое наследие
как ресурс формирования позитивной
гражданской идентичности молодежи..... 102

А. Н. Еремеева

Научные учреждения и университеты
как туристические достопримечательности 109

Г. А. Нагаева

Новороссийский музей цементной промышленности
как объект научно-технического наследия 115

Н. А. Юрченко

Наследие А. В. Щусева в Кишиневе.
Малоизвестные проекты классического направления
дореволюционного и послевоенного времени 122

Р. А. Тимофеева

Авенир Чемерзин: архивные материалы
к научно-техническому наследию 133

Т. М. Самусь

Профессорский дом как пространство коммуникации..... 139

В. О. Улитин, В. В. Улитин

Жизнь, отданная растениеводству: основные этапы
научно-исследовательской и педагогической деятельности
А. М. Улитина (по его воспоминаниям и материалам
семейного архива)..... 149

РАЗДЕЛ 3

Художественная жизнь и формирование сферы духовно-нравственных ценностей

С. А. Кибальник	
Образ Достоевского и образ России	166
А. М. Авраменко	
Опыт подготовки Атласа истории кубанского казачества как средства формирования духовно-нравственных ценностей	172
С. К. Зауст	
Исторический костюм в реалистической системе живописи И. Е. Репина и В. И. Сурикова	185
И. А. Аполлонов	
Человек культуры в меморативном измерении (на примере меморативной пластики Александра Аполлонова)	193
Н. В. Чёрная	
Песенное наследие Кубани: сопоставление вариантов народных песен	201
М. М. Кизин	
Русская оперная культура между прошлым и будущим	211
Н. Г. Денисов, <u>Тао Ван</u>, Е. В. Королева	
Государственная культурная политика и художественное образование и воспитание: перекличка эпох	219
Е. Н. Неподоба	
«Не забывайте о живущих рядом...»: к 65-летию В. К. Чумаченко	227

РАЗДЕЛ 4

Межнациональное взаимодействие: язык, общество, культуры

Ш. А. Гапуров, Л. М. Гарсаев, А. М. Бугаев	
Гостеприимство и куначество у чеченцев других народов Кавказа	234

Л. Я. Арапханова

Традиционные нормы культуры в контексте национальной политики на Северном Кавказе..... 249

З. Х. Гучетль

Этнические традиции адыгов в условиях трансформации (на материалах социологических исследований)..... 256

А. А. Гуцалов

Объективные показатели успешности политики национальной идентичности..... 265

А. Л. Зорин

О соотношении понятий «национальная» и «гражданская» идентичность в современной российской гуманитаристике..... 283

З. А. Жаде

Трансформация многоуровневой идентичности (на примере регионов Южного и Северо-Кавказского федеральных округов) 289

В. Е. Науменко

Актуальные аспекты развития региональной и общегражданской идентичности в Северо-Кавказском федеральном округе 294

Л. Р. Барахоева, М. А. Арсельгова

Формирование гражданской идентичности молодежи Республики Ингушетия 307

О. Е. Пересада

«Живу в квартире, сплю на кровати, укрываюсь пуховым одеялом, но все это как-то не так, хочется в Россию»: фронтовые письма Николая Рощина 321

РАЗДЕЛ 5

**Современное общество и культурное наследие:
опыт актуализации и репрезентации**

Е. А. Дзадзиева

Владикавказ как пространство культурной памяти 350

С. А. Бегуев

Музеи Чеченской Республики:
история и современность..... 358

В. В. Шолохова

Всероссийский интернет-проект в условиях пандемии
«Вместе с Шолоховым “Они сражались за Родину”».
Объединяющая сила живого слова 373

С. А. Рагуленко

Роль научной реставрации в сохранении
культурного наследия (на примере спасательной
реставрации уникальных предметов из музейных коллекций)..... 380

С. И. Фомина

Сетевые технологии формирования гражданской
идентичности в условиях смешанного обучения 390

Т. Ф. Маслова

Студенческое сообщество и риски безопасности
образовательной среды Северного Кавказа..... 395

Л. В. Кубанова

Этнический компонент образования как стратегический
ресурс укрепления общероссийской идентичности
(прикладной аспект)..... 403

Д. И. Асланов

Современные механизмы социокультурной
интеграции учащихся-билингвов в Ставропольском
государственном педагогическом институте..... 412

CONTENTS

Irina I. GORLOVA

Cultural Heritage as a Resource of Interethnic Concord:
The Seventh International Forum (Instead of a Foreword)..... 19

SECTION 1

Cultural Heritage and Civic Identity

Inna V. VASILENKO

Socio-Cultural Memory and the Process
of Formation of Civic Identity..... 34

Elena Yu. TRETYAKOVA

Translation and Cross-Cultural Development of Monuments
of the Oral Folk Epic as a School of Civic Maturity..... 45

Svetlana N. GLAZKOVA, Elena A. ZHESTKOVA

Alexander Nevsky as a Symbol of the National Idea
in the Linguistic Consciousness of Schoolchildren 56

Galina D. GRITSENKO

The Great Patriotic War as the Value Basis
of the Ethno-Political Unity of Russia 64

Olga I. SGIBNEVA

Cultural and Religious Diversity in the Socio-Cultural Environment
of a Modern City: The Experience of Sociological Analysis..... 77

Oksana R. TUCHINA

Historical Experience in the Context of National
and Local Identity of an Individual (based on the Research
of Respondents of the Hero City of Sevastopol) 83

Lydia M. SLYUSARENKO

Cultural and Educational Potential of the National Sholokhov
Museum-Reserve in the Dialogue about National Identity..... 95

Elena V. MAKAROVA

Museum of Local History: Heritage Actualization
as a Factor in the Preservation and Transmission
of Local Identity..... 100

SECTION 2

**Scientific and Technical Heritage of Russia:
Actualization Practices**

Elena S. STUDENIKINA

Russian Scientific and Technical Heritage as a Resource
for the Formation of Positive Civic Identity of Youth 108

Anna N. EREMEEVA

Scientific Institutions and Universities
as the Tourist Attractions 115

Gilda A. NAGAEVA

The Novorossiysk Museum of the Cement Industry
as an Object of Scientific and Technical Heritage..... 121

Natalia A. YURCHENKO

Alexey V. Shchusev’s Heritage in Chisinau.
Little-Known Projects of the Classical Direction
of the Pre-Revolutionary and Post-War Period..... 132

Rimma A. TIMOFEEVA

Avenir Chemerzin: Archival Materials
to the Scientific and Technical Heritage..... 138

Tatyana M. SAMUS

Professor’s House as a Space of Communication..... 148

Vsevolod O. Ulitin, Vladislav V. Ulitin

The Life given to Plant Production:
The Main Stages of Research and Pedagogical Activity
of A. M. Ulitin (based on his Recollections
and the Family Archive) 164

SECTION 3

Artistic Life and the Formation of the Sphere of Spiritual and Moral Values

Sergey A. KIBALNIK

The Image of Dostoevsky and the Image of Russia..... 172

Anatoly M. AVRAMENKO

The Experience of Preparing the Atlas
on the History of the Kuban Cossacks as a Means
of Forming Spiritual and Moral Values 184

Sofia K. ZAUST

Historical Costume in the Realistic System
of Painting by Ilya E. Repin and Vasiliy I. Surikov..... 193

Ivan A. APOLLONOV

A Person of Culture in the Memorative Dimension
(on the Example of Alexander Apollonov's Memorative Plastic) 201

Nadezhda V. CHERNAYA

The Song Heritage of the Kuban:
A Comparison of Variants of Folk Songs 210

Mikhail M. KIZIN

Russian Opera Culture between the Past and the Future..... 218

Nikolay G. DENISOV, TAO Wang, Elena V. KOROLEVA

State Cultural Policy and Art Education and Upbringing:
A Roll Call of Epochs 226

Elena N. NEPODOBA

“Don't Forget about those who Live Nearby..”:
on the 65th Anniversary of Victor K. Chumachenko 233

SECTION 4

Interethnic Interaction: Language, Society, Cultures

Shakhrudin A. GAPUROV, Leitchiy M. GARSAEV,

Abdula M. BUGAEV

Hospitality and Kunakism of the Chechens
and other Peoples of the Caucasus..... 248

Leyla Ya. ARAPKHANOVA

Traditional Cultural Norms in the Context
of National Politics in the North Caucasus..... 256

Zukhra Kh. GUCHET

Ethnic Traditions of the Adygs in the Conditions
of Transformation (based on the Materials
of Sociological Research)..... 264

Alexander A. GUTSALOV

Objective Indicators of the Success of National Identity Policy..... 282

Alexander L. ZORIN

About the Correlation of the Concepts of “National”
and “Civil” Identity in Contemporary Russian Humanities..... 288

Zuriet A. ZHADE

Transformation of Multilevel Identity
(using the Example of the Southern Federal District
and the North Caucasus Federal District Regions) 293

Vladimir E. NAUMENKO

Current Aspects of the Development
of Regional and Civil Identity
in the North Caucasus Federal District..... 306

Lyudmila R. BARAKHOEVA, Marina A. ARSELGOVA

Formation of Civic Identity of Youth of the Republic Ingushetia..... 320

Olga E. PERESADA

“I live in an Apartment, I sleep on a Bed,
I cover myself with a Duvet, but all this is somehow wrong,
I want to go to Russia”: Nikolai Roshchin front-line Letters 349

SECTION 5

**Modern Society and Cultural Heritage:
the Experience of Actualization and Representation**

Elizaveta A. DZADZIEVA

Vladikavkaz as a Space of Cultural Memory 357

Suleiman A. BEGUYEV

Museums of the Chechen Republic: History and Modernity..... 373

Valeria V. SHOLOKHOVA

The All-Russian Internet-Project «Together with Sholokhov
“They Fought for their Country”» in the Conditions
of the Pandemic.

The Unifying Power of the Living Word 379

Sergey A. RAGULENKO

The Role of Scientific Restoration in the Preservation
of Cultural Heritage (on the Example of Rescue Restoration
of Unique Items from Museum Collections)..... 389

Svetlana I. FOMINA

Network Technologies for the Formation of Civic Identity
in the Conditions of mixed Learning 395

Tatyana F. MASLOVA

The Student Community and the Risks to the Safety
of the Educational Environment of the North Caucasus Region..... 402

Liana V. KUBANOVA

Ethnic Component of Education as a Strategic Resource
for Strengthening the All-Russian Identity (Applied Aspect) 411

Dmitry I. ASLANOV

Modern Mechanisms of Socio-Cultural Integration
of Bilingual Students at the Stavropol State Pedagogical Institute..... 421

Культурное наследие как ресурс межнационального согласия: Седьмой международный форум (вместо предисловия)

Представлен обзор проблематики докладов и сообщений Седьмого международного научного форума «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия», который состоялся 23–26 сентября 2021 г. Рассмотрены вопросы сохранения культурного наследия народов Северного Кавказа, его использования как ресурса межнационального согласия, создания единого культурного пространства, налаживания межкультурного диалога на международном и региональном уровнях.

Ключевые слова: международный научный форум, Северный Кавказ, культура, культурное наследие, государственная политика, межнациональное согласие, диалог культур, единое социокультурное пространство.

Международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия», организованный уже в седьмой раз, прочно занял свое место в планах мероприятий учреждений культуры, науки, образования региональных органов власти, общественных организаций не только Северного Кавказа, Юга России, но и многих регионов страны, демонстрируя высокое уважение к историческому наследию народов многонациональной Родины (см. подроб.: [1] [3]). Форум проводится ежегодно с 2015 г. по инициативе Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва при финансовой поддержке Минкультуры России [2]. В 2016 г. его проведение вошло в План мероприятий по реализации в 2016–2018 гг. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации (распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2015 г. № 648-р); в 2021 г. — в Медиаплан информационного сопровождения реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации (утвержден 23.03.2021, № 2639п–П44).

* ГОРЛОВА Ирина Ивановна, доктор философских наук, профессор, директор Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Краснодар, Россия, ii.gorlova@gmail.com.

Очевидно, что международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» востребован и высоко ценим. Важно также, что с каждым годом обогащается спектр обсуждаемых участниками форума тем, расширяется уровень научного представительства, география участников форума.

В работе форума 2021 года приняли участие культурологи, философы, историки, этнологи, искусствоведы, музеологи и представители других гуманитарных отраслей из двадцати одного региона Российской Федерации, а также из республик Абхазии и Молдовы. Программа работы была традиционно насыщенной и включала как официальные заседания, так и просветительские и творческие мероприятия.

Повестку научных мероприятий форума составили впервые организованная в рамках форума всероссийская научная конференция, панельная дискуссия и три круглых стола. В рамках проведения в России Года науки и технологий состоялся круглый стол «Научно-техническое наследие России: практики актуализации», который был посвящен научно-техническому наследию как неотъемлемой составляющей культурного наследия страны; в преддверии Года народного искусства и нематериального культурного наследия — научная конференция «Сохранение национальных духовно-эстетических традиций и народные художественные промыслы России»¹.

Большое внимание участников форума привлекла тема «Гражданская идентичность и культурное наследие», такой интерес вызван недостаточностью мер по формированию российской гражданской идентичности и гражданского единства, по воспитанию культуры межнационального общения. Сохранение и развитие идентичности предполагает основательное освоение культурного наследия, нравственно-гуманистических ценностей, имеющих общечеловеческое значение. Укрепляя этнокультурную идентичность, нужно двигаться к формированию ценностей общероссийской идентичности. Это чрезвычайно важные обстоятельства, поскольку Россия и Северный Кавказ, в частности, подвержены культурным потокам, исходящим от Запада и Востока, а восприимчивость к ним молодого поколения очевидна. Прочная этнокультурная идентичность народов Северного Кавказа, на базе которой формируется общероссийская идентичность — мощная преграда

¹ Материалы конференции опубликованы отдельным изданием (см.: [4]).

на пути разрушительным веяниям, исходящим от неприемлемых для кавказско-русского синтеза культурно-цивилизационных систем.

Яркие краски в работу форума, несомненно, внесло культурное наследие Ингушетии, представленное не в привычном формате научного обсуждения, а творческими коллективами и деятелями искусства республики, концерт которых состоялся 23 сентября 2021 г., в день открытия.

Рассмотрев и обсудив в рамках намеченной программы форума представленные доклады, материалы, документы, в итоговой резолюции участники отметили: необходимость выработки эффективного научного подхода к формированию общегражданской идентичности как интегративной основы взаимодействия; актуальность обращения к научно-техническому наследию, важность его трансляции в рамках музейной, экскурсионной, научно-исследовательской, образовательной, просветительской деятельности; важность поддержки на всех уровнях культурных инициатив и проектов, направленных на единение народов многонационального государства и взаимообогащение культур, на поддержку русского языка как фактора обеспечения суверенитета и идентичности российской нации, на освоение отечественной классики; непреходящее значение выявления и совершенствования механизмов сохранения и трансляции подлинных качеств объектов и предметов материального наследия; необходимость правильного позиционирования отечественных народных художественных промыслов как составляющую народного искусства России.

* * *

Предлагаемый читателю сборник статей содержит доклады участников Седьмого международного научного форума «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия», исправленные, дополненные, переработанные специально для настоящего издания.

Его разделы отражают грани проблематики научного диалога, состоявшегося 22–26 сентября 2021 г.:

- культурное наследие и гражданская идентичность;
- научно-техническое наследие России: практики актуализации;
- художественная жизнь и формирование сферы духовно-нравственных ценностей;
- межнациональное взаимодействие: язык, общество, культуры;

— современное общество и культурное наследие: опыт актуализации и репрезентации.

Ежегодные встречи представителей научной общественности в рамках международного форума вносят значительный вклад в формирование единого культурного пространства, изучение проблем диалога культур, исследование перспектив использования культурного наследия как ресурса устойчивого развития региона, научно-методическое обеспечение государственной политики в сфере культуры, сохранение наследия.

Убеждена, что результаты форума, настоящее издание его материалов, преемственное с содержанием предыдущих сборников (см.: [5] [6] [7] [8] [9] [10] [11]), послужат осмыслению важнейших проблем культуры юного региона, укреплению добрососедских отношений между народами, продолжению традиций дружбы и взаимопонимания, которыми всегда славился Северный Кавказ.

Использованная литература:

1. Горлова И. И. Северный Кавказ — территория межнационального согласия // Культурное наследие России. 2016. № 3. С. 39–42.
2. Коваленко Т. В. Международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» // Наследие веков. 2015. № 4. С. 149–153. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Kovalenko.pdf. (дата обращения: 21.07.2021).
3. Коваленко Т. В. О создании Южного филиала Российского института культурологии // Культурологический журнал. 2012. № 1. С. 18. http://www.cr-journal.ru/rus/journals/119.html&j_id=9 (дата обращения: 21.12.2018).
4. Сохранение национальных духовно-эстетических традиций и народные художественные промыслы России: сб. матер. всерос. науч.-практ. конфер. (Кабардинка, Геленджик, 23–26 сентября 2021 г.) / сост., науч. ред. и авт. предисл. Ю. А. Закунов. М.: Ин-т Наследия, 2022. 156 с.
5. Крюков А. В. Научные издания Южного филиала Института Наследия // Наследие веков. 2016. № 1. С. 121–124. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/04/2016_1_Kryukov.pdf. (дата обращения: 21.12.2018).
6. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. науч. ст. / отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко, Н. А. Костина, А. В. Крюков. М.; Краснодар: Принт сервис групп, 2015.

7. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. науч. ст. / отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко, А. В. Крюков, Н. А. Костина, А. А. Гуцалов. Краснодар: Родные традиции, 2017.
8. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. науч. ст. / отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко, А. В. Крюков, Н. А. Костина, А. А. Гуцалов. Краснодар: Экоинвест, 2018.
9. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. науч. ст. / отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко, А. Н. Еремеева, А. В. Крюков, Н. А. Костина. Краснодар: Ин-т Наследия, 2019. DOI: 10.34685/НИ.2019.98.73.001.
10. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. науч. ст. по итогам междунар. науч. форума / отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко, А. В. Крюков, Н. А. Костина, А. А. Гуцалов. М.: Ин-т Наследия, 2021. 426 с. DOI: 10.34685/НИ.2021.87.21.003.
11. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. науч. ст. по итогам VI междунар. науч. форума / отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко, А. В. Крюков, Н. А. Костина, А. А. Гуцалов. М.: Ин-т Наследия, 2021. 376 с. DOI: 10.34685/НИ.2021.95.54.020.

Irina I. GORLOVA,

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Director,
Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage, Krasnodar, Russia, ii.gorlova@gmail.com.

Cultural Heritage as a Resource of Interethnic Concord: The Seventh International Forum (Instead of a Foreword)

A review of the problems of reports and communications of the Fief International Scientific Forum “Cultural Heritage of the North Caucasus as a Resource of Interethnic Concord”, which took place on September 23–26, 2021, is presented. Issues of preserving the cultural heritage of the peoples of the North Caucasus, its use as a resource of interethnic consent, and creating a unified cultural space are considered establishing intercultural dialogue at the international and regional levels.

Keywords: *international scientific forum, North Caucasus, culture, cultural heritage, state policy, interethnic harmony, dialogue of cultures, a single sociocultural space.*

РАЗДЕЛ 1

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

*И. В. Василенко**

Социокультурная память и процесс формирования гражданской идентичности

Проблема формирования идентичности на любом уровне социума: личном, семейном, групповом, региональном, государственном является постоянной задачей как для отдельного человека, для понимания своего места в обществе и одобрения его социальным окружением, так и для общества, которое становится более интегрированным, когда присутствует социальная и гражданская идентичность в сознании большинства населения страны. Формирование гражданской идентичности связано, с одной стороны, с наличием социокультурной памяти и ее преемственности между поколениями, а с другой стороны, с усвоением этого культурного наследия населением России, проживающем в различных регионах, с различной культурой и языком. Формирование социокультурной памяти, а на ее основе гражданской идентичности начинается с семьи, в которой происходит начальный этап социализации, затем развитие социокультурной памяти продолжается в различных группах, социальных институтах как на спонтанном уровне усвоения населением ценностей, установок и моделей поведения, так и на основе воспитательных процессов, включающих целенаправленное формирование па-

* ВАСИЛЕНКО Инна Викторовна, доктор философских наук, профессор кафедры социологии Волгоградского государственного университета, Волгоград, Россия, inna.asilenko@yandex.ru.

триотизма, гордости за историю своей страны, своих народов. С целью отслеживания процессов развития социокультурной памяти и интенсивности создания гражданской идентичности на всех четырех уровнях было проведено качественное социологическое исследование, выполненное методом построения коллажа. В исследовании приняли участие 15 студентов, обучающихся в Волгоградском государственном университете. Оказалось, что наиболее развитым является личностный уровень гражданской идентичности, за ним следует коллективный. В то же время процессы отождествления себя с регионом, государством являются крайне слабыми.

Ключевые слова: гражданская идентичность, многообразие культуры, идентичность личности, социальная идентичность, социокультурная память, уровни формирования социокультурной памяти, студенческая молодежь, интенсивность процесса отождествления, построение идентификационных коллажей, локальный уровень социокультурной памяти

Введение. Проблема формирования гражданской идентичности в России вытекает из потребности в развитии и укоренении идей, способствующих объединению российского общества. В них входит образ многонационального государства и единства народов, населяющих данное государство, со своей культурой, языком и традициями. Для решения этой проблемы требуется сформировать у граждан понимание своеобразия национальных целей и интересов развития России, приобщить представителей различных национальностей к активному участию в жизни общества и государства. Постигание многообразия истории и культуры каждого народа и их роли в развитии человечества является существенным условием формирования идентичности личности, особенно в условиях полинационального государства. В таком дискурсе идентичность личности конструируется в единстве общечеловеческой, гражданской и этнокультурной составляющих.

Решение проблемы усвоения новыми поколениями регионального культурного наследия и преемственности культур строится на разработке вопросов гармонии общечеловеческого и национального, общегосударственного и регионального, основы которых заложены в трудах философов, историков, культурологов и искусствоведов А. И. Арнольдова, Н. А. Бердяева, М. С. Кагана, Д. С. Лихачёва, В. В. Розанова, В. С. Соловьёва и др. (см.: [2] [4] [9] [10] [15, с. 348–362] [19, с. 621–816] [21]), на рекомендациях и методических разработках педагогов, занимающихся вопросами этнокультурного воспитания и образования (Е. Ю. Александрова, Н. Г. Комратова Л. А. Кондрыкинская, Ю. М. Новицкая) (см.: [1] [11] [12] [18, с. 48–64]).

В философском энциклопедическом словаре идентичность (от лат. *idem*, тот же самый) понимается как тождественность, одинаковость, полное совпадение чего-нибудь с чем-нибудь [8, с. 170].

В Российской социологической энциклопедии понятие идентичности расширяется и рассматривается в социальном варианте как идентичность социальная, как характеристика индивида с точки зрения его принадлежности к какой-либо социальной общности, группе (половой, возрастной, экономической, этнической, профессиональной и т. д.) [7, с. 143]. Эти два определения требуют углубления смысла понятия идентичности в направлении значимости для индивида степени своей включенности в социум, отождествления себя с другим человеком, своей семьей, различными социальными общностями и группами, со страной в целом.

Из определения идентичности следует, что личность осуществляет диалектическое структурирование собственного «Я» и социокультурного окружения.

Понятие «гражданская идентичность» является синтезом двух важных терминов: «гражданин», «гражданство», закрепляющих принадлежность индивида к данному государству и распространяющих на него права и обязанности, установленных законодательством этого государства, и идентичность граждан со своим государством [6, с. 705]. Этот вид идентичности очень ценен для каждого человека и для государства, в котором живут его граждане, так как именно гражданская идентичность позволяет индивиду ощущать себя защищенным своим государством, а государство становится единым и интегрированным образованием, мощь которого обусловлена появлением синергетического эффекта. Поэтому гражданская идентичность понимается как результат идентификации индивида в рамках определенной общественно-политической и общественно-государственной многонациональной системы, определяет специфику личностного и коллективного позиционирования и ассоциируется чаще всего с такими чертами поведения, как патриотизм, уважение к Отечеству, к многонациональному народу России, к его прошлому и настоящему.

Методология и методы. Идентичность в целом и гражданская идентичность, в частности, представляют собой, с одной стороны, субъективный процесс, поскольку, хотя любое общество обладает своей историей, в процессе которой возникают специфические идентичности, эти истории творятся людьми, наделенными этими специфическими

идентичностями [3, с. 279–280], с другой стороны, индивид социализируется всю свою жизнь и в этом процессе приобретает predeterminedенные и в высокой степени профилированные идентичности [3, с. 265], сконструированные на основе совокупностей жизненных значений.

Иными словами, гражданская идентичность имеет личностную и коллективную стороны, определяющие и глубину смысла, и структуру этой идентичности. Личностный аспект гражданской идентичности проявляется в осознании индивидом значения своей принадлежности к сообществу граждан того или иного государства. Коллективный аспект гражданской идентичности представляет собой феномен надиндивидуального сознания индивида, характеризующий его как коллективного субъекта различных общностей, в которые он включен. Эти две стороны гражданской идентичности взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Особенность процессов личностного и коллективного позиционирования меняется в зависимости от того, что происходит во внешней социокультурной среде. Так, условия выполнения ролей изменяются по критериям времени, несбывшихся ожиданий, планов и жизненных стратегий, что заставляет людей менять представления о своей группе и самих себе и на этой основе трансформировать свои практики. Динамика формирования гражданской идентичности зависит от когнитивных, аксиологических и эмоциональных особенностей личности.

Когнитивный компонент представляет собой осознание человеком своей принадлежности к данной социальной общности или группе; аксиологический — базируется на результатах позитивного или негативного оценивания факта принадлежности; эмоциональный компонент проявляется в принятии или непринятии гражданской общности в качестве группы членства после действия первых двух компонентов [4].

Объяснить эти процессы можно, используя культурно-историческую теорию Л. С. Выготского. Ее смысл заключается в том, что развитие психики и поведения человека зависит от исторически складывающейся культуры. Культурное развитие индивида сначала появляется в социальном, а потом в индивидуально-психологическом планах, то есть вначале возникает в сообществе, а затем во внутренней жизни индивида [10]. Этот постулат приводит к необходимости не только говорить о культурном развитии индивида в социуме, но и о социокультурной памяти, позволяющей усваивать не только культуру настоящего, но и прошлого, возводя таким образом «мост» между нынешним временем и поколением и прошлым, перенося опыт и традиции предков в наше время,

обеспечивая тем самым развитие социокультурной преемственности. Гражданская идентичность, таким образом зависит от наличия и уровня развития социокультурной памяти,

Формирование развитой гражданской идентичности предполагает столь же сформированную социокультурную память граждан страны, так как интеграция общества, особенно построенного на основе многонациональной формы консолидации, во многом зависит от наличия развитой социокультурной памяти, создающей общую основу для этой интеграции. Современное российское общество весьма неоднородно по своей социальной структуре и именно поэтому ментальность граждан включает общую компоненту, выражающуюся в общей системе культурных ценностей, которая вместе с тем по-разному проявляется на уровне конкретной территории: республики, области, края и даже отдельного города.

Социокультурная память с XX в. стала пониматься активной системой, во многом зависящей от культурного контекста и социальной группы, политических идей и способов распространения информации. Она связывает все прошлые и настоящие события данной страны с текущим моментом, вписывает их в социальный и культурный контексты. Благодаря социокультурной памяти события перестают быть отдельно взятыми фактами, они наделяются оценками, символическими коннотациями, занимают определенное место.

В основе процессов формирования социокультурной памяти лежат общие ценностные ориентации, общие установки, типы поведения, а за всем этим лежит типовой коллективные и личный смысл, вкладываемый людьми в свое действие, так как только в этом случае каждый будет понят и принят другими. Социокультурная память проявляется на разных уровнях социума, начиная с семьи, различных социальных групп и заканчивая обществом, этносом, как сила объединения и сохранения социума и культуры как целостного образования.

Выделим четыре уровня конструирования социокультурной памяти [20, с. 81]:

- семейная социокультурная память, формирующаяся за счет передачи знаний о культуре семьи, чаще всего трех поколений, осмысления ее места и роли в социуме с учетом социального контекста;
- индивидуализированная социокультурная память, создаваемая на основе личных впечатлений и личного опыта, приобретенного в ходе включенности в социум и культуру;

- коллективная социокультурная память, складывающаяся в результате формирования социальных установок, коллективного бессознательного, на базе общественного отбора событий и их интерпретации в обыденном массовом сознании;
- целенаправленная социокультурная память, сконструированная в результате ценностного обозначения на государственном уровне памятных мест, дат, церемоний и ритуалов.

Характер усвоения социокультурной памяти будет различен. В семье социокультурная память формируется на базе близких, пронизанных эмоциями и чувствами отношений. Семейная социокультурная память конструируется в ходе первичной социализации человека, когда личность изучает социальное и культурное наследие ближайшего окружения: фотографии родственников, событий, в которых они участвовали, семейных реликвий, рассматривает бытовые вещи, оставшиеся от прошлых поколений, слушает рассказы взрослых членов семьи, интерпретирует эти разговоры, осмысливает описание семейных, детских, поселенческих и общенациональных праздников, религиозных и иных символизированных социокультурных практик. На базе этой информации формируется личностная идентичность: знание и оценка себя в определенном контексте (место своего рождения, родители, родительский дом, ближайшее социальное окружение, социальные институты, место проживания, географический регион, страна).

Индивидуализированная социокультурная память формируется в ходе самоопределения индивида в социокультурном пространстве, выделения особенностей тех или иных позиций и выбора поведенческих стратегий, необходимых для того, чтобы занять желаемую позицию. Формирование индивидуализированной социокультурной памяти предполагает такую степень субъективной интернализации ценностей, традиций, когда действующий индивид в большей или меньшей степени отождествляет себя с различными группами, в которые он входит. В то же время индивидуализированная социокультурная память обогащается за счет изменения людьми идентичности в процессе создания новых общностей, в процессе «вхождения» в которые индивиды ориентируются на совпадение личных ценностей с предлагаемыми тем или иным сообществом, имеющим свою социокультурную память.

Важно то, что основание для позитивной гражданской идентичности составляют генерализованные значения, действия и симво-

лы, приобретшие ценностные свойства и значения, характерные для предшествующих эпох. Ценностные представления прошлого и настоящего связаны с другими представлениями, культурными нормами, институциональными механизмами, общими социальными процессами. Индивидуализированная социокультурная память наряду с общими ценностными представлениями, традициями и нормами включают и индивидуальный отбор ценностных ориентаций, норм и других компонентов культуры, что и определяет специфику индивидуализированной социокультурной памяти, а на ее основе и гражданской идентичности.

Коллективная социокультурная память формируется на чувстве взаимной общности. Этот вид социокультурной памяти испытывает влияние со стороны других индивидов. Социокультурная память различных групп, в которые входит личность образует некую совокупную социокультурную память, в которой доминирующую позицию занимает наиболее влиятельная группа. Однако для того, чтобы социокультурная память стала основой гражданской идентичности, она должна быть подтверждена и экстернализирована индивидом. При этом проблемным становится реальное существование некой общности, если с ней никто не идентифицируется. Это касается и социальных институтов, к примеру, власти, государства.

В связи с этим целенаправленная социокультурная память конструируется на базе информирования жителей об изменениях пространственной структуры городов и сел, с помощью которых актуализируются представления людей о социокультурном прошлом, рельефнее воспринимаются события, происходившие в данном месте в прошлом, лучше ощущается динамика изменения архитектуры, памятников в социокультурной динамике [13]. Целенаправленная социокультурная память существенно «оживляет» коллективную социокультурную память местного городского или сельского сообщества. Поэтому государственная политика должна быть направлена на сохранение социокультурной памяти данной культурной среды, с помощью восстановления памятников архитектуры и архитектурно-ландшафтных объектов, уважительного отношения к визуальной культуре предыдущих поколений и сохранения процессов преемственности. Эта деятельность по воссозданию картин минувшего времени, помимо организации посещения музеев, выставочных залов, панорам, призвана сформировать у человека релевантное восприятие итогов реконструкции модели коллективной социокультурной

памяти на уровне массового сознания [17, с. 17–18], что способствует поддержанию в действии механизмов формирования гражданской идентичности [14, с. 70–71].

Политика сохранения и передачи социокультурной памяти, проводимая административными структурами, организациями культуры, образовательной системой направлена на формирование коллективных ценностей, социальных установок на восприятие общего исторического прошлого, адекватную оценку настоящего и релевантное прогнозирование будущего [22, с. 47]. Выше отмечалось значение когнитивной, аксиологической и эмоциональной составляющих гражданской идентичности, сформированной на базе социокультурной памяти. В связи с этим важным является не только знание фактов и действующих лиц исторического прошлого, а их ценностная оценка, эмоциональные реакции на узнаваемые места, события, даты, понимание каждым человеком своей сопричастности к ним, какими бы они не были: радостными или трагическими [16, с. 156–166].

Однако социокультурная память — это не только представление о прошлом и реакция на его события, детерминированные социокультурным контекстом, это более сложный процесс: прошлое оценивается индивидами по-разному в зависимости от объема исторических знаний, уровня семейной и индивидуализированной культуры, уважения к социокультурной памяти и степени погруженности в исторический контекст событий, от способности отделить интерпретативную информацию от реальных событий прошлого. Искаженная информация, ложные стереотипы, предубеждения и предвзятость, а также неоправданные ожидания, связанные с пониманием настоящего и будущего многонационального общества, приводят к нарушению формирования гражданской идентичности, разрушают целостность государства, снижают уровень его безопасности.

Первый уровень формирования социокультурной памяти конструирует гражданскую идентичность на основе осознания принадлежности к локальному сообществу родственников того или иного государства, имеющее для индивида значимый смысл, основанное на признаке родственной общности, характеризующем его как коллективного субъекта этой общности.

Второй уровень создает гражданскую идентичность как систему представлений о гражданстве и характере взаимоотношений гражданина, государства и других граждан между собой. Формируется образ

государства и народов, населяющих данное государство, со своей культурой, языком и традициями.

Третий уровень социокультурной памяти позволяет включить в гражданскую идентичность понимание многообразия истории и культуры каждого народа, входящего в данную страну, обеспечить единство общечеловеческой, гражданской и этнокультурной составляющих идентичности.

Четвертый уровень дополняет и закрепляет процесс формирования гражданской идентичности.

Как определить содержание, структуру и направленность гражданской идентичности такой социальной группы как молодежь?

Прежде всего любую социальную группу можно определить, как совокупность экстернализированных идентичностей. Поскольку индивидуальный и коллективный уровни идентичности взаимосвязаны, одновременно можно проследить обратную связь. Каждая социальная группа характеризуется интенсивностью процесса отождествления. Процесс объективации в вербальной форме далеко не однозначен. Социальный образ индивида испытывает влияние не только со стороны других индивидов и образов, но и внутри себя. Идентичности не обязательно взаимозаменяются, но чаще накладываются друг на друга, образуя структуру идентичностей, некую систему координат, в которой находится индивид.

Процесс идентичности многогранен, он формируется под влиянием социокультурного окружения. Каркас социального «Я» создается наиболее влиятельными группами, в которые входил человек. Для выявления содержания гражданской идентичности среди студентов Волгоградского государственного университета было проведено качественное социологическое исследование, выполненное методом коллажа. 15-ти студентам (6 мужчин и 9 женщин), обучающимся на старших курсах бакалавриата и в магистратуре, было предложено составить тематический коллаж на тему: какие компоненты Вашего «я» наиболее для Вас важны?

Результат проведенного автором социологического исследования показал, что у молодежи более или менее успешно формируется гражданская идентичность первого уровня, за счет формирований локального уровня социокультурной памяти, идентификации себя со своей семьей и родственниками. Информанты идентифицируют себя с семьей, с друзьями, с домом и домашним уютом. Затем следует второй уровень, который формируется в основном за счет идентификации себя с соци-

альными институтами: работой, со своими успехами и достижениями, с финансовым благополучием. Третий уровень формируется за счет стремления путешествовать и узнавать другие страны и народы. Надо отметить при этом, что российская молодежь хотела бы больше узнавать культуру других стран, не только народов России. Формирование третьего уровня гражданской идентичности зависит от наличия контактов с лицами другой национальности. Затем формируется гражданская идентичность четвертого уровня (в Волгограде, например, это происходит за счет памятных мест Великой Отечественной войны, а также проведения чемпионата мира по футболу) (рис. 1, 2, 3).

Список информантов: Резникова Е. С. жен., магистрант, 6 курс; Земсков А. А. муж., магистрант, 5 курс; Махфос В. Н. муж., магистрант, 5 курс; Твердохлебова Ю. И. жен., магистрант, 5 курс; Кукушкина К. жен., студент, 4 курс; Литвинова А. жен., студент, 4 курс; Абдуракипов Д. М. муж., студент, 3 курс; Байша Н. С. жен., магистрант, 5 курс; Шунин Д. А. муж., магистрант, 6 курс; Архипова В. Ю. жен., магистрант, 6 курс; Заворина В. О. жен., студент, 3 курс; Тимошенко Д. А. жен., студент, 3 курс; Сердюкова А. С. жен., студент, 3 курс; Косов А. муж., студент, 4 курс; Щупкин Н. муж., студент, 4 курс.

Использованная литература:

1. *Александрова Е. Ю., Гордеева Е. П., Постникова М. П., Попова Г. П.* Система патриотического воспитания в ДОО. Планирование педагогические проекты, разработки тематических занятий и сценарии мероприятий. М.: Учитель, 2007.
2. *Арнольдов А. И.* Человек и мир культуры: Введение в культурологию. М.: Московский гос. ин-т культ., 1992.
3. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-центр, Медиум, 1995.
4. *Бердяев Н. А.* О равенстве и свободе человека. М.: АСТ, 2010.
5. *Водолажская Т.* Идентичность гражданская // Образовательная политика. 2010. № 5–6. С. 140–142.
6. *Гражданство* // Большая советская энциклопедия. В 30-ти тт. / под ред. А. М. Прохорова. 3-е изд. М.: Советская Энциклопедия, 1972. Т. 7: Голь-Дебит. С. 705.
7. *Идентичность социальная* // Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 1999. С. 143.

8. Идентичность // *Философский энциклопедический словарь*. М.: ИНФРА-М, 1999. С. 170.
9. *Каган М. С. Системный подход и гуманитарное знание: Избранные статьи*. Л.: Ленинградский гос. ун-т, 2007.
10. *Каган М. С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа)*. М.: Политиздат, 1974.
11. *Комратова Н. Г. Патриотическое воспитание детей 6-7 лет. Методическое пособие*. М.: Сфера, 2007.
12. *Кондрькинская Л. А. Занятия по патриотическому воспитанию в ДОУ*. М.: Сфера, 2013.
13. *Коренная В. С. Объекты локального культурного наследия как фактор формирования исторической памяти и гражданской идентичности школьников // Журнал Института Наследия*. 2021. № 1. URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/47/> (дата обращения: 13.12.2021).
14. *Котиди Е. Ю. Проблема идентичности: история и современность // Вестник РУДН. Сер.: Философия*. 2009. № 4. С. 70–71.
15. *Лихачёв Д. С. Культура как целостная среда // Избранные труды по мировой и русской культуре*. СПб.: Изд-во С.-Петербургского гуманитарного ун-та профсоюзов, 2006. С. 348–362.
16. *Малинова О. Ю. Актуальность прошлого: история, память и политика идентичности // Дискурсология: методология, теория, практика*. 2016. № 10. С. 156–166.
17. *Мерло-Понти М. Феноменология восприятия*. СПб.: Ювента-Наука, 1999.
18. *Новицкая М. Ю. Актуализация экологического потенциала традиционной культуры народов России в системе общего образования: теория и практика // Детская культура и фольклор в социокультурном пространстве России: сб. Вып. 18*. М.: Гос. Рос. дом народ. творч., 2020. С. 48–64.
19. *Розанов В. В. Сумерки просвещения // Собрание сочинений*. М.: Республика, СПб.: Росток, 2009. Т. 21. С. 621–816.
20. *Сидорова Л. О. Концептуальные подходы к понятию «Историческая память» // Вестник Московского гос. ун-та культ. и иск-в*. 2012. № 4. С. 81–86.
21. *Соловьев В. С. Сочинения в двух томах*. Т. 2. М.: Мысль, 1988.
22. *Титов В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции*. М.: Ваш формат, 2017.

Рис. 1. Коллаж информанта 2

Рис. 2. Коллаж информанта 3

Рис. 3. Коллаж информанта 4

Inna V. VASILENKO,
Dr. Sci. (Social Philosophy),
Prof., Department of Sociology and Social Technologies,
Volgograd State University,
Volgograd, Russia, inna.asilenko@yandex.ru.

Socio-Cultural Memory and the Process of Formation of Civic Identity

The problem of identity formation at any level of society: personal, family, group, regional, state is a constant task both for an individual, for understanding his place in society and approval by his social environment, and for a society that becomes more integrated when a social and civic identity is present in the minds of the majority of the population of the country. The formation of civic identity is connected, on the one hand, with the presence of socio-cultural memory and its continuity between generations, and, on the other hand, with the assimilation of this cultural heritage by the population of Russia living in different regions, with different culture and language. The formation of socio-cultural memory, and of civic identity on its basis, begins with the family, where the initial stage of socialization takes place, then the development of socio-cultural memory continues in various groups and social institutions. It happens by assimilation of values, attitudes and behaviors by the people at the spontaneous level, and on the basis of educational processes as well, including the purposeful formation of patriotism, pride in the history of their country, their peoples. In order to track the processes of development of socio-cultural memory and the intensity of the creation of civic identity at four identified levels, a qualitative sociological study was carried out using the collage construction method. 15 students from Volgograd State University participated in the research. As it turned out, it is the personal level of civic identity that is the most developed one, then the collective one. At the same time, the processes of identifying oneself with the region and the state are extremely weak.

Keywords: *civic identity, diversity of culture, identity of personality, social identity, socio-cultural memory, levels of formation of socio-cultural memory, student youth, intensity of identification process, construction of identification collages, local level of socio-cultural memory.*

Е. Ю. Третьякова*

Трансляция и кросс-культурное освоение памятников устного народного эпоса как школа гражданской зрелости¹

В статье рассматривается вопрос о роли памятников устного народного эпоса в формировании устойчивых паттернов гражданского самосознания. Критикуя метод кросс-культурной теории (американская культурная антропология), автор статьи обосновывает иной подход, не противоречащий традиционным установкам русской научной этнографии и этнологии XIX–XX столетий, эффективный для определения незападной культурной преемственности как таковой. Дано объяснение культурно-языковым взаимодействиям, благодаря которым не иссякло эпическое начало восприятия мира, укрепился незападный цивилизационный выбор, сделанный народами России. Основные преимущества предлагаемого автором научного подхода состоят в том, что подход этот не чужд природе изучаемого объекта — народного эпоса. Сделан вывод о том, что усвоение этого пласта культуры народов и его кросс-культурное функционирование положительно повлияло на процесс взаимопонимания, сотрудничества, единения и гражданского самоопределения жителей России как большого отечества братских народов.

Ключевые слова: эпос, памятники устного народного наследия, художественный перевод, кросс-культурный опыт, западный и незападный подходы к интерпретации культурного опыта, преодоление индивидуализма, гражданское самосознание, региональная идентичность, национально-государственная идентичность.

Богатейшие пласты культурного опыта прошлых веков тонут в забвении и становятся ничем для потомков, если нарушена полноценная передача национального наследия. Люди, не усвоившие и не познавшие истинные культурные богатства, способны за два-три поколения растерять культурный потенциал своего народа. Поучительную

* ТРЕТЬЯКОВА Елена Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия, drevo_rechi@mail.ru

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва» по теме «Укрепление и развитие гражданской идентичности региональных сообществ как составная часть проекта российской государственности», № ГР 121021500263–9.

панораму таких перемен явила эволюция Европейской мысли от идей Высокого Просвещения до концепции массовой культуры: позитивизм и индивидуализм плохо сочетаются с возможностью полноценно поддерживать национальное наследие, поэтому культ личного комфорта и жажда успеха возобладали над творчеством, сведя все ко вторичной переработке когда-то кем-то созданного.

В этом насквозь искусственном мире искажено понимание культурных практик как таковых. И это, в частности, понятно по наполнению категории *кросс-культурное*, с рассмотрения которой мы начнем свою статью, чтобы как можно более четко отграничить западный подход к описанию культурных феноменов от незападного.

Исследователями отмечено, что в отечественной гуманитарной науке прилагательное *кросс-культурный* используется в составе понятий «кросс-культурный подход», «кросс-культурный анализ», «кросс-культурное сравнение», «кросс-культурный диалог», но обобщающих аналитических работ по теории кросс-культурного подхода нет [8]. Видя в этом парадокс, автор статьи «Семантика понятия “кросс-культурный подход”» Г. В. Прокопья при объяснении этой лакуны в массиве отечественных научных сочинений ссылается на мнение авторов словарной статьи об американском антропологе Дж. Мёрдоке в энциклопедии «Культурология. XX век» [4]. Л. А. Мостова считает, что уже в середине 1940-х гг. в ходе своих поисков универсальной модели культуры Мёрдок [12] констатировал, что наличие всеобщих черт («the common denominator») вытекает из сходства методов их классификации, а не из идентичности их содержания.

Данной констатацией, которую мы считаем методологически важной для разграничения между *западной* и *незападной* традицией в интерпретации культурного опыта, мы воспользуемся в нашей статье при решении основной задачи — показать, что устойчивое гражданское самосознание имеет своим стержнем вовсе не common denominator (общий знаменатель какой-либо заведомо конструируемой модели); в зрелом и целостном своем виде гражданское самосознание живет и постоянно действует как баланс культурных и идеологических влияний, концентрируемых в призме жизненного опыта членов конкретного человеческого сообщества.

Поскольку качеством призмы, ее способностью вбирать, преломлять и выдавать вовне поток информации, предопределен характер переработки сведений, надо бережно охранять прозрачность призмы от

замутнений. Подмену объективного взгляда на субъективный, ангажированный чьими-либо групповыми или личными интересами, можно сравнить с утратой природных свойств глазного кристаллика. Когда слабеет зрение, человек лишается незаменимо важных естественных связей с миром. Но утратить гибкость восприятия смысла не менее опасно, чем стать подслеповатым и совсем слепым. Важно, чтобы природа языковой деятельности не искажалась, а оставалась такой, какой была дарована людям в незапамятные времена — стихийно (не по сформулированным грамматикой правилам) развивающейся вместе с этническими языками и многовековым наследием культурного предания.

Однако стихийность не свойственно признавать людям чрезмерно самонадеянным. Западный подход к культуре, обусловленный безграничной надеждой на рацию (возможности науки и технологий), не оставляет места вере в Бога и пониманию, что разум человека должен действовать смиренно, не вмешиваясь волюнтаристски в гармонию миропорядка ради достижения чьих-либо узкоэгоистических целей.

Вопреки попыткам западных социальных теоретиков вписать процесс формирования гражданского самосознания в лоно идеологии [1], существует мнение о том, что «идентичность, национальная идея не могут быть навязаны сверху, не могут быть построены на основе идеологической монополии» [2, с. 24]. Правоту связанного с этим мнением широкого подхода к комплексу факторов гражданской самоидентификации подтверждают геополитические кризисы, объективно проверяющие устойчивость/неустойчивость фреймов, в рамках которых гражданское самосознание программируется извне. Россия неоднократно проходила через подобные испытания (Смутное время, наполеоновское нашествие, Первая и Вторая мировые войны), убеждая мир в прочности реалий, которые на деле упрочивают единство сограждан большой страны. И сегодня мы ясно видим: реалии эти все более проступают как итог и результирующая процессов, в полосу которых страна вступила на рубеже 1990-х гг.

Мощное и всеобъемлющее подтверждение ее пути как *незападного* — благоприятный онтологический прогноз.

Общественные организмы *западного* типа подвержены истощению. Избираемые ими модели развития периодически нуждаются в подновлении, но чем интенсивнее гонка инноваций, тем быстрее они ветшают и обнаруживают признаки «заката культуры».

Массированное внедрение инновационных практик имело место и у нас. Однако вместо сближения с Западом мы вышли на пик конфронтации с европейским сообществом в процессе продвижения идеи о преимуществе западных технологий (в первую очередь политических и информационных). Конфронтация обнажила различие культурно-цивилизационных стратегий.

Венцом *стратегии западной* мыслится безграничное усиление и доминирование технологического лидера, который вправе тотально подчинять себе всех остальных. Эта искусственно созданная и навязываемая другим виртуальная модель, казалось бы, имела шансы на успех с появлением глобальной сети Интернет. Необходимыми компонентами этой модели явились информационные войны, милитаризация экономики стран-лидеров и перспектива превращения в колонии всех стран-вассалов. Отторжение этой перспективы взрывным образом напомнило о крушении Древней Римской империи (по образу которой возникли и строились впоследствии анклавы государств Европы и Северной Америки — так называемый *западный мир*).

Иной стратегией культурного бытия веками определялись судьбы огромного числа стран и народов, принадлежащих к *миру незападному*. Таким, собственно, был весь азиатско-африканско-европейский мир в лице городов-государств Древней Греции и Константинополя как столицы Православия. После османских завоеваний преемником православной культуры-веры стала Москва.

Возврат нашего современного общества к исконным духовным началам Российской государственности на рубеже XX–XXI столетий шел в первую очередь как восстановление деятельности религиозных конфессий, что сопутствовало возрождению чувства святости родной земли, связи людей со своим отечеством, естественных факторов, веками питавших силами конгломерат добрососедских культур. Положительная динамика развития общероссийской национально-государственной идентичности возобладала над тенденциями к разобщению и призывами «разойтись по отдельным национальным квартирам». Динамика цивилизационного выбора, не приемлющего крайности индивидуализма, объяснялась природой восприятия мира, которой наделяет людей унаследованный ими тип культурно-языкового восприятия мира.

Источником двух разных типов восприятия мира и, соответственно, цивилизационного выбора (*западного/незападного*) как матрицы воспроизводства и передачи культурного наследия является неодина-

ковость законов овладения устной/письменной речью. Письменность возникает гораздо позже возникновения естественных языков. Массив народного культурно-языкового предания способен обходиться без письменной фиксации сведений — архаический миф как вполне целостно сформированный носитель информации концентрирует в себе знания о мире, необходимые для полноценной жизни народа-носителя этнического языка.

На протяжении веков, тысячелетий письменное предание (древние книги народов) отнюдь не всегда сопутствует устной трансляции культурно-жизненного опыта. Отсутствие письменности не беда, поскольку не в письменной, а в устной форме своего существования народное предание естественным образом аккумулирует эпический компонент культурно-языковой деятельности. Случаи перехода с одной системы письменности на другую (клинопись, иероглифическое, буквенное письмо) и переложения на другие этнические языки (как было дело с переработкой древнегреческих мифов в мифологию древних римлян) подтверждают вторичную, служебную роль навыков письменной речи как таковых.

Письменная традиция негативно влияет на механизм развития языка и культуры лишь в том случае, когда призму неиндивидуальной переработки национального достояния (эпический компонент языковой деятельности) подменяют призмой эгоцентричной. *Западными* культуры становятся по мере того, как матрица их воспроизводства впадает в зависимость от письменных речемыслительных практик. Квинтэссенцией этой зависимости оказывается забота о документированных «нормах», «правилах», «распорядках», «регламентах» на все случаи жизни.

В *незападных* культурах связь с матрицей народного устного предания не ослабевает и не угасает никогда.

О губительных последствиях стремления «втиснуть» устную речемыслительную деятельность в рамки возможностей правильно построенной письменной речи знал еще Сократ. Он решительно отказывался записывать свои мысли: требовал, чтобы ученики перенимали все со слов учителя, овладевая знаниями наиболее верным способом, при котором все осваиваемое укладывается в головах под действием естественных психофизических способностей человека.

По записям Платона мы знаем египетскую притчу, с помощью которой древнегреческий мудрец объяснял нежелание фиксировать речь в письменном виде. Притча гласит: бог Тевт явился в Египет, чтобы на-

учить подданных фараона письму. Тевт обещал: «Эта наука, царь, делает египтян более мудрыми и памятьливыми, так как найдено средство для памяти и мудрости». — «Ты, отец письмен, любишь их настолько, что, говоря об их значении, ты сейчас сказал все наоборот, — возразил Тамус¹. — В души научившихся им они вселят забывчивость, так как лишится упражнений память: припоминать станут, доверяясь письму, по посторонним, внешним знакам, *а не внутренней силой, сами по себе*. Стало быть, ты нашел средство не для памяти, а для припоминания. И ученикам ты дашь *видимость мудрости*, а не истинную мудрость, так что они у тебя будут <...> казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами <...> сделаются они не мудрыми, а мнимо мудрыми» [7, с. 247–248].

Сократовскую притчу пересказал в лекции «От Интернета к Гутенбергу» Умберто Эко [5, с. 275–279]. Выдающийся культуролог, педагог, писатель подчеркнул в этой лекции, прочитанной студентам экономического факультета МГУ (май 1998 г.), что итальянцам, англичанам, немцам было бы полезно изучать русский язык, поскольку язык этот не испытал оскудения речевой традиции, постигшего языки европейские. Эко назвал огромным цивилизационным преимуществом эпическое восприятие мира. И в этом был солидарен с немецким писателем-классиком Томасом Манном, писавшем о гуманности этого преобладающего в русской литературе типа мировосприятия (статьи 1920-х гг., предисловие к «Русской антологии»).

Возвращаясь ко временам Сократа и Платона, напомним, что гомеровские поэмы в древнегреческих школах-гимназиях заучивали наизусть, писать считалось делом не достойным для свободного афинянина. Блистательный афинский стратег и оратор Перикл писал неохотно и не столь виртуозно, как говорил. Подобный тип владения языком был поистине общенародным: даже рабы при желании могли затвердить все, что наизусть декламировали их хозяева.

Латинский тип образованности сформировался вследствие того, что красноречию (элоквенции) начали учить исключительно по письменным образцам, что повлияло на схоластику западного Средневе-

¹ Со своей стороны отметим, что имя фараона Тамуса (Фамус) подобно фамилии грибоедовского Фамусова (Фама — молва, устная трансляция родового и семейного предания); а имя бога Тевта (Тота) произведено от того же корня, что и слово *тоталитаризм*.

ковья, с ее громоздкой риторичностью, мрачными фантазмагориями и тревожным мистицизмом. А, например, древнеримский мудрец Сенека в письмах к Луциллиу подчеркивал, что важно не загромождать ум утварью всяких наук, из каждой науки запомнить лишь столько, сколько необходимо [10]. Могут ли устно-письменный и письменно-устный варианты традиции развиваться в равновесии друг с другом? Не сомневаясь в такой возможности, Сенека говорит: «Илиада» обобщила содержание 48 различных книг, чем подчеркивает преимущество устной переработки сведений (эпос вбирает в себя смысл сколь угодно большого количества источников).

Николай Гаврилович Чернышевский — мыслитель, которого вряд ли можно заподозрить в недооценке сил разума. Но и он в статье «О причинах падения Рима» указал, что мифология европейских народов более мрачна и наполнена мистицизмом, чем фольклор восточных славян [11, с. 665]. И это, как мы бы сейчас сказали, есть пагубное последствие утраты эпического компонента языковой деятельности.

Создавшие фундамент представлений о природе естественных языков Вильгельм фон Гумбольдт, Александр Афанасьевич Потебня утверждали, что природа живых языков и мышление человека «богаче дедуктивных форм» [3, с. 72]. Они ценили и призывали беречь это богатство как залог приволья мысли, не скованной диктатом индивидуальных речевых актов. Слушатели воспринимают гораздо более, чем сказано или написано. Самостоятельно оценивая словесно оформленные сообщения, они руководствуются не исключительно логикой доказательств, предъявленной собеседником. И интуитивно выходят к истине, поскольку естественное владение языком позволяет мыслить в намного большем объеме, быть независимым от манипулятивных ораторских приемов, от фреймов (рамок восприятия), навязанных тем или иным дискурсом, той или иной системой понятий.

Каким образом русскому языку и многочисленным языкам народов России удалось до настоящего времени сберечь качества призм восприятия, почерпнутые в лоне устной народной традиции? Ответ на этот вопрос позволяет вникнуть в ход кросс-культурных взаимодействий совсем не так, как предусматривали теоретики американской культурной антропологии, пытавшиеся создать научный вариант «правил», диктуемых культурам как некий *common denominator*.

Поищем ответа иначе. С точки зрения методологии, рожденной в лоне, условно говоря, *восточном*. Преимущественно устное наследо-

вание языковой традиции обеспечило сохранность самобытного начала каждой из культур и дала им силы жить согласно своей природе, не подводимой под общий знаменатель.

Для очень многих народов нашей страны обретение собственной письменной традиции состоялось в ближайшие к нам три столетия. Например, создание адыгейского алфавита относится к концу 1830-х гг., коми-зырянского — к 1937 г., удинского — к 1974 г., агульского, рутульского — к 1990 г.

На карте языков с кириллическим алфавитом, которой украшен буклет павильона «Слово» на ВДНХ в Москве, в виде листьев огромного дерева представлены 45 языков народов России — примерно половина реального древа языков нашей страны (на самом деле письменностью на кириллице располагают почти 80 народов).

Если учитывать примат языковых изменений как базисных, это означает, что рубеж между преимущественно устным и преимущественно письменным типом трансляции языкового наследия для народов страны все 300 лет был реалией и конкретикой бытия, а не ушедшим подобно закатному солнцу за горизонт культурным опытом далеких предков.

Русский как язык межнационального общения давал народам страны нечто от своей природы и напитывался от множества языков их эпическим потенциалом. Самобытность привольной речи и мысли, не ранжированная в строгих рамках какой-то единой теории, пополняла копилку мудрости — важнейшее общенародное достояние, источник миролюбия, братства, совести и живого исторического самоощущения, которое не так-то просто разрушить. В этом бесценном опыте и укоренен тот тип гражданственности, который вполне справедливо называть верностью России — большому отечеству, объединившему народы на одной земле, в общей истории их побед и испытаний как многоликое и многоязычное братство.

Незакатный свет преданий, идущий через века, люди вбирают из устных преданий древности, народных легенд, сказок, пословиц. И их сегодняшнее самоопределение становится более основательным от того, что кладезь опыта каждого отдельного языка служит источником, из которого черпают мудрость многие народы.

Тому всегда способствовала сложившаяся в стране традиция уважительного отношения к фольклору. И сегодня подобную традицию надо оберегать от перерождения в поверхностную и показную, постав-

ленную на службу трендам этнографического туризма. Вот почему особенно актуальны труды наиболее известных в XIX–XX вв. собирателей народных преданий и работа писателей-переводчиков, умело наводивших мосты между разными языками.

В русской литературе XIX в. народные сказки записывали и перерабатывали Александр Сергеевич Пушкин, Василий Андреевич Жуковский, Петр Васильевич Киреевский, Сергей Тимофеевич Аксаков, Александр Николаевич Афанасьев. Список имен можно продолжать бесконечно. Планку достойной работы с материалом народных сказок в советские годы задавали такие мастера, как Андрей Платонов, Павел Бажов, Расул Гамзатов, Мустай Карим, Сильва Капутикян.

На сайте «Самоглядное зеркало. Сказки народов России» [9] выложены сотни и сотни переводов на русский язык сказок 43 народов, проживающих на территории нашей страны. И аналогичных сайтов как с оригиналами, так и с переводами текстов в Интернете немало, число их постоянно растет, обеспечивая возможность шире осваивать бесценные пласты народной мудрости, напитывая им сегодняшнее понимание событий и ценностей окружающего мира.

Освещая социальный и образовательный аспекты диалога культур, А. И. Пассов отметил, что общность людей, цементируемая положительным восприятием и пониманием ценностей другой культуры, должна быть желанной целью, поскольку ведет к координации и сотрудничеству, сопереживанию (эмоциональный контакт), возможности снять языковые барьеры. «Возможно ли взаимопонимание без указанных выше условий? Разумеется, нет. Потому что отсутствует главная предпосылка взаимопонимания, его основа — культура. Присвоенная культура не всегда проявляется в общении, но всегда подразумевается, как невидимая часть айсберга; общающихся объединяет не то, что они говорят (это часто их разъединяет), а то, о чем они молчат, хотя и знают. Без этого не будет взаимопонимания, а потом не будет и принятия чужого менталитета» [6].

Дальнейший путь к упрочению фундамента общегражданских культурных ценностей и наиболее эффективному взаимодействию региональных культур нам видится в разработке культурной стратегии, которая бы учитывала значимость эпического компонента языковой деятельности и целенаправленно поддерживала развитие этого компонента.

Такая стратегия предполагает возврат к классическим принципам образования и воспитания, в том числе разработку школьных и просве-

тительских программ, которые будут сочетать в себе два необходимых и равных по значимости компонента. А именно — опору на глубокое постижение эпического наследия народов, сохранение их языков и, конечно же, качественное изучение русского языка, освоение русской классической литературы. В условиях цифровой эры эти образовательные и просветительские программы должны быть выведены из стен образовательных учреждений. Их надо сделать широко доступными всем пользователям Интернета.

Использованная литература:

1. *Большаков А. Г., Зазнаев О. И.* Формирование гражданской идентичности: проблемы, современное состояние, перспективы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12. Ч. 2. С. 38–41.
2. *Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра.* М.: РОСПЭН, 2013.
3. *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.
4. *Лазарева Е. М., Мостова Л. А.* Мёрдок (Murdock) Джордж Питер // Культурология. XX век: Энциклопедия: в 2 т. СПб., 1998. Т. 2. С. 28.
5. *Общество и книга: От Гутенберга до Интернета.* М.: Традиция, 2000.
6. *Пассов А. И.* Диалог культур: социальный и образовательный аспекты // Мир русского слова. 2001. № 2. С. 54–58.
7. *Платон.* Избранные диалоги. М.: Худ. лит-ра, 1965.
8. *Прокопеня Г. В.* Семантика понятия «кросс-культурный подход» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2007. Вып. 3. С. 63–70.
9. Самоглядное зеркало. Сказки народов России // URL:<https://www.sites.google.com/site/russkieskazki/home/skazki/skazki-narodov-rossii> (дата обращения: 10.05.2022).
10. *Сенека Л. А.* Нравственные письма к Луцилию. М.: Наука, 1977.
11. *Чернышевский Н. Г.* Собр. соч.: в 13 т. Т. 7. Л.: Госполитиздат, 1951.
12. *Murdock G. P.* The common denominator of cultures / ed. by R. Linton // The science of man in the world crisis. N. Y.: Columbia University Press, 1945. P. 123–142.

Elena Yu. TRETAKOVA,

Dr. Sci. (Journalism), Assoc. Prof., Leading Researcher,
Department for Complex Problems of Cultural Research,
Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage Krasnodar, Russia, drevo_rechi@mail.ru.

Translation and Cross-Cultural Development of Monuments of the Oral Folk Epic as a School of Civic Maturity

The article discusses the role of monuments of the oral folk epic in the formation of stable patterns of civic consciousness. Criticizing the method of cross-cultural theory (American cultural anthropology), the author of the article substantiates a different approach, which does not contradict the traditional attitudes of Russian scientific ethnography and ethnology of the XIX–XX centuries, being effective for determining non-Western cultural continuity as such. The explanation of cultural and linguistic interactions is given, due to which the epic source of the perception of the world has not become exhausted and the non-Western civilizational choice made by the peoples of Russia has strengthened. The main advantages of the scientific approach proposed by the author are that this approach is not alien to the nature of the studied object, the folk epic. It has been concluded that the assimilation of this layer of peoples' culture and its cross-cultural functioning positively influenced the process of mutual understanding, cooperation, unity and civil self-determination of the inhabitants of Russia as a great motherland of fraternal peoples.

Keywords: *epic, monuments of oral folk heritage, literary translation, cross-cultural experience, Western and non-Western approaches to the interpretation of cultural experience, overcoming individualism, civic consciousness, regional identity, national-state ident.*

С. Н. Глазкова*, Е. А. Жесткова**

Александр Невский как символ национальной идеи в языковом сознании школьников

Статья посвящена анализу языкового сознания школьников. Авторы исследуют полноту восприятия прецедентного для россиян имени Александра Невского. Показаны результаты исследования, проведенного в 2020–2021 гг. в различных городах России в Новгородской (контрольный эксперимент) и Челябинской (входное тестирование) областях. Психолингвистический свободный ассоциативный эксперимент и анкетирование позволили авторам исследования сделать вывод о полном или частичном незнании Александра Невского как исторической личности, незнакомстве школьников с реалиями, которые связаны с его биографией. Сравнительный эксперимент показал, что целенаправленная работа учителей с опорой на материал учебников, исторических и литературных источников, а также мультимедиа дает результат, но и он недостаточен. Авторы статьи настаивают на расширении комплекса мер по внедрению столь важного национально-культурного концепта. Подчеркивается, что потеря прецедентных единиц ведет к разобщению социума. Усиливая «ценностный вакуум» в сознании школьников, это наносит ущерб процессу формирования национальной идентичности и снижает качественный уровень образования.

Ключевые слова: национальная идентичность, национально-культурный концепт, Александр Невский, прецедентное имя, лингвистический эксперимент, языковое сознание школьников, ценностный вакуум.

Философской актуализацией термина «русская идея» мы обязаны Владимиру Сергеевичу Соловьеву, который выдвинул его в своих лекциях о Ф. М. Достоевском и в парижском выступлении «L'idée russe» (1888). Но формироваться идея начала гораздо раньше, уже в XV столетии, и одним из зачинателей на этом пути стал игумен Филофей. Сущностью выдвинутой им идеи «Москва — третий Рим» была мысль о России как хранительнице Православия. Со временем национальная идея стала монархической. «Православие. Самодержавие. Народность» — так звучит

* ГЛАЗКОВА Светлана Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры филологии Миасского филиала Челябинского государственного университета, Миасс, Челябинская область, Россия, snglaz@rambler.ru.

** ЖЕСТКОВА Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики дошкольного и начального образования Арзамасского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, Арзамас, Нижегородская область, Россия, ezhestkova@mail.ru.

знаменитая формула теории официальной народности С. С. Уварова. С XVIII по XX в. концепция шлифовалась и обогащалась философами, политиками, религиозными мыслителями и другими представителями интеллектуальной элиты общества. Считается, что П. Я. Чаадаев первым сформировал идею мессианства России, а Вл. С. Соловьёв возвел национальную идею в статус идеологемы — синтез философии, политики, религии, объяснявший смысл существования и место России во всемирной истории. Таким образом, национальная идея развивалась в диалоге между «западниками» и «славянофилами», «почвенниками», «евразийцами». Цивилизационно-культурный пафос русской национальной идеи составляли соборность, духовность, нестяжательство, религиозность. В. В. Розанов и Н. А. Бердяев обосновали единство духа и плоти, церкви и личности, власти и общества. Евразийство опиралось на геополитический фактор развития России (Н. С. Трубецкой считал Россию особым, евразийским типом государства). В философии И. А. Ильина и Л. П. Карсавина символом национальной идеи стала русская душа. В выступлениях П. А. Столыпина национальная идея приобрела характер идеи великоросской. СССР стал преемником национальной идеи и внес в нее элементы коммунистической идеологии, с ее акцентом на интернационализм, социальное равенство (см.: [2] [3]).

Сегодня в постсоциалистической России поиски путей воплощения национальной идеи продолжают. Ключевые аспекты проблемы подняты в выступлениях высших лиц государства. В 2012 г. Президент РФ В. В. Путин открыто назвал первоосновой России патриотизм, что снова обратило соотечественников к поискам смысла и сути национальной идеи.

Сплав патриотизма и духовной культуры всегда являлся визитной карточкой страны. Сошлемся на замечательные цитаты из монографии В. М. Межуева: «Уникальность России, ее самобытность ни в чем не проявились так ярко, как в ее культуре» [6, с. 62]; «...недостаток материального развития парадоксальным образом компенсировался здесь избытком духовного творчества» [там же].

И хотя сегодня немало желающих опровергнуть многое, в том числе и национальную идею, которую объявляют то пустышкой, то вредной для России придумкой, необходимо без ущерба донести до молодежи высокую миссию этой идеологемы [1].

Русская национальная идея всегда была нацелена благородно и созидательно: на осмысление пройденного исторического пути Рос-

сии, на духовное возрождение русской нации как основы единства страны, на духовно-религиозное развитие общества, на обоснование высоких мессианских целей государства, упрочение статуса России среди других стран.

Цементирующим началом национальной идеи являются культурно-исторические феномены, к числу которых причисляют знаковые события и имена выдающихся людей, проявивших себя в самых разных сферах жизни социума — героев, воинов, правителей, ученых, деятелей культуры и искусства. Национальная память хранит созданные таким образом концепты. Они передаются как прецедентные имена и феномены, бытуют в национальной языковой картине мира как скрепы общности сознания многих поколений.

В свете сказанного понятна цель предпринятого нами исследования — выявить полноту современного восприятия прецедентного для россиян имени Александр Невский. В период, совпавший с празднованием 800-летия князя, мы организовали анкетирование среди школьников, чтобы понять, в какой мере ими осмыслена колоссальная историческая фигура, выступающая символом непобедимости, величия и славы России.

Среди персон, знаковых для национального самосознания россиян, фигура Александра Невского — князя, воина и прославленного в лике святых благоверных — имеет важное значение. Она всегда мыслится вне отрыва от национальной идеи и выступала как прецедентное имя в национальной языковой картине мира.

В 2021 г. прошли массовые мероприятия, приуроченные к 800-летней годовщине князя. Какой интеллектуальный, человеческий, патриотический багаж приобрели школьники в процессе проведения юбилейных мероприятий — вот вопрос, на который мы искали ответ в процессе своей работы.

К сожалению, материалы опросов, проведенных среди студентов, старшеклассников и учеников младшей школы, показали недостаточное понимание значимости фигуры Александра Невского, зачастую даже полное незнакомство со сведениями об этом герое, его исторической роли, отсутствие представлений о самых важных моментах историографического и агиографического повествования о благоверном князе.

Итак, обозначив предмет рассмотрения — прецедентное имя Александр Невский как символ национальной идеи, — мы попытались выявить степень освоенности соответствующего концепта в коллектив-

ном языковом сознании школьников. В мае — сентябре 2021 г. нами совместно с коллегами было проведено исследование на установление адекватности понимания исторического персонажа *Александр Невский*, его значимости для России и знание фоновых исторических реалий, которые ассоциируются с этой исторической фигурой в языковом сознании школьников.

Первый этап исследования (входное тестирование) был проведен в СОШ № 11, 5, 21, 44 и лицее № 6 г. Миасс Челябинской области. В качестве респондентов участвовало 290 школьников 4–9-х классов. Результаты оказались более чем плачевны: полностью адекватными можно признать лишь 0,3 % анкет. Ответы на вопросы анкеты показывали приблизительность знания или полную/частичную неотрефлексированность концепта *Александр Невский*.

Для проверки корректности выводов этого этапа тестирования было проведено дополнительное анкетирование и ассоциативный свободный эксперимент в другом регионе страны (Нижегородская область), более тесно исторически связанном (что немаловажно) с именем Александра Невского. Нас интересовала корреляция данных в сравнении с данными контрольной группы респондентов.

Второй этап исследование осуществлен после реализации комплекса мероприятий, приуроченных к 800-летию Благоверного князя Александра Невского. На этом этапе эксперимента респондентами контрольной группы выступили 306 учащихся 4–11-х классов школ г. Арзамас Нижегородской области (СОШ № 15, 13 и православная гимназия).

Просветительская работа включала в себя следующее. Первый урок года, согласно рекомендациям Нижегородского института развития образования, был посвящен 800-летию князя Александра Невского. Далее реализовывался образовательный проект «Живи как Невский». Был организован по классам просмотр фильма «Александр Невский». В 5–7-х классах был проведен урок внеклассного чтения по книге Б. Васильева «Александр Невский».

Идея сравнительного исследования возникла у нас не случайно. Нам хотелось проверить, изменятся ли результаты анкетирования и психолингвистического эксперимента в случае хорошей подготовительной работы к юбилейной дате героя: *Тотальны ли негативные изменения в языковом сознании школьников или нет? Можно ли обогатить языковое сознание школьников образами исторического прошлого при условии активной просветительской подготовки?*

В монографии «Русский язык и языковая личность» Ю. Н. Караулов соотносит ассоциативный тезаурус личности с актом «дескриптивным, фиксирующим, регистрирующим», при котором «сеть объективируется как таковая, без содержательной интерпретации связей между элементами». Исследователь справедливо обобщает: «Тезаурусный уровень организации языковой личности, который также может быть назван лингвокогнитивным, имеет дело уже не с семантикой слов и выражений, а со знаниями». И далее отмечает, что ассоциации, принадлежащие семантическому уровню, «стандартны, ординарны, общеприняты и общезначимы» [5, с. 174, 171, 178]. Сказанное авторитетным специалистом позволяет считать результаты ассоциативного эксперимента весомыми и интерпретировать их для анализа языкового сознания.

Данные первого этапа нашего лингвистического эксперимента (пилотное исследование) были опубликованы в № 4 журнала «Наследие веков» за 2021 г. [4].

Сравним полученные результаты.

На основании данных табл. 1 можно сопоставить ответы респондентов, входивших в неподготовленную (290 чел.) и подготовленную (306 чел.) группы свободного ассоциативного психолингвистического эксперимента. Покажем результаты, собранные в формате гнезда ассоциатов на стимул *Александр Невский*.

Таблица 1

Ассоциативное гнездо на стимул «Александр Невский»

Результаты экспериментальной группы (неподготовленной)	Результаты контрольной группы (подготовленной)
Человек — 36, Князь — 23, Война — 24, Писатель — 22, Пушкин — 18, Полководец — 12, Битва — 8, Александр Невский — 8, Воин — 8, Царь — 6, История — 6, Поэт — 6, Герой — 4, Победа — 4, Курица — 4, Река Нева — 4, Река — 4, Воевода — 4, Композитор — 2, Битва на льду, Путин, Владимир Путин, Пустота, Невский, Александр Сергеевич Пушкин, Дома, Книга, Памятник, Екатерина II, Петух, Петр I, Великий русский князь, Дерево, Алексей, Старое время, Невский, Участник войны, Хорош, Герой, Друг, Борец, Облако, Шведцы, Глина, Нева, Кольчуга, Поход, Спать,	Защитник — 48, историческая личность — 37, защитник земли русской — 36, князь — 24, символ страны — 24, боец — 20, Нева — 18, человек, который спас Россию, — 12, полководец — 11, воин — 10, Ладога — 7, Санкт-Петербург — 6, воевода — 6, герой Невской битвы — 6, известный герой — 6, святой — 5, писатель — 5, человек — 5, великий человек — 5, мужчина — 4, история — 4, Ледовое побоище — 4, благоверный князь — 4, победитель — 3, великий святой — 3, личность, Саша, Великий Новгород, герой, известный князь. 306:283 / 5

Читать, Лес, Статуя, Какой-то человек из истории, Пенал, Геометрия, Рассказ, Ледовое побоище, Сказка, США, Опера, Игра Бравл Старс, Воин или писатель, Русский правитель, Дурак, Чебурек, Дневник, Дом, Бойня, Смерть, Чебурашка, Невский проспект, Лед, Битва на льду, Дурак, Стих, Военный, Петербург, Шуба, Дмитрий Нагиев, Мудрый, Ломоносов, Игорь Соломонов, Сашка, Река Нева, Боец, Прошлое, Спаситель Руси. 291: 198 /24 / 69	
--	--

Как видим, гнездо ассоциатов у неподготовленных школьников представляет собой достаточно многообразное ассоциативное поле, где явно просматривается отсутствие устойчивых ассоциаций.

Самой частотной реакцией стал опустошенный ассоциат *человек* (36), к нему примыкают размытые и/или немотивированные ассоциаты *история* (6), *писатель* (22), *Пушкин* (18), *поэт* (6), *композитор* (2), *курица* (4), а также неинформативный повтор *Александр Невский* (8).

Вторыми по частотности стали ассоциаты с обозначением государственного статуса и воинства: *князь* (23), *война* (24), *полководец* (12), *битва* (8), *воин* (8), *царь* (6), *герой* (4), *победа* (4), *река Нева* (4), *река* (4), *воевода* (4), *битва на льду*.

Отказы составляют четверть всех ответов, что подтверждает скрытое незнание данной темы респондентами.

В отличие от экспериментальной группы, контрольная дает собирательный ассоциативный образ более направленный, близкий к единодушию. Эти ассоциаты демонстрируют большую конкретность и отрефлексированность, но и здесь фиксируются анахронизмы и неточности. Так, 73 % респондентов дают ассоциаты военной сферы, 11 % — статусные ассоциаты, 1 % реакций — маркеры святости и лишь 15 % — уклончивые ассоциаты. Таким образом, уклончивых и далеких ассоциатов в экспериментальной группе немногим меньше половины (45 % всех реакций), т. е. на 30 % больше, чем у неподготовленных детей.

Опосредованный результат сравнения показывает, что подготовительная работа обогатила языковое сознание школьников, была продуктивной, тогда как для респондентов экспериментальной группы прецедентное имя *Александр Невский* мало узнаваемо, опустошено: этот концепт теряет для школьников свою полноту и многогранность.

Следует отметить, что материал ассоциативного эксперимента показателен и значим, однако не может быть интерпретирован механически и однозначно. Ассоциации должно рассматривать как опосредованные показатели содержания концепта. В связи с этим приведем (табл. 2) сравнительные данные, полученные при анкетировании школьников.

Таблица 2

**Сравнительные результаты анкетирования
(ответы на вопрос: Кто такой Александр Невский?)**

Ответы	Экспериментальная группа (неподготовленная)	%	Контрольная группа (подготовленная)	%
Военный, полководец	<i>полководец; военный; воин; герой (и др.)</i>	37	<i>защищал нашу родину; сражался на реке Неве; герой, которого до сих пор помнят; победитель; победил в Ледовом побоище; защитник земли русской; полководец; воевода (и др.)</i>	73
Князь	<i>князь; князь Руси; великий киевский князь; древнерусский князь (и др.)</i>	20	<i>Благодарный князь; великий князь; умный князь (и др.)</i>	11
Святой	—	—	<i>Не принял помощь папы; святой</i>	1
Абсурдные и уклончивые	<i>писатель; поэт; ком-позитор; блогер; его все знают; чел с интернета; человек на ТВ; царь; царь, который спас (и др.)</i>	25	<i>личность; историческая личность</i>	15
Не знаю	<i>не знаю, хз, не помню, понятия не имею, ничего не знаю о нем, не интересовался им (и др.)</i>	18	—	—

На первый вопрос анкеты: «Кто такой Александр Невский?» — 37% респондентов экспериментальной группы (далее э-группа) причислили героя к военным, 20% — к князьям, 19% дали абсурдные и уклончивые ответы, 11% сослались на незнание, тогда как 73% респондентов контрольной группы (далее к-группа) причислили героя к военным, 11% — к князьям, 1% — к святым, 15% дали уклончивые или абсурдные

ответы. В к-группе не было ни одного респондента, не давшего ответа. Сдвиг в сторону концептуализации образа виден. Констатируем положительные сдвиги под влиянием просветительской работы со школьниками.

Разбор по следующим пунктам анкеты мы дадим, не иллюстрируя его таблицами.

Ответы на вопросы: «*Кто такой князь Александр Невский? Что ты о нем знаешь?*» — подтвердили результаты обеих групп, полученные при анализе ответов на первый вопрос.

Детализация демонстрирует более благополучный результат, полученный при опросе к-группы: появляются ответы об уме, хитрости и дальновидности князя, о его дипломатической миссии в Золотой Орде, о святости, о защите православия от давления папы, которые полностью отсутствуют в э-группе. 79 % ответов респондентов к-группы близки к адекватным. При этом только 21 % ответов отсутствует, тогда как в э-группе 56 % составили именно отказы, ошибочные или абсурдные суждения, т. е. отрицательный результат фиксировался чаще на 35 %.

Среди ответов, данных на вопрос: «*С кем воевал Александр Невский?*» — в э-группе реакции абсурдные составляют 23 %, отсутствие ответов — 33 % (суммарно 56 % неудачных ответов). В к-группе абсурдных ответов почти нет (3 %), в 52 % случаев это отказы, что тоже является не слишком хорошим результатом.

Наконец, ответы на вопросы: «*Какие фильмы смотрел об Александре Невском? Какие книги читал об Александре Невском?*» — показали картину гораздо более благополучную для к-группы: 16 % читали книги о князе и 42 % смотрели фильм «Александр Невский», тогда как только 0,3 % респондентов э-группы назвали известные им фильм и книги.

Сделаем на основании проделанного эксперимента следующие выводы.

Национальная идея патриотизма, победоносного российского оружия, сильной и крепкой государственности, национальной независимости остается одной из базовых в языковом сознании россиян. Однако можно счесть установленными изменение репертуара прецедентных имен и трансформацию национального языкового сознания школьников. Лингвистический эксперимент подтвердил доминантное положение признаков «победоносная война», «правитель» в составе концепта *Александр Невский*. Очевидны редукция положительной коннотации, опустошение яркой положительной оценочности, обеднение

личных представлений индивидов, периферийность идей, связанных с православием.

За пределами ясно осознаваемого остаются такие важные составляющие концепта, как подвиг сохранения православия на Руси, совершенный князем Александром Невским; облик нравственного политика, гибкого и дальновидного в своих решениях и приоритетах дипломата. Это, несомненно, способствует снижению значимости фигуры Александра Невского, забвению его истинных заслуг перед отечеством.

Результаты проведенного исследования говорят о необходимости углубить и сделать более основательной работу со школьниками по изучению национальной истории.

В стране, где культ потребления сменил культ духовности и нестяжания, возникают и усиливаются предпосылки к потере национальной идентичности.

Вспомним знаменитую фразу лейпцигского профессора О. Пешеля: когда пруссаки побили австрийцев, то это была победа прусского учителя над австрийским школьным учителем. Мы солидарны со словами О. В. Розиной о том, что «достижения, полученные при жизни, — не все, чем знаменит образ Александра Невского. Великий князь обрел посмертную жизнь и славу. Сегодня его имя — символ боевой доблести, политической мудрости, твердости духа, верности православной вере и христианского смирения» [7, с. 332]. Присоединяясь к этим словам безоговорочно, нельзя не бить тревогу об изменениях, которые происходят в языковой картине мира российских школьников. Концепт *Александр Невский* меняет свою структуру, содержательно обедняется. Его духовную составляющую подавляет, нивелирует влияние штампов милитаризованного мышления.

Кропотливая работа учителя, направленная на усвоение смысла исторических реалий и концептов, упрочивающих национальные ценности, как показал эксперимент, достаточно продуктивна.

А современные типовые образовательные технологии и разработки в ключе ФГОС такого результата не дают. Болонское соглашение насильно развернуло наше просвещение в сторону запада — тенденций, вступивших в противоречие с освоением самобытных национальных традиций, и, увы, бесплодных на ниве российского образования. Средний уровень учащихся массовой школы чрезвычайно снизился.

Раскол школьников на «образовательную элиту» и «среднестатистическое большинство» обостряет эту проблему. Западная модель

образования — с приоритетом личных, индивидуальных достижений, и пренебрежением к русским культурным ценностям (коллективизм, патриотизм, взаимопомощь), к образам отечественных героев — по совети говоря, провалилась. Проведенное нами анкетирование — очередное в ряду многочисленных подтверждений этому. Подобные эксперименты с похожим результатом проводились и в других учебных заведениях [8].

Сегодня нужна ревизия образовательных моделей, педагогических теорий и методологий обучения. Необходимо обновление старых и/или внедрение новых образовательных технологий, которые отвечают духу русской ментальности и национальным интересам нашего государства. Только преодоление ценностного вакуума и сохранение культурно значимых прецедентов могут стать основой идентичности молодых россиян.

Использованная литература:

1. *Алексеева Т. С.* Русская национальная идея в контексте воспитания молодежи // Высшее образование для XXI века: материалы XIV междунар. науч. конф. (Москва, 14–16 декабря 2017 г.). URL: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/105113867/> (дата обращения 10.12.2021).
2. *Берстнев Г. И.* Ценностные концепты русского языкового сознания и «национальная идея» // Оценки и ценности в современном научном познании: матер. междунар. науч. конф.: в 2 ч. (Калининград, 20–22 июня 2009 г.). Калининград: Изд-во Рос. гос. ун-та, 2009. Ч. 1. С. 14–23.
3. *Великородный П. Г., Алферов В. Ю.* Национальная идея и гражданское общество // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2017. № 1. С. 58–65.
4. *Глазкова С. Н.* Наследие Александра Невского в восприятии современной российской молодежи: опыт психолингвистического исследования // Наследие веков. 2021. № 4. С. 65–78. DOI: 10.36343/SB.2021.28.4.004.
5. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010.
6. *Межуев В. М.* Диалог между цивилизациями и Россия // От диалога цивилизаций к сотрудничеству и интеграции. Наброски проблемного анализа. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5870> (дата обращения 10.12.2021).
7. *Розина О. В.* Александр Невский в исторической памяти народа // Регионы России в военной истории страны: матер. всерос. науч.-практ. конф. (Йошкар-Ола, 18–19 ноября 2020 г.). Йошкар-Ола: Марийский НИИ языка, лит-ры и истории, 2020. С. 320–333.

8. *Сергеева Г. Г.* Национально-прецедентные имена в восприятии подростков // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 2. С. 27–34.

Svetlana N. GLAZKOVA,

Dr. Sci. (Theory of Language), Assoc. Prof., Prof., Department of Philology, Miass Branch, Chelyabinsk State University, Miass, Chelyabinsk Region, Russia, snglaz@rambler.ru.

Elena A. ZHESTKOVA,

Cand. Sci. (Russian Literature), Assoc. Prof., Preschool and Primary Education Methods Chair, Preschool and Primary Education Department, Arzamas Branch, Nizhny Novgorod National Research State University, Arzamas, Nizhny Novgorod Region, Russia, ezhestkova@mail.ru.

Alexander Nevsky as a Symbol of the National Idea in the Linguistic Consciousness of Schoolchildren

The article deals with the analysis of the language consciousness of schoolchildren. The authors explore the completeness of perception of the name Alexander Nevsky, precedent for the Russians. The results of a study conducted in various cities of the Novgorod (control experiment) and Chelyabinsk (entry testing) regions of Russia in 2020–2021 are shown. The psycholinguistic free associative experiment and questioning allowed the authors of the study to conclude that Alexander Nevsky was completely or partially unknown as a historical figure, schoolchildren were unfamiliar with the realities associated with his biography. A comparative experiment showed that the purposeful work of teachers based on the material of textbooks, historical and literary sources, as well as multimedia, gives some result, but it is not enough. The authors of the article insist on expanding the range of measures to introduce such an important national and cultural concept. It is emphasized that the loss of precedent units leads to the disunity of society. By strengthening the “value vacuum” in the minds of schoolchildren this damages the process of formation of national identity and reduces the quality of education.

Keywords: national identity, national cultural concept, Alexander Nevsky, precedent name, linguistic experiment, schoolchildren’s linguistic consciousness, value vacuum.

Г. Д. Гриценко*

Великая Отечественная война как ценностная основа этнополитического единства России¹

Современный мир в последнее время подвергается серьезным испытаниям со стороны факторов, подтачивающих целостность общества как системы. К «традиционным» факторам, ослабляющим единство общества, присоединились «новейшие» — «войны истории». В таких условиях актуализируются потребность в ценностных символах, консолидирующих сообщество, особенно полиэтничного, такого, как северокавказское. Среди событий-символов как консолидирующих ценностей особое место занимает Великая Отечественная война. На основе результатов контент-анализа публикаций в республиканских СМИ и дискурс-анализа научных статей сделан вывод, что воспоминания о Великой Отечественной войне пронизаны патриотическим духом и выступают консолидирующей ценностью северокавказского полиэтничного сообщества. Во всех публикациях о Великой Отечественной войне делается акцент на дружбе и сплоченности народов Северного Кавказа в борьбе против нацистской Германии; вне зависимости от этнической или религиозной принадлежности. Этот ценностный ориентир большинства советских людей объективно стал и для современных поколений основой формирования общероссийской идентичности, укрепления национального патриотизма, а следовательно, этнополитического единства северокавказского сообщества.

Ключевые слова: северокавказское сообщество, этнополитическое единство, консолидирующие ценности, Великая Отечественная война, контент-анализ, дискурс анализ.

Современный мир переживает радикальные изменения, которые особенно серьезны в развитых странах, таких как США, государства Западной Европы. Это и движение в США Black Lives Matter, приобретшее формы беспорядков и мародерства; это и приоритетность в западном мире прав ЛГБТ, это и признание нескольких полов (гендеров) и т. д. К этому ряду так называемых преобразований в мире следует отнести и «пересмотр истории» и особенно истории Второй мировой войны, прежде всего Великой Отечественной войны, и ее последствий. Причины таких «пересмотров истории», которые часто называются «война-

* ГРИЦЕНКО Галина Дмитриевна, доктор философских наук, главный научный сотрудник лаборатории конфликтологии федерального исследовательского центра «Южный научный центр РАН», Ставрополь, Россия, dissovnet@rambler.ru.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения гранта Российского фонда фундаментальных исследований на тему «Тенденции этнизации / деэтнизации общественно-политической жизни на Северном Кавказе», проект № 20-011-00132А.

ми истории», лежат практически на поверхности: каждый, даже самый незначительный шаг к искажению, переоценке той или иной страницы истории Второй мировой войны является составной частью масштабной кампании по геополитическому переделу мира, центральным посылом которой выступает фундаментальный пересмотр общемировой истории с точки зрения места и роли в ней России и русских. Одной из целей пересмотра оценок мировой истории середины XX в. стало стремление обосновать необходимость начала против России новой тотальной войны и последующего уничтожения российского государства как единого полиэтнического образования. В таких условиях объективно сформировалась потребность в актуализации «скреп», цементирующих единство российского общества [2].

Для определения роли Великой Отечественной войны как совокупности консолидирующих ценностей, обеспечивающих стабильность единого цивилизационного социокультурного пространства России в целом и ее отдельных регионов, таких, например, как Северный Кавказ, были проведены исследования с использованием контент-анализа региональных СМИ и дискурс-анализа научных статей, опубликованных в ведущих журналах региональными учеными. Такой методический инструментарий обусловлен спецификой данных методов и того эмпирического материала, который исследуется с помощью этих методов анализа (см.: [9] [4]).

Изучение северокавказского информационного поля методом контент-анализа обеспечивает значимую объективность рассмотрения СМИ, позволяет получить более точные характеристики изучаемой эмпирической базы, обнаружить существование скрытого смысла в информации, определить оценки описываемых событий. Применялся контент-анализ информационной среды во всех семи субъектах федерации, расположенных на территории Северо-Кавказского федерального округа. Выбор элементов данной среды обусловлен степенью влияния конкретных СМИ на формирование этнополитического единства полиэтнического региона. Именно поэтому рассматривались ведущие, согласно региональным рейтингам популярности, газеты общественно-политической направленности, имеющие интернет-издание. По каждому субъекту федерации СКФО анализировались официальные издания, отражающие точку зрения регионального правительства, и так называемые неформальные СМИ, претендующие на объективность и независимость. В качестве хронологических рамок контент-анализа был взят январь —

апрель 2021 г., что было обусловлено двумя причинами. Первое, эти месяцы является периодом активной подготовки к празднованию 76-летия Победы в Великой Отечественной войне. Второе, в это время тема коронавируса не была остро актуальной, чтоб отодвинуть на второстепенный план остальные события. Эмпирическая база создавалась с помощью «ручного» неавтоматизированного мониторинга публикаций, которые вносились в таблицу по каждому субъекту федерации, расположенному на Северном Кавказе, и систематизировались в виде матриц контент-анализа по отдельному субъекту и региону в целом. Всего было отобрано и проанализировано 48 информационных материалов, посвященных Великой Отечественной войне [1].

Привлечение в качестве методического инструментария дискурс-анализ объясняется его «качеством». Так, исследователь А. Я. Сарна отмечает, что в «дискурсе ... содержится оценочная информация, личностные и социальные характеристики коммуникантов, их «фоновые» знания, имплицитируются коммуникационные намерения и определяется социокультурная ситуация» [17]. Другой исследователь В. П. Руднев подчеркивает, что дискурс-анализ следует понимать как измерение текста, взятого в качестве процесса и результата «речевого (коммуникативного) акта»; измерение, «которое ... выявляет прагматические идеологические установки субъекта высказывания» [15]. В качестве обобщенной характеристики дискурс-анализа можно привести высказывание еще одного исследователя Е. В. Темновой: «... дискурс представляет собой не просто вербальную манифестацию субъекта, но также является показателем того, что этот субъект мыслит, познает и сообщает об этом» [19, с. 31–32].

Выбор научного дискурса о Великой Отечественной войне в качестве исследовательской базы обусловлен не столько фактом опубликования статей в журналах ведущих вузов Северного Кавказа, сколько возможным влиянием авторов дискурса на подрастающее поколение, поскольку абсолютное большинство из них являются преподавателями высших учебных заведений, наставниками студенческой молодежи. Через оценочно-смысловое содержание своих дискурсов ученые-преподаватели формируют у молодых людей консолидирующие либо конфронтационные ценности и смыслы, поскольку дискурс-анализ как результата речевой деятельности субъекта осуществляется в конкретных социально-политических ситуациях и культурно-исторических условиях [17].

Именно на социализирующую сторону дискурса обратил внимание один из основателей теории анализа дискурса Т. А. Ван Дейк.

Он писал: «... дискурс является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло ... быть ... охарактеризовано с помощью понятия коммуникационного события или коммуникационного акта» [8]. О непосредственном влиянии дискурса на мировоззрение людей говорит и Е. В. Темнова. По ее мнению, дискурс «оказывает непосредственное влияние на мыслительные процессы адресантов, постоянно изменяя и обновляя уже имеющуюся базу ментальных репрезентаций». Именно данная особенность дискурса, продолжает исследователь, позволяет выявить «его роль в формировании мнения адресата, а также контроле над мнением адресата» [19, с. 30–31].

И в завершении обзора достоинств дискурс-анализа и дискурса как эмпирической базы исследования хотелось бы подчеркнуть то, что «анализ дискурса во многом опирается на исследование ментальных моделей» как хранилищ опыта и знаний человечества, моделей, определяющих «отбор коммуникативной информации, в которой укладывается система категорий прошлого и будущего, существующего и возможного миров с уже пережитым и идеальным стечением обстоятельств, правилами игры и прочими установками» [19, с. 30].

Научно-исследовательская база была сформирована из 13 журнальных статей, вышедших в свет в 2020 г. и опубликованных в ведущих научных периодических изданиях высших учебных и исследовательских центров Северного Кавказа.

Согласно результатам контент-анализа региональных СМИ Северного Кавказа, значительное место в поле публицистики отводится событиям, которые так или иначе затрагивают вехи Великой Отечественной войны или то, что связано с памятью о подвиге героев как на фронте, так и в тылу. В условиях, когда активно ведется на Западе «война» с историческими фактами Второй мировой войны, и в частности Великой Отечественной войны, консолидирующим фактором может считаться международная акция «Диктант Победы». В рамках этого действия люди, в том числе и молодежь, получают объективные знания о трагических событиях 1939–1945 гг. Именно поэтому в региональных СМИ много внимание уделяется освещению подготовки и проведению этой акции (см.: [7] [6]). Приобретая знания о совместной защите советскими людьми как представителями разных этносов общей для них Родины, современный человек может понять приоритетность консолидирующих символов над сиюминутными индивидуалистическими или этнокорпоративными ценностями.

Объединяющим общество символом можно считать и Всероссийскую патриотическую акцию «Георгиевская ленточка — 2021», старту которой были отданы газетные полосы всех региональных СМИ [3]. Благодаря публикациям, в которых рассказывается о символическом значении георгиевской ленточки как дани памяти погибшим в Великой Отечественной войне и символичности ее цветов как цвета Победы, цвета мужества и героизма, символа памяти и уважения к ветеранам, создается ценностная основа для цивилизационного единства полиэтничного сообщества [5].

Результаты контент-анализа СМИ Северного Кавказа указывают, что первые страницы региональных газет в исследуемый период, как правило, отводились описанию событий, актуализирующих память не только о тех, кто погиб на полях сражений ВОВ, но и ветеранах, живущих сегодня [11], а также тех, кто своим трудом в тылу, приближал Великую победу [8]. Само поздравление и слова благодарности ветеранам Великой Отечественной войны и труженикам тыла, написанные школьниками, студентами, взрослыми людьми в рамках проекта «Письмо Победы», являются проявлением консолидации людей разных этносов и конфессий, вокруг памяти об общей Великой Победе. Это может рассматриваться в качестве персонифицированной, а именно приватной ценностно-психологической основы для социального согласия и единства полиэтничного сообщества.

Ценностной основой этнополитического единства россиян может служить спектакль Чеченского государственного драматического театра имени Ханпаши Нурадилова «В горы за тобой», посвященный 75-летию Великой Победы как истории о подвиге и любви, который был представлен в Ялте в рамках Всероссийского фестиваля национальных театров России «Крымская театральная осень» [18] и на сцене Московского Драматического Театра имени М. Н. Ермоловой в Москве [22]. Это обусловлено наличием в спектакле консолидирующих «скреп», создающих платформу для интеграционных процессов на Северном Кавказе.

В ходе дискурс-анализа научных статей ведущих ученых Северного Кавказа было зафиксировано значительное число публикаций, содержащий консолидирующий тренд. Например, консолидирующий посыл содержат статьи, описывающие вклад в Великую Победу жителей Дагестана, Черкесии, Чечни, Крыма, Ставрополья, где делается акцент на глубинных основах патриотизма: «на защиту Родины встали все многочисленные народы, которые показывали великие подвиги на

передовой и в глубоком тылу» [16, с. 33]; Великая Отечественная война «стала проверкой на прочность дружбы и сплоченности между многочисленными народами великой страны» [13, с. 23]; «нам многому можно и нужно учиться у фронтового поколения, и прежде всего, глубокому пониманию первостепенного и непреходящего значения долга перед Родиной» [10, с. 49].

Консолидирующим посылом людей разных этносов и конфессий, как обосновывается в научных публикациях, является память о Малгобекской оборонительной операции битвы за Кавказ [21, с. 78], о чечено-ингушских воинах, проявивших в боях за Сталинград высокие образцы героизма, отваги и боевого мастерства [14], о партизанском движении на Северном Кавказе, сыгравшем в битву за Кавказ огромную роль [12]. В этом отношении справедлива оценка практики обращения к памяти о героических событиях Великой Отечественной Войны: она «способствует сохранению связи новых поколений с погибшими в годы войны и способствует формированию чувства патриотизма, сохранению духовно-нравственных ценностей подрастающего поколения» [20, с. 49],

Таким образом, проведенное исследование публикаций в средствах массовой информации и научного дискурса позволяет говорить о сохранении и укреплении в северокавказском региональном сообществе ценностной основы для развития современной системой гражданско-патриотического воспитания, способствующей стабилизации этнополитической ситуации на Северном Кавказе. Самым мощным консолидирующим посылом по-прежнему обладает память о победе в Великой Отечественной войне.

Использованная литература:

1. *Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В., Грищенко Г. Д.* Массмедиа и этнический дискурс на Северном Кавказе: политизация или деполитизация? // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 11. С. 12–20.
2. *Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В., Грищенко Г. Д.* Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности // Политическая наука. 2020. № 3. С. 74–97.
3. Акция «Георгиевская ленточка» стартовала в Сунженском районе Ингушетии // Ингушетия. URL: <https://gazetaingush.ru/news/akciya-georgievskaya-lentochka-startovala-v-sunzhenskom-rayone-ingushetii> (дата обращения: 07.09.2021).

4. *Ван Дейк Т. А.* К определению дискурса // Психологическая сеть российского Интернета. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения: 07.09.2021).
5. В КБР стартовала акция «Георгиевская ленточка» // Кабардино-Балкария. URL: <http://kbrria.ru/obshchestvo/v-kbr-startovala-akciya-georgievskaya-lentochka-41061> (дата обращения: 07.09.2021).
6. В Северной Осетии состоялась ежегодная акция «Диктант Победы». Ее организаторы — партия «Единая Россия» // ОСЕТИЯ-ИРЫСТОН. URL: <https://iryston.tv/ezhegodnaya-aktsiya-proshla-na-59-ploshhadkah-severnoj-osetii/> (дата обращения: 07.09.2021).
7. В Чеченской Республике «Диктант Победы» написали 4500 человек» // Вести Республики. URL: <http://vesti95.ru/2021/04/v-chechenskoj-respublike-diktant-pobedy-napisali-4500-chelovek/> (дата обращения: 07.09.2021).
8. В ЧР с женским днем поздравили вдов ветеранов и тружениц тыла Отечественной войны // Грозный-информ. URL: <https://www.grozny-inform.ru/news/society/126518/> (дата обращения: 07.09.2021).
9. *Гриценко Г. Д.* Социологические методы изучения истории Великой Отечественной войне: возможности и ограничения // KANT: Social Sciences & Humanities. 2020. № 1. С. 82–88.
10. *Далгат Э. М.* Вклад жителей селения Урахи в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Вестник Дагестанского научного центра. 2020. № 77. С. 45–51.
11. Жители Карачаево-Черкесии могут принять участие в проекте «Письмо Победы» и обратиться к ветеранам Великой Отечественной войны // SELDON.NEWS. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/245999979> (дата обращения: 07.09.2021).
12. *Карташев А. В.* 4-й сводный партизанский кавалерийский полк в боях на Ставрополье в октябре — ноябре 1942 г. // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 4. С. 41–48.
13. *Кидирниязов Д. С., Блейх Н. О.* Подвиг ногайского народа в годы Великой Отечественной войны // Историческая и социально-образовательная мысль. 2020. Т. 12. № 2. С. 17–25.
14. *Магомаев В. Х.* Воины из Чечено-Ингушетии на защите Сталинграда // Известия Чеченского государственного университета. 2020. № 3. С. 92–95.
15. *Руднев Ю.* Концепция дискурса как элемента литературоведческого метаязыка // Научные Записки из Желтого Дома: студенч. филол. проект. Киев: Киевский нац. ун-т, 2000–2011. URL: http://zhelty-dom.narod.ru/literature/txt/discours_.jr.htm. (дата обращения 03.04.2021).

16. *Сабанчиев Х.-М. А.* «Все для фронта!»: мобилизация материальных и людских ресурсов в Кабардино-Балкарии // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2020. № 1. С. 31–35.
17. *Сарна А. Я.* Дискурс-анализ // Центр гуманитарных технологий. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7232> (дата обращения 03.05.2021).
18. Спектакль ЧГДТД имени Х. Нурадилова «В горы за тобой» пройдет на сцене Московского Драматического театра имени М. Н. Ермоловой // Вести Республики. URL: <http://vesti95.ru/2021/03/spektakl-chgdtd-im-h-nuradilova-v-gory-za-toboj-projdet-na-stsene-moskovskogo-dramaticheskogo-teatra-im-m-n-ermolovoj/> (дата обращения: 07.09.2021).
19. *Темнова Е. В.* Современные подходы к изучению дискурса // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 26. С. 24–32.
20. *Тетуев А. И.* Историческая память о Великой Отечественной войне: эволюция, опыт, проблемы // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2020. № 2. С. 32–49.
21. *Тетуев А. И.* Малгобекская оборонительная операция битвы за Кавказ в исторической памяти: проблемы формирования и сохранения // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2020. № 4–2. С. 71–79.
22. Чеченский Драматический Театр представил в Москве постановку «В горы за тобой» // Вести Республики. URL: <http://vesti95.ru/2021/04/chechenskij-dramaticheskij-teatr-predstavil-v-moskve-postanovku-v-gory-za-toboj/> (дата обращения: 07.09.2021).

Galina D. GRITSENKO,

Dr. Sci. (Religious Studies, Philosophical Anthropology,
Philosophy of Culture), Prof., Chief Researcher,
Department for Conflict Management, Southern Scientific Center,
Russian Academy of Sciences, Stavropol, Russia, dissovet@rambler.ru.

**The Great Patriotic War as the Value Basis
of the Ethno-Political Unity of Russia**

The modern world has recently been seriously tested by factors that undermine the integrity of society as a system. The “traditional” factors weakening the unity of society have been joined by the “newest” ones — the “wars of history”. In such conditions, the need for value symbols that consolidate a community, especially a multiethnic one, such as the North Caucasus, is actualized. Among the symbolic events as consolidating values, the Great Patriotic War occupies a special place. Based on the results of the content

analysis of publications in the republican media and the discourse analysis of scientific articles, it is concluded that the memories of the Great Patriotic War are imbued with a patriotic spirit and act as a consolidating value of the North Caucasian multiethnic community. All publications about the Great Patriotic War emphasize the friendship and unity of the peoples of the North Caucasus in the fight against Nazi Germany; regardless of ethnic or religious affiliation. This value guideline of the majority of Soviet people has objectively become the basis for the formation of the all-Russian identity for modern generations, the strengthening of national patriotism, and, consequently, the ethno-political unity of the North Caucasian community.

Keywords: North Caucasian community, ethnopolitical unity, consolidating values, the Great Patriotic War, content analysis, discourse analysis.

О. И. Сгибнева*

Культурное и религиозное многообразие в социокультурной среде современного города: опыт социологического анализа

В статье рассматриваются проблемы формирования культурной среды Волгограда на разных исторических этапах, ее современное состояние и отношение жителей к культурному пространству города и его возможностям, определяющим качество жизни горожан. Историко-культурная динамика привела к разрыву преемственных связей в культурной жизни Царицына-Сталинграда-Волгограда, укреплению в культурной среде единой доминанты, связанной с военным прошлым города. Это определило сужение возможностей познания культурного наследия города, его более чем 400-летней истории, что показало авторское социологическое исследование. Анализ общественного мнения волгоградцев о культурной среде города позволил выявить проблемные зоны в ее современном состоянии, определить потребности жителей в культурной сфере и культурных коммуникациях через призму Национального проекта «Культура».

Ключевые слова: культурная среда, традиция, инновация, культурное наследие, культурное многообразие, культурная ценность, качество жизни, общественное мнение.

Социокультурная среда города представляет собой сложный комплекс пространственного распределения культуры, включающий не только материальные объекты, но и ценностно-смысловые элемен-

* СГИБНЕВА Ольга Ивановна, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий Волгоградского государственного университета, Волгоград, Россия, olga.sgibneva@volsu.ru.

ты, регулирующие жизнь городского сообщества, определяющие образ и качество жизни населения, социальные коммуникации и социокультурные потребности.

Культурная среда неизбежно включает традиционное и инновационное, обеспечивая преемственные связи и создавая возможности применения новых идей, смыслов, технологий. Состояние культурной среды влияет на устойчивость социума, общественное настроение и самочувствие, определяет качество жизни горожан. Важной частью культурной среды являются объекты культурного наследия, которые связывают историю города в единое целое и являются зримым воплощением преемственных связей, определяют интеллектуально-культурный потенциал окружающего пространства [3, с. 94].

Для понимания смысла и значения культурной среды, ее места в системе культуры важно выявить ключевые методологические основы исследования этого феномена. За отправную точку может быть взято веберовское определение культуры как части социальной реальности, наделенной смыслом [2]. Рассматривая культуру как особую форму жизни, связанную с деятельностью человека, с его творческим разумом, Г. Зиммель усматривал в динамике культурной деятельности внутреннюю противоречивость между принципами формы и творчества [4]. Д. Белл утверждал, что культура постиндустриального общества выступает как автономная система по отношению к социальной структуре и политической организации [11]. П. Бергер и Т. Лукман полагали, что социальная реальность, частью которой является культурная среда, состоит из объективной стороны (традиции) и субъективной стороны (инновации) [1].

Рассматривая культуру как полистилистический феномен, Л. Ионин выделяет следующие элементы города как культурной формы: нормативная среда, идеология, вещная среда, интерес [5]. Описывая структуру культурной среды, М. Д. Сметанина выделяет в ней коммуникативный, деятельностный и регулятивный компоненты [9].

Д. С. Лихачёв подчеркивал значимость традиции в культурной среде, отмечал, что именно в традиционной культурной среде возникает новая ценность, что предполагает творческое следование традиции, вызывает необходимость поиска живого в старом, его продолжение. Культурную среду Д. С. Лихачёв определял как критерий развития человека и цивилизации [5, с. 488–489].

Как совокупность культурных предпочтений населения, локализуемых в границах определенного пространства, определяет культурную среду

А. Я. Флиер [10]. Характеризуя ее как динамичное образование, подвергающееся изменениям вместе с социальным сознанием общества, А. Флиер выделяет основные функциональные составляющие: символическая деятельность, выполняющая функцию обучения людей нормам поведения, принятого в обществе; нормативное социальное поведение как форма взаимодействия; язык, с помощью которого осуществляется информационное обеспечение социальных взаимодействий; нравы, с помощью которых осуществляется регулирование социальных взаимодействий [10].

По мнению Э. А. Орловой, городскую культурную среду можно рассматривать как освоенное людьми пространство поселения с активным использованием входящих в нее культурных объектов. Причем городская среда неоднородна и включает несколько локальных сред. В качестве урбанизированной среды выступают деловые части города, торговые части города и историческое ядро города, которое является символом его самобытности и в которое входят объекты культурной среды (учреждения культуры, досуга и пр.). В качестве урбанизированной среды с включением в нее природных объектов выступают: дворы, прогулочные зоны (парки, бульвары и пр.) и парки с увеселениями и аттракционами. Также еще одной средой в городе является исключительно природная зона, т. е. городские сады и парки, заповедные городские места и пр. [8], рассматриваемые в настоящее время как культурные ландшафты [3].

Таким образом, культурную среду мы можем рассматривать как сложное, исторически изменяющееся образование, состоящее как из материальных, так и духовных, традиционных и инновационных элементов, функционально направленных на формирование и распространение ценностей (которые являются основополагающим компонентом), норм, образцов поведения, как поле развития и реализации творческого потенциала человека, преемственных связей поколений, как условие качества жизни в конкретном поселении.

Каждый российский город обладает своей культурной средой. И в каждом городе она развивалась в своих особых условиях, в своем пространстве, в конкретных исторических и географических условиях. Поэтому культурная среда любого города уникальна и неповторима.

Формирование культурной среды города — сложный и длительный процесс, определяемый многими факторами: природно-географическими, историко-культурными, хозяйственно-экономическими, демографическими, статусными [7, с. 57].

История распорядилась так, что три имени нашего города: Царицын — Сталинград — Волгоград, — связаны с разными культурными пространствами. Культурная среда Царицына не стала основой формирования культурной среды Сталинграда, а Волгоград возводился на военных развалинах по новому генеральному плану, не учитывающему даже возможности восстановления исторических зданий. Разрыв преемственных связей определил характер культурной среды и современные проблемы ее функционирования.

Культурная среда Царицына в начале XX в. свидетельствовала о бурном развитии города, превратившегося из захолустного уездного городка Саратовской губернии в крупный торгово-промышленный центр Юга России. Индустриальная модернизация, связанная с развитием железных дорог, способствовала промышленному и жилищному строительству, расширению торговли, изменению социальной и культурной среды, чему в немалой степени содействовали предприниматели-меценаты Царицына — Репниковы, Серебряковы, Лапшины и др. Эти имена в дальнейшем на долгие времена были забыты и только в конце XX — начале XXI в. их служение родному городу получает должную оценку потомков. Стараниями этих людей строились лечебницы и родильные дома, гимназии и училища, театры, библиотеки, разбивались парки и скверы, укреплялся промышленный и финансовый потенциал города.

Миграционные процессы сделали Царицын многонациональным и поликонфессиональным городом. Большинство населения составляли русские и украинцы (89,5%), в городе проживали татары, немцы, евреи, поляки, армяне, калмыки, французы, англичане и представители других национальностей [5, с. 139]. Значительная часть жителей исповедовала православие, мусульмане составляли 2,3%, лютеране 2%, католики 1%, иудеи менее 1%. Религиозный сегмент культурной среды города составляли православные (РПЦ) и старообрядческие храмы, армянская апостольская церковь, мечети, синагоги, лютеранская кирха и католический костел, православный монастырь, в большинстве своем сосредоточенные в центральной части города.

Расположение промышленных предприятий вдоль берега Волги сформировали линейную структуру города. Культурная среда не имела целостного характера и представляла собой обособленные части, разделенные железной дорогой, рекой Царица и овражными низинами. Особенности каждой части города во многом определяли социальные

группы, составляющие большинство в том или ином сегменте (дворянство и промышленники, купцы, мещане, промышленные рабочие). Центрами каждой такой части культурной среды являлись храмовые здания, торговые объекты, учебные заведения, социальные объекты. Самой многообразной была культурная среда центральной части города, где в начале XX в. была обустроена набережная, бульвары и скверы, построены гостиницы, действовали первый в Поволжье Дом науки и искусств, театры «Парнас» и «Конкордия», гимназии, торговая и художественная школы, кинотеатры, библиотеки и фотоателье, первый царицынский музей, было введено уличное освещение. В 1913 г. открылось трамвайное движение, проведен водопровод и началось сооружение городской системы канализации.

Революционные события и Гражданская война коренным образом изменили культурную среду города. Военные разрушения и социальные конфликты привели к утрате многих социокультурных объектов, прежде всего тех, которые строились и финансировались предпринимателями Царицына. В 1920 г. Царицын становится центром Царицынской губернии, в 1925 г. переименовывается в Сталинград. С этого времени начинается его новая история как образцового социалистического города с крупной промышленностью и развитой инфраструктурой. К 1940 г. построено более 50 предприятий. Коренным образом изменилась планировка города: появились широкие и прямые проспекты и улицы (пространство расширялось за счет сноса культовых зданий, купеческих особняков, небольших ремесленных предприятий), большие парковые зоны с фонтанами и летними театрами, детскими городками; развивался городской транспорт, жилищное многоквартирное строительство; создавались вузы и техникумы, новые школы и детские сады, дворцы и дома культуры, дворцы пионеров, библиотеки, музеи, театры, выставочные залы, картинная галерея, больницы, магазины; открылась филармония. А вот культовые здания не вписывались в культурную среду социалистического города: практически все они были разрушены, сохранились лишь несколько православных церквей на окраинах города.

Почти полностью разрушенный в ходе Сталинградской битвы, в послевоенное время город восстанавливался по новому генеральному плану, главной идеей которого было сохранение памяти о героях, отстоявших город и совершивших перелом в ходе Великой Отечественной войны. Город должен был стать символом победы над фашизмом, символом победившего социализма. Поэтому безжалостно сносились

старые царицынские здания — в том числе те, которые можно было восстановить. Архитектура Царицына и довоенного Сталинграда исчезает почти полностью, возводятся здания в духе советского классицизма, которые и сегодня определяют культурную среду города. Ее доминантами становятся монументы защитникам города, мемориалы, посвященные ключевым событиям битвы на Волге.

Великая Отечественная война довершила процесс разрушения культовых зданий в городе, но по многочисленным просьбам жителей сохранен православный храм Никиты Мидикийского в Бекетовке, на окраине города, и восстановлена Казанская церковь в Зацарицынской части, вплоть до 2021 г. выполнявшая функцию кафедрального собора Волгограда.

Храмовая архитектура вернулась в Волгоград только в конце XX в. За последние три десятилетия построены более 40 православных храмов и часовен, восстановлен католический костел и лютеранская кирха, около 10 протестантских церквей и молельных домов, две мечети, синагога, воссоздан православный Свято-Духов монастырь. Город остается многонациональным и поликонфессиональным, но религиозное многообразие, в отличие от Царицына, с трудом определяется в современной культурной среде — активнее всего строятся православные храмы. И не всегда их включение в сложившееся пространство проходит безболезненно.

Социологическое исследование, проведенное под руководством автора в 2021 г., позволило выявить отношение населения Волгограда к культурной среде города, проблемы и ожидания жителей, проанализировать, как изменяется культурная среда в ходе реализации национального проекта «Культура». Методом анкетирования опрошено 1200 респондентов в возрасте от 18 до 76 лет, проживающих в разных районах города. Методом полуструктурированного интервью выявлено мнение экспертов (15 специалистов, работающих в сфере науки, образования, культуры, управления). Большая часть респондентов имеют высшее (36,8 %) и среднее специальное образование (33 %); более 70 % составляет работающее население с уровнем дохода средним (42,1 %) и ниже среднего (23,2 %); более половины респондентов состоят в браке (52 %), у 67 % есть дети, 43 % из них имеет взрослых детей, достигших 18 лет.

По мнению опрошенных, визитную карточку города определяют, прежде всего, мемориальные комплексы, памятники и памятные знаки в честь героев Великой Отечественной войны — участников Сталин-

градской битвы (95%), памятники советской архитектуры (28,1%), парки и скверы (22,5%) (рис. 1).

Рис. 1. «Визитная карточка» Волгограда

Волгоградцы вместе с острыми проблемами социально-экономического характера в городе: низкой заработной платой работников различных организаций и учреждений (90,4%); проблемой трудоустройства, нехваткой рабочих мест (76,5%) и недостаточной развитостью системы медицинского обслуживания населения (52%), — обращают внимание на проблемы в культурной сфере, где отмечается нехватка мест

Рис. 2. Основные проблемы повседневной жизни горожан

для отдыха: пляжей, аквапарков, зеленых зон и пр. (52,3%), учреждений культуры, досуга и спорта (35,1%) (рис. 2).

В свободное время горожане предпочитают отдыхать в парковых зонах (56%), посещать кинотеатры (50%), театры (16,9%), культурные и спортивные центры (14,2) (рис. 3).

Рис. 3. Любимые места отдыха горожан

Оценивая уровень удовлетворенности жителей культурной средой Волгограда, следует отметить, что многие относятся к ней довольно критически: более 40% респондентов отмечают недостаточное количество объектов культуры, досуга, спорта, дополнительного образования (рис. 4). Эксперты считают, что в миллионном Волгограде есть острый дефицит выставочных и концертных залов, что не позволяет знакомить

Рис. 4. Оценка сети учреждений культуры, спорта, образования

жителей с многообразием достижений российского искусства; недостаточно художественных и музыкальных школ, не укрепляется материальная и творческая база Волгоградской консерватории.

В тоже время 80 % опрошенных считают, что в городе достаточное количество храмовых зданий разных конфессий и нет необходимости строить новые, информация о которых появляется в СМИ. С этой позиции согласно 85 % экспертов.

А вот культурные учреждения сегодня, по мнению горожан, нуждаются в капитальном ремонте (35,1 %), в дополнительных помещениях и оборудовании (28,1 %), современных цифровых и интерактивных технологиях (25,8 %), новой мебели (20,2 %) (рис. 5).

Рис. 5. Недостатки в оснащении культурных учреждений

Рис. 6. Объекты культурной среды, требующие реконструкции

Особенно в тяжелом положении, по мнению горожан, находятся Дома и Дворцы культуры (32,8%), стадионы (27,8%), уникальный волгоградский планетарий (20,5%), музыкально-драматический казачий театр (17,9%), краеведческий музей (16,9%) (рис. 6).

Как показало исследование, состояние учреждений культуры непосредственно влияет на отношение жителей к городу, к оценке комфортности проживания в нем. Респонденты, которые не удовлетворены уровнем жизни в городе, показывают и неудовлетворенность состоянием учреждений культуры (рис. 7).

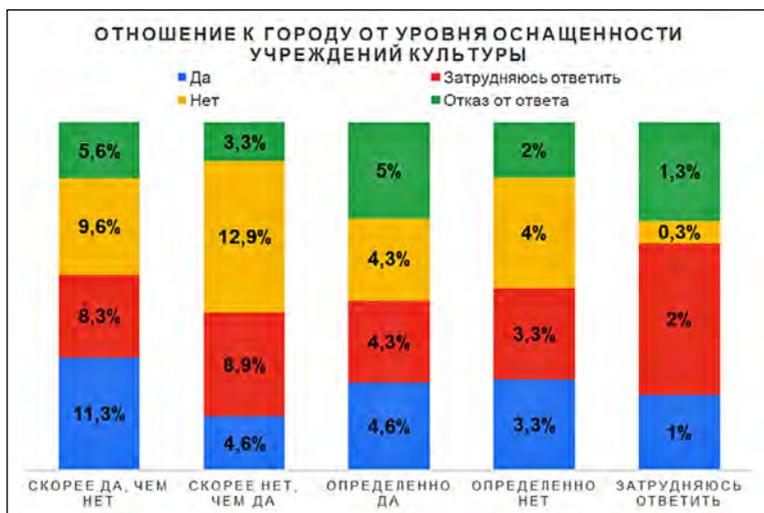

Рис. 7. Зависимость отношения к городу от уровня оснащённости учреждений культуры

Особую озабоченность жителей города вызывает сокращение зеленых зон города, летние температуры в котором нередко достигают +40 °С. Массовые вырубку деревьев на улицах и бульварах большинство опрошенных (57%) считают необоснованными, не удовлетворяет жителей и работа соответствующих городских служб по уходу за зелеными насаждениями (рис. 8).

Положительную оценку респондентов получила работа по благоустройству Набережной имени 62-й Армии, создание нового парка «Раздолье» в пойме реки Царица. В то же время волгоградцы предлагают увеличить в городе число фонтанов, которых было много и в довоенном Сталинграде, и послевоенном Волгограде. В жаркое летнее время

Рис. 8. Оценка оснащения мест отдыха

они способствуют улучшению микроклимата в зонах отдыха, помогают зеленым насаждениям, создают особое культурно-ландшафтное пространство. Пока, к сожалению, число фонтанов в городе минимальное за счет того, что старые требуют реконструкции и модернизации, а новые пока не планируются.

В ходе социологического исследования мы изучили отношение жителей к реализации федерального проекта «Культурная среда» в рамках Национального проекта «Культура». В городе началось создание модельных библиотек, но жители пока мало осведомлены о них. Гораздо лучше эта работа поставлена в городе-спутнике Волжском, где модельные библиотеки уже стали востребованными центрами культуры для людей разных поколений.

Значительно больше волгоградцы интересуются ходом реконструкции исторического здания в центре города для Театра кукол, который долгое время находится в приспособленном помещении. Строительство современного здания для этого театра, а также реконструкция Театра юного зрителя стали важной частью плана региона по реализации Нацпроекта «Культура» и эта деятельность положительно оценивается волгоградцами, как и развернувшаяся работа по оснащению детских музыкальных школ и школ искусств новым оборудованием и музыкальными инструментами.

А вот виртуальные концертные залы, созданные в соответствии с Нацпроектом, не в полной мере готовы к выполнению поставленных

перед ними задач. Понравились волгоградцам залы в областной научной библиотеке имени М. Горького и Царицынской опере, а вот виртуальный зал в Волгоградской филармонии, открытый одним из первых в России, критикуют все, кто побывал там на концертах: неудобное помещение, старая и некомфортная мебель, некачественное звуковое оборудование.

Каждый второй респондент считает, что проекты реформирования культурной среды города должны проходить более широкое общественное обсуждение, а в дальнейшем нужен постоянный мониторинг процесса реализации проектов. В ходе этой работы необходимо преодолеть неравномерность развития социокультурного пространства различных районов города, протянувшегося вдоль Волги на 90 км, изменить транспортную логистику и обеспечить равный доступ жителей города к объектам культуры. Сохранившаяся от Царицына — Сталинграда линейная структура города и в XXI в. мешает полноценному комплексному развитию города и его культурной среды.

Таким образом, проведенное социологическое исследование позволило выявить общественное мнение волгоградцев о культурной среде города и тех изменениях, которые произошли в ней в ходе реализации Национального проекта «Культура», выявить актуальные проблемы, решение которых будет способствовать улучшению комфортности проживания в городе, повышению качества жизни горожан, повышению туристической привлекательности Волгограда, который интересен не только военной историей, но всем своим четырехсотлетним прошлым, а также современными достижениями в производстве, науке, культуре, спорте. Эмпирические результаты показывают, что планы и программы реализации национального проекта «Культура» в Волгограде нуждаются в корректировке на основе учета общественного мнения его жителей.

Использованная литература:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-центр, Медиум, 1995.
2. Вебер М. Объективность познания в области социальных наук и социальной политики // Культурология. XX век: Антология. М.: Юрист, 1995. С. 557–604.
3. Галкова О. В., Петрова И. А., Кибасова Г. П., Глазунов В. В. Культурный ландшафт (методология и историография). Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. мед. ун-та, 2020.

4. *Зиммель Г.* Избранное. Философия культуры. М.: Юрист, 1996. Т. 1. С. 475–517.
5. *Ионин Л. Г.* Основания социокультурного анализа. М.: Изд. центр Рос. гос. гум. ун-та, 1995.
6. *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Избранные труды по русской и мировой культуре. 2-е изд. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный ун-т профсоюзов, 2015. С. 485–511.
7. *Максимова И. В., Петрова И. А.* «Русский Чикаго»: уездные города Саратовской губернии в условиях модернизации. Волгоград: Волгоградский гос. мед. ун-т, 2012.
8. *Орлова Э. А.* Городская среда как культурно-эстетическое явление // Эстетическая культура. М.: Ин-т философии Рос. акад. наук РАН 1996.
9. *Сметанина М. Д.* Феномен культурной среды // Общество: философия, история, культура. 2019. № 3. С. 83–86.
10. *Флиер А. Я.* Культурная среда и ее социальные черты // Избранные работы по теории культуры. М.: Артём; Согласие, 2014. С. 329–340.
11. *Bell D.* The cultural contradictions of capitalism. New York: Basic books, 1978.

Olga I. SGIBNEVA,

Dr. Sci. (Scientific Atheism, Religion), Prof., Sociology Department,
Volgograd State University, Volgograd, Russia, olga.sgibneva@volsu.ru.

Cultural and Religious Diversity in the Socio-Cultural Environment of a Modern City: The Experience of Sociological Analysis

The article deals with the problems of the formation of the cultural environment of Volgograd at different historical stages, its current state and the attitude of residents to the cultural space of the city and its opportunities that determine the quality of life of citizens. The historical and cultural dynamics is associated with the rupture of continuity in the cultural life of Tsaritsyn-Stalingrad-Volgograd, the strengthening of a single dominant in the cultural environment associated with the military past of the city. As it is shown by the author's sociological research, this determined the narrowing of the possibilities of cognition of the cultural heritage of the city and its more than 400-year history. The analysis of the public opinion of Volgograd residents about the cultural environment of the city made it possible to identify problem areas in its current state, to determine the needs of residents in the cultural sphere and cultural communications through the prism of the National Project "Culture".

Keywords: cultural environment, tradition, innovation, cultural heritage, cultural diversity, cultural value, quality of life, public opinion.

О. Р. Тучина*

Исторический опыт в контексте национальной и локальной идентичности личности (на материале исследований респондентов города-героя Севастополь)¹

В статье обсуждаются результаты исследования исторического опыта личности в контексте национальной и локальной идентичности. Целью исследования является выявление информированности респондентов о практиках коммеморизации ВОВ, отношении к ним и связи особенностей социальной идентичности респондентов с участием в городских коммеморативных практиках. Новизна подхода состоит в сочетании изучения семиотики исторической памяти о Великой Отечественной войне в контексте культурного пространства города-героя с проведением социально-психологического исследования и осмысления его результатов в русле герменевтики культуры. Результаты исследования показали, что национальная и городская идентичность респондентов Севастополя связаны с активностью участия в городских памятных мероприятиях, однако мотивация участия в мемориальных мероприятиях связаны только с национальной идентичностью: чем больше она выражена, тем более значимым для респондента являются коммеморативные практики.

Ключевые слова: исторический опыт, историческая память, национальная идентичность, региональная идентичность, городская идентичность, культурное пространство города, коммеморативные практики.

В настоящее время в научном и политическом дискурсах значительное место занимает интегративный подход, в котором национальная идентичность рассматривается как многомерный концепт, где в той или иной степени соотносятся государственная, гражданская, этническая и социокультурная составляющие [5]. Конфигурация составляющих национальной идентичности тесно связана со спецификой исторического развития страны, особенностями политической культуры. В западной политической науке категория «национального государства» синтезирует, с одной стороны, политико-институциональные и территориаль-

* ТУЧИНА Оксана Роальдовна, доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой Истории, философии и психологии Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, Россия, tuchena@yandex.ru.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения гранта Российского фонда фундаментальных исследований на тему «Опыт осмысления Великой Отечественной войны в пространстве городской культуры (кроссрегиональный анализ: Севастополь — Новороссийск)», проект № 20–411–920005 p_a_Севастополь.

ные (государство), а с другой — этнокультурные основания сообщества в концепте политической нации как носителя национальной идентичности [4].

Значительную роль в формировании национальной идентичности играет исторический опыт, то есть опыт освоения действительности людьми прошлого, нашедший свое отображение в различных источниках и результатах человеческой деятельности [2]. Субъектная сторона исторического опыта связана с личностным переживанием сопричастности человека к истории своего народа и страны, непосредственным переживанием подлинности прошлого в настоящем, что создает необходимость обращения в качестве методологической основы исследования к экзистенциально-герменевтическому подходу к феномену историчности (М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер, К.-О. Апель, М. К. Мамардашвили, Ф. Анкерсмит и др.). Экзистенциальная значимость исторического опыта состоит в том, что историческое знание «придает смысл национальному развитию, обеспечивает общество национальной идеей» [3].

Великая Отечественная война является не только значимым событием отечественной истории, но и «точкой сборки» национальной идентичности россиян и, шире, всего русского мира на постсоветском пространстве. Память о трагических и героических страницах войны не просто интеллектуальный багаж человека, но, прежде всего, экзистенциальное переживание сопричастности своему народу, которое определяет исторический опыт личности, его национальную идентичность. В публичном пространстве города такая память аккумулируется в памятниках, памятных местах, музеях и коммеморативных практиках, посвященных событиям войны. В связи с этим особую актуальность приобретает исследование восприятия и осмысления семиозиса мест памяти и коммеморативных практик во взаимосвязи с осмыслением городской (локальной) и национальной идентичности в динамично развивающемся смысловом пространстве городской культуры.

Теоретическое обоснование и эмпирическое исследование взаимовлияния исторического опыта и национальной идентичности предполагается на основе субъектного подхода (С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев, А. В. Брушлинский, В. В. Знаков, З. И. Рябикина, и др.), в рамках которого национальная идентичность может рассматриваться как нахождение себя в нормативно-ценностном пространстве гражданской общности.

Целью проекта РФФИ, в рамках которого проведено данное исследование, является изучение семиозиса мест памяти и коммеморативных практик Великой Отечественной войны в контексте самопонимания человеком своей локальной и национальной идентичности. Задачей данного этапа исследования стало выявление информированности респондентов о практиках коммеморизации ВОВ, характера отношения к ним и связи особенностей социальной идентичности респондентов с их возрастом и участием в городских коммеморативных практиках.

Выборка исследования: респонденты, постоянно проживающие в городе-герое Севастополь (80 человек), от 17 до 65 лет, средний возраст 27,8 лет, 32 мужчины, 48 женщин.

Методы исследования: изучение особенностей гражданской идентичности при помощи методики Н. М. Лебедевой и А. Н. Татарко; авторская методика исследования исторического опыта и особенностей коммеморативных практик.

Авторская анкета включала следующие смысловые блоки:

- презентация исторических событий в историческом опыте респондентов;
- знание о практиках коммеморизации ВОВ, отношении к ним и участие респондентов в данных мероприятиях;
- знание о памятниках и памятных местах города, особенностях памятников как символической репрезентации исторического опыта, а также личностном смысле городских памятников и их месте в городской культуре;
- объекты и способы сохранения исторического опыта, которые, по мнению респондентов, на сегодняшний день востребованы, но не представлены в городской среде.

Второй блок включает исследование следующих аспектов:

- «информированность о городских коммеморативных практиках» (вопрос: «Принимаете ли вы участие в следующих мемориальных акциях (с перечислением мемориальных акций, характерных для Севастополя)?»);
- «активность участия в коммеморативных практиках» (вопрос: «Как часто принимаете в них участие?»; варианты ответов: «никогда не слышал», «слышал, но не принимал участия», «единожды принимал участие», «принимал участие несколько раз», «постоянно принимаю участие»);

- «мотивация участия в коммеморативных практиках» (вопрос: «Почему вы принимаете в них участие?»; варианты ответов: «не участвую», «участвую по распоряжению педагогов», «участвую, потому что участвуют мои друзья (“за компанию”», «участвую, потому что мне это важно и интересно», «проявляю инициативу в организации»).

Согласно результатам исследования, самой значимой памятной акцией севастопольцы считают «Бессмертный полк»: в нем принимают участие 47,5 % респондентов, при этом 3,7 % принимают участие по распоряжению педагогов (начальства), 1,2 % участвуют «за компанию», 26,2 % принимают участие, поскольку это для них важно и интересно, а 6,3 % проявляют инициативу в организации мероприятия.

Респонденты отметили еще целый ряд мемориальных мероприятий, в которых они принимают участие: памятные события на 35 батарее, посвященные Великой Победе, торжественное захоронение останков павших, найденных поисковыми отрядами; свеча Памяти в ночь на 22 июня; реконструкции на Сапун-горе и Историческом бульваре руководством Музейного комплекса 35 батареи; дни памяти парада воинских частей 25-ой стрелковой дивизии Приморской армии 24.03.1942 г. в Мартыновском овраге, мероприятия на 365 батарее; мемориальные акции «Знаю, помню, горжусь», «Фронтowej альбом», «С добрым утром ветераны». Участники исследования также отмечают многочисленные памятные акции у памятников по поводу конкретных дат или приуроченные к профессиональным дням: Союз советских офицеров отмечает день рождения адмирала Н. Г. Кузнецова у его памятника, севастопольские блокадники — памятные даты блокады Ленинграда у знака на аллее близ Поста № 1, ветераны авиации — у памятника летчикам-черноморцам на пр. Генерала Острякова и т. д.

На следующем этапе перед нами стояла задача выявить связи особенностей социальной идентичности респондентов с их возрастом и участием в городских коммеморативных практиках. Результаты исследования показали значимую положительную корреляцию всех видов социальной идентичности, а также всех аспектов городской идентичности с возрастом респондентов (табл. 1). Кроме того, национальная и городская идентичность положительно коррелируют с активностью участия в коммеморативных практиках, а мотивация участия позитивно связана с национальной идентичностью.

Таблица 1

Результаты исследования связи особенностей социальной идентичности респондентов с их возрастом и участием в городских коммеморативных практиках

	Возраст	Активность участия в коммеморативных практиках	Мотивация участия в коммеморативных практиках
выраженность национальной идентичности	0,361**	0,359**	0,303**
выраженность региональной идентичности	0,305**	0,134	0,104
выраженность городской идентичности	0,387**	0,232*	0,204

Таким образом, выраженность национальной, региональной и городской идентичности усиливается с возрастом, приобретая большую значимость для респондентов. Национальная и городская идентичность респондентов Севастополя связаны с активностью участия в городских памятных мероприятиях. Однако мотивация участия в мемориальных мероприятиях связаны только с национальной идентичностью: чем больше она выражена, тем более значимым для респондента являются коммеморативные практики.

Использованная литература:

1. *Аполлонов И. А., Тучина О. Р.* Исторический опыт: попытка концептуализации. Текст: электронный // Научные труды КубГТУ. 2014. № 3. С. 26–37. URL: <https://ntk.kubstu.ru/tocs/3> (дата обращения: 12.12.2021).
2. *Костякова Ю. Б.* Исторический опыт: от понимания сущности к определению термина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12. Ч. II. С. 98–105.
3. *Побережников И. В.* Исторический опыт: настоящее (будущее) в прошлом? // Историко-педагогические чтения. 2013. № 17. С. 48–57.

4. Политическая идентичность и политика идентичности в 2 тт. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / отв. ред. И. С. Семененко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.
5. Семененко И. С. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 11. С. 91–102.

Oksana R. TUCHINA,

Dr. Sci. (General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology), Assoc. Prof., Head, Department of History, Philosophy and Psychology, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia, tuchena@yandex.ru.

Historical Experience in the Context of National and Local Identity of an Individual (based on the Research of Respondents of the Hero City of Sevastopol)

The article discusses the results of the study of the historical experience of an individual in the context of national and local identity. The purpose of the study is to identify respondents' awareness of the practices of commemoration of the Great Patriotic War, their attitude to them and the connection of the features of the respondents' social identity with participation in urban commemorative practices. The novelty of the approach consists in combining the study of the semiotics of the historical memory of the Great Patriotic War in the context of the cultural space of the hero city with conducting of socio-psychological research and understanding of its results in line with the hermeneutics of culture. The results of the study showed that the national and urban identity of the respondents of Sevastopol is associated with the activity of participation in city commemorative events, but the motivation for participation in memorial events is associated only with national identity: the more it is expressed, the more significant for the respondent become commemorative practices.

Keywords: historical experience, historical memory, national, regional, urban identity, cultural space of the city, commemorative practices.

Л. М. Слюсаренко*

Культурно-образовательный потенциал Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова в диалоге о национальной идентичности

Современная концепция развития Музея-заповедника М. А. Шолохова, названная «Романом под открытым небом», представляет музей как социальный институт и площадку для поликультурного диалога. Она предполагает не только сопричастность посетителя к динамичной деятельности музея, включающей широкий спектр экскурсионных услуг, но и глубинное погружение в пласты эпохи, связанные с творческим наследием М. А. Шолохова, историей донского казачества. Культурно-образовательная деятельность музея многоаспектно освещает личность М. А. Шолохова — всемирно известного писателя, общественного деятеля, культурного посредника; углубляет понимание казачества как общности представителей различных народностей; акцентирует внимание на диалоге культур.

Ключевые слова: М. А. Шолохов, музей-заповедник, национальная культура, диалог, социальный институт, культурное наследие.

В настоящее время многие педагоги, культурологи, психологи сходятся на мнении о том, что современный музей с успехом решает целый комплекс задач, связанных с эстетическим формированием подрастающего поколения. Это и воспитательная, и научно-исследовательская, и творческо-досуговая, и презентативная, и эстетическая, и коммуникативная задачи [5, с. 116]. Их реализация охватывает все возрастные категории, начиная буквально с дошкольного возраста, и довольно успешно интегрируется в учебный процесс образовательных учреждений, рассматривающих музеи в качестве культурных очагов, концентрирующих наиболее полную, достоверную информацию об историческом событии, личности, цивилизации и т. д., транслирующих ее соответствующим образом и, что немаловажно, являющихся местом для претворения в жизнь различных проектов — как сугубо образовательного, так и творческого характера.

Музей является современной формой интеграции структур, связанных с возрождением казачества, проявляющейся в различных видах дея-

* СЛЮСАРЕНКО Лидия Михайловна, ученый секретарь Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова, аспирант Краснодарского государственного института культуры, Вёшенская, Ростовская область, Россия, lida_nik86@mail.ru.

тельности — культурно-просветительской, экспозиционной, проектно-партнерской. Как социальный институт музей акцентирует внимание на процессе сохранения гражданского мира, беспристрастно излагая исторические факты, «трудные вопросы» истории. Понимание важности поликультурного диалога выступает основой сотрудничества. События, происходящие на Украине, сильно напоминают события Гражданской войны, происходившие сотню лет назад. Причины Гражданской войны, весь ее драматизм гениально вскрыл в романе «Тихий Дон» М. А. Шолохов. 450-летие служения донского казачества государству Российскому, отмечавшееся в 2020 г., — серьезный исторический рубеж, показывающий поистине неопределимый вклад казачества в суверенитет нашей страны, в ее национальную культуру. Казачество всегда выполняло функцию охраны государственности, объединяя в своем составе представителей различных народностей идеей спасения Отечества.

Говоря о культурно-образовательном потенциале Государственно-го музея-заповедника М. А. Шолохова, необходимо пояснить концепцию развития музея, непосредственно связанную с реализацией одной из основных функций музея как социального института — культурно-просветительской. Концепция «Роман под открытым небом» предполагает не только сопричастность к динамичной жизни музея-заповедника, включающей большой спектр экскурсионных услуг, но и глубинное погружение в пласты эпохи, связанные с историей донского казачества и, конечно же, творческим наследием М. А. Шолохова, отражающим важнейшие вехи истории XX в. Шолохова не случайно соотносят «с веком наравне» (К. И. Прийма). Его творческая и общественная деятельность теснейшим образом связана и с сильными потрясениями в стране (войны XX в. и сложнейшие 1930-е гг. с коллективизацией, репрессиями, гонениями на церковь), и с глобальными преобразованиями в обществе (развитие советской литературы, стремительное послевоенное восстановление страны, активное позиционирование советской культуры за рубежом, борьба за сохранение мира и мн. др.).

Выступая преемником ценностных ориентиров и гражданской позиции писателя, Музей-заповедник М. А. Шолохова решает задачи по актуализации духовного и патриотического воспитания в среде подрастающего поколения. Просветительская миссия Музея-заповедника, основываясь на богатейшей коллекции подлинных предметов, связанных с казачеством, личностью писателя, интерпретацией его творческого наследия в искусстве и, наконец, со всей многообразной культурой

XX в., подразумевает многоаспектную деятельность с мощной теоретической основой и разносторонним практическим воплощением. Культурно-образовательные программы Музея-заповедника М. А. Шолохова рассчитаны на посетителей всех возрастов. Принцип их реализации: от прикладного к исследовательскому, от мастер-классов к персональным творческим работам.

Помимо адаптированных интерактивных экскурсий для детей дошкольного и младшего школьного возраста введен цикл научно-просветительских занятий об истории и природе края, традициях донских казаков («Экознайка», «От травинки до солнышка», «Заповедные уголки Шолоховского края», «Душистые травы Тихого Дона», «От дуба-великана до Песчаного кургана», «Казаки — народ музыкальный» и мн. др.), кружок «Юный эколог», формирующий с малых лет бережное отношение к природе, успешно реализуются прикладные мастер-классы [7]. Особое внимание уделяется культурно-образовательным программам для посетителей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Музей-заповедник активно работает с детьми с опорно-двигательными нарушениями, расстройством аутистического спектра и ментальными нарушениями. Запущенный в 2018 г. проект «Лазорики. Навстречу солнышку» интегрирует задачи по социальной адаптации детей с указанной нозологией, по развитию их творческого потенциала и одновременно приобщению к культуре казачества посредством адаптированных программ («Про меня, казака и коня», «На Дону каждый казак — рыбак» и др.) [8].

Школьники среднего и старшего звена вовлекаются в культурно-образовательный процесс по следующим направлениям: духовно-патриотическое, исследовательское, творческое. Гармоничному вхождению личности ребенка в культурное пространство своего этноса способствует программа «Верхом по Верхнему Дону», рассчитанная на детей в возрасте от 10 до 18 лет. Целью программы является освоение этнокультурных традиций региона по сохранению и возрождению донского коневодства и казачьей жизни на Верхнем Дону.

Среди решаемых программой задач такие, как привлечение подрастающего поколения к изучению и сохранению исторических и культурных ценностей родного края; яркая пропаганда здорового образа жизни; создание условий для участников программы по овладению личностно-значимыми компетенциями по вопросам теории и практики коневодства; формирование умений и навыков по основным видам, тех-

никам верховой езды; укрепление психического, физического здоровья участников; творческая самореализация личности ребенка; содействие профессиональной ориентации детей и молодежи. Программа состоит из теоретической и практической части. Теоретическая часть дает представление об истоках донского казачества, роли коня в жизни казака, об основах коневодства и правилах взаимодействия с лошадьми, а также об отражении темы коневодства в различных видах искусства. На практической части осваивают умения и навыки по изученным темам. Отличительная особенность программы состоит в том, что она основана на интеграции особенностей этнокультурных традиций казачества (конь в казачьей культуре) и творчества М. А. Шолохова путем погружения участников в культуру прошлого, связывая ее с ценностями текущего времени. Программа рассчитана на 3 ступени обучения (4 года) [11].

Важнейшим подспорьем в погружении школьников в историко-литературный контекст XX в. являются не только экскурсии по экспозициям музеев («М. А. Шолохов. Время и судьба», «Усадьба М. А. Шолохова», «Приходское училище, где учился М. А. Шолохов» и др.), но и разработанные научными сотрудниками тематические интерактивные занятия, лекции, отражающие результаты многолетних исследований заявленной темы. Среди них «Прототипы героев романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» (10–11 кл.), «Великая Отечественная война в жизни и творчестве М. А. Шолохова» (5–11 кл.), «Не могу жить без природы» (1–11 кл.), «Из родословной М. А. Шолохова» (7–11 кл.), «Раннее творчество М. А. Шолохова. «Донские рассказы» (5–11 кл.), «Судьба человека — судьба народа» (5–11 кл.), «Историческая эпоха 1930-х гг. в романе М. А. Шолохова “Поднятая целина”», «Роль М. А. Шолохова в сохранении донской казачьей культуры» и мн. др. Лекторий, регулярно проходящий на объекте «М. А. Шолохов. Время и судьба», является важным источником пополнения достоверной информации о культуре, жизни и быте казачества, вехах жизни и творчества М. А. Шолохова.

Культурно-просветительский проект «Культурное наследие», разработанный МАУ «Информационно-методический центр образования» Ростова-на-Дону совместно с Музеем-заповедником М. А. Шолохова в 2019 г., успешно решает задачи по формированию эстетического вкуса учащихся общеобразовательных учреждений, приобщению подрастающего поколения к ценностям отечественного культурного наследия. Проект реализуется в онлайн-формате и составляется в соответствии с запрашиваемой школой тематикой содержания, возрастной катего-

рией учащихся. Мастер-классы чередуются с лекциями, исторические темы — с этнографическими (например, онлайн-экскурсия «История шолоховского дома», затем занятие «Сборы казака на государеву службу», «Казаки — народ музыкальный», викторина «Путешествие в историю и культуру Донского края» и т. д.). На каждую онлайн-трансляцию подключается порядка 30 школ Ростова-на-Дону. По окончании цикла — викторина или «квиз», памятные призы школе-победителю [12].

Ежегодный творческий конкурс «Наш Шолохов», проводящийся на протяжении трех десятков лет, собирает на родине писателя юных поклонников его творчества. Он проводится в трех номинациях — художественное чтение, изобразительное искусство, декоративно-прикладное творчество — для всех возрастных групп учащихся общеобразовательных школ и центров детского творчества. Конкурс выявляет талантливую молодежь, способствует популяризации наследия писателя, активизирует диалог подрастающего поколения с литературой и искусством [4].

Также ежегодно Музей-заповедник проводит Международный конкурс исследовательских работ школьников по экологии, организованный совместно с Министерством природных ресурсов и экологии Ростовской области и Неправительственным экологическим фондом имени В. И. Вернадского. В конкурсе традиционно принимают участие юные экологи из Центрального, Южного, Дальневосточного, Северо-Кавказского, Северо-Западного, Сибирского, Приволжского, Уральского федеральных округов Российской Федерации, а также Луганской Народной Республики, Казахстана, Абхазии, Приднестровской Молдавской Республики.

Обращаясь непосредственно к литературной составляющей диалога Музея с подрастающим поколением, необходимо отметить высокий уровень Международного конкурса школьных сочинений по произведениям М. А. Шолохова, приуроченный ко дню рождения писателя. Конкурс проводится Кафедрой русской литературы Института гуманитарных наук «Московского городского педагогического университета» совместно с Государственным музеем-заповедником М. А. Шолохова и редакцией научно-просветительского журнала «Мир Шолохова». Целью конкурса является привлечение общеобразовательных и средних специальных учебных заведений к творческому освоению художественных богатств русской литературной классики, произведений одного из наиболее выдающихся ее представителей — М. А. Шолохова. По итогам

конкурса лучшие работы отмечаются дипломами, тексты сочинений публикуются в научно-просветительском общенациональном журнале «Мир Шолохова» [10, с. 134].

Говоря о прикладных умениях, получаемых в процессе освоения музейного пространства, нельзя не упомянуть о кружковой работе, а именно: курсе «Юный археолог», также пользующемся большим интересом у школьников. Кружок «Юный археолог» начал свою работу в 2000 г. в музее-заповеднике М. А. Шолохова» и имеет свою историю. Его создание стало возможным благодаря раскопкам, проводимым сотрудниками археологической лаборатории исторического факультета Ростовского государственного университета (сейчас ЮФУ) на территории Вёшенского района в 80-е гг. XX в. Археологические находки как результат этих экспедиций, были переданы в фонды музея-заповедника. Наличие в музее археологических экспонатов позволило организовать для учащихся начальных классов такую форму внеурочной деятельности. Основная цель «Юного археолога» — познакомить детей с древнейшей историей родного края до образования Донского казачества. Занятия проходят по программе кружка согласно утвержденному тематическому плану. Цикл занятий рассчитан на 4 года и завершается итоговым уроком. В течение курса учащиеся в занимательной форме получают основные знания о науке археологии, которая раскрывает древности Донского земли [14, с. 171–177]. Археологические предметы притягивают своей многолетней историей, что позволяет детской аудитории испытывать чувство сопричастности к далекому прошлому.

В формировании экологической культуры подрастающего поколения большой вклад вносит детско-юношеское общественное движение «Шолоховский родник», объединяющее участников из России, Казахстана, Украины, Белоруссии с целью изучения и популяризации творческого наследия М. А. Шолохова, природы донского края, традиций донского казачества. Слеты участников движения проводятся ежегодно в летнее время на берегу Дона в палаточном лагере. Свообразным итогом образовательной и исследовательской деятельности участников движения «Шолоховский родник» стала детско-юношеская научная конференция «Шолоховская география: от истоков до Нобелевского триумфа», демонстрирующая высокую степень исследовательской активности участников. Материалы конференции издаются отдельным сборником [16].

Важной составляющей культурно-образовательного пространства является интеграция в событийные мероприятия, игровые исторические реконструкции и театрализованные представления. Всероссийский литературно-фольклорный праздник «Шолоховская весна», берущий начало в 1984 г., в первую весну после ухода М. А. Шолохова, является уникальным событийным мероприятием, получившим статус всероссийского (1987), а затем и международного праздника (1990). Это событие из года в год является центром притяжения представителей казачества со всей страны, устоявшейся в течение вот уже в течение четвертого десятка лет народной традиции. Основные элементы праздника появились в первый же год его проведения: литературные встречи, творческие вечера во Дворце культуры, театрализованная побудка на улицах станицы Вёшенская, народное гуляние на площади, выступления фольклорных коллективов на различных площадках, гала-концерт на сцене на донском берегу.

Географию гостей этого уникального праздника можно представить по многочисленным отзывам в «Книге посетителей» объектов Музея-заповедника М. А. Шолохова. Это наши соотечественники из Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Краснодара, Пензы, Ямало-Ненецкого АО, посетители из европейских и скандинавских стран — Германии, Италии, Англии, Норвегии, Финляндии, стран востока — Японии, Китая, а также из стран Северной и Южной Америки [15]. Новым витком развития «Шолоховской весны» является фестиваль «Детская Шолоховская весна», которым открывается основной литературно-фольклорный праздник «Шолоховская весна». Уже более 10 лет детские творческие коллективы из Ростовской, Волгоградской, Воронежской областей, Москвы принимают участие в празднике. Ежегодно до 25 коллективов встречается на шолоховской земле.

Двенадцать лет назад был запущен литературно-этнографический праздник «Кружилинские толоки», также отличающийся, прежде всего, своей аутентичностью. Цель этого этнографического праздника — показать мирную жизнь казаков, воссоздать определенный жизненный обычай казаков, который связывал семьи, предполагал обязательное участие в общем деле, взаимную помощь, будь то сбор урожая, сенокос или проводы на службу, сватовство, свадьба, крестины и др. В 2019 г. в Музее с большим размахом прошли 10-е по счету «Толоки».

Семь лет назад был запущен еще один массовый событийный праздник «Вёшенские шермиции. Конь казаку всего дороже». В духовной культуре казаков шермиции (их также называют «домашние игры») занимают особое место: они выступают механизмом трансляции культурного опыта, устанавливают межпоколенные связи. Шермиции издавна демонстрировали военную выучку и дух казаков. В обрядовых играх отрабатывались многие элементы техники и тактики ведения боев, демонстрировалась казачья жизнестойкость, выявлялись лучшие и достойные сыны, а также вырабатывались образцы поведения [1, с. 58]. На этнографическом празднике успешно идет процесс возрождения патриотизма с опорой на православные устои в жизни казаков, сохранения мастерства казачьей джигитовки, традиций донского коневодства.

Наконец, «Каргинская ярмарка на Покрова» как точная реконструкция казачьих ярмарок начала прошлого века. Мельничный комплекс Тимофея Каргина был известен далеко за пределами Области Войска Донского, а его владельца знали как организатора торговых ярмарок. С особым размахом проходила ярмарка в день Покрова Пресвятой Богородицы, с которым исстари связан праздник Войска Донского и 12-го Донского казачьего полка (икона «Покрова Пресвятой Богородицы» — покровительница 12-го Донского казачьего полка). О Каргинской ярмарке на Покрова в начале XX в. исследователь Н. В. Донскова пишет: «На ярмарке каждый торговал, как мог. Богатые, солидные купцы вели торговлю в каменных постройках и складах, специальных торговых рядах и гостиных дворах. Торговцы средней руки — в деревянных лавках, в балаганах и палатках, ларьках и киосках. Те, кто победнее, — в шалашах, крытых лубком или рогожами, а то и прямо с возов и телег. Кроме того, на каждой ярмарке было множество мелких торговцев. Это были коробейники, ходешники и прочие разносчики всякого товара» [3, с. 65].

Сегодня музей в точности продолжает традицию, заложенную Тимофеем Каргиным более сотни лет назад. Этот праздник собирает торговцев, ремесленников с Ростовской, Тульской, Волгоградской областей, Краснодарского края. В ней также принимают участие яркие фольклорные коллективы. На открытие Ярмарки приезжают деятели культуры, артисты.

Актуальной площадкой для широкой исследовательской и публикационной активности являются научно-практические конференции,

организуемые музеем. Международная научно-практическая конференция «Изучения творчества М. А. Шолохова на современном этапе: проблемы, концепции, подходы» («Шолоховские чтения») охватывает такие аспекты исследования, как «М. А. Шолохов в зарубежном и отечественном литературоведении», «Мировое значение творчества М. А. Шолохова», «Текстологический аспект изучения произведений М. А. Шолохова», «Донское казачество: история и современность», «М. А. Шолохов в контексте отечественной и мировой культуры» и мн. др. Ее постоянными участниками являются исследователи из США, Сербии, Японии, Италии, Германии, Азербайджана и других стран. По результатам конференции издается сборник научных статей «Вёшенский вестник», зарегистрированный в РИНЦ [2].

Международная научно-практическая конференция «Музей-заповедник: экология и культура» за годы своего существования (2004–2021) объединила в рассмотрении проблем природоохранной деятельности 41 государственный университет (МГУ имени М. В. Ломоносова, СПбГУ, ЮФУ и др.); 33 научно-исследовательских института (Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, ФНЦ агроэкологии РАН и др.), 39 музеев и музеев-заповедников России; 29 государственных биосферных заповедников национальных и природных парков [13]. Материалы исследований, выносимых для обсуждения, носят научно-практический характер и привлекают широкий круг специалистов, занимающихся проблемами экологии и сохранения памятников природно-культурного наследия, природоохранной деятельностью, мониторингом окружающей среды и ландшафтов, экологическим просвещением, изучением историко-культурных традиций шолоховских мест.

Давнее плодотворное сотрудничество связывает Музей-заповедник М. А. Шолохова с ведущим научным учреждением нашей страны — Институтом мировой литературы имени А. М. Горького РАН. За период сотрудничества были реализованы такие масштабные научно-издательские проекты, как «М. А. Шолохов. Письма (2003) [6]» «Шолоховская энциклопедия» (2012) [17], «“Очень прошу ответить по существу...” Письма читателей М. А. Шолохову. 1929–1955» (2020) [9]. В сфере реализации общих культурных проектов Музей-заповедник сотрудничает с такими вузами, как Московский государственный университет технологий и управлений имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), Южный федеральный университет, Донской государственный техниче-

ский университет, Волгоградский государственный институт искусств и культуры и др.

В данном докладе не освещены совместные выставочные проекты с российскими и зарубежными музеями, поскольку эта ветвь деятельности, требующая отдельного внимания.

Таким образом, в Музее-заповеднике М. А. Шолохова многоаспектно развивается научно-исследовательская и культурно-просветительская деятельность, ориентированная на поэтапное, всестороннее формирование духовно-нравственной составляющей культуры посетителя. В течение нескольких десятилетий Музей-заповедник выступает широкой площадкой для диалога о русской культуре, ее состоянии и ее проблемах, о нравственно-патриотическом воспитании подрастающего поколения, о преемственности духовных ценностей. Воплощая на практике различные программы для подрастающего поколения, молодежи, посетителей среднего, «серебряного» возрастов, со временем мы замечаем плоды нашей просветительской деятельности. Молодые люди, приходившие в музей еще детьми, обязательно возвращаются снова уже, будучи студентами вузов, для исследовательской практики, участия в фестивалях или массовых мероприятиях. Многие посетители приводят в музей своих детей, чтобы и они вписали свои страницы в «Роман под открытым небом».

Использованная литература:

1. *Болдырев В. В.* Популяризация воинской культуры донских казаков в Музее-заповеднике М. А. Шолохова. Вёшенские шермиции // Музей-заповедник: экология и культура: матер. VI междунар. науч.-практ. конфер. Ростов н/Д.: Книга, 2015. С. 55–59.
2. Вёшенский вестник № 20: сб. матер. междунар. науч.-практ. конфер. «Изучение творчества М. А. Шолохова на современном этапе: проблемы, концепции, подходы» («Шолоховские чтения–2020») и науч. ст. Ростов-н/Д.: Принт-Сервис, 2020.
3. *Донскова Н. В.* Возрождение Каргинской ярмарки на Покрова // Музей-заповедник: экология и культура: матер. VI междунар. науч.-практ. конфер. Ростов н/Д.: Книга, 2015. С. 64–68.
4. *Каргина О., Долгова Ю.* Мир Шолохова глазами детей // Государственный музей-заповедник М. А. Шолохова: официальный сайт. URL: <http://www.sholokhov.ru/museum/News/2021/n3309/> (дата обращения: 29.08.2021).

5. *Макеева И. А.* Педагогические аспекты музейной деятельности: историко-теоретический анализ // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 3. Т. 1. С. 113–117.
6. *Шолохов М. А.* Письма / под общ. ред. А. А. Козловского и др. М.: Ин-т мир. лит-ры РАН, 2003.
7. Музей-заповедник М. А. Шолохова — детям // Государственный музей-заповедник М. А. Шолохова: официальный сайт. URL <http://www.sholokhov.ru/children/master-klassy/> (дата обращения: 20.04.2021).
8. Музейный инклюзивный проект «Лазорики. Навстречу солнышку» // Государственный музей-заповедник М. А. Шолохова: официальный сайт. URL: http://www.sholokhov.ru/children/muzejnij_inklyuzivnyj_projekt_lazoriki_navstrechu_solnyshku/ (дата обращения: 20.04.2021)
9. «Очень прошу ответить мне по существу...». Письма читателей М. А. Шолохову. 1929–1955 / отв. ред. Н. В. Корниенко. М.: Ин-т мир. лит-ры РАН, 2020.
10. О Международном конкурсе школьных сочинений по произведениям М. А. Шолохова (к 115-летию со дня рождения писателя) // Мир Шолохова. 2020. № 2. С. 134.
11. Пояснительная записка к программе «Верхом по Верхнему Дону» // Научный архив Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова.
12. Проект «Культурное наследие» // Государственный музей-заповедник М. А. Шолохова: официальный сайт. URL: https://sholokhov.ru/children/projekt_kulturnoe_nasledie/ (дата обращения: 10.09.2021).
13. Сотрудничество Музея-заповедника М. А. Шолохова с академическими и отраслевыми университетами по природоохранной деятельности // Государственный музей-заповедник М. А. Шолохова: официальный сайт. URL: <https://sholokhov.ru/museum/News/2021/n3381/> (дата обращения: 15.09.2021).
14. *Усова С. А.* Археологическая викторина «Донской край в древности» (для учащихся 9–11 классов) // Музей Шолохова — детям: сб. метод. матер. по нравственно-патриотическому воспитанию школьников. Ростов-н/Д.: Книга, 2012. С. 171–177.
15. Шолоховская весна: Альбом. Вёшенская: Государственный музей-заповедник М. А. Шолохова, 2015.
16. Шолоховская география: от истоков до нобелевского триумфа: матер. V междунар. детско-юношеской науч. конфер. (Вёшенская, 26 апреля, 2017 г.). Сборник. Ростов н/Д: Книга, 2017.
17. Шолоховская энциклопедия / гл. ред. Ю. А. Дворяшин. М.: Синергия, 2012.

Lydia M. SLYUSARENKO,

Scientific Secretar, National Sholokhov Museum Reserve,
Postgraduate Student, Krasnodar State Institute of Culture,
Veshenskaya, Rostov Region, Russia, lida_nik86@mail.ru.

Cultural and Educational Potential of the National Sholokhov Museum-Reserve in the Dialogue about National Identity

The modern concept of the development of the National Sholokhov Museum-Reserve called "An Open-Air Novel", presents the museum as a social institution, a platform for multicultural dialogue. It assumes not only the involvement of the visitor in the dynamic activities of the museum, which include a wide range of excursion services, but also a deep immersion in the layers of the epoch associated with the M. A. Sholokhov creative heritage, the history of the Don Cossacks. The cultural and educational activities of the museum comprehensively illuminate the personality of Mikhail A. Sholokhov, a world-famous writer, public figure, cultural mediator; deepen the understanding of the Cossacks as a community of representatives of various nationalities; focus on the dialogue of cultures.

Keywords: Mikhail A. Sholokhov, museum-reserve, national culture, dialogue, social institute, cultural heritage.

Е. В. Макарова*

Музей локальной истории: актуализация наследия как фактор сохранения и трансляции локальной идентичности

Статья посвящена представлению и анализу опыта работы музея «Заельцовка», одного из отделов Музея Новосибирска, — музея локальной истории нового типа, по актуализации историко-культурного наследия и формированию, трансляции идентичности. Актуальность этой проблематики объясняется динамикой социокультурных трансформаций, расширением понятия «наследие», увеличением числа коммуникативных практик в сфере презентации наследия обществу. Уже на этапе организации музей «Заельцовка» Новосибирска был нацелен на работу с местным сообществом,

* МАКАРОВА Елена Валериевна, заведующая музеем «Заельцовка» Музея Новосибирска, председатель Заельцовского районного отделения Новосибирского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), Новосибирск, Россия, director-super.muzej@yandex.com.

освоение регионально-локального историко-культурного наследия. За период с 2013 по 2020 гг. была создана и неоднократно модернизировалась научно-фундированная тематико-хронологическая экспозиция, отражающая историю и современное развитие Заельцовского района. Успешно внедрена коммуникационная модель Музей «Заельцовка» как социокультурный центр района большого города. Актуальное и перспективное значение для функционирования «Заельцовки» как музея локальной истории нового типа имеет реализация межведомственного проекта «Мы земляки», транслирующего регионально-локальную идентичность Новосибирской области, выставочная и музейно-педагогическая деятельность, работа по освоению историко-культурного наследия района.

Ключевые слова: Музей «Заельцовка», город Новосибирск, музей локальной истории нового типа, социокультурный центр района большого города, экспозиция, проект «Экскурсия с Земляком», выставочная деятельность, актуализация наследия, трансляция идентичности.

В гуманитарном знании XXI в. существует ряд фундаментальных актуальных проблем, среди которых глобализация, ставшая заметной особо ярко уже во второй половине XX в., повлиявшая на все сферы жизнедеятельности общества, в том числе и на социокультурную. Следствием этих трансформаций стало развитие городской культуры, включающей в себя урбанизированный стиль жизни с достаточно жесткой дифференциацией социума, размыванием социальной и культурной идентичности человека.

Еще одной проблемой является формирование общества потребления, отрицающего необходимость интеллектуального, духовного, нравственного развития человека, продуцирующего нового члена общества — с узким кругозором, примитивными представлениями о мире и, как следствие, с деградацией его как личности, ростом уровня невежественности и бескультурия, декларированием отрицания интеллектуального, духовного и нравственного развития человека, негативным воздействием массовой культуры.

Эти процессы обуславливают усиление роли культурных и социальных институтов, формирующих и поддерживающих гражданскую и культурную идентичность, среди которых одним из приоритетных является музей. Отражая реалии определенной исторической эпохи и одновременно являясь средством формирования эпохи действующей, музей, используя свое пространство, совершенствуя и развивая формы и методы работы, «соединяет» воедино поколения людей, формируя и актуализируя социальную и гражданскую идентичность. Особая роль в этом процессе принадлежит музеям локальной истории района боль-

шого города. Именно современный музей района большого города становится социокультурным центром соответствующего территориально-административного образования, транслирует культурно-историческую информацию, актуализирует наследие своей локации, формирует его культурную и локальную идентичность. Главным условием успешности этих процессов выступает эффективное взаимодействие музея локальной истории района большого города и местного сообщества.

В основу модели музея «Заельцовка» как культурно-коммуникационной системы, позволяющей не только хранить и популяризировать историческое и культурное наследие, но и передавать накопленное историко-культурное наследие «из уст в уста», транслировать новые знания, подчеркивать уникальность места, где ты живешь, а также формировать у подрастающего поколения и молодежи культурные потребности, организовывать их досуг, создавать специальные условия для социальной, гражданской активности и при этом постигать новые культурные ценности, модели поведения [2, с. 179], положены следующие коммуникативные принципы:

- эффективное взаимодействие со всеми общественными группами, сообществами, социальными институтами, организациями всех сфер жизни общества локации;
- ориентация на все виды работы с наследием, в том числе трансляцию новых знаний, подчеркивающих уникальность места, выявление и развитие у населения, особенно молодого поколения, культурных и музейных потребностей;
- создание необходимых условий для социальной, гражданской активности молодежи, способствующих постижению культурных ценностей;
- реализация имиджинговой политики, демонстрирующей многогранность и приоритеты Заельцовского района Новосибирска и города в целом в социокультурном пространстве Сибирского региона.

Занимаясь изучением и сохранением истории одного из крупных административных районов г. Новосибирск, музей «Заельцовка» в первую очередь является центром научного документирования и исследования истории территории, которую в настоящее время занимает Заельцовский район. Документирование и репрезентация исторических источников в музее «Заельцовка» происходит комплексно — в совокупности научно-исследовательской, фондовой, культурно-

просветительной и социальной деятельности. Это делает данный музей значимым образовательно-воспитательным центром, осуществляющим процесс передачи социальной и исторической памяти, культурных норм, традиций.

Постоянная научно-фундированную экспозиция музея «Заельцовки» успешно выступает каналом коммуникации с посетителем в сфере наследия. Демонстрируя комплекс музейных предметов, документов и фотоматериалов, содержащих элементы, логически связывающих его с предыдущим и последующим [4, с. 146], музей презентует совокупность практик обыденной жизни, одновременно создает знаково-символическую систему частной и коллективной памяти и выполняет роль катализатора воспоминаний. Используя методики работы как с материальными, так и с нематериальными историческими источниками, музей «Заельцовка» успешно транслирует «устную» историю, аудиовоспоминания старожилов, долгожителей района через систему аудиализации экспозиции.

Одним из приоритетных экспозиционных пространств в экспозиции музея «Заельцовка» является совокупность материальных и мемориальных комплексов под единой темой «Они делали историю». Такая персонификация наследия, отражение роли выдающихся личностей в истории страны, города, района, населенного пункта также является одной из определяющих черт музеев локальной истории нового типа. Эти комплексы сопровождаются специализированными тематическими экскурсиями, музейно-педагогическими и профориентационными занятиями, тематическими буклетами для посетителей: «В. М. Мышь (1873–1947) — хирург-профессор по призванию», «“Золотой директор” Б. С. Галушак (1934–1999 г.)» [3, с. 217] и др.

Как показал опыт работы отражение жизнедеятельности выдающихся людей, представителей разных профессий становится существенным ресурсом, необходимым для самоидентификации населения, формирования его самосознания на фундаменте общечеловеческих моральных ценностей и принципов. В музеях локальной истории оно служит объективной основой для транспоколенной передачи традиций, направленных на гражданско-патриотическое воспитание.

Для актуализации и интерпретации культурного и исторического наследия Заельцовского района, активизации его социокультурной роли музеем «Заельцовка» разработан комплекс мероприятий, например, проект «Экскурсия с Земляком». В его рамках экскурсии по экспозиции

музея или по историческим местам Заельцовского района проводят директора учреждений и районообразующих предприятий, представители депутатского корпуса и другие известные жители Заельцовского района. Например, мэр г. Новосибирск А. Локоть, чемпион мира по боксу М. Алоян, депутат Законодательного собрания Новосибирской области А. Жирнов и др.

Масштабным, актуальным и перспективным с 2015 г. и по настоящее время является межведомственный проект «Мы — земляки», обусловленный экономической и социокультурной целесообразностью знакомства населения Новосибирска и районов области с общей историей, современностью и перспективами развития региона, роли его жителей в истории нашей страны.

Таким образом, являясь учреждением культурного представительства Заельцовского района Новосибирска, экспонирующим объекты историко-культурного наследия, отражающим формы социального опыта, характерного для района, музей формирует и актуализирует локальную идентичность, позволяющую обеспечить самоидентификацию человека:

- с местом рождения, местом жительства;
- с особенностями ландшафта, климата;
- со значимыми историко-культурными событиями;
- со значимыми людьми;
- с экономической специализацией территории и уровнем социально-экономического развития;
- с особыми реальными или приписываемыми чертами коллективного поведения.

Учитывая, что современное общество развивается в быстромеменяющихся условиях, требующих постоянных трансформаций и изменений музеев, форм и средств его деятельности, музей «Заельцовка» постоянно расширяет спектр приемов, средств и способов актуализации и трансляции наследия [1] [5].

Использованная литература:

1. Актуальные формы работы музея «Заельцовка»: методические подходы и практическая реализация: сборник научно-методических материалов. Вып. 1. (препринт) / авт.-сост. Е. В. Макарова, О. Н. Шелегина. Новосибирск: Б. и., 2017.

2. Макарова Е. В. Расширение коммуникативного пространства в тренде интеграции культуру — образования — науки (из опыта работы Музея «Заельцовка») // Музей — ресурс гражданско-патриотического воспитания. Методические материалы из опыта работы музеев всех видов. Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2018. С. 177–180.
3. Макарова Е. В. Формирование музея «Заельцовка» как музея локальной истории нового типа // Исторический курьер. 2021. № 2. С. 214–222.
4. Макарова Е. В., Шелегина О. Н. Образовательно-воспитательные аспекты регионального социокультурного проекта «Мы — земляки» // Музейные тетради Крымской музеологической школы. Методологические, методические и информационно-справочные материалы. Вып. 3. Крым; Коктебель: Антиква, 2018. С. 145–154.
5. Новации в музейном мире. На пути к музею локальной истории нового типа: сб. науч. ст./ отв. ред. И. В. Чувилова, О. Н. Шелегина. Новосибирск: Ин-т истории Сибирского отделения РАН, 2017.

Elena V. MAKAROVA,

Head, Department Museum “Zaeltsovka”, Museum of Novosibirsk,
Chairman, Zaeltsovsky District Branch, Novosibirsk Regional Branch,
All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural
Monuments, Novosibirsk, Russia, director-super.muzej@yandex.com.

Museum of Local History: Heritage Actualization as a Factor in the Preservation and Transmission of Local Identity

The article deals with the presentation and analysis of the experience of the museum “Zaeltsovka”, a department of the Museum of Novosibirsk, which is a museum of local history of a new type, for the actualization of historical and cultural heritage and the formation, translation of identity. The relevance of this issue is explained by the dynamics of socio-cultural transformations, the expansion of the concept of “heritage”, an increase in the number of communicative practices in the field of presenting heritage to society. From the stage of its starting, the museum “Zaeltsovka” of the city of Novosibirsk was aimed at working with the local community, mastering the regional-local historical and cultural heritage. During the period from 2013 to 2020, a scientifically-based thematic and chronological exposition was created and repeatedly modernized, reflecting the history and modern development of the Zaeltsovsky district. The communication model “Zaeltsovka Museum” as a socio-cultural center of the big city district has been successfully implemented. The implementation of the interdepartmental project “We are

fellow countrymen”, broadcasting the regional-local identity of the Novosibirsk region, exhibition and museum-pedagogical activities, work on the development of the historical and cultural heritage of the district, has an urgent and promising significance for the functioning of Zaeltsovka as a museum of local history of a new type.

Keywords: *Museum “Zaeltsovka”, Novosibirsk city, museum of local history of a new type, socio-cultural center of the big city district, exposition, project “Excursion with a Countryman”, exhibition activity, actualization of heritage, broadcasting of identity.*

РАЗДЕЛ 2

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ: ПРАКТИКИ АКТУАЛИЗАЦИИ

*Е. С. Студеникина**

Отечественное научно-техническое наследие как ресурс формирования позитивной гражданской идентичности молодежи¹

Цель статьи — выявить роль информированности молодежи об отечественном научно-техническом наследии в формировании гражданской идентичности и позитивных образов будущего страны. Эмпирическую базу исследования составляют результаты фокус-групповых дискуссий, проведенных в двух важнейших геостратегических зонах — Краснодарском крае (2 группы) и Республики Крым (2 группы), — в которых приняли участие представители учащейся и работающей молодежи. Результаты проведенного исследования демонстрируют фрагментарность знаний молодых людей о развитии

* СТУДЕНИКИНА Елена Станиславовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия, el.studenikina@yandex.ru.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения гранта Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований на тему «Политика памяти как ресурс формирования гражданской идентичности и позитивного образа будущего страны в сознании молодежи Юга России», проект № 21-011-31514-опн.

отечественной науки и техники. В то же время достижения российских ученых и инженеров вызывают у молодежи чувство гордости за страну и потенциально могут быть основой для консолидации и формирования позитивной гражданской идентичности. Доминирующими источниками информации по данной теме для современной молодежи являются интернет и, в меньшей степени, документальные и художественные фильмы, учебники.

Ключевые слова: гражданская идентичность, молодежь, наука, техника, научно-техническое наследие.

В современных социальных науках изучение политики памяти, гражданской идентичности и образа будущего становится все более популярным [3]. Лейтмотивом стал тезис о влиянии памяти на коллективную идентичность. Формирование идентичности (в том числе и гражданской) активно происходит в юношеском возрасте. Позитивный образ будущего России крайне важен для формирования в молодежной среде позитивной гражданской идентичности [2].

Так как образ будущего конструируется с опорой на исторический опыт, при наличии противоречивых версий истории возможны неоднозначные образы будущего. Образы прошлого у разных поколений могут иметь уникальное наполнение, а значит и представления о будущем способны различаться, тем самым приводить к социальной напряженности. В то же время государственная политика памяти, транслируемая через различные каналы (систему образования, СМИ и др.) обладает консолидирующим потенциалом [1]. В условиях социальной динамики предельно важным стал тезис о фокусировании индивидов на тех образах прошлого, где проявляется их солидарность.

В новейшей отечественной истории имеются трудные темы, среди которых революционные события 1917 г., Гражданская война, раскулачивание, массовые репрессии, Великая Отечественная война, депортация народов, авария на Чернобыльской АЭС, война в Афганистане, распад СССР, вооруженные конфликты в Чечне.

Сложность восприятия и оценки этих событий связана с наличием у разных поколений граждан нашей страны травматического опыта, способного расколоть современное российское общество. Поэтому задача властей — конструировать общий нарратив, в котором опасные вопросы прошлого подвергаются проработке: они попадают в зону умолчания исторической памяти либо становятся объектом «учредительного забвения» [5], необходимого для создания и поддержания новой российской идентичности.

Однако «живая», неофициальная история, представленная свидетельствами очевидцев, устные рассказы из семейной биографии способны давать иное видение прошлого. В результате официальный исторический дискурс и коммеморации в молодежной среде могут совпадать, смешиваться или сталкиваться между собой. Такие корреляции в исторической памяти способствуют формированию «позитивной», «спутанной» или «негативной» идентичностей [4, с. 170–182].

Противоречия официального исторического дискурса и реального опыта молодых людей могут сформировать «кризис идентичности» или даже негативную идентичность, что представляет значительную опасность для устойчивого развития социума.

Особое место в государственной политике памяти занимает разработка темы вклада российских ученых в развитие мировой науки и технологий. Эта «особость» связана с тем, что научно-техническое наследие не вызывает негативных коннотаций у широких слоев населения; как правило, не имеет этнической и/или конфессиональной «привязки» и в силу этого может стать фактором, сплачивающим общество.

Кроме того, информация о прошлых и настоящих научных достижениях, обычно распространяется по официальным каналам (школьные и вузовские учебники, новостные ленты, специальные телепередачи, документальные и художественные фильмы и т. д.). Крайне редко эта тема поднимается в семейной истории, а, следовательно, именно на государстве лежит ответственность за ее популяризацию.

В рамках исследования «Политика памяти как ресурс формирования гражданской идентичности и позитивного образа будущего страны в сознании молодежи Юга России» нашим коллективом были проведены 4 фокус-групповые дискуссии (по 2 фокус-группы в Краснодарском крае и Республике Крым). В каждом из регионов одна группа включала в себя учащихся школ, колледжей и вузов от 16 до 22 лет, а вторая — работающую молодежь в возрасте от 21 года до 30 лет.

Чаще всего в качестве примера российского научно-технического наследия респонденты говорили о покорении космоса (запуск первого искусственного спутника Земли, полет человека в космос, создание космических станций и т. д.) и изобретении радио.

Работающая молодежь Краснодарского края также упомянула в числе известных научных достижений лампу накаливания А. Н. Лодыгина, водородную бомбу, розетку на 220В М. О. Доливо-Добровольского, периодическую таблицу Д. И. Менделеева (и так же в связи с этим

ученым водку). Учащиеся рассказали об использовании наркоза в полевых условиях Н. И. Пироговым, работах Н. И. Вавилова по селекции растений, самолетостроении накануне и в годы Великой Отечественной войны: *«во-первых, это изобретение радио Поповым, во-вторых, это первое применение наркоза Пироговым и Фёдором Иноземцевым»* (Владимир, студент, Краснодарский край, Краснодар).

Учащаяся молодежь Крыма отметила развитие атомной энергетики («мирного атома»), разработку вооружений (танк Т-34) и вакцины от чумы: *«это мирный атом, открытия ядерной энергетики, полет в космос, конечно же, потому, что изобретение всего этого — это большой прорыв»* (Елена, школьница, РК, Севастополь), *«первое в голову пришло — это военное вооружение, танк Т-34, что касается медицинской науки, мне пришло в голову изобретение вакцины от чумы. Прививка Хавкина»* (Ксения, студентка, Республика Крым, Симферополь),

Работающие молодые крымчане считают важными достижениями развитие авиа- и ракетостроения, IT-технологий и разработку вакцин от коронавируса. Кроме того, они отметили автомат Калашникова как известную во всем мире российскую техническую разработку. Все перечисленные открытия и разработки вызывали у молодежи чувство гордости и позитивные эмоции: *«космические достижения, например, я вот тоже очень горжусь этим, и, на самом деле, это очень круто для будущего России»* (Дарья, инженер, Республика Крым).

Перечисляя выдающихся деятелей в сфере науки, молодые люди называли фамилии Сергея Павловича Королева, Александра Степановича Попова, Николая Ивановича Пирогова, Дмитрия Ивановича Менделеева, Николая Ивановича Вавилова, Владимира Ароновича Хавкина, Михаила Тимофеевича Калашникова, также респонденты отметили не только собственно российских ученых, но и выходцев из нашей страны, которые развивали науку за рубежом (вклад в разработку интернета и т. д.) *«И меня недавно поразило — я смотрел на каком-то ютуб-канале на учпона про парня, который на розетку 220 вольт во всем мире установил стандарты, поправил технологии Теслы. Это был российский чувак, но его изгнал царь за оппозиционные взгляды. Но это был чисто русский, он свои наработки всему миру дал»* (Сергей, самозанятый, Краснодарский край).

Следует отметить, что большинство кубанских девушек затруднилось с ответом на вопрос о достижениях российских ученых, и основная информация была получена от юношей. Среди крымской молодежи активность молодых людей и девушек была примерно одинаковой.

Неоднозначной была оценка респондентами современного (в том числе и научно-технического) состояния страны и ее возможного будущего. По мнению учащейся молодежи Краснодарского края, наша страна опережает другие в развитии военной отрасли и отстает в экономике, социальной сфере и перерабатывающей промышленности. Учащиеся Крыма считают, что кроме развития военной индустрии и освоения космоса важным достижением нашей страны является отсутствие дискриминации по расовому и половому признаку. Отставание на их взгляд происходит в машиностроении, образовании и компьютерных технологиях.

Ответы работающей молодежи показали более заметные региональные отличия. Молодые жители Краснодарского края, имеющие собственный опыт работы в различных сферах, указали лидирующее положение России в сфере банковских технологий (в частности, скорость переводов), доступность и высокую скорость интернета, а также развитие индустрии красоты. Свою точку зрения они аргументировали и подкрепляли примерами. *«Я считаю, что в России действительно очень хорошая банковская система, потому что в той же Америке или в Канаде очень плохо развита именно банковская коммуникация в плане переводов. У нас отличное покрытие интернета, т. е. доступ есть везде, всегда»* (Юрий, 24 года, механик, Краснодарский край).

Работающие крымчане отметили опережающее развитие вооружений и авиации, отставание в развитии экономики, социальной сферы (помощь пенсионерам и инвалидам), медицины и проблемы с инфраструктурой городов.

На вопрос о том, когда наука и техника в нашей стране развивалась наиболее успешно, большинство учащихся Краснодарского края и Крыма указали период СССР: *«в Советском Союзе, если говорить именно о науке и технике, то произошел огромный прорыв, безусловно, поскольку это все взяло под свой контроль государство»* (Владимир, студент, Краснодарский край, Краснодар). Лишь по одному участнику обозначили в качестве такового XIX в. и современный период.

Среди работающих респондентов мнения разделились: упоминалась и дореволюционная Россия (молодые люди подчеркивали, что тогда преобладали собственные оригинальные изобретения, а не заимствования), советский период (так как государство контролировало и стимулировало развитие науки и техники), а также современность (как эпоху,

когда ситуация быстрых изменений в различных областях подталкивает к развитию технологий).

По мнению респондентов, наиболее важными для будущего страны областями являются социальная сфера, экономика, энергетика (в первую очередь альтернативная), космос, информационные технологии, медицина, наука и культура, образование. Причем молодые люди подчеркивали необходимость сбалансированного развития различных отраслей и сфер общественной жизни: *«мне кажется, что фокусироваться на чем-то одном не совсем правильно, потому что, сфокусируемся на одном, будут отставать другие сферы. Соответственно, нужно стараться развивать все в меру. Та же энергетика, медицина, экономика — это все очень важно в моем понимании. И нужно за всем приглядывать и, как минимум, стараться не отставать, так сказать»* (Дмитрий, студент колледжа, Краснодарский край, Армавир).

В целом, в ответах учащиеся чаще опирались на сведения, полученные из интернета или других СМИ, а работающие относились к информации более критично и использовали собственный, пусть и небольшой, жизненный опыт.

Основными источниками информации, которые они используют для знакомства с прошлым и настоящим страны опрошенные молодые люди назвали Википедию, документальные фильмы, ютуб-каналы (например, «История России», блог Клим Жукова и др.), различные сайты, художественные фильмы (*«ну, как АК-47, автомат Калашникова, о котором только в этом году был снят фильм. Только из художественных фильмов мы можем знать наших героев»* (Анна, специалист в сфере ЖКХ, Республика Крым)), исторические сериалы, ВКонтакте, Telegram-каналы. Причем телевизионные передачи и фильмы чаще указывали работающие молодые люди, а у учащихся уверенно лидирует интернет (в частности, новостные ленты и социальные сети).

Таким образом, информация о прошлых и настоящих отечественных достижениях в науке и технике является не травматическим, а вдохновляющим опытом, способным формировать у молодежи чувство гордости за свою страну и стать основой для развития позитивной гражданской идентичности.

Однако можно отметить не очень большую осведомленность молодежи о российском научно-техническом наследии, что говорит о недостаточном внимании к данной теме в конструировании государственной политики памяти. Учитывая интерес молодых людей к документальным

и художественным фильмам, а также блогам по истории, следовало бы создавать больше программ в таких форматах для популяризации достижений российских ученых и инженеров.

Использованная литература:

1. Дробижева Л. М. Консолидирующая идентичность в общероссийском, региональном и этническом измерениях // Перспективы. Электронный журнал. 2018. № 3. С. 6–21.
2. Комаровский В. С. Образ желаемого будущего России: проблемы формирования // Власть. 2000. № 28. С. 45–50.
3. Сулима Е. Н. Гражданская идентичность как ресурс государства // Ценности и смыслы. 2017. № 3. С. 8–17.
4. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. 2-е изд. М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006.
5. Connerton P. Seven types of forgetting // Memory Studies. 2008. № 1. P. 62–64.

Elena S. STUDENIKINA,

Cand. Sci. (Social Structure, Social Institutions and Processes),
Assoc. Prof., Department of Sociology, Kuban State University,
Krasnodar, Russia, el.studenikina@yandex.ru.

Russian Scientific and Technical Heritage as a Resource for the Formation of Positive Civic Identity of Youth

The purpose of the article is to identify the role of youth awareness of the national scientific and technical heritage in the formation of civic identity and positive images of the country's future. The empirical basis of the study is the results of focus group discussions held in two major geostrategic zones — the Krasnodar Territory (2 groups) and the Republic of Crimea (2 groups), which were attended by representatives of students and working youth. The results of the study demonstrate the fragmentary knowledge of young people about the development of science and technology. At the same time, the achievements of Russian scientists and engineers arouse a sense of pride in the country among young people and, potentially, can become the basis for the consolidation and formation of a positive civic identity. The dominant source of information on this topic for modern youth is the Internet, to a lesser extent — documentaries and feature films, textbooks.

Keywords: civic identity, youth, science, technology, scientific and technical heritage.

А. Н. Еремеева*

Научные учреждения и университеты как туристические достопримечательности¹

В статье рассматриваются возможности расширения объектов туристического показа за счет высших учебных заведений и научных учреждений с учетом опыта, имеющегося в России и за рубежом. Туристический потенциал учебных заведений и учреждений науки анализируется с учетом особенностей их архитектурного облика. Особое внимание уделено зданиям и сооружениям Юга России, построенным в советский период, до сих пор не охваченным вниманием организаторов туристической индустрии. Среди них — здания Дагестанского государственного аграрного университета в Махачкале, сооруженное по проекту И. В. Жолтовского, Всероссийского научно-исследовательского института табака, махорки и табачных изделий в Краснодаре, архитектурно-парковый ансамбль Кубанского государственного аграрного университета.

Ключевые слова: туризм, научные учреждения, высшие учебные заведения, достопримечательности, советская архитектура, экскурсии.

Государственный курс на развитие внутреннего и въездного туризма, обусловленный экономическими, идеологическими, культурными факторами, требует совершенствования туристической инфраструктуры и туристических ресурсов, в том числе разнообразия маршрутов, мест посещений.

В данной статье рассматривается туристический потенциал научных учреждений и высших учебных заведений российских регионов с учетом особенностей архитектурного облика зданий и сооружений.

Посещение знаменитых университетов, университетских городов, научных центров в рамках туристических поездок имеет давние традиции во многих странах. Старейший в Европе Болонский университет, парижская Сорбонна, британские Кембридж и Оксфорд, американские университеты — Стэнфордский, Колумбийский, Принстонский,

* ЕРЕМЕЕВА Анна Натановна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия, epana@mail.ru.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва» по теме «Архитектурно-градостроительное наследие советской эпохи: историко-культурная ценность, актуализация и сохранение», № ГР 122020800075–7.

Йельский, Гарвардский, Массачусетский технологический институт стабильно привлекают внимание туристов, причем далеко не только потенциальных абитуриентов и их родителей. Важной предпосылкой этого является развитая инфраструктура: обзорные площадки, специальные средства передвижения внутри городков, туристические офисы, организуемые экскурсии, информационное обеспечение (карты, аудиогиды, реклама в интернете, виртуальные туры на сайте) и т. д.

Дополнительным стимулом выступают находки ландшафтного проектирования, архитектура, уникальные сооружения и арт-объекты. Например, на территории калифорнийского Стэнфордского университета это исторические здания корпусов в мексиканском стиле, башня Гувера высотой 87 метров, мемориальная церковь с замечательными витражами и мозаикам — пример поздневикторианского церковного искусства и архитектуры с «отголосками» прерафаэлитизма, сад скульптур Огюста Родена, Центр изобразительных искусств И. и Б. Д. Канторов — художественный музей с огромной коллекцией роденовских скульптур, произведениями живописи. Неслучайно, университет является центром притяжения большинства путешествующих по Силиконовой долине.

Ведущие российские вузы также привлекают внимание потенциальных абитуриентов, туристов, участников научных форумов посредством организации экскурсионных программ. В выигрышной ситуации, по понятным причинам, оказываются учреждения, занимающие исторические, дореволюционные территории с аутентичными постройками. Например, Тимирязевская академия (РГАУ–МСХА) организывает бесплатные экскурсии «Культурное наследие Петровского-Разумовского» по территории одноименной усадьбы. Санкт-Петербургский горный университет предлагает 10 экскурсий, большинство из которых носят естественнонаучный характер («Планета Земля», «Горные породы как облицовочный и декоративный материал» и др.), а одна — обзорная — предлагает знакомство с архитектурным ансамблем вуза и основными музейными экспозициями.

Демонстрация построек советской эпохи — важная составляющая экскурсий по Московскому государственному университету. В центре внимания — главное здание МГУ, являющееся самой высокой из сталинских высоток столицы (высота со шпилем — 240 метров). Ее создание связано с именами ведущих советских архитекторов Б. М. Иофана, Л. В. Руднева, С. Е. Чернышева, П. В. Абросимова, А. Ф. Хрякова, скульпторов В. И. Мухиной, Г. И. Мотовилова. Экскурсии «Сталинская

высотка», «Семь легенд сталинской высотки» обязательно включают посещение ротонды — напоминающего греческий храм колонного зала под огромным куполом 31 этажа. В постоянной экспозиции хорошо отражена история возведения университетских зданий и сооружений на Воробьевых горах, трансформация первоначальных замыслов. Здесь же имеются материалы по строительству других сталинских высоток.

Отдельного внимания заслуживает скульптурное оформление вуза — бюсты и памятники выдающимся ученым (М. В. Ломоносову работы Н. В. Томского, Д. И. Менделееву работы А. О. Бембеля и др.), монументальная композиция В. И. Мухиной «Вечная молодость науки» — бронзовые девушка и юноша у входа в главный корпус, а также садово-парковый ансамбль на территории около 60 га, разработанный архитекторами М. И. Прохоровой, М. П. Коржевым, В. Н. Колпаковой.

Большой интерес представляют наукограды советского периода. Ранее они, за редким исключением, имели статус закрытых, «почтовых ящиков». Строившиеся практически одновременно, наукограды демонстрируют общие градостроительные тенденции конкретных периодов (позднесталинского, хрущевского, брежневского) и существовавшие в СССР представления об архитектурном облике научных сооружений.

Пример открытого для туристов с советских времен наукограда — Новосибирский Академгородок — ныне имеет статус достопримечательного места. Проспект Лаврентьева, на котором расположено 20 научных учреждений, внесен в книгу рекордов Гиннеса как «самая умная улица в мире». Каждое учреждение, с его постройками, мемориальными досками, памятниками достойно внимания. Подробная характеристика историко-культурного наследия Новосибирского Академгородка дана в монографии Н. Н. Покровского, Г. М. Запорожченко и О. Н. Шелегиной [4]. До сих пор туристический потенциал «сибирского чуда XX века», как и других наукоградов, «потерявших» статус секретных, не используется в полной мере.

На Юге России, где наукограды отсутствуют, интерес как объекты туристического показа представляют многочисленные научные и образовательные учреждения, главным образом сельскохозяйственного профиля. Появление и/или расцвет большинства институтов приходится на советский период. Многие научные учреждения, базировавшиеся в южнороссийских городах, имели статус всесоюзных. Их архитектурные и архитектурно-парковые ансамбли достойны внимания широкой аудитории.

Одной из обойденных вниманием туриндустрии архитектурных жемчужин Махачкалы является корпус Дагестанского государственного аграрного университета имени М. М. Джамбулатова. Это здание задумывалось как Дом Советов. Построено оно в конце 1920-х гг. по проекту И. В. Жолтовского (при участии В. Д. Кокорина, Г. П. Гольца, С. Н. Кожина). Локация такого рода учреждения в относительной отдаленности от центра объясняется тем, что именно в этом направлении планировалось развитие города в 1920-е гг. Позже планы изменились, здание оказалось на пустыре и не использовалось по назначению. По мнению историков архитектуры, это одно из знаковых произведений в творчестве академика И. В. Жолтовского. Не до конца изучена формальная система этого произведения. Дискуссии вызывает генезис данной системы.

Признанный знаток ранней советской архитектуры А. Г. Токарев полагает, что это «одно из самых необычных, “загадочных” для современных исследователей произведений И. В. Жолтовского, созданное под влиянием ренессанса, восточной средневековой архитектуры и рационалистических тенденций 1920-х гг.», и отмечает, что «форма и сложная пространственная структура построенного в Махачкале здания выразительны и оказывают сильное эмоциональное воздействие» [5, с. 123]. При этом осмотр здания, даже внешний, не входит в туристические маршруты, а его история отсутствует на официальном сайте вуза.

Перспективен, с точки зрения показа учреждений агронауки, Краснодар. Ансамбли «форпоста масличной отрасли России» — Всероссийского НИИ масличных культур имени В. С. Пустовойта — и Всероссийского НИИ табака (ВНИИТИ), махорки и табачных изделий включают как дореволюционные строения, так и постройки советской эпохи.

Наибольший интерес представляет здание в стиле конструктивизма при входе на территорию ВНИИТИ. Его фасад выходит на оживленную улицу Московскую. Несмотря на то, что данное здание много десятилетий фигурировало на многочисленных фотоснимках, в печатных изданиях института, история его появления и конструктивные особенности пока не воссозданы. Известно только, что корпус построен в 1931 г.; проект для института (тогда он назывался Всесоюзный НИИ табака и махорки имени Микояна) делал Севкавказпроект. В архиве сохранились чертежи построек и коммуникаций.

Национальный центр зерна имени П. П. Лукьяненко строился со второй половины 1950-х по 1970-е гг., когда на базе селекционной станции создали Краснодарский научно-исследовательский институт сель-

ского хозяйства (КНИИСХ). В те годы в институте работали всемирно известные ученые — специалисты в области селекции пшеницы и кукурузы — соответственно академик АН СССР П. П. Лукьяненко и академик ВАСХНИЛ М. И. Хаджинов. Устойчивым был интерес к КНИИСХ иностранных посетителей. За один только 1972 г. там были приняты 44 делегации: 28 из социалистических стран (в том числе 5 — из Югославии), 11 из капиталистических [2, л. 92]. В 1977 г. на базе КНИИСХ были организованы два больших международных совещания: заседание секции кукурузы и сорго Европейской ассоциации селекционеров ЕУКАРПИЯ и симпозиум по хранению зерна.

Ансамбль Национального центра зерна — живописного уголка на западной окраине Краснодара — пример архитектуры научно-исследовательских объектов в СССР [см., напр., 1]. Желаящие больше узнать об истории учреждения, могут посетить кабинет-музей П. П. Лукьяненко и мемориальный кабинет М. И. Хаджинова с их богатыми коллекциями. Монументальные сооружения увековечивают память о П. П. Лукьяненко (бюст работы скульптора В. А. Жданова и архитектора Е. Г. Лашука, установленный вблизи главного здания КНИИСХ в 1974 г., вскоре после кончины академика) и памятник сотрудникам КНИИСХ, не вернувшимся с Великой Отечественной войны.

Уникальным в своем роде является архитектурно-парковый ансамбль Кубанского сельскохозяйственного института (КСХИ) — Кубанского государственного аграрного университета (КубГАУ). История его появления связана с воссозданием КСХИ как самостоятельного вуза в 1950 г. после двух десятилетий всевозможных реорганизаций. Историческое здание в центре города не отвечало потребностям растущего учреждения. Руководство КСХИ подняло вопрос о строительстве институтского городка на единой территории. Схему генплана утвердили на коллегии министерства высшего образования 25 сентября 1950 г. В соответствии с данной схемой на землях учхоза «Кубань» началось строительство двух четырехэтажных общежитий для студентов. В будущем планировалось строительство комплекса учебных и хозяйственных построек, стадиона, дендрологического парка, жилых домов для сотрудников, студенческих общежитий, клуба, опытных участков [6, л. 37].

Реализация плана растянулась на несколько десятилетий. В итоге появился современный институтский городок с развитой инфраструктурой, 21 общежитиями, 22 учебными корпусами, спортивными объектами, ботаническим садом имени И. С. Косенко (являющимся одной

из «визитных карточек» Краснодара), мемориально-монументальным комплексом.

Ансамблю КСХИ–КубГАУ и составляющим его зданиям-памятникам в начале нынешнего века была присвоена региональная категория историко-культурного значения. Как справедливо отмечает культуролог О. Н. Маркова, воссоздавшая историю формирования данного архитектурно-паркового ансамбля, он «служит ярким образцом локального культурного ландшафта советской эпохи в пространстве современного города» [3]. До сих пор аудитория экскурсантов ограничена абитуриентами, студентами и гостями вуза. Местом массового посещения является лишь ботанический сад, отделенный от институтского городка забором.

Расширение объектов туристического показа за счет высших учебных заведений и научных учреждений с учетом опыта, имеющегося в нашей стране и за рубежом, важно как для развития внутреннего туризма, так и с точки зрения трансляции богатейшего отечественного научного наследия, повышения престижа научной деятельности.

Использованная литература:

1. Архитектурные решения объектов науки: История, проблемы, перспективы: сборник. М.: Наука, 1989.
2. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1640. Оп. 2. Д. 730.
3. *Маркова О. Н.* Архитектурно-парковый ансамбль Кубанского сельскохозяйственного института как локальный ландшафт в пространстве города. Текст: электронный // Наследие веков. 2017. № 3. С. 65–72. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/09/2017_3_Markova.pdf (дата обращения: 21.08.2021).
4. *Покровский Н. Н., Запорожченко Г. М., Шелегина О. Н.* Достопримечательное место «Новосибирский Академгородок»: научное и историко-культурное наследие. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2018.
5. *Токарев А. Г.* К вопросу о формальной системе Дома Советов архитектора И. В. Жолтовского в Махачкале // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 113–124. DOI: 10.31675/1607-1859-2019-21-2-113-124.
6. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1774 А. Оп. 4. Д. 1899.

Anna N. EREMEEVA,

Dr. Sci. (National History), Prof., Chief Researcher, Department for Complex Problems for Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russia, erana@mail.ru.

Scientific Institutions and Universities as the Tourist Attractions

The article examines the possibilities of expanding the objects of tourist attractions by including higher educational institutions and scientific institutions in their "list". The Russian and foreign experience is analyzed. The tourism potential of educational institutions and scientific institutions is considered in the context of the peculiarities of their architecture. Special attention is paid to educational and scientific objects of the South of Russia built during the Soviet period, which have not yet been captured by the attention of the organizers of the tourism industry. Among them are the buildings of the Dagestan State Agrarian University in Makhachkala built according to the project of I. V. Zholtovsky, the Russian scientific research Institute of tobacco, makhorka and tobacco products in Krasnodar, and the architectural and park ensemble of the Kuban State Agrarian University.

Keywords: *tourism, scientific institutions, higher educational institutions, tourist attractions, Soviet architecture, excursions.*

Г. А. Нагаева*

Новороссийский музей цементной промышленности как объект научно-технического наследия¹

В статье рассмотрена деятельность единственного в мире музея цементной промышленности, расположенного в Новороссийске. Развитие современной цивилизации невозможно без прогресса науки и техники, оказывающих влияние на многие сферы общества и социальные институты: экономику, политику, экологию, культуру и т. д. Поэтому актуальным является вопрос сохранения и популяризации истории науки и тех-

* НАГАЕВА Гильда Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры инженерных дисциплин и управления Новороссийского политехнического института (филиала) Кубанского государственного технологического университета, Новороссийск, Краснодарский край, Россия, gilda11@mail.ru.

¹ Автор выражает благодарность старшему научному сотруднику Музея цементной промышленности С. И. Дукачёву за оказанную помощь в подготовке статьи.

ники, который сегодня стремятся решить научно-технические музеи. Одним из таких культурных объектов является Музей цементной промышленности в Новороссийске. В его залах представлена история развития цементной промышленности России и СССР от первых заводов XIX в. до современных производственных комплексов. Экспозиции знакомят гостей с занимательной наукой — химией цемента, историей создания технологического оборудования для его производства и с судьбами людей, работавших на цементных заводах Новороссийска.

Ключевые слова: научно-технический музей, промышленное производство, цементная промышленность, химия цемента, Новороссийск.

Научно-технический прогресс является неотъемлемой частью современной цивилизации. Сегодня научные исследования становятся важной составляющей и музейной работы. Музеи выполняют важную функцию в качестве хранителей культурного наследия. В этой связи следует подчеркнуть особую роль научно-технических музеев, которые не только сохраняют и систематизируют экспонаты исторического развития науки, но и выступают в качестве самостоятельных исследовательских центров технических достижений. В настоящее время научно-технические музеи являются активными популяризаторами научных знаний.

Историей возникновения, систематизации и значения научно-технических музеев исследователи стали активно заниматься лишь в последней четверти XX в. Заявленную тему, учитывая ее ярко выраженный междисциплинарный характер, необходимо рассматривать с точки зрения философии, истории, культурологи, социологии и других наук. Теоретической базой изучения данного вопроса являются исследования Г. Г. Григоряна [4] и Л. М. Кожиной [7]. Авторы в своих трудах дают определение научно-технического музея и описывают основные проблемы систематизации и сохранения научно-технических памятников.

Исследователи В. Л. Гвоздецкий [2], К. Хадсон [16], А. Земко [6], Е. В. Минина [9], Л. Н. Бакаютова [1], Д. Е. Озерова [13], А. К. Филякова [15] рассматривают вопросы специфики и модернизации деятельности научно-технических музеев, их роли в формировании научного мировоззрения, а также их значение в качестве образовательных центров.

В предлагаемой статье дан краткий анализ деятельности единственного в мире музея цементной промышленности, расположенного в Новороссийске.

Создание отраслевого музея было обусловлено тем, что с первых дней становления промышленности в регионе наиболее развитой отраслью являлась цементная. Первый цементный завод начали строить

в 1881 г. на земельном участке русского дворянина и помещика Ф. М. Шашина. Для его административного управления в 1882 г. создано «Общество Черноморского цементного производства» [3, с. 191–194]. 3 декабря 1882 г. завод начал выработку продукции, который к концу года выпустил 46 тыс. бочек цемента (1 бочка — это 160 кг продукции) [14, с. 5–6].

25 мая 1896 г. начал работать завод «Геленджик», принадлежавший Франко-русской акционерной компании по производству портландцемента [17]. В конце 1898 г. в окрестностях Новороссийска был построен еще один завод Общества портландцементного производства «Цепь», начавший действовать в начале 1899 г. [12, с. 33].

Три вышеперечисленных предприятия размещались близко одно от другого и имели много общего в условиях работы. Поэтому логичным было их объединение в 1900 г. в монополистический союз «Главная контора по продаже портландцемента Юга России в Санкт-Петербурге» («Цементкруг») [17]. 12 июля 1911 г. в Новороссийске образовалось новое предприятие «Черноморско-Кубанское товарищество производства портландского цемента «Бетон»». Завод был построен при станции Тоннельная на общественной земле станицы Верхнебаканская [3, с. 418]. В 1910-е гг. были созданы заводы «Титан», «Молот», «Скала», «Орел», «Сидор-портландцементный завод».

Владельцем Новороссийского товарищества портландцементного производства «Титан» являлся «Торговый дом Алексей Митрофанович Ерошов и сыновья». Завод располагался в Тоннельной [10]. Завод «Молот» был построен инженером Т. М. Тихомировым в восьми верстах от Туапсе по Макконскому шоссе [19, с. 378].

При разъезде Гайдук Владикавказской железной дороги акционерное общество «Аиндар», занимавшееся в основном виноградарством, построило цементный завод «Скала». Там же располагался завод А. Сидорова «Сидоров-портландцемент» [5, с. 46] (в некоторых источниках «Победа») [17]. Новороссийское товарищество цементного завода «Орел» было построено при станции Новороссийск [18, с. 375].

После революции 1917 г. заводы были национализированы и многие продолжали выпускать высококачественную продукцию. Сегодня в Новороссийске зарегистрировано три акционерных общества цементной промышленности: ОАО «Новоросцемент» включает заводы «Пролетарий» (ранее «Звезда»), «Октябрь» (ранее «Цепь»), «Первомайский» (ранее «Бетон»); ОАО «Верхнебаканский цементный завод» (ранее «Орел»); ОАО «Атакайцемент» (ранее «Победа»).

Учитывая вышеизложенное, было логичным создание именно в Новороссийске Музея цементной промышленности СССР. Он основан на базе производственного объединения «Новоросцемент» и официально открыт 10 августа 1979 г. Однако еще в 1970 г. по инициативе руководителя предприятия «Новоросцемент» М. Ф. Юрова был создан Музей цементных заводов города Новороссийск. Заведовал им бывший директор завода «Пролетарий» В. А. Постовский.

В 1973 г. бывший заместитель министра промышленности строительных материалов СССР П. Ф. Лопухов предложил на базе существующей экспозиции создать Музей цементной промышленности СССР. В 1977 г. приказом Министерства промышленности строительных материалов СССР было утверждено создание выставки «Цементная промышленность СССР» с филиалом «Мемориальная квартира русского советского писателя Ф. В. Гладкова (1883–1958)». Официально выставка начала работать в 1979 г. Экспозицию оформляли художники Тамара Николаевна и Андрей Иванович Сомовы [8]. Директорами музея поочередно были Анна Андреевна Ковалевская (1975–1980), Галина Алексеевна Крымпоха (1980–1990), Людмила Николаевна Корнеева (1990–2006), Валентина Викторовна Баранова (с 2006 г.).

Музей расположен в историческом здании, построенное еще в 1900 г. Ранее в нем располагались Народный дом со школой для детей цементников и в первые годы советской власти Клуб имени III Интернационала [11].

Экспозиция музея представляет историю развития цементной промышленности с момента создания первых производственных мощностей до современных технологий. Большой интерес у экскурсантов вызывают действующие модели и макеты технологического оборудования по производству цемента в исторической перспективе. Перечислим некоторые из них: железная канатная дорога — бремсберг для транспортировки сырья из карьера, макет вращающихся печей фирмы «Смидт» 1914 г., макет цементного завода «Гигант» в Московской области, технологическая линия производства цемента по мокрому способу и т. д.

Богатый документальный и фотоматериал повествует о развитии химии цемента. У истоков этой науки стояли известные ученые Д. И. Менделеев, В. А. Кинд, Н. А. Белелюбский, А. Р. Шуляченко и др.

В первом зале представлены личные вещи и документы одного из создателей силикатной и цементной промышленности в СССР, педагога, подготовившего множество отраслевых специалистов, основателя

кафедр технологии силикатов во многих технических вузах страны профессора Ивана Федоровича Пономарева. Музейная экспозиция описывает историю целых династий работников цементной промышленности, условия их труда и быта в разные исторические периоды.

Мемориальная квартира автора романа «Цемент» Федора Васильевича Гладкова находится в мансарде музея, в которой писатель проживал со своей семьей с 1919 по 1921 г.

Особый интерес вызывает экспозиция, посвященная Великой Отечественной войне. В музее она занимает два зала — пятый и шестой. В пятом зале представлена диорама, иллюстрирующая один из эпизодов обороны Новороссийска в районе цементных заводов — ночную атаку врага на наши позиции в сентябре 1942 г. В этом же зале представлена продукция цементных заводов в годы войны — противотанковые мины и надолбы, доты, тарелки, горючее для химических тарелок, цементные авиационные бомбы. Шестой зал посвящен цементникам — солдатам и офицерам армии, военно-морского флота, воздушных сил, участникам партизанских соединений, а также тем, кто воевал на рубеже обороны у цементных заводов Новороссийска.

Сегодня в век высоких технологий работники музея активно используют цифровые онлайн-ресурсы для популяризации истории развития цементной промышленности. Старший научный сотрудник Сергей Иванович Дукачѳв занимается подборкой и размещением ранее неопубликованного материала на странице музея в социальных сетях.

Таким образом, перед научно-техническими музеями в целом и Музеем цементной промышленности в частности поставлена важная задача. Они должны, не только сохранять и популяризировать историю науки и техники, но и стать своеобразными исследовательскими центрами технологических достижений современности.

Использованная литература:

1. *Бакаютова Л. Н.* Модернизация деятельности технических музеев: отечественный и зарубежный опыт (на примере музеев связи): автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. СПб., 2008.
2. *Гвоздецкий В. Л.* История техники и научно-технический музей: специфика и общность // Институт истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 1997. Ч. 1. М.: Янус-К, 1997. С. 31–38.

3. *Герасименко А. Б., Санеев С. А.* Новороссийск — от укрепления к губернскому городу. Краснодар: Эдви, 1998.
4. *Григорян Г. Г., Кожина Л. М.* Научно-технические музеи и культурное наследие в области техники // Вопросы истории естествознания и техники. 2003. № 4. С. 75–87.
5. *Езиоранский Л. К.* Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию) / ред. Ф. А. Шобер. Изд. 2-е. Петроград: Д. П. Кандауров и сын, 1914.
6. *Земко А.* Знакомьтесь: зарубежные музеи и научно-познавательные центры // Музей. 2007. № 3. С. 64–69.
7. *Кожина Л. М.* Разработка научных основ музейного дела в области истории техники: автореф. дис. ... канд. техн. наук: 07.00.10. М., 1997.
8. *Дубровин А.* Юбилей художников Сомовых // Информационно аналитический портал «Viperson» (Виперсон). URL: <http://viperson.ru/uploads/attachment/file/565479/n817o016.txt> (дата обращения: 12.09.2021).
9. *Минина Е. В.* Музейные коллекции по горному делу в России как источник по истории науки и техники: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2007.
10. *Нагаева Г. А.* История становления и развития промышленного производства в Черноморской губернии в конце XIX — начале XX вв. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 7. С. 1792–1801.
11. *Тонких (Зарицкая) Т. В.* Становление и развитие советского театрального искусства в г. Новороссийске (1920–1940 гг.) // Вестник Аднейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. № 1. С. 39–45.
12. Обзор Черноморской губернии за 1898 г. Приложение ко всеподанейшему отчету черноморского губернатора // Государственная публичная историческая библиотека России. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/40953-za-1898-god-1899> (дата обращения: 23.04.2021).
13. *Озерова Д. Е.* Музеи науки и техники: от образовательного центра до «научного аттракциона». Ярославль: Ярославский гос. техн. ун-т, 2011.
14. *Утюгина Г. В., Крымпоха Г. А.* Цемент Новороссийска. Краснодар: Кн. изд-во, 1982.
15. *Филякова А. К.* Технический музей в формировании научного мировоззрения: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. СПб., 2017.
16. *Хадсон К.* Влиятельные музеи. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2001.

17. Черников В. Н. Цемент Кубани // По страницам истории Кубани. Краеведческие очерки / отв. ред. В. Н. Ратушняк. Краснодар: Советская Кубань, 1993. С. 1–10.
18. Шапович М. С. Весь Кавказ. Промышленность, торговля и сельское хозяйство Северного Кавказа и Закавказья. Баку, 1914.

Gilda A. NAGAEVA,

Cand. Sci. (Theory and History of Culture), Assoc. Prof., Department of the Engineering Disciplines and Management, Novorossiysk Polytechnic Institute (Branch), Kuban State Technological University, Novorossiysk, Krasnodar Region, Russia, gilda11@mail.ru.

The Novorossiysk Museum of the Cement Industry as an Object of Scientific and Technical Heritage

The article examines the activities of the world's only museum of the cement industry, located in the city of Novorossiysk. The development of modern civilization is impossible without the progress of science and technology, which has an impact on many spheres of society and social institutions: economy, politics, ecology, culture, etc. Therefore, the issue of preserving and popularizing the history of science and technology, which today scientific and technical museums are trying to solve, is quite relevant. One of these cultural sites is the Museum of the Cement Industry in Novorossiysk. The history of the development of the cement industry in Russia and the USSR from the first factories of the 19th century to modern production facilities is presented in its halls. The exposition acquaints guests with an entertaining science — the chemistry of cement, the history of the creation of technological equipment for its production and the lives of people who worked at the cement plants of Novorossiysk.

Keywords: scientific and technical museum, industrial production, cement industry, cement chemistry, Novorossiysk.

Н. А. Юрченко*

Наследие А. В. Щусева в Кишиневе. Малоизвестные проекты классического направления дореволюционного и послевоенного времени

Статья посвящена нереализованным, масштабным в градостроительном отношении проектам А. В. Щусева, связанным с событиями двух мировых войн, которые предполагалось осуществить в Кишиневе. Рассматриваемые проекты объединяет приверженность к классике. В первом случае речь идет о Бессарабском сиротском приюте для детей воинов, павших в Первой мировой войне, созданном в 1916 г. в неоклассическом стиле, во втором — о восстановлении разрушенного центра молдавской столицы, который должен был быть застроен новыми общественными и жилыми домами, отражающими эстетику классической советской архитектуры 30–50-х гг. XX в. Наиболее полно последнее отразилось, в частности, в одном из вариантов проекта Дома правительства 1946 г. Объединительным мотивом для дореволюционного и послевоенного проектов стало использование мастером так полюбившейся ему ротондальной формы основного объема, завершенного полусферическим куполом. При этом все разновидности Дома правительства носили монументальный характер и варьировали по сути один образ — советского дворца, построенного в духе русского классицизма, включенного, что важно, в единый ансамбль с подлинными памятниками Кишинева первой трети XIX в.

Ключевые слова: Кишинев, архитектор А. В. Щусев, проект Бессарабского сиротского приюта 1916 г., проект Дома правительства 1946 г., классическое направление в архитектуре.

Имя Алексея Викторовича Щусева неразрывно связано с Кишиневом, не только потому, что Кишинев — город, где архитектор родился, где прошло его детство и в котором были осуществлены его первые самостоятельные проектные работы. Это город, с которым он не порывал никогда. С ним оказались связаны и одни из самых грандиозных, но, к сожалению, невоплощенных архитектурно-градостроительных замыслов, сопряженных с событиями двух мировых войн. Несмотря на значительное количество работ о творчестве А. В. Щусева (см.: [1] [2] [3] [5]), проекты, о которых идет речь в данной статье, до сих пор подробно не охарактеризованы. Объединяет их одна художественная идея — приверженность к классике.

* ЮРЧЕНКО Наталия Антоновна, научный сотрудник Института культурного наследия Академии наук Молдовы и Министерства образования, науки и культуры Республики Молдова, Кишинев, Республика Молдова, natjur13@mail.ru.

В первом случае речь идет о Бессарабском сиротском приюте для детей воинов, павших в Первой мировой войне (а именно в начальные ее годы, 1914–1915 гг.), созданном в 1916 г. в неоклассическом стиле. В нем архитектор, до того показавший себя в основном приверженцем древнерусского культового зодчества и особенно любимого им московского барокко неожиданно обращается к строго академическому искусству, апеллирующему к античности, эпохе Возрождения, палладианству и, конечно, русской классицистической архитектуре XVIII — начала XIX в.

Эскизный проект монументального по своим масштабам Бессарабского сиротского приюта представляет собой целый комплекс из отдельно стоящих зданий: колокольни, храма, школы, корпуса сестер милосердия, гостиницы для посетителей, инвалидного дома, богадельни, электроподстанции и т. д., который предполагалось возвести за тогдашней чертой города, по дороге, ведущей в Ганчешты, где был выделен для этих целей солидный участок.

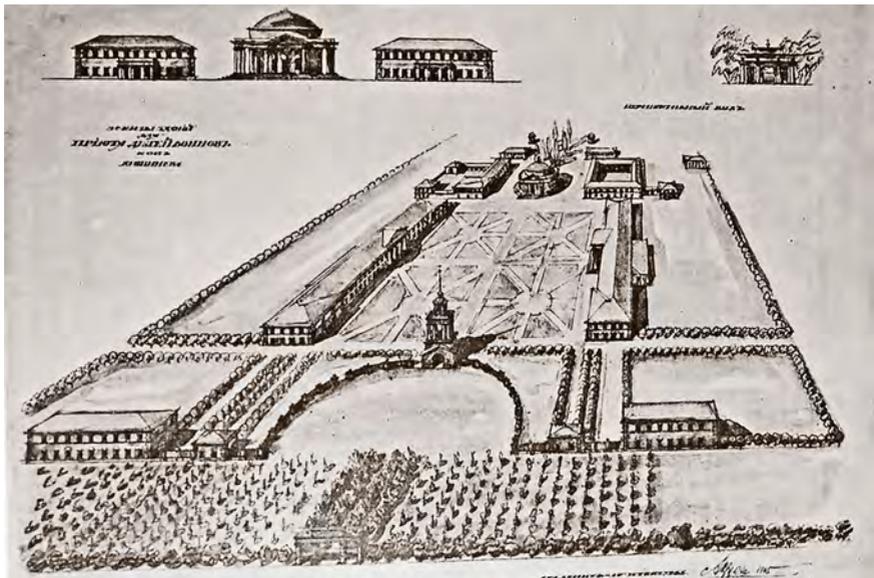

Рис. 1. А. В. Щусев. Проект Бессарабского сиротского приюта для детей воинов, павших в войне 1914–1915 гг., 1916 г.

Основой художественной композиции этого комплекса служило каре из вышеперечисленных объектов, ядром которого должен был стать

храм для моления ротондальной формы, так полюбившейся Щусеву, что впоследствии, уже в послевоенные годы, она будет им повторена как прием в проекте Дома правительства в Кишиневе.

Будь здание приюта реализовано, оно явилось бы для архитектуры Бессарабии поистине новаторским, как в смысле овладения искусством монументальных ордерных форм, в которых были выдержаны все здания, так и поиском высокого образного языка для, казалось бы, богоугодного заведения, каким являлось здание приюта.

К сожалению, затянувшаяся Первая мировая война и последовавшие за ней политические и исторические события не позволили осуществить этот поистине грандиозный проект. Но для нас он важен тем, что в нем впервые можно разглядеть зачатки тех архитектурных тенденций, которые впоследствии, спустя три десятилетия, будут успешно использованы мастером уже в проектах послевоенной реконструкции Кишинева. А сам проект приюта можно рассматривать как ступень к сложению нового, не только его собственного, но и общегосударственного, национального стиля в архитектуре конца 30-х — середины 50-х гг. XX столетия.

Именно с разработкой классического стиля в архитектуре связана важная веха в творчестве А. В. Щусева, относящаяся к периоду восстановления разрушенного Кишинева. К исполнению этого задания он приступил, не дожидаясь окончания Второй мировой войны.

Возрождение родного города он считал для себя задачей первоочередной важности, за которую взялся, будучи не просто известным и маститым к тому времени архитектором, а и гениальным, прежде всего, архитектором-градостроителем.

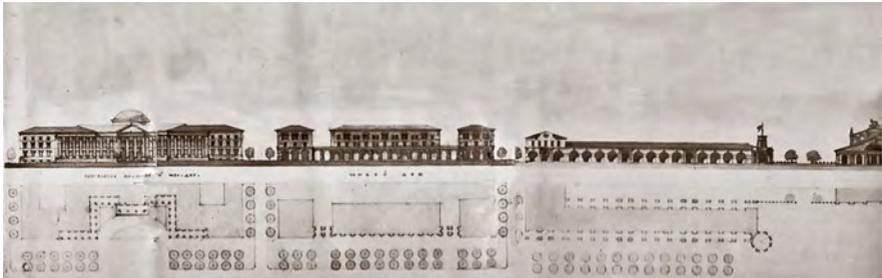

Рис. 2. *Фрагмент проекта застройки ул. Ленина в Кишиневе: управление кишиневской железной дороги, жилой дом, часть комплекса зданий железнодорожного вокзала, 1946 г. Автор проекта и руководитель А. В. Щусев, при участии архитекторов Н. В. Яковлевой, А. П. Агафонова, В. Д. Турчинова. Фотокопия из личной коллекции автора*

А. В. Щусеву принадлежит несколько идей послевоенной реконструкции Кишинева. На уникальных проектных чертежах, выполненных в государственных проектных мастерских при Совете министров СССР под управлением А. В. Щусева, можно увидеть, как задумывалась им центральная ул. Ленина (ныне проспект Штефан чел Маре), и, в частности, здания, относящиеся, к железнодорожному вокзалу.

Улица должна была заканчиваться новым зданием железнодорожного вокзала, который предполагалось возвести взамен разрушенного дореволюционного. При этом он задумывался как комплекс, состоящий из главного корпуса и двух протяженных крытых перронов, симметрично располагавшихся по двум его сторонам. В отличие от достаточно скромного по размерам и облику здания вокзала, в непосредственной близости от него были спроектированы еще два объекта, имевшие непосредственное отношение к этому ведомству, а именно: жилой дом и Управление кишиневской железной дороги, которые выделялись не только более крупным масштабом, но и типичной классической трактовкой фасадов. Мы видим здесь (в Управлении железной дороги) наличие гигантского, на высоту трех этажей портика, завершенного треугольным фронтоном, за которым просматривается уже опробованный в одном из зданий для Бессарабского сиротского приюта 1916 г., излюбленный Щусевым полусферический купол, перекрывающий центральное помещение. Первый же этаж жилого дома был трактован в виде непрерывной аркады, которой вторили сдвоенные венецианские окна верхних этажей разбитого на три части дома.

Среди предложенных А. В. Щусевым идей преобразования столицы стоит, прежде всего, отметить возведение внушительного по размерам Дома правительства и университетского городка в районе ул. Садовой (ныне ул. Алексея Матеевича).

Осуществись они, мы имели бы сегодня совершенно другую архитектуру в центре города, который мог обогатиться как минимум двумя крупными общественными сооружениями.

В первом случае речь идет о классическом по стилю здании Дома правительства, проект которого не раз перерабатывался самим Щусевым и имел несколько разновидностей. Все они носили монументальный характер и варьировали по сути один образ — советского дворца, построенного в формах русского классицизма. Наиболее удачными надо признать два варианта, принцип композиции которых строился на главенстве центрального корпуса с протяженным дорическим портиком,

объединенным с двумя боковыми флигелями закрытыми колонными галереями. Только в одном случае конфигурация плана всего сооружения была выдержана в строго прямолинейных формах, а в другом, наиболее удачном, имела плавные скругления обходных галерей, ведущих к боковым корпусам.

Рис. 3. А. В. Щусев. Проект Дома правительства. Один из вариантов, 1946 г.

*Рис. 4. А. В. Щусев. Проект Дома правительства. Вариант. Кишинев, 1946 г.
Собрание Национального музея истории Молдовы*

Рис. 5. Послевоенная аэрофотосъемка Соборной площади: собор, колокольня и триумфальная арка. В левом нижнем углу на одной линии с ними место предполагаемого строительства Дома правительства

Рис. 6. Кафедральный собор и колокольня. Архитектор А. И. Мельников, 1830–1836 гг. Триумфальная арка. Архитектор Л. К. Заушкевич, 1839–1841 гг. Фото 1930-х гг.

Но и в том и в другом случае избранный Щусевым композиционный прием был рассчитан на местоположение Дома правительства, а именно на возвышенный холм, где когда-то располагалось здание

митрополии, прямо напротив памятника архитектуры первой трети XIX в. — кафедрального собора. Как истинный градостроитель, Щусев тщательно продумал включение последнего в единый ансамбль с новым зданием.

Классический комплекс 30–40-х гг. XIX в. кафедрального собора А. Мельникова и триумфальной арки Л. Заушкевича в проекте 1946 г. был не просто взят в объятия мощным каре боковых корпусов Дома правительства, но и созвучен ему в своем ордерном стилевом решении.

*Рис. 7. А. В. Щусев. Проект Дома правительства. Вариант. Кишинев, 1946 г.
Собрание Национального музея истории Молдовы*

Масштаб, создававшейся при этом внутренней полузакрытой площади, был таков, что центральный с куполом ризалит Дома правительства и два его боковых флигеля отнюдь не подавляли классицистический комплекс начала XIX в., как это виделось некоторым проектировщикам, принимавшим участие в доработке проекта уже после смерти архитектора.

Основной мотив центрального портала, столь популярный некогда в неоклассицизме, приобретал здесь несколько иное звучание. Сильно

выдвинутый вперед и занимающий значительное пространство парадного двора, монументальный портик Дома правительства перекликался, если продолжить перспективу, с не менее величественными портиками собора.

И хотя дух русского классицизма воплощался здесь художественными средствами, уже достаточно далекими от подлинников: так колоннада, украшавшая главный фасад правительственного здания, была слишком протяжена, в целом объемно-пространственное решение его было вполне традиционно. Связь с классическими прототипами обнаруживалась, прежде всего, в симметричности композиции, в осевом построении центральной парадной анфилады, явно навеянной пространственным решением Таврического дворца в Петербурге, а скругленные корпуса со сплошной колоннадой напоминали уже Казанский собор А. Воронихина там же.

Особое внимание хотелось бы обратить на завершающую часть (акцентирующую центральный объем Дома правительства в виде ротондальной формы), перекрытую полусферическим куполом. Прием, который впервые был использован мастером в здании храма сиротского приюта 1916 г. Только на этот раз за ним скрывался не главный зал церкви, а торжественный зал с вестибюлем.

Как уже отмечалось, проект Дома правительства 1946 г. был трактован соответственно новому советскому времени намного суше его классицистических визави как в проработке внешнего оформления фа-

Рис. 8. Проект Дома правительства. Один из вариантов 1946 г.

садов в целом, так и их отдельных архитектурных элементов. Особенно этим грешил один из последних упрощенных вариантов, где была уже обозначена постройка памятника Ленину.

В рассматриваемом же нами предыдущем проекте в качестве монумента перед зданием представала конная статуя, по всей видимости, Г. Котовского.

Именно данный проект Дома правительства с конной статуей по центру заслуживает наивысшей оценки. Здесь А. Щусев предстает не просто признанным мастером архитектуры, которому подвластно любое архитектурное направление и который волен его трактовать с позиций собственных творческих амбиций, но и человеком, знающим и любящим свой город. Новое здание включалось в единый ансамбль кафедрального собора и колокольни.

И как бы ни оценивать сегодня проект Щусева, был ли он для тех лет слишком дорогостоящим, либо чрезмерно громоздким, но то достаточно тривиальное строение архитектора С. Фридлима (1964 г.), которое ныне занимает его место, явно «выпадает» из идеи классически завершенной площади.

Рис. 9. А. В. Щусев. Проект университетского городка. 1945–1946 гг.

Здание университета, проект которого для Кишинева в качестве эскиза был предложен в 1945–1946 гг., значительно уступает по своим архитектурно-художественным характеристикам первому варианту проекта Дома правительства с его пластически выразительными, хорошо прорисованными монументальными формами.

Эскизный проект университета, а точнее университетского городка, выглядит намного сдержаннее и лаконичнее в использовании пространственных и художественных приемов классической архитектуры, в формах которой он выдержан. Здесь мы также наблюдаем уже использовавшийся мастером прием трехчастного деления здания, с выделением центра как оси, по обеим сторонам от которой располагаются боковые корпуса. Но они на этот раз не выделены в самостоятельные объемы, находятся на одной линии с протяженным главным центром и акцентированы лишь двухэтажными портиками с двух сторон, поставленными на внушительный цоколь. Этим они как бы поддерживают мотив сильно выдвинутого вперед центрального портика, также поднятого на этаж, который, скорее, напоминает древнегреческий периптер, но без завершающей задней колоннады. За лицевыми же и боковыми колоннадами, этого гигантского портика, насколько можно судить по имеющемуся рисунку, вполне возможно, и не было обходной галереи. Зато сама ее колоннада перекликалась с колоннами ризалитов, завершенных, как и центральный портал, классическими треугольными фронтонами.

Достоинство этого проекта заключается не столько в его художественно-образном решении, сколько в умелой разработке градостроительной ситуации «верхнего» города, значительно разрушенного во время Второй мировой войны.

Несмотря на свои гигантские размеры (а здание намечалось как минимум трехэтажным), умело отодвинутое вглубь от красной линии улицы Садовой и предполагавшее перед головным корпусом разбивку своеобразного курдонера (парадного двора), продолжавшегося вверх как минимум на целый квартал, сооружение данного университетского городка тем не менее можно признать удачным с точки зрения гармонии с окружающим пространством.

К тому же идея «посадки» университетского комплекса конкретно на этом месте нашла верное подтверждение в последующем расположении на нем современного здания университета, который органично влился в микромир учебных заведений, строительство которых началось

на прилегающих территориях еще во второй половине XIX в. и активно продолжилось в начале XX столетия.

Таким образом, значение творчества А. Щусева в истории архитектуры Кишинева неоспоримо. Его ранний неоклассический проект Сиротского училища 1916 г. для детей воинов положил начало складыванию большого классического стиля архитектора, ставшего определяющим в его творчестве с середины 30-х гг. прошлого столетия.

Остается лишь сожалеть, что дар Щусева как архитектора-классика волей судьбы не был воплощен в полной мере в родном городе. И Кишинев, таким образом, оказался обделенным как редким для него образцом неоклассической архитектуры, так и незаурядными архитектурными образцами советского периода.

Использованная литература:

1. *Афанасьев К. Н.* Щусев. М.: Стройиздат, 1978.
2. *Васькин А. А.* Щусев. Зодчий Всея Руси. М.: Молодая гвардия, 2015.
3. *Кейпен-Вардиц Д. В.* Храмовое зодчество А. В. Щусева. М.: Совпадение, 2013.
4. *Щусев А. В.* Проект Бессарабского сиротского приюта для детей воинов, павших в войне 1914–1915 гг. 1916 г. [фото] // Архитектурно-художественный еженедельник. 1916. № 51. С. 487.
5. *Щусев П. В.* Страницы из жизни академика А. В. Щусева / сост. М. Евстратова. М.: С. Э. Гордеев, 2011.

Natalia A. YURCHENKO,

Researcher, Institute for Cultural Heritage of the Academy
of Sciences of Moldova and the Ministry of Education,
Science and Culture of the Republic of Moldova, Chisinau,
the Republic of Moldova, natjur13@mail.ru.

Alexey V. Shchusev's Heritage in Chisinau. Little-Known Projects of the Classical Direction of the Pre-Revolutionary and Post-War Period

The article is dedicated to Alexey V. Shchusev's unrealized architecturally ambitious projects relating to the events of the two world wars; these projects were planned to be realized in Chişinău (Kishinev). A common feature of

these projects is their commitment to the classics. The first one is the project of the Bessarabian orphan asylum for children of fallen WWI soldiers designed in a neoclassic style in the 1916. The second project concerns with the reconstruction of the destroyed Moldavian capital downtown which should be built up with new civic and residential houses reflecting the aesthetics of the classical Soviet architecture of the 1930–1950s. The latter, in particular, is represented best of all in one of the variants of the Government House project of the 1946. A common motive characteristic of both pre-revolutionary and post-war projects of the architect is the rotunda-like form of main building mass topped by a hemispherical dome. All variants of the Government House were of monumental nature and had in substance the same appearance, that of a Soviet palace built in the manner of Russian classicism and incorporated (it is important) into the uniform architectural ensemble together with Chişinău's original monuments of the first third of the 19th century.

Keywords: Chişinău (Kishinev), architect Alexey V. Shchusev, project of the Bessarabian orphan asylum (1916), project of the Government House (1946), classical movements in architecture.

*Р. А. Тимофеева**

Авенир Чемерзин: архивные материалы к научно-техническому наследию

Статья посвящена характеристике архивных материалов, связанных с личностью и научно-техническим наследием представителя черкесской аристократии Авенира Авенировича Чемерзина. Дается характеристика фондов и коллекций, содержащих информацию о деятельности автора на рубеже XIX–XX вв. Выполняется систематизация источниковой базы. На основании архивных данных уточняются биографические сведения и анализируются основные направления исследований А. А. Чемерзина. Отдельное внимание уделяется изобретениям автора в военно-инженерной сфере (создание «панцыря», щитов и пр.), изысканиям в области материаловедения, металлургии (пулестойкие материалы), а также литературному творчеству и литературоведению. Делается вывод об универсальном характере личности А. А. Чемерзина и его вкладе в развитие науки рубежа XIX–XX вв.

* ТИМОФЕЕВА Римма Александровна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории и теории искусства Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия, rimma.a.timofeeva@gmail.com.

Ключевые слова: военно-инженерная наука, историческое материаловедение, история технологий, Авенир Чемерзин, материаловедение, «панцырь», средства индивидуальной бронезащиты.

Введение. Обращение к сфере культуры представляется особенно актуальным в рамках современного научного дискурса. Именно здесь есть возможность встретить универсальные доминанты, которые могут стать основой для межнационального диалога. Изучение научно-технического наследия, анализ исторического опыта нашего государства на примере многонациональной Российской империи — важная часть работы в контексте поиска путей межкультурной коммуникации.

Работа с архивными документами позволяет реконструировать направления деятельности ученых прошлого и пролить свет на их исследования и вклад в отечественную науку. Статья посвящена Авениру Авенировичу Чемерзину (27 апреля 1871–1877(?), Санкт-Петербург, Российская империя — 1967, Ницца, Франция) — военному инженеру, изобретателю, сферы деятельности и круг интересов которого были весьма многообразны.

Изначально поставленная цель — рассмотреть изыскания А. Чемерзина в научно-технической сфере — определила задачи исследования и последовательность работы: дать общую характеристику источниковой базы; уточнить биографические сведения; определить ведущие направления деятельности автора; рассмотреть более подробно изыскания Чемерзина в военно-инженерной области.

Названные задачи обусловили структуру статьи.

Характеристика источниковой базы. Разное подчинение и наличие источников около 1917 г. обусловило многообразие привлекаемых фондов и коллекций. Среди них выделяем федеральные архивы: Российский государственный военно-исторический архив (Москва), Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург), Государственный архив Российской Федерации (Москва); региональные архивы: Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург); ведомственные архивы: Научный архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург); и зарубежные фонды: Архив конгрегации Воскресения (Рим, Италия).

Структура использованных материалов определяется сферами занятий А. Чемерзина (инициативные разработки и деятельность в рам-

ках Военного ведомства) и включает в себя документы из личного фонда автора (см.: [7] [8] [9] [10] [11]), фондов Главного артиллерийского управления [5], Главного инженерного управления (с 1913 г. Главного военно-технического управления) [6] и производственную и техническую документацию из фондов заводов [12]. В качестве дополнительных источников были использованы материалы из периодической печати: рекламные объявления, описания изделий в контексте полемики [15, с. 3], описания испытаний инициативных и проводимых военным ведомством, а также документы из фонда нормативно-технических и технических документов Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

Биографические сведения. Работа с архивными материалами позволила уточнить биографические сведения, приведенные в словаре северокавказских эмигрантов, вынужденных покинуть Российскую империю после октября 1917 г. [2, с. 221]. В частности, были уточнены данные об образовании (2-е военное Константиновское училище, Николаевское инженерное училище), адреса А. Чемерзина, связанные с петербургским этапом его биографии.

Направления деятельности. Следующий важный этап — это определение основных сфер деятельности Авенира Чемерзина в области научно-технических исследований. Отметим, что в процессе работы первоначальные представления были существенно расширены за счет знакомства с литературным творчеством и филологическими изысканиями автора. Среди первоначально разрабатываемых тем следует назвать следующие. Во-первых, это исследования Чемерзина в области разработки средств индивидуальной бронезащиты (создание «панцыря» [6, л. 24], его модификации, эволюция и применение). Во-вторых, исследования свойств материалов и технологий производства — разработка химического состава металла, изучение свойств ткани. Данное направление следует рассмотреть детально, поскольку именно это позволило автору создать комбинированные изделия, предназначенные для защиты от пуль.

Значение этих исследований определяется рядом факторов.

Во-первых, развитие военного искусства во второй половине XIX в. и предреволюционная ситуация конца столетия обусловили особое внимание к вопросу ценности человеческой жизни. Гуманистическая составляющая, которой мы наделяем средства индивидуальной бронезащиты, позволяет вывести данную тему в более широкую плоскость философского осмысления социально-гуманитарных дисциплин.

Во-вторых, важным аспектом сюжета является изучение источников по историческому материаловедению. В рассматриваемый период проходил выбор наиболее эффективного материала, который позволил бы минимизировать разрушительные последствия оружия. Таким образом, мы обращаемся к истории технологий промышленного и кустарного производства периода империализма.

Разработки средств индивидуальной бронезащиты («панцырей» и щитов) в Российской империи рубежа XIX–XX вв. проводились в инициативном порядке и по заказу силовых структур (военное ведомство, полиция и тюремное ведомство). Среди немногочисленных сохранившихся в частных и государственных музейных собраниях предметов авторства Чемерзина были выявлены и проанализированы те, которые сочетали в себе разные материалы, в том числе шелк и его производные.

Именно шелк обеспечивал непробиваемость «панцыря» или щита. Он же позволял снизить последствия динамического удара при одновременном снижении удельного веса защиты. Материалы подобного рода разрабатывались в Западной Европе, среди наиболее известных следует назвать предложенные Я. Щепаником и К. Цегленом [16, р. 165]. Цеглен предлагал применять многослойную ткань, состоящую из непряженных шелковых нитей, заключенных в тканевую оболочку, и шелковых шнуров или жгутов из туго скрученных или ссученных волокон.

Именно данный опыт был использован Авениром Чемерзиным. Автор предложил ряд изделий, предназначенных для того, чтобы сохранить человеческую жизнь. Качество предметов и грамотное продвижение привели к получению государственного заказа. В 1907 г. тюремное ведомство приняло решение закупить набор защитных средств у капитана Чемерзина — щиты-портфели и «панцыри», закрывавшие грудь, живот, бока и спину. Согласно принятой министерством юстиции программе, из бюджета ведомства оплачивалась половина стоимости такого комплекта сотрудникам, которые приобретали подобное средство защиты. Разные типы бронепластин сочетались с тканевой обшивкой и подкладочными слоями.

Бронежилеты и щиты Чемерзина имели высокую стоимость, в том числе и по причине применявшихся материалов. Цена каждого изделия составляла от 600 до 1400 рублей [6, л. 39–40.].

Отметим, что исследования Чемерзина были результативны, поэтому нашли развитие в разработках других авторов. Например, «панцырь» В. Ф. Галле и К. К. Задарновского. Его применение также было свя-

зано с полицейским ведомством. При разработке нового типа защитного «панцыря» авторы учли испытания шелковой ткани Маврикия Лаского и Казимира Цеглена: Галле предложил несколько вариантов бронезиления. Один из типов предполагал наличие с внутренней стороны матерчатой подушки и матерчатых накладок из шелковых оческов на лицевой стороне во всю площадь. Другой тип, предназначенный для офицеров, состоял из нескольких фасонных пластин. Пластины были соединены на шарнирах и перекрывали друг друга. Металлический «панцырь» должен был быть обтянут холстом, и между слоями металла предполагалось наличие прокладки из ваты или из оческов шелка.

Таким образом, Авенир Чемерзин использовал свои наработки и европейский опыт. Примером такого взаимодействия стало приобретение Авениром Чемерзиным весной 1905 г. за 30 000 руб. патента на непроницаемую для пуль ткань изобретателя К. Цеглена (предмет привилегии — пуленепроницаемая ткань, которая могла быть заключена в оболочку из шелка или иного другого материала) [16, р. 177].

На наш взгляд, важным фактором, позволяющим охарактеризовать деятельность Авенира Чемерзина, является понимание гуманистической составляющей, что было связано с осознанием ценности человеческой жизни. Это и обусловило внимание к данной сфере в Российской империи рубежа XIX–XX вв., что нашло отражение в научных исследованиях и проведенных испытаниях. Результатом данных испытаний стало выявление особых качеств комбинированных изделий и выбор наиболее эффективных материалов для последующего использования. Подтверждение содержится в актах испытаний и прочих документах подобного рода.

Третье направление деятельности Чемерзина, о котором было упомянуто выше, — это поэтическое творчество и литературоведение. В рамках этой области отметим публикации собственных сочинений автора в 1911 [13] и 1913 [14] гг., а также составленный и изданный после эмиграции труд по систематизации средневековой французской поэзии «Le Tchemerzine».

Вывод. Таким образом, проведенное исследование позволило уточнить ряд сведений о направлениях деятельности А. А. Чемерзина. Акцент был сделан на научно-технической составляющей, что было заявлено в названии. Тем не менее иные сферы исследований автора также интересны, заслуживают внимания и показывают значительный масштаб личности ученого.

Использованная литература:

1. Архив конгрегации Воскресения. Ед. хр. 38769.
2. *Бабич И. Л., Гладкова Т. Л., Мнухин Л. А.* Северокавказцы в эмиграции в XX в. Материалы к биографическому словарю. М., Берлин: Директ-Медиа, 2020.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 63. Оп. 28. Д. 1016.
4. Каталог панцирей, изобретенных капитаном А. А. Чемерзиным. СПб.: Типография И. Генералова, 1908. 19 с.
5. Научный архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 4. Оп. 39/4. Д. 445.
6. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 493. Оп. 10. Д. 31.
7. Российский государственный исторический архив. Ф. 1102. Оп. 3. Д. 1017.
8. Российский государственный исторический архив. Ф. 1102. Оп. 3. Д. 1018.
9. Российский государственный исторический архив. Ф. 1102. Оп. 3. Д. 1019.
10. Российский государственный исторический архив. Ф. 1102. Оп. 3. Д. 1020.
11. Российский государственный исторический архив. Ф. 1102. Оп. 3. Д. 1024.
12. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 1418. Оп. 5. Д. 99.
13. *Чемерзин А. А.* Стихотворения в прозе. СПб.: тип. Ю. Мансфельд, 1911.
14. *Чемерзин А. А.* Фантазия. СПб.: Т-во худож. печати, 1913.
15. *Яблоновский А.* Панцири г. Чемерзина // Киевская мысль. 1915. 28 февраля. С. 3.
16. *Lotysz S.* Tailored to the Times: the Story of Casimir Zeglen's Silk Bullet-Proof West // *Arms and Armour*. 2014. № 11. P. 164–186. DOI 10.1179/1741612414Z.00000000040.

Rimma A. TIMOFEEVA,

Cand. Sci. (Theory and History of Arts), Assoc. Prof.,
Department of History and Theory of Arts,
Saint Petersburg State University of Technology and Design,
Saint Petersburg, Russian Federation, rimma.a.timofeeva@gmail.com.

Avenir Chemerzin: Archival Materials to the Scientific and Technical Heritage

The article deals with the characteristics of archival materials related to the personality and scientific and technical heritage of the representative of the Circassian aristocracy Avenir Avenirovich Chemerzin. The characteristics of funds and collections

containing information about the author's activities at the turn of the 19–20th centuries are given. Systematization of the source base is in progress. On the basis of archival data biographical information is specified and the main directions of A. A. Chemerzin's research are analyzed. Special attention is paid to the author's inventions in the military engineering sphere (the creation of "armor", shields, etc.), research in the field of materials science, metallurgy (bulletproof materials), as well as literary creativity and literary criticism. The introduction and use of the author's products in the Russian Imperial Army is considered. The conclusion is drawn about the universal character of A. Chemerzin's personality and his contribution to the development of science at the turn of the 19–20th centuries.

Keywords: *military engineering science, historical materials science, history of technologies, Avenir Chemerzin, materials science, "armor", personal bod.*

Т. М. Самушь*

Профессорский дом как пространство коммуникации

В статье реконструируется история дома на улице Новокузнецкой, 10 в Краснодаре, жильцами которого были преимущественно ученые. Автор, проживающая в данном доме с 1944 г., с опорой на собственные воспоминания, интервью с соседями, другие источники характеризует научные достижения, личностные качества, повседневные практики ученых и членов их семей. Представлены такие известные ученые как П. Э. Стребейко, М. Н. Грюнер, А. Л. Мартман, М. И. Поляков, А. П. Кондрацкий, А. С. Мерджаниан, Г. Г. Агабальянц, П. Г. Асмаев, З. И. Асмаева, М. П. Асмаев, П. Э. Стребейко, Н. А. Ильвицкий, Л. Н. Парфентьев, Т. Л. Парфентьева, А. К. Плисов, Е. О. Герасименко, П. Д. Морозов, А. М. Титов, Д. Н. Бекетовский, В. М. Лоза, И. А. Шевцов, В. В. Купянская, Е. И. Петропавловский, А. С. Вечер и др. Отмечается важность включения дома в экскурсионные маршруты.

Ключевые слова: профессорский дом, Краснодар, ученые, научная деятельность, досуг, повседневная жизнь.

На углу улиц Красноармейской и Новокузнецкой в Краснодаре, всего в двух шагах от главной городской улицы Красной находится трехэтажный дом, в котором с предвоенных лет проживали видные ученые. Когда-то он был украшением квартала — выдержанный в строгом стиле с красивыми лепными балконами и двумя сквозными подъездами с выходом на ул. Новокузнецкую № 10 (ранее Ново-Кузнецкую № 12). Парадные подъезды давно не действуют, остались входы только со двора,

* САМУШЬ Татьяна Михайловна, кандидат биологических наук, независимый исследователь, Краснодар, Россия, samus.t@mail.ru.

лепнина с балконов со временем обвалилась, а при недавнем внешнем ремонте ее окончательно сбили [2].

Первые жители появились здесь в 1938 г. Вероятней всего, это была семья профессора Петра Эдмундовича Стребейко (1901–1950). Как рассказывала мне дочь профессора Маргарита Петровна, здание хотели занять военные, перед воротами даже стоял пост, но затем в дом стали въезжать ученые, в том числе профессор Александр Львович Мартман, вернувшийся из Средней Азии после ссылки.

Одним из первых довоенных жильцов являлся также известный плодород-селекционер, профессор Макс Николаевич Грюнер (1868–1945), в ту пору заведующий кафедрой плодородства Краснодарского института виноделия и виноградарства (КИВИВ).

Наша семья поселилась здесь в 1944 г., когда я была совсем еще маленькой девочкой. Дом, в котором мы жили до этого, при наступлении нашей армии 11 февраля 1943 г. сожгли румыны, и нам с мамой и братом пришлось долго скитаться по чужим квартирам. Папа, Поляков Михаил Ильич (1898–1954), заведующий кафедрой агрохимии КИВИВ, в это время был в эвакуации вместе с институтом и студентами в г. Самарканд, где преподаватели продолжали учебный процесс. После возвращения ему дали комнату в этом «профессорском» доме. В условиях почти полностью разрушенного Краснодара это было счастьем. Дом был переполнен, люди жили и в кухнях, и в ваннных комнатах.

Мой отец являлся учеником и последователем известного биохимика, ученого с мировым именем А. А. Шмука (академика ВАСХНИЛ, лауреата Сталинской премии), организатора кафедры агрономической химии в КСХИ, одного из первых директоров Государственного института табаководства [1]. По многочисленным воспоминаниям коллег и студентов, М. И. Поляков умело руководил коллективом. Он обладал исключительными знаниями в области химии почв, был прекрасным лектором, пропагандистом агрохимической науки. Его лекции приходили послушать профессора и сотрудники других кафедр. В институте его звали «ходящей энциклопедией», умницей [4, с. 114–121].

За долгие годы жизни в этом доме перед моими глазами прошли судьбы многих живших здесь замечательных, и, как я поняла спустя годы, знаменитых в науке людей. Здесь жили основатели целых научных школ. Среди них профессор Андрей Николаевич Обухов (умер в конце 1950-х гг.). Известный в СССР, организатор и первый заведующий кафедрой технологии эфирных масел в Краснодарском институте пищевой

промышленности (КИПП) — преемнике КИВИВ. У нас в семье до сих пор пользуется популярностью легко читаемая, содержательная книга А. Н. Обухова «Лекарственные растения Краснодарского края» (1957).

Профессор Александр Павлович Кондрацкий (1887–1957) — один из создателей эфиромасличной промышленности в стране. В 1987 г. к его столетнему юбилею со дня рождения в музее Симферополя была подготовлена большая выставка, на открытие которой была приглашена семья. Сам Александр Павлович, будучи на пенсии, работал постоянно; стук его пишущей машинки слышен был с балкона издали. Увлекался рисованием. Строгий на вид, был внимателен к нам, детям двора и, бывало, приглашал нас к себе домой, чтобы объяснить какое-нибудь астрономическое явление, например, затмение Солнца, Луны.

Одним из основателей научной школы технологии эфирных масел являлся и доцент Александр Федорович Поляков (однофамилец моего папы), талантливый выпускник кафедры, ставший впоследствии проректором КИПП.

Профессор Арутюн Саркисович Мержаниан (1885–1951) — выдающийся ученый виноградарь, основоположник отечественной школы виноградарей, первый организатор кафедры виноградарства в Кубанском сельхозинституте и отдела виноградарства в СКЗНИИСиВ (Северокавказский зональный НИИ садоводства и виноградарства), один из основателей Анапской зональной опытной станции виноградарства и виноделия, автор фундаментального учебника для вузов «Виноградарство».

Крупный специалист в технологии виноделия — профессор Георгий Герасимович Агабальянц (1904–1967), ученик выдающегося ученого винодела А. М. Фролова-Багреева (1877–1953), лауреата Сталинской премии. Ими в соавторстве написан учебник «Химия вина» (1951) и др. В 1943 г. Г. Г. Агабальянц сменил своего учителя на должности главного шампаниста комбината «Абрау-Дюрсо», одновременно заведя кафедрой технологии виноделия в КИППе. Его ученик и последователь (в будущем профессор) Артемий Арутюнович Мержаниан (1915–1996), сын Арутюна Саркисовича Мержаниана, стал вскоре также доктором наук и продолжателем развития теории виноделия. Этими учеными впервые в мире создана автоматическая линия производства шампанского. В 1961 г. Г. Г. Агабальянцу и А. А. Мержаниану (совместно с инженером С. А. Брусиловским) за шампанизацию вина в непрерывном потоке с автоматизацией технологического процесса была присуждена Ленинская премия. И эти два выдающихся ученых жили в нашем доме!

Запомнилась замечательная семья Асмаевых. Специалист области технологии табака доцент Петр Георгиевич Асмаев (1909–1961), сподвижник член-корреспондента АН СССР А. И. Смирнова, автор книги «Табаководство» (в соавторстве), директор КИВИВ и КИППа. Петр Георгиевич взвалил на себя бремя директорства во время войны в 1942 г., в самое тяжелое для института время — в разгар пешей эвакуации из Краснодара под бомбами через Туапсе, Сухуми, Тбилиси, Баку и далее в Самарканд и его послевоенного восстановления. Петр Георгиевич в обиходе был прост в обращении, лишен всякого снобизма, по вечерам во дворе часто играл с соседями в большой теннис, в шахматы.

Его сын, профессор Михаил Петрович Асмаев (1938–2017), являлся одним из первых членов кафедры автоматизации производственных процессов и до своей тяжелой болезни возглавлял ее. Жена Михаила Петровича, доцент Асмаева Зинаида Ивановна, стояла у истоков создания специальных лабораторий при кафедре технологии хлеба, макаронных и кондитерских изделий и беспрерывно проработала там до самого ухода на пенсию.

Петр Эдмундович Стребейко, заведующий кафедрой физической и коллоидной химии, — поистине талантливый высокообразованный человек, потомственный литовский дворянин, знавший несколько языков (с женой он переписывался, в основном на французском). Во время войны совместно с профессором Тютюнниковым сконструировал аппарат для капельного переливания крови, успешно применяемый для лечения раненых. В мирной жизни увлекался математикой, рисованием, сочинял музыку — около тридцати мазурок, вальсов и даже оперу. Легендарной была и его жена, фронтовичка Мария Феликсовна Стребейко (1898–1994), по образованности соответствующая своему мужу. Будучи старшей операционной сестрой, когда началась война, она не поехала с мужем и детьми в эвакуацию, а вместе с полевым госпиталем отправилась на фронт. Дошла до Берлина, награждена боевыми наградами, в том числе орденом Красной Звезды, и, по словам дочери, десятью личными благодарностями от И. В. Сталина. Ее уникальный военный дневник опубликован мною в журнале «Родная Кубань» [3]. В войне супруги Стребейко потеряли самое дорогое — двух красавцев сыновей.

Старший, двадцатилетний Эдмунд, романтик по своей натуре, будучи курсантом Севастопольского высшего военного училища береговой охраны (так написано на обелиске) и его гордостью, погиб в составе всего морского отряда под Бахчисараем в 1942 г. на 34-м километре

шоссе, преграждая путь немецким танкам к Севастополю. Несколько лет назад, путешествуя с мужем по Крыму, мы нашли эту ухоженную братскую могилу на взгорке с перечисленными фамилиями всех павших курсантов. Стояли молча, меня пробирали дрожь. С гранатами против танков... погибли все. Получив похоронку на сына, Петр Эдмундович сказал: «Я знал, чувствовал с самого начала, что он погибнет, такие романтики, как он, на фронте не выживают». Младший Ромуальд учился в Краснодарском химико-технологическом институте. Рос очень смелым и отчаянным (мог свободно прыгнуть с высокого берега в Кубань). После окончания минометного училища в 1942 г. был направлен на фронт. Погиб смертью храбрых в Польше в 1945 г., на земле предков, причем недалеко от места службы своей мамы, Марии Феликсовны. Ромуальд Стребейко награжден двумя орденами Отечественной войны, одним — посмертно. Ему было всего 21 год.

Первым заведующим и организатором кафедры хранения и переработки зерна стал приехавший в наш город в 1957 г. доцент Николай Антонович Ильвицкий (1915–2014).

Очень музыкальной была семья профессора Луки Николаевича Парфентьева (1891–1952). Представитель казанской химической школы академика А. Е. Арбузова Лука Николаевич, переехав в Краснодар, стал заведующим кафедрой органической химии с 1943 г. (до этого кафедру возглавлял около 10 лет профессор Александр Константинович Плисов, также проживавший в нашем доме).

Прекрасно владея скрипкой, Лука Николаевич дал музыкальное образование и своей дочери, что было почти обязательным в те времена, жизнерадостной, обаятельной Танечке, Татьяне Лукиничне (1924–1986) которая, работая над докторской диссертацией и заведя кафедрой неорганической химии, не бросала музыку, рисование и настольный теннис (в институте являлась чемпионкой по этому виду спорта). Она довольно долгое время пела и принимала самое активное участие в концертах Дома ученых, который в те годы являлся центром культурной жизни города.

По научным стопам деда и своей мамы пошел Евгений Олегович Герасименко (род. в 1963 г.), по старой привычке мы дома долго именовали его Парфентьевым. Он рано, в 41 год, защитил докторскую диссертацию и успешно работает в звании профессора на кафедре жиров в КГТУ.

В Доме ученых с сольными концертами в довоенные времена часто выступала и моя мама, Анна Васильевна Полякова (1902–1982), обладав-

шая прекрасным голосом и имевшая профессиональное оперное и педагогическое образование и в институте преподававшая английский язык. До конца жизни по праздникам мама давала концерты в кругу семьи для друзей, родственников, детей и внуков. Ее голос звучал прекрасно.

Интересной и музыкальной была семья механика, гидролога доцента Петра Дмитриевича Морозова (1874–1952), выходца из пошехонских купцов Ярославской области. В семье жили две внучки Светлана и Марина Познанские, дети дочери Варвары и известного в городе в довоенные годы теоретика музыки и пианиста Николая Познанского.

Младший сын Морозовых, Сергей Петрович (1913–2002), ученик знаменитого краснодарского преподавателя музыки по классу скрипки Н. Вилика, стал профессиональным скрипачом, создателем первого народного симфонического оркестра при Доме учителя. Дирижером был в течение двадцати лет, с 1955 по 1975 г., являлся автором красивых и мелодичных музыкальных произведений. В семьях Морозовых, Стребейко, Парфентьевых, по воспоминаниям Сергея Петровича, в разные времена собирались любители-музыканты, чтобы поиграть вместе, в ансамбле.

В 1941 г., в начале войны, прервав обучение в Харьковской консерватории, Сергей Петрович вернулся в Краснодар. Вскоре его призвали во фронтовую концертную бригаду Новороссийской военно-морской базы. Командиром ее был прекрасный человек, Георгий Константинович Холостяков, вице-адмирал, Герой Советского Союза, впоследствии очень высоко оценивший выступления и мужество оркестрантов. Музыкантов набирали из частей действующей армии, что было нелегко. Никто не хотел выступать в качестве артистов, все хотели воевать. Концерты давали по всему побережью в двух шагах от передовой. Из их музыкальной бригады трое погибли во время бомбежек. Сам Сергей Петрович награжден четырьмя медалями и юбилейным орденом Отечественной войны.

Однако самой оригинальной в этой семье являлась жена Петра Дмитриевича, Морозова Александра Дементьевна (1880–1960), которая запомнилась мне на всю жизнь. Это была неординарная женщина, окончившая в свое время Институт благородных девиц в Санкт-Петербурге. Родилась она в Хабаровске, одной ветвью происходила из княжеского рода Гантимуровых. О своем происхождении почти ничего не говорила. Сыну Сергею как-то сказала: «Мы княжеского рода, перед смертью скажу, откуда мы», но так ничего и не рассказала. Не те времена были для откровенных разговоров, а сын не настаивал.

В 1905 г. Александра Дементьевна часто жила наездами у тетки в Порт-Артуре, в семье князя Гантимурова, личного адъютанта генерала А. М. Стесселя, коменданта крепости Порт-Артур. Разворачивающиеся драматические военные события наблюдала с близкого расстояния.

В 1918 г. вместе с семьей оказалась на юге. Имея двух маленьких детей, пошла медсестрой в Красную Армию и заведовала там прививочным отрядом. Она была безусловно смелой женщиной. Однажды, отступая под натиском Врангеля, ей пришлось проползти под стоящим поездом, а он неожиданно тронулся: Александра Дементьевна не растерялась, мгновенно легла лицом вверх и пропустила над собой весь состав в 60 вагонов, увертываясь от свисающих деталей.

После Гражданской войны Морозовы обосновались в Краснодаре, и Александра Дементьевна, когда ей было уже больше сорока лет, стала учиться пению в Кубано-Черноморской консерватории у известного итальянского певца и педагога Винченцо Монтиконе-Майна.

Живя уже в нашем доме по ул. Ново-Кузнецкой, А. Д. Морозова стала писать роман о событиях в Порт-Артуре 1905 г., считая, что ее оценка как очевидца трагических событий в русско-японской войне более правильная, чем общепризнанная, описанная в книге А. Степанова «Порт-Артур», за которую автор получил Сталинскую премию (1946 г.). Александра Дементьевна в пору пребывания в Порт-Артуре была уже взрослым, двадцатипятилетним человеком и могла вдумчиво и серьезно оценить происходящие события.

В конце сороковых — начале пятидесятых годов она стала устраивать публичные читки глав из своего сочинения в Доме ученых. Обычно это происходило в директорском кабинете за большим овальным столом. Александра Дементьевна приглашала друзей, знакомых, обязательно мою маму (свою приятельницу), а заодно и меня, подростка. К сожалению, до издания книги дело так и не дошло, несмотря на все хлопоты автора. В те времена это было и невозможно (соперничать с лауреатом Сталинской премией!). Рукопись безвозвратно исчезла, а вместе с нею и возможность альтернативной оценки тех далеких исторических событий.

Я знала А. Д. Морозову уже немолодой... Как сейчас вижу ее перед глазами, всегда улыбающуюся, идущую быстрой чуть семенящей походкой с кокетливым зеленым шарфиком на шее.

В нашем доме жили А. М. Титов, физик, профессор Кубанского политехнического института (КПИ), Д. Н. Бекетовский, известный плодо-

вод, заведующий кафедрой плодоводства в Кубанском сельхозинституте, профессор В. М. Лоза, винодел, заведующий кафедрой технологии виноделия, проректор КПИ, физики И. А. Шевцов и его сын С. И. Шевцов, заведующие кафедрой физики. На этой же кафедре преподавала доцент Вера Васильевна Купянская.

В числе первых, поселившихся в нашем доме, была семья доцента В. П. Белобородова. Сам Виталий Петрович, по отзывам, талантливый человек, работал на кафедре технологии жиров, но трагически погиб на охоте (во второй половине 1940-х гг.). Его сын Володя превзошел отца по таланту и, как вспоминала Маргарита Петровна Стребейко, ее отец Петр Эдмундович, скупой на похвалу, так отзывался о своем студенте: «Очень, очень способный, вот это настоящий студент, такой умница!» Потом Владимир Витальевич Белобородов стал профессором в Ленинграде, на некоторое время возвращался в Краснодар на кафедру жиров КПИ. Он автор 320 научных трудов, в том числе 3-х монографий, учебника для вузов.

В нашем доме жил основатель и первый заведующий кафедрой технологии консервирования в КИПП–КПИ доцент Евгений Иванович Петропавловский (1900–1977). Долгие годы он был главным инженером Крымского консервного комбината, восстанавливал его из руин после войны, считал комбинат своим послевоенным детищем. Автор небольшой, но очень популярной в середине прошлого века книги «Консервирование плодов и овощей в домашних условиях» (Краснодар, 1954). На заре увлечения домашними заготовками мы в семье часто заглядывали в нее для уверенности в избранной рецептуре. Евгений Иванович одним только видом, походкой и статью уже вызывал уважение, а если добавить доброжелательность, гостеприимность, мягкое обращение с людьми, любовь коллег, которые стайкой всегда провожали его домой, то сразу поймешь, что перед тобой истинный интеллигент.

Помню, как в середине пятидесятых годов уезжал в Минск на новую работу профессор Александр Степанович Вечер (1905–1985), доктор химических наук, заведующий кафедрой физической и коллоидной химии (вскоре Александра Степановича избрали академиком АН БССР). Для погрузки вещей железнодорожный товарный контейнер подогнали к самым воротам дома, ветка железной дороги проходила тогда по улице Красноармейской, мимо нашего двора к бывшему мелькомбинату (теперь это район драмтеатра), и мы, подростки, по-

могали грузить богатейшую библиотеку. Его жена при расставании с соседями плакала.

Жители нашего дома были людьми неординарными, они выделялись своей начитанностью, всесторонней образованностью, воспитанием. Музыка, как и живопись, являлась неотъемлемой частью жизни каждой семьи. Звуки музыки доносились почти из каждой квартиры.

Как можно забыть энергичнейшую Анну Васильевну Лавреневу, увлекающуюся вождением мотоцикла. После неудачного замужества она пошла работать на ЗИП (завод измерительных приборов, известный на всю страну), вскоре стала бригадиром сборочного цеха, изобрела новый метод пайки приборов с большой экономией олова. За это она была удостоена звания Героя Социалистического Труда. О ней очень часто писали в газетах, на демонстрациях она шла в первых рядах колонны ЗИПа.

Помню, как сразу после войны поселился в нашем доме отставной офицер Николай Игнатьевич Зиманин вместе с сыновьями и милейшей женой Екатериной Алексеевной. Небольшого роста, с военной выправкой, быстрый в движениях, он вскоре возглавил всю хозяйственную службу в КИППе. С его приходом в доме и дворе установился особый порядок, почти через каждый год дом белили и красили снаружи и в квартирах. Причем бесплатно для жильцов, ведь дом был ведомственный. Забот у Н. И. Зиманина было немало, но при этом он успевал ходить на занятия в вечернюю художественную школу и одаривать детей своими акварелями.

Для детей были сделаны качели, повешена волейбольная сетка, во дворе силами жильцов разбиты клумбы с цветами. В волейбол играли все — взрослые и дети. Спорт и шахматы у нас уважали. Жизнь во дворе кипела до глубокой ночи.

В семидесятых годах к нам с семьей переехал Н. Ф. Рубцов, главный бухгалтер КубГТУ, потом он стал проректором по экономическим вопросам. Николай Федорович — участник войны, награжден орденами и медалями.

Как видим, в нашем доме жили известные в стране и за рубежом ученые, доктора и кандидаты наук, изобретатели, высочайшие специалисты своего дела. До сих пор моими соседями являются их потомки. Память об ученых должна быть увековечена в барельефах и памятных досках. Сам по себе дом (несмотря на некоторые переделки) — достой-

ный образец советской довоенной архитектуры — может быть включен как объект показа в экскурсии по городу. Рассказ о его жильцах позволит значительно расширить представления о научной, культурной жизни, повседневности послевоенного Краснодара.

Использованная литература:

1. Еремеева А. Н., Шейджен А. Х. Александр Александрович Шмук. Май-коп: Полиграф-Юг, 2020.
2. Самусь Т. М. Дом моего детства // Родная Кубань. 2006. № 1. С. 29–34.
3. Самусь Т. М. История одной жизни (военный дневник Марии Стребейко) // Родная Кубань. 2005. № 1. С. 25–44.
4. Шейджен А. Х. Кафедра агрохимии Кубанского госагроуниверситета: в потоке времени. Краснодар: Кубанский гос. аграрный ун-т, 2009.

Tatyana M. SAMUS,

Cand. Sci. (Microbiology), Independent Researcher,
Krasnodar, Russia, samus.t@mail.ru.

Professor's House as a Space of Communication

The article reconstructs the history of the building on Novokuznetsk Street 10 in the city of Krasnodar, the residents of which were mainly scientists. The author, who has been living in this house since 1944, characterizes scientific achievements, personal qualities, and everyday practices of scientists and their family members based on her own memories, interviews with neighbors, and other sources. The article presents such famous scientists as Peter E. Strebeiko, Max N. Gruner, Alexander L. Martman, Mickail I. Polyakov, Alexander P. Kondratsky, Arutyun S. Merzhanian, Georgy G. Agabalyants, Peter G. Asmaev, Zinaida I. Asmayeva, Mikhail P. Asmaev, Peter E. Strebeiko, Nikolay A. Ilvitsky, Luka N. Parfentiev, Tatyana L. Parfentieva, Eugeny O. Gerasimenko, Vera V. Kupyanskaya, Eugeny I. Petropavlovsk, Alexander S. Vecher et al. The importance of including the house in the excursion routes is noted.

Keywords: building where professors lived, Krasnodar, scientists, scientific activity, leisure, everyday life.

В. О. Улитин^{*}, В. В. Улитин^{}**

**Жизнь, отданная растениеводству:
основные этапы научно-исследовательской
и педагогической деятельности А. М. Улитина
(по его воспоминаниям и материалам семейного архива)**

В статье рассматриваются основные этапы научно-исследовательской и педагогической деятельности доктора сельскохозяйственных наук, профессора Кубанского сельскохозяйственного института А. М. Улитина. Они охарактеризованы на основе его автобиографии, устных воспоминаний, документов и фотографий из домашнего архива семьи Улитиных. Сфера научно-исследовательской и практической деятельности А. М. Улитина в течение его жизни расширялась, охватив зерновые, масличные, прядильные культуры, сахарную свеклу, многолетние травы. В результате своей полувековой научно-исследовательской деятельности А. М. Улитин внес существенный, основанный на научном эксперименте, вклад в решение актуальных вопросов растениеводства Северного Кавказа.

Ключевые слова: А. М. Улитин, научно-исследовательская деятельность, педагогическая деятельность, растениеводство, зерновые, масличные, прядильные культуры, сахарная свекла, многолетние травы, Кубанский сельскохозяйственный институт, агрономический факультет.

Оценка научного наследия ученого невозможна без изучения его биографии и деятельности в контексте эпохи, в которую он жил. Алексей Михайлович Улитин начал свой трудовой путь еще в годы, предшествующие Первой мировой войне, а научную и педагогическую деятельность — в период восстановления, а затем социалистического переустройства сельского хозяйства в нашей стране. Вся его деятельность была связана с развитием растениеводства на Северном Кавказе. Ее основные этапы рассмотрены нами на основе его автобиографии, личных устных воспоминаний, документов и фотографий из домашнего архива семьи Улитиных.

Алексей Михайлович Улитин родился 1(14) марта 1894 г. в станице Апшеронской Майкопского отдела Кубанской области в казачьей семье,

^{*} УЛИТИН Всеволод Олегович, кандидат биологических наук, независимый исследователь, Краснодар, Россия, vsevolod.ulitin@gmail.com.

^{**} УЛИТИН Владислав Всеволодович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия, ulitin_vladislav@yahoo.com.

у Михаила Васильевича Улитина и Прасковьи Ивановны Улитиной [16]. Дед Алексея Михайловича, Василий Максимович Улитин, родился и жил в станице Казанской на Верхнем Дону и за участие в мятежах был сослан в станицу Рязанскую Кубанской области в 60-х гг. XIX в. Станица Рязанская первоначально назвалась Габукаевской (по аулу Габукаевскому, находившемуся «в 3 верстах от станицы») и была основана в 1863 г., в 1868 г. переименована в Рязанскую [23, с. 115, 127]. У одного из своих кунаков в соседнем ауле (возможно, как раз в Габукаевском) В. М. Улитин похитил его дочь Фатимат и бежал «в воюющую в то время станицу Апшеронскую», где женился на Фатимат [27].

У Алексея Михайловича было три сестры (Екатерина, Ирина, Анна) и младший брат Иван. Алексей Михайлович был самым старшим из детей [1].

До поступления в школу А. М. Улитин работал пастухом-подпаском у местного торговца скотом Татузова, в 1904–1907 гг. обучался в Апшеронской начальной школе, а в 1907–1912 гг. в Екатеринодарской военно-фельдшерской школе [45]. Во время обучения в последней Алексей Михайлович самостоятельно начал изучение французского и немецкого языков [27]. В 1909 г. он получил сквозное огнестрельное ранение ладони правой руки при случайном выстреле из кремневого ружья [1], из-за чего пропустил год в обучении.

5 июня 1912 г. Алексей Михайлович закончил Екатеринодарскую военно-фельдшерскую школу со званием «младший медицинский фельдшер» и обязательством прослужить на военной службе в качестве медицинского фельдшера 6 лет (см.: [1] [45]).

Учитывая последствия полученного А. М. Улитиным в 1909 г. огнестрельного ранения, при определении на военную службу 28 августа 1912 г. его назначили младшим медицинским фельдшером в Апшеронскую войсковую больницу (см.: [38] [57]).

10 сентября 1914 г. Алексей Михайлович в том же звании был переведен в Управление Таманского отдела Кубанской области — в станицу Славянскую [57]. В звании лекарского помощника он отбыл действительный срок службы 23 июля 1915 г. [70]. Осенью 1915 г. Алексею Михайловичу было присвоено звание кандидата на классную должность [27]. 15 июня 1917 года А. М. Улитин окончил экстерном Темрюкское реальное училище (держал экзамены в 1915, 1916 и 1917 гг.) [47].

С февраля 1918 г., после установления на территории Кубанской области советской власти, Алексей Михайлович работал в качестве стар-

шего лекарского помощника, принимал активное участие в организации лазарета при Управлении Таманского отдельского комиссариата (бывшее Управление Таманского отдела) [1]. 25 мая 1918 г. из Таманского отдельского комиссариата А. М. Улитин был переведен в том же звании старшего лекарского помощника в Апшеронскую народную больницу [57]. Летом и осенью 1918 г., работая в Апшеронской больнице в период Гражданской войны, он оказывал медицинскую помощь раненым бойцам с обеих сторон, за что два раза арестовывался ими обеими. Оба раза Алексея Михайловича спасли старики-станичники, потребовавшие на общем собрании его освобождения из-под ареста (см.: [1] [72]).

В декабре 1918 г., в период, когда Екатеринодар был занят белогвардейцами, А. М. Улитин был переведен из Апшеронской больницы в г. Екатеринодар, в Кубано-Черноморское врачебно-санитарное управление Кубанского краевого правительства в звании старшего лекарского помощника и занял должность помощника для командировок врачебно-санитарного отдела ведомства здравоохранения Кубанского краевого правительства [66]. Возможно, уже в это время Алексей Михайлович поселился в Екатеринодаре по адресу Рашпилевская, 71, где снял комнату в доме у семьи Холявко, с которой будет связана вся его дальнейшая жизнь. 11 февраля 1919 г. он был переведен на должность помощника делопроизводителя во врачебно-санитарном отделе ведомства здравоохранения Кубанского краевого правительства, где работал вплоть до 20 марта 1920 г., когда Краснодар был занят частями Красной Армии [67].

В декабре 1918 г., имея свидетельство об окончании экстерном курса реальных училищ, А. М. Улитин поступил в Северокавказский политехнический институт на факультет электротехники, скорее всего, по конкурсу аттестатов. Однако затем, по состоянию здоровья, опасаясь заболеть впоследствии туберкулезом при работе в закрытых помещениях, подал документы на агрономическое отделение Кубанского политехнического института и с 5 января был зачислен туда по конкурсу аттестатов, одновременно работая в Кубано-Черноморском санитарном управлении в должности помощника делопроизводителя (см.: [1] [27] [68]). Это был первый набор Кубанского политехнического института.

В июне 1920 г. А. М. Улитин был освобожден от военной службы и откомандирован из Кубано-Черноморского санитарного управления на должность препаратора кафедры физиологии животных Кубанского политехнического института, которую занимал с 16 июля 1920 г. до октября 1921 г. (см.: [1] [3] [33]). Благодаря анкете от 15 октября 1920 г.

мы узнаем, что он также какое-то время по совместительству работал в физиологической лаборатории Кубанского госуниверситета [2]. 6 апреля 1921 г. Алексей Михайлович женился на Нине Тихоновне Холявко, в семье которых он снимал комнату [17]. 22 июля 1922 г. у них родилась дочь Ирина, 5 февраля 1929 г. — сын Олег.

С 4 октября 1921 г. А. М. Улитин был зачислен и. о. ассистента по кафедре физиологии животных с освобождением от должности препаратора (см.: [25] [51]). Должность ассистента при кафедре физиологии животных он занимал по 22 марта 1922 г. [69]. С 1 августа 1922 Алексей Михайлович был зачислен исполняющим должность ассистента при кафедре частного земледелия [69]. Во время учебы на 3–4 курсах А. М. Улитин был старостой курсов и секретарем студенческого комитета [1].

В апреле 1923 г. он закончил сельскохозяйственный факультет Кубанского сельскохозяйственного института, который был организован осенью 1922 г. на базе агрономического факультета Кубанского политехнического института, получив специальность «Ученый агроном, растениевод» [46]. В то же время А. М. Улитин вел курс практических занятий по частному земледелию [25].

С апреля 1923 по октябрь 1929 гг. А. М. Улитин занимал должность ассистента, а затем, не позднее апреля 1927 г., уже старшего ассистента кафедры частного земледелия КСХИ [29]. Кроме того, по совместительству в 1923–1929 гг. он являлся научным сотрудником сельхозотдела Кубано-Черноморского научно-исследовательского института (зачислен 21 мая 1923 г.) [57].

Также с 10 ноября 1924 по 1 сентября 1927 гг. А. М. Улитин был преподавателем частного земледелия в Кубанском сельхозтехникуме [65]. Техникум располагался в станице Славянской и, вероятно, Алексею Михайловичу приходилось решать проблему проезда к этому месту работы в отсутствие в то время автобусного сообщения. Работу в техникуме он оставил ввиду его ликвидации [57].

Стремясь повысить свой уровень квалификации, А. М. Улитин написал 1 октября 1925 г. заявление о командировке в Тимирязевскую с/х академию для ознакомления с методикой и постановкой селекционных работ [20]. Как раз в это время планировалось открытие курсов Н. И. Вавилова по селекции в Москве или Ленинграде, но только 21 ноября 1925 г. Правление Кубанского сельхозинститута направило письмо в Институт прикладной ботаники и новых культур о зачислении А. М. Улитина слушателем курсов по сортоведению, селекции и генети-

ке при Всесоюзном институте прикладной ботаники и новых культур в г. Ленинград [35]. Директором курсов был Н. И. Вавилов. Несмотря не позднее зачисление, Алексей Михайлович не только их прослушал с 22 ноября 1925 г. по 22 января 1926 г. [57] [64], но и был назначен на них старостой [73]. На курсах было 200 слушателей, на фотографиях А. М. Улитин отмечен под номером 45 [73].

Летом 1926 г. Алексей Михайлович ездил в командировку от КСХИ в Закавказье и на побережье Черного моря для ознакомления с работами научных и опытных учреждений [61].

В 1923–1927 гг., как отмечал в своем отзыве зав. кафедрой частного земледелия КСХИ В. С. Богдан, Алексей Михайлович «в связи с открытием при кафедре частного земледелия лаборатории по изучению культурной и дикорастущей флоры Северного Кавказа принимал живейшее участие в ее работе, занимаясь изучением местных сортов и форм зерновых культур» [30]. В результате работы в лаборатории при кафедре частного земледелия и в КЧНИИ А. М. Улитиним были подготовлены и напечатаны две научно-популярные работы: («Пшеницы Кубани» и «Зерновые хлеба Северного Кавказа пшеница, ячмень, овес»), имевшие большое значение для изучения местных зерновых хлебов. Также при той же кафедре он проводил работу по межвидовой гибридизации пшениц, исследованию зерна и муки Северо-Кавказского края. В. С. Богдан также отметил знание А. М. Улитиним иностранных языков (французского, английского и немецкого), что давало Алексею Михайловичу «возможность быть в курсе современной специальной сельскохозяйственной литературы» [30].

В 1925–1927 гг. А. М. Улитин проводил активную работу с масличными растениями, прежде всего с клещевиной, что повлияло на решение Совета отделения полеводства и Совета института рекомендовать его осенью 1926 г «в качестве кандидата для заграничной командировки с целью усовершенствования по селекции и культуре масличных и других технических культур» [30].

С 11 июня 1927 г. Кубанским сельхозинститутом А. М. Улитин был командирован во Францию и в Северную Африку (Алжир) для изучения южных полевых масличных и прядильных культур, где посетил научные и опытные учреждения. Командировка была продлена в связи с его участием в заседании секции генетики культурных растений на V Международном конгрессе генетиков, проходившем в Берлине с 11 по 17 сентября 1927 г., и завершилась 25 сентября [50]. Именно на V Международном

конгрессе генетиков Советский Союз был представлен наибольшим количеством представителей за всю историю международных генетических конгрессов (из 966 официально и 903 фактически участвовавших делегатов 64 были советскими учеными)» [24, с. 11].

Алексей Михайлович 1 августа 1927 г. был утвержден в должности старшего ассистента по кафедре частного земледелия [36]. Кратковременно, с 1 февраля по 15 мая 1928 г., А. М. Улитин также состоял в должности старшего ассистента отдела селекции Кубанской с/х опытной станции [57]. С 22 декабря 1928 г. по 18 января 1929 г. он находился в командировке с группой студентов КубСХИ в Москве и Ленинграде с целью ознакомления с научно-исследовательскими учреждениями [57]. 23 февраля 1929 г. Алексей Михайлович оставил по собственному желанию работу научного сотрудника сельхозотдела КубЧНИИ. С 1 августа 1929 по 3 сентября 1929 г. Улитин находился в командировке на Туркестанскую селекционную станцию [57].

Агрофак КубСХИ 7 февраля 1930 г. просил директора Кубанского с/х института утвердить Алексея Михайловича в должности доцента кафедры хлопководства и лубяно-прядильных культур, а занимаемую им до того времени должность старшего ассистента объявить вакантной [49]. 4 апреля 1930 г. Решением Государственного ученого совета Наркомпроса РСФСР А. М. Улитин был утвержден в ученом звании доцента по курсу «культура и первичная переработка прядильных растений») [37].

После реорганизации КубСХИ 28 июня 1930 г. Алексей Михайлович был назначен зав. факультетом технических культур в Северокавказском институте специальных и технических культур, организованном на базе КубСХИ [57]. С 1 июля по 7 сентября 1930 г. он ездил в командировку на Ганджинскую селекционную станцию (Азербайджан) [57]. 1 сентября 1930 г. А. М. Улитин был также назначен заведующим кафедрой хлопководства Северокавказского института специальных и технических культур [8], а 22 сентября 1930 г. — помощником директора по учебной части того же института (вследствие ареста прежнего помощника директора) (см.: [15] [57]).

С 5 октября 1930 г. по 15 мая 1931 г. Алексей Михайлович вместе с другими научными сотрудниками Северокавказского института специальных и технических культур находился под следствием Краснодарского отделения ОГПУ по делу «Трудовой крестьянской партии» и содержался под стражей при Кубокротделе ОГПУ. Как и многие другие

научные сотрудники, после окончания следствия он был освобожден за прекращением дела, без всяких последствий ввиду признания за ним отсутствия каких-либо преступлений по названному делу (см.: [1] [63]). В это время и, вероятно, в связи со следствием по делу Трудовой крестьянской партии, А. М. Улитин был отчислен с должности помощника директора по учебной части Северокавказского института специальных и технических культур (9 октября 1931 г.) и от должности научного работника того же института (6 февраля 1931 г.) [57].

Вероятно, он был временно снят и с должности заведующего кафедрой хлопководства, поскольку на следующий день после освобождения из-под стражи 16 мая 1931 г., согласно выписке из приказа, был назначен заведующим кафедрой хлопководства Северокавказского института специальных и технических культур (см.: [12] [57]). 20 октября 1931 г. Алексей Михайлович был назначен заведующим отделением хлопководства Северокавказского института специальных и технических культур (см.: [13] [57]). По собственному желанию он был освобожден от заведования отделением хлопководства института (см.: [7] [57]) 1 января 1932 г., а от заведования кафедрой хлопководства 15 февраля 1932 г. (см.: [6] [57]).

Уход А. М. Улитина с этих должностей был связан с реорганизацией кафедры хлопководства в хлопковый сельскохозяйственный институт, который был открыт в Моздоке. 22 февраля 1932 г. А. М. Улитин перешел на работу в Москву в качестве старшего научного сотрудника сектора селекции по разделу новых масличных культур Всесоюзного НИИ сои и специальных культур (см.: [54] [57]). Здесь ему приходилось руководить научно-исследовательской работой по новым масличным культурам в южных пунктах Советского Союза путем переписки и составления инструкций. Одновременно по совместительству с 15 апреля по 31 декабря 1932 г. Улитин работал в Академии социалистического земледелия НКЗ (Москва) в качестве штатного доцента кафедры технических культур, по южным прядильным культурам (см.: [1] [53]). 1 января 1933 г. Алексей Михайлович был освобожден от должности доцента кафедры технических культур вследствие реорганизации Академии социалистического земледелия [57].

20 февраля 1933 г. А. М. Улитин был уволен из Института сои и специальных культур по собственному желанию и перешел на работу в НИИ по хлопководству в новых районах (НОВНИХИ) в г. Буденновск Ставропольского края на должность ученого специалиста груп-

пы сопутствующих культур сектора агротехники [57]. Вскоре, в том же 1933 г., он занял там же должность ученого специалиста — заведующего группой сопутствующих культур, а позднее — заведующего группой кормовых трав, проработав в НОВНИХИ до 1 апреля 1936 г. (см.: [29] [57]).

С этого времени и до 1960-х гг. включительно он активно занимается возделыванием люцерны на Северном Кавказе. В частности, в 1933–1936 гг. А. М. Улитин осуществлял разработку агротехники люцерны для фуражных целей в засушливых районах Северного Кавказа, разработал и внедрил в производство засушливых районов Ставропольского края широкорядные и гнездовые посевы люцерны на семена [19]. Результаты своей предыдущей работы (прежде всего, по изучению пшеницы) он стремится использовать для получения ученой степени кандидата с/х наук, которая была введена в СССР в 1934 г. Он получает благожелательные отзывы — от НОВНИХИ [29] и 23 декабря 1935 г. от К. А. Фляксбергера по трем своим работам [32].

1 апреля 1936 г. Улитин был освобожден от занимаемой должности ученого специалиста — заведующего группой кормовых трав по собственному желанию и перешел на работу в качестве заведующего отделом агротехники и старшего научного сотрудника Горской сельскохозяйственной опытной станции в г. Орджоникидзе, где проработал до 23 марта 1944 г. (см.: [10] [57] [74]).

В эти годы он продолжал успешно разрабатывать и внедрять в производство эффективные приемы возделывания люцерны, а также разработал и внедрил в производство в национальных республиках Северного Кавказа (Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской АССР) пожнивные посевы кукурузы, гречихи и других с/х культур. «За период его работы были уточнены агроуказания для СО АССР и Грозненской области, внедрены в производство пожнивные посевы, разработаны приемы травосеяния» [19] [74]. Алексеем Михайловичем в эти годы были опубликованы книга «За два урожая в год в национальных республиках Северного Кавказа» и ряд статей в журналах и газетах, он «принимал активное участие в продвижении передовой агротехники в колхозное производство» [74].

По совместительству с 1 сентября 1936 по 1 сентября 1939 г. Улитин преподавал в должности доцента кафедры растениеводства в Горском сельхозинституте в г. Орджоникидзе, где читал курс растениеводства (см.: [1] [54]).

По совокупности опубликованных научных работ по пшенице 28 апреля 1936 г. Квалификационной комиссией ВАСХНИЛ А. М. Улитину была присвоена степень кандидата сельскохозяйственных наук и звание и. о. действительного члена научных учреждений СССР (см.: [15] [57]).

В 1939 г. Улитин участвовал во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (ВСХВ) (это была первая ВСХВ в СССР) и был занесен в почетную книгу выставки за разработку и внедрение в производство методов получения двух урожаев в год кормовых и зерновых культур. «Урожай зеленой массы кукурузы в смеси с соей при посеве после уборки озимой пшеницы, однолетних трав и раннего картофеля составил от 107 до 285 ц/га» [48]. В то же время у него были планы по написанию докторской диссертации по теме «Кукуруза в национальных республиках Северного Кавказа» [34], которые в целом были одобрены академиком И. В. Якушкиным. 31 марта 1944 г. Алексей Михайлович перевелся в Краснодар на Краснодарскую краевую животноводческую опытную станцию в качестве заведующего отделом кормодобывания, где работал до 1 января 1946 г., когда был уволен по собственному желанию [52].

С 1 сентября 1945 г. он стал доцентом при кафедре растениеводства агрономического факультета Краснодарского института пищевой промышленности, а позднее Кубанского сельскохозяйственного института, в который в 1950 г. был реорганизован агрономический факультет Краснодарского института пищевой промышленности (см.: [1] [55]). Поскольку с Краснодарской краевой животноводческой опытной станции он уволился 1 января 1946 г., остается предполагать, что в течение четырех месяцев (с 1 сентября 1945 по 1 января 1946 гг.) он совмещал преподавание в КИПП и работу на станции.

Основные направления научной деятельности Улитина с 1945 г. были следующие: с 1945 по 1953 гг. он занимался разработкой системы агротехники хлопчатника в условиях Кубани; в 1948–1952 гг. Алексей Михайлович провел ценные исследования по срокам посева яровой пшеницы в Краснодарском крае и был инициатором внедрения занятых паров в северной зоне края; в 1952–1960 гг. он изучал актуальные вопросы агротехники зерновых культур в Краснодарском крае; с 1958 г. и в 1960-е гг. Улитин занимался изучением возделывания семенной фабричной свеклы в новых районах свеклосеяния Краснодарского края, что сыграло большую роль в развитии свеклосеяния в этих районах.

Он руководил в институте комплексной хозяйственной темой (с участием в ней 7 кафедр), связанной с получением высоких урожаев сахарной свеклы с высоким выходом сахара при наименьших затратах труда. Улитин проводил большую работу по оказанию практической помощи колхозам и совхозам Кубани, особенно по возделыванию многолетних трав и сахарной свеклы, часто выезжал в колхозы и совхозы края, принимал активное участие в краевых совещаниях и семинарах работников сельского хозяйства.

В 1960-е гг. он также уделял большое внимание вопросам агротехники и семеноводства люцерны и других многолетних бобовых культур, имевших большое хозяйственное значение на Северном Кавказе. Результаты собственных многолетних исследований А. М. Улитина и исследований опытных учреждений на конец 50-х гг. XX в. обобщены в книге «Многолетние кормовые травы на Кубани» (Краснодарское книжное издательство, 1958) [19].

Об эффективности результатов деятельности Алексея Михайловича, в частности, свидетельствует его участие в Выставке достижений народного хозяйства (ВДНХ) в 1963, 1967, 1970, 1971 гг. (см.: [44] [43] [60] [59]).

С 1 сентября 1957 г. по 1958 г. А. М. Улитин временно исполнял обязанности заведующего кафедрой растениеводства КСХИ [26]. Позднее, с 1 апреля 1961 г., в связи с выездом профессора Н. И. Володарского в длительную командировку, Алексей Михайлович был назначен заведующим кафедрой растениеводства КСХИ [11].

10 июня 1964 г. состоялось расширенное заседание Ученого совета КСХИ, посвященное 70-летию со дня рождения и 37-летию научной и педагогической деятельности заведующего кафедрой растениеводства Алексея Михайловича Улитина [42].

С 15 января 1966 г. Улитин по его собственной просьбе был освобожден от заведования кафедрой растениеводства и остался в должности доцента той же кафедры (см.: [21] [26]). Вероятно, это дало ему дополнительное время для завершения текста докторской диссертации.

В своей докторской диссертации, защищенной в 1968 г. по теме «Современные проблемы возделывания многолетних трав на Северном Кавказе», Алексей Михайлович обобщил как результаты собственных многолетних эффективных исследований, так и работ научно-исследовательских учреждений и передовых хозяйств Северного Кавказа [71]. 4 марта 1969 г. А. М. Улитину присуждена ученая степень доктора сель-

скохозяйственных наук [18]. 7 июня 1969 г. А. М. Улитин был избран на должность профессора кафедры растениеводства, а 14 марта 1970 г. он был утвержден в ученом звании профессора по той же кафедре (см.: [4] [14]).

В течение сорока лет Алексей Михайлович успешно вел педагогическую работу. Он внес большой вклад в подготовку специалистов в области сельского хозяйства, был хорошим методистом. Как отмечал заведующий кафедрой растениеводства Н. И. Володарский, лекции А. М. Улитина по растениеводству отличались «глубоким научным содержанием, тесной связью с запросами производства, прогрессивными идеями». Он «сделал большой научный и практический вклад в растениеводство Северного Кавказа» [31]. Много сил и труда он отдал подготовке научных кадров для сельского хозяйства. Несколько его учеников предоставили и успешно защитили кандидатские диссертации [28].

Сфера научной и практической деятельности А. М. Улитина в течение его жизни расширялась, охватив зерновые, масличные, прядильные культуры, сахарную свеклу, многолетние травы. Его профессионального интереса хватило бы на много исследователей.

За свою общественную, научно-исследовательскую и педагогическую работу А. М. Улитин неоднократно награждался грамотами, медалями и денежными премиями. Среди наград имеются и почетные грамоты от самого вуза (от 4 ноября 1967 г. в связи с 50-летием Октябрьской революции и от 26 июня 1972 г.) (см.: [41] [40]), и поощрения от государственных и партийных органов. Дважды он был награжден медалями ВДНХ за успехи в народном хозяйстве СССР: бронзовой в 1963 г. (6 июня 1963 г.) и серебряной в 1971 г. [60] [59]. От имени Президиума Верховного Совета СССР А. М. Улитин был награжден юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (1970 г.) [63], от Министерства сельского хозяйства СССР — значком «Отличник социалистического сельского хозяйства» (1972 г.) [65]. В 1969 г. Алексей Михайлович был награжден почетной грамотой Краснодарского крайкома КПСС и Краснодарского крайисполкома за получение высоких урожаев, успешное выполнение планов производства и продажу государству семян люцерны [39]. Кроме того, в 1972 г. он получил Благодарственную грамоту Краснодарской краевой организации Общества «Знание» РСФСР — за большую лекционную и организационно-методическую работу в обществе [5].

Алексей Михайлович по собственному желанию ушел на пенсию 1 июля 1972 г. [22]. 16 марта 1975 г. в г. Краснодаре он завершил свой жизненный путь. Похоронен на Славянском кладбище в г. Краснодар.

В результате своей полувековой научно-исследовательской деятельности А. М. Улитин внес существенный, основанный на научном эксперименте вклад в решение актуальных вопросов растениеводства Северного Кавказа.

Использованная литература:

1. Автобиография доцента КСХИ, кандидата с/х наук Алексея Михайловича Улитина от 6 октября 1950 г. // Архив семьи Улитиных.
2. Анкета для канцелярских и технических служащих КПИ от 15 октября 1920 г. // Архив семьи Улитиных.
3. Анкета для лиц учебного персонала, вступающих на службу в КПИ от 13 февраля 1921 г. // Архив семьи Улитиных.
4. Аттестат профессора МПР № 013792. Москва, 14 мая 1970 // Архив семьи Улитиных.
5. Благодарственная грамота Краснодарской краевой организации Общества «Знание» РСФСР от 10 ноября 1972 г. // Архив семьи Улитиных.
6. Выписка из приказа № 1 от 8 февраля 1932 г. по ВХИНР от 11 февраля 1932 г. // Архив семьи Улитиных.
7. Выписка из приказа № 12 по институту специальных и технических культур от 15 января 1932 г. // Архив семьи Улитиных.
8. Выписка из приказа № 36 от 10 сент. 1930 г. // Архив семьи Улитиных.
9. Выписка из протокола № 43 Спец. и Тех. культур от 22 сентября 1930 г. // Архив семьи Улитиных.
10. Выписка из приказа № 50 по Горской с/х опытной станции от 7 апреля 1936 г., город Орджоникидзе // Архив семьи Улитиных.
11. Выписка из приказа № 52 по КСХИ от 17 апреля 1961 г. // Архив семьи Улитиных.
12. Выписка из приказа № 89 по Институту специальных технических культур от 22 мая 1931 г. // Архив семьи Улитиных.
13. Выписка из приказа № 170 от 24 октября 1931 г. // Архив семьи Улитиных.
14. Выписка из приказа по КСХИ № 238 от 20 июня 1969 г. // Архив семьи Улитиных.

15. Выписка из протокола № 28 от 23.04. 1936 г. заседания Квалификационной комиссии ВАСХНИЛ // Архив семьи Улитиных.
16. Выпись из метрической книги. Часть первая. О родившихся за 1894-й год, выданная причтом Покровской церкви станицы Апшеронской Кубанской области // Архив семьи Улитиных.
17. Выпись из регистрационной книги о браках за 1920 г. 6 апреля 1921 г. № 2110 // Архив семьи Улитиных.
18. Диплом доктора наук МСХ № 000576. Москва. 4 марта 1969 г. // Архив семьи Улитиных.
19. Докладная записка директору КСХИ от зав. кафедрой растениеводства, доктора биологических наук, профессора Володарского от 30 мая 1960 г. // Архив семьи Улитиных.
20. Заявление А. М. Улитина заведующему кафедрой частного земледелия КСХИ профессору В. С. Богдану от 1 октября 1925 г. // Архив семьи Улитиных.
21. Заявление А. М. Улитина на имя ректора КСХИ от 15 января 1966 г. // Архив семьи Улитиных.
22. Заявление А. М. Улитина ректору КСХИ от 1 июня 1972 г. // Архив семьи Улитиных.
23. *Кириллов П. О.* Станица Рязанская (бывшая Габукаевская): историко-статистическое описание // Кубанский сборник. 1903. Т. 9. С. 114–150.
24. *Конашев М. Б.* Международные генетические конгрессы и советские генетики // Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2. № 2. С. 9–24.
25. Личный листок научного работника от 17 декабря 1923 г. // Архив семьи Улитиных.
26. Личный листок по учету кадров от 6 февраля 1969 г. // Архив семьи Улитиных.
27. Личные устные воспоминания А. М. Улитина, записанные В. О. Улитиным в 1973 г. // Архив семьи Улитиных.
28. *Маринченко А.* 60 лет в строю. Машинописный текст статьи 1972 г. для газеты «Кубанский сельхозинститут» // Архив семьи Улитиных.
29. Отзыв НОВНИХИ о научном сотруднике Улитине А. М. // Архив семьи Улитиных.
30. Отзыв об ассистенте при кафедре частного земледелия КСХИ А. М. Улитине от зав. кафедрой частного земледелия В. С. Богдана от 8 апреля 1927 г. // Архив семьи Улитиных.
31. Отзыв о научно-педагогической деятельности от зав. кафедрой растений КСХИ доцента А. М. Улитина доктора биологических наук профессора Н. Володарского от 10 февраля 1960 г. // Архив семьи Улитиных.

32. Отзыв о работе А. М. Улитина от доктора биологических и с/х наук, члена-корреспондента Чехословацкой аграрной академии К. Фляксбергера 23.12.1935 г. // Архив семьи Улитиных.
33. Отношение подотдела медицинской экспертизы Кубано-Черноморского областного комитета Народного комиссариата здравоохранения РСФСР профессору КПИ по кафедре физиологии А. И. Смирнову от 15 июля 1920 г. № 24074 // Архив семьи Улитиных.
34. Письмо академику И. В. Якушкину от А. М. Улитина от 2 окт. 1939 г. // Архив семьи Улитиных.
35. Письмо заведующему курсами селекции, генетики и семеноводства при Институте прикладной ботаники и новых культур от Правления КСХИ от 21 ноября 1925 г. Исх. № 534 // Архив семьи Улитиных.
36. Письмо от Главпрофобра ВУЗ НКПрос РСФСР в Правление КСХИ от 2 июля — 1 августа 1927 г. № 65973 — об утверждении в должности старшего ассистента // Архив семьи Улитиных.
37. Письмо от зав. отделом сельхозобразования Народного комиссариата по просвещению РСФСР директору КСХИ от 14 апреля 1930 г. // Архив семьи Улитиных.
38. Послужной список старшего лекарского помощника Апшеронской войсковой больницы Кубанского казачьего войска Алексея Михайловича Улитина // Архив семьи Улитиных.
39. Почетная грамота Краснодарского крайкома КПСС и Краснодарского крайисполкома от 14 марта 1969 г. // Архив семьи Улитиных.
40. Почетная грамота ректора, парткома и месткома КСХИ от 26 июня 1972 г. // Архив семьи Улитиных.
41. Почетная грамота ректората и парткома КСХИ от 4 ноября 1967 г. // Архив семьи Улитиных.
42. Пригласительный билет на заседание Ученого Совета 10 июня 1964 г. // Архив семьи Улитиных.
43. Свидетельство Главного комитета ВДНХ № 226988 от 1970 г.
44. Свидетельство Главвыставкома № 254319 от 1967 г.
45. Свидетельство от 30 июня 1912 г. // Архив семьи Улитиных.
46. Свидетельство № 3, выданное 15 апреля 1926 г. // Архив семьи Улитиных.
47. Свидетельство № 484 от 15 июня 1917 г. Копия // Архив семьи Улитиных.
48. Свидетельство № 112403. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Москва 1939 г. // Архив семьи Улитиных.
49. Служебная записка директору КСХИ от декана агрофака № 49 от 7 февраля 1930 г. // Архив семьи Улитиных.

50. Служебная записка заведующему кафедрой частного земледелия КСХИ профессору В. С. Богдану от старшего ассистента при той же кафедре А. М. Улитина от 2 октября 1927 г. // Архив семьи Улитиных.
51. Служебная записка ректору КПИ от декана сельскохозяйственного факультета А. Малигонова № 1323 от 1921 г. // Архив семьи Улитиных.
52. Справка Краснодарской краевой животноводческой опытной станции НКЗ СССР от 21 окт. 1946 г. № 21-10 // Архив семьи Улитиных.
53. Справка от Академии социалистического земледелия НКЗ СССР от 3 февраля 1933 г. // Архив семьи Улитиных.
54. Справка от бывших сотрудников ВНИИ сои и спецкультур Лукьянова И. А. и Кузьян И. И. от 1 декабря 1946 г. // Архив семьи Улитиных.
55. Справка от ректора КСХИ // Архив семьи Улитиных.
56. Справка Североосетинского с/х института Министерство высшего образования СССР от 11 октября 1951 г. № 0-04 // Архив семьи Улитиных.
57. Трудовой список. М.–Л.: Советское законодательство, 1931 г. // Архив семьи Улитиных.
58. Удостоверение, выданное Славянским техникумом полеводства — спецкультур НКП РСФСР от 9 апреля 1928 г. № 1015.
59. Удостоверение Главного комитета ВДНХ № 2752 от 7 окт. 1971 г. // Архив семьи Улитиных.
60. Удостоверение Комитета совета ВДНХ № 13075, постановление 270-11 от 6 июня 1963 г. // Архив семьи Улитиных.
61. Удостоверение № 4234 от 31 июля 1926 г. // Архив семьи Улитиных.
62. Удостоверение № 6410-30 от 21 мая 1931 г., выданное Кубокротделом ОГПУ // Архив семьи Улитиных.
63. Удостоверение о награждении юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» от 1 апреля 1970 г. // Архив семьи Улитиных.
64. Удостоверение от КСХИ. Исх. № 535 от 21.11.1925 г. // Архив семьи Улитиных.
65. Удостоверение «Отличник социалистического сельского хозяйства» от 15 ноября 1972 г. // Архив семьи Улитиных.
66. Удостоверение от 5 января 1919 г. № 105, выданное Врачебно-санитарным отделом ведомством здравоохранения Кубанского краевого правительства // Архив семьи Улитиных.
67. Удостоверение от 8 мая 1919 г. № 9167, выданное столом 1 врачебно-санитарного отделения врачебно-санитарного отдела Ведомства здравоохранения Кубанского краевого правительства // Архив семьи Улитиных.

68. Удостоверение от 14 февраля 1919 г. № 2064, выданное Ведомством здравоохранения Кубанского краевого правительства // Архив семьи Улитиных.
69. Удостоверение от 17.01.1924, № 152, выданное КСХИ // Архив семьи Улитиных.
70. Удостоверение от 25 сентября 1918 г. № 76, выданное Апшеронским станичным правлением Майкопского отдела Кубанской области // Архив семьи Улитиных.
71. Улитин А. М. Современные проблемы возделывания многолетних трав на Северном Кавказе: автореф. дис. ... докт. сельскохозяйств. наук. Краснодар, 1968.
72. Устные воспоминания А. М. Улитина 1973 г., воспроизведенные по памяти В. О. Улитиным.
73. Фотография слушателей курсов селекции, генетики и семеноводства при Институте прикладной ботаники и новых культур // Архив семьи Улитиных
74. Характеристика о работе А. М. Улитина на Североосетинской государственной селекционной станции от директора СО ГОС // Архив семьи Улитиных.

Vsevolod O. ULITIN,

Cand. Sci. (Soil Science), Independent Researcher,
Krasnodar, Russia, vsevolod.ulitin@gmail.com.

Vladislav V. ULITIN,

Cand. Sci. (Archaeology), Assoc. Prof., Department
of General History and International Relations,
Kuban State University, Krasnodar, Russia, ulitin_vladislav@yahoo.com.

**The Life given to Plant Production:
The Main Stages of Research and Pedagogical Activity
of A. M. Ulitin (based on his Recollections and the Family Archive)**

The article presents the main stages of research and pedagogical activities of Dr. Sci (Agricultural), Prof. of Kuban Agricultural Institute Alexey M. Ulitin. They are characterized on the basis of his autobiography, personal oral recollections, documents and photographs of the Ulitin family home archive. The sphere of research and practical

activity of Alexey M. Ulitin during his life was expanding, covering cereals, oilseeds, fiber crops, sugar beets, perennial grasses. As a result of his half-century research activities, Alexey M. Ulitin made a significant contribution to the solution of actual problems of plant production in the North Caucasus based on scientific experiment.

Keywords: *Alexey M. Ulitin, research activity, pedagogical activity, plant production, cereals, oilseeds, fiber crops, sugar beets, perennial grasses, Kuban Agricultural Institute, Faculty of Agronomy.*

РАЗДЕЛ 3

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ И ФОРМИРОВАНИЕ СФЕРЫ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

*С. А. Кибальник**

Образ Достоевского и образ России

Основная задача статьи — показать, что между образом Достоевского, каким он сложился у нас и за рубежом, и представлением о России есть прямая связь. И к сожалению, неверные представления о России, которые часто развиваем мы сами у себя на родине, нередко способствуют появлению и развитию ложного образа России за рубежом. Излагая материал в семи последовательно связанных между собою блоках вопрос-ответ, автор статьи знакомит с содержанием одной из глав опубликованной под его редакцией в 2021 г. коллективной монографии «Достоевский в медийном пространстве современной русской культуры» (серия «Источники и методы изучения наследия Ф. М. Достоевского в русской и мировой культуре»). С целью комплексного обобщения идейно-философских и медийных граней поднятой проблематики освещены история формирования и современное наполнение одной из ключевых идеологем отечественной культуры.

* КИБАЛЬНИК Сергей Акимович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела новой русской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, профессор кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, kibalnik007@mail.ru.

Ключевые слова: медийное пространство отечественной культуры, наследие Ф. М. Достоевского, источники изучения и оценки творчества писателя, образ России за рубежом, образ Достоевского в России.

Тема настоящей статьи в разговорах о Достоевском сегодня поднимается не так уж часто. С одной стороны, звучит она как будто бы немного высокопарно, а с другой, так ли уж две эти вещи взаимосвязаны? Хотя задумываемся об этом мы не слишком часто, но связь между ними все же есть.

Вначале попытаемся ответить на вопрос: какое нам вообще сегодня дело до Достоевского? То есть до человека, который родился 200 лет назад? Какое дело до того, каким он был человеком, писателем и какой у него сегодня имидж в России и во всем мире? Оказывается, самое прямое. И вот почему.

За те 200 лет, что прошли с момента рождения Достоевского, писателя, который бы в большей степени будоражил сердца людей по всему миру, в России так и не появилось. Были, конечно, у нас еще и Пушкин, и Гоголь, и Тургенев, и Толстой, и Чехов, но в лучшем случае они лишь приближаются в этом отношении к Достоевскому. И сегодня, в XXI в. он, наверное, все же остается писателем № 1 не только в России, но и во всем мире.

Так каким же он был человеком и писателем? Человеком сложным — нервным и раздражительным и в то же время отзывчивым и простодушным, неробким и неуступчивым и в то же время доверчивым и наивным, мрачноватым и в то же время дружелюбным и умеющим «презирать и ненавидеть». Во всяком случае, на этот счет современники довольно единодушны [3, с. 13–14].

А вот что касается творческого наследия Достоевского, то его оценивали совершенно по-разному. Достоевского называли «жестоким талантом» (Н. К. Михайловский) и «русским маркизом де-Садом» (И. С. Тургенев), «архискверным» (Ленин) и «нездоровым» (Максим Горький) писателем, «клеветником на жизнь» (А. В. Луначарский) и «великой духовной опасностью» (Григорий Ландау) для людей.

Василий Розанов обвинял Достоевского в том, что в России произошла революция, Владимир Набоков хотел его «развенчать», Анатолий Чубайс — даже «разорвать на куски». Впрочем, все это без особого обоснования. А уже совсем недавно Дмитрий Быков назвал Достоевского

не столько художником, сколько мыслителем, «сломленным человеком» и писателем, которому «перестал быть интересен здоровый человек». При этом сам Быков, в сущности, ничего нового не придумал, а всего лишь нечувствительно повторил все штампы русской символистской и эмигрантской критики XX в.

В то же время многие другие критики и писатели всегда подчеркивали особую духовную природу творчества Достоевского (как и Толстого). И в связи с этим ставили вопрос об «особом предназначении России», о «русской идее». У нас об этом говорили русские религиозные философы, начиная с Владимира Соловьёва, и экзистенциальные мыслители, начиная с Льва Шестова. За рубежом — крупнейшие западноевропейские писатели и мыслители, начиная с Фридриха Ницше и Зигмунда Фрейда, Андре Жида и Оскара Уайльда.

Правомерно сказать, что интерес к Достоевскому — интерес к России. Во многом благодаря достижениям русской литературы и искусства, и не в последнюю очередь Достоевского, за рубежом рос с конца XIX в. и интерес к России. И происходила удивительная вещь. Россию начали воспринимать как прежде всего родину Достоевского и Толстого. Соответственно, то, как воспринимали их, определяло то, как относились к России.

Тут-то вот многие несправедливые вещи, сказанные о Достоевском, начали служить нам недобрую службу. Напраслина, возведенная на писателя, оказывалась клеветой на собственную страну. Нельзя списывать это на недоброжелательство к нам иностранцев. Потому что русские критики еще при жизни Достоевского возвели на него такие поклепы, какие никогда даже не приходили в голову зарубежным. Даже напротив, начиная со знаменитой книги Мельхиора де Вогюэ «Русский роман», написанной в 1886 г., «реалистический идеализм» Достоевского и Толстого выгодно противопоставлялся зарубежными критиками натурализму западноевропейской литературы конца XIX в.

Несколько иначе дело обстоит сейчас: клевета на Достоевского — клевета на Россию и русских. То и дело за рубежом, и чаще всего на Западе, зачастую с подачи наших эмигрантов, проходят Международные научные конференции, посвященные «русскому иррационализму», «пассивности», культу страдания, садомазохизма и других психических отклонений, реакционности русского патриотизма, якобы обязательно чреватого ненавистью к Западу, и политическому консерватизму русских писателей.

При этом начинается разговор обо всем этом, как правило, с Достоевского. Сначала все это приписывается ему, а затем переносится на образ России и русских. Есть ли для этого достаточные основания?

Если говорить о современной России и о русских вообще, то картина, как всегда в таких случаях, оказывается пестрой и противоречивой. Как и в любой другой стране, есть у нас и такое. Но является ли оно определяющим? Представляется все же, что нет. И сегодня в России немало людей, которые вовсе не разделяют подобных представлений о жизни и мире и ни сном ни духом не виновны ни в чем подобном.

Поскольку сегодня и они, и их оппоненты стараются сделать Достоевского своим союзником, особенно важно подчеркнуть: сам писатель во всех своих зрелых произведениях отстаивал идеалы, которые сегодня стали общечеловеческими ценностями.

Каковы действительные идеалы, которые исповедовал Достоевский?

Достоевский вовсе не отрицал возможность и необходимость рационального объяснения действительности или создания научной картины мира — он только считал нужным добавить к ним интуитивное проникновение в «тайну бытия». Он был сторонником активного отношения к жизни (достаточно только вспомнить огромное количество людей, которым он оказал реальную помощь в их жизни!). И только одновременно был убежден в необходимости прежде всего духовного совершенствования самого человека, которое неминуемо повлечет за собой коренные реформы общественной и экономической жизни людей.

Обыкновенно социологи больше верят в спасительность социальных институтов, которые заставят человека меняться, но для писателя естественно придавать большее значение внутренним переменам в самом человеке, без которых невозможны и изменения в обществе.

Как известно, Достоевский сам участвовал в тайных обществах во времена николаевской реакции и резко критиковал революционные террор в эпоху хотя и половинчатых, но прогрессивных реформ Александра II. До конца жизни он верил в духовное перерождение человечества и наступление «золотого века» в его жизни посредством осуществления социально-христианского идеала «братства» людей.

Достоевский резко критиковал культ наживы в современной ему Европе и одновременно восхищался этой, как он называл «Запад» вслед за поэтом-славянофилом Алексеем Хомяковым, «страной святых чудес».

Не случайно первым абрисом «положительно-прекрасного» человека, который он создал в образе князя Мышкина из его знаменитого романа «Идиот», стал вовсе не русский герой, а англичанин мистер Астлей из романа «Игрок», написанного несколькими годами ранее.

Во многих своих романах Достоевский изображает героев, доходящих в своей любви к другому человеку до рабства, а то и до ненависти к нему. Таков, например, Алексей Иванович из того же «Игрока». И в то же время он показывает, что совсем не такая любовь нужна его героиням. Таким, например, как Полина из все того же «Игрока».

Подобный садомазохизм, проявившийся, кстати сказать, у Тургенева (вспомним хотя бы его повести «Первая любовь» и «Вешние воды»), который произвел сильное впечатление на австрийского писателя Леопольда Захер-Мазоха, не имеет ничего общего с миром авторских идеалов, как он проявляется в произведениях Достоевского.

Путь к обретению Бога Достоевский видел в «братском» отношении к другим людям, и прежде всего к своим близким. Главным назначением литературы вслед за Виктором Гюго он называл спасение человека и «возрождение человеческой души». А достижимым все это вместе со своим alter ego — старцем Зосимой из «Братьев Карамазовых» — Достоевский считал только «опытом деятельной любви».

В этом, между прочим, с Достоевским были единомышленны и Толстой, и Чехов, и лучшие зарубежные писатели XX и XXI столетий: Томас Манн и Теодор Драйзер, Альбер Камю и Жан-Поль Сартр, Акутагава Рюноске и Габриэль Гарсиа Маркес, Филип Рот и Кадзуо Исигуро.

Так что Достоевский и сегодня живое свидетельство того, что самые высокие идеалы русских писателей — несмотря на то, что за прошедшие двести лет многие конкретные ценности и нормы общества изменились, — стали общими идеалами не только России и Запада, но и всего человечества. И все дело теперь только в том, чтобы совместными усилиями этих идеалов достигнуть.

У нас это может получиться лучше, конечно же, в том случае, если мы не будем сами извращать эти высокие идеалы ложным истолкованием наших классиков, и прежде всего Достоевского.

Белинский как-то заметил, что, читая Пушкина, можно превосходным образом образовать в себе человека. Это сполна верно и применительно к Достоевскому. Причем не только образовать в себе человека в юные годы, но можно жить и развиваться «по Достоевскому», то есть духовно расти всю последующую жизнь.

Достоевский — это духовное здоровье и спасение души, а не разрушение личности и безответственность. Вот почему для каждого человека, который умеет открыто и незашоренно воспринимать художественный текст, имя Достоевского звучит светло и жизнерадостно [4]. О том же, очень кстати, напомнил и В. А. Викторovich [2], указывая, что Владимир Соловьёв в «Оправдании добра» писал, не без влияния на него самого Достоевского, что стыд, жалость и благоговение — это три основных корня нравственности. А Достоевский именно эти слова как раз и пишет в сердцах читателя.

Когда-то Александр Блок на чествовании памяти Пушкина впервые сказал о «веселом имени Пушкина» [1, с. 168]. Сегодня, хотя бы через 200 лет после рождения Достоевского, стоит во весь голос сказать, наконец, о его «веселом» и «светлом имени». И чем скорее мы осознаем, что художественный мир Достоевского — это мир добра и света, тем светлее и чище станет в мире образ России. Конечно, при условии, что и сама по себе современная Россия будет не слишком противоречить идеалам писателя, как это, увы, имеет отчасти место сегодня.

Скажем же сегодня о Достоевском слова, которые сам Блок хотел, чтобы «в грядущем» «юноша веселый» сказал бы о нем самом:

*Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь дитя добра и света,
Он весь свободы торжество!*

Использованная литература:

1. Блок А. А. О назначении поэта. Речь, произнесенная в Доме литераторов на торжественном собрании в 84-ю годовщину смерти Пушкина // Собрание сочинений: В 8-ми тт. М.; Л.: Худ. лит.-ра., 1962. Т. 6. С. 160–168.
2. Викторovich В. А. Писатель, заглянувший в бездну: 15 лекций для проекта Магистерия. М.: Rosebud Publishing, 2019.
3. Достоевский в медийном пространстве современной русской культуры / С. А. Кибальник (отв. ред.), О. А. Кузнецова, Е. К. Муренина, С. П. Оробий, К. Н. Отева. СПб.: Петрополис, 2021.
4. Шульц О. Светлый, жизнерадостный Достоевский. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 1999.

Sergey A. KIBALNIK,

Dr. Sci (Russian Literature), Leading Researcher,
Department of New Russian Literature, Institute of Russian Literature
(Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Prof.,
Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg
State University, Saint Petersburg, Russia, kibalnik007@mail.ru.

The Image of Dostoevsky and the Image of Russia

The main objective of the article is to show that there is a direct connection between the image of Dostoevsky, as it has developed here and abroad, and the idea of Russia. Unfortunately, misconceptions about Russia, which we often develop ourselves at home, often contribute to the emergence and development of a false image of Russia abroad. Presenting the material in seven consecutive question-answer blocks, the author of the article introduces the content of one of the chapters of the collective monograph "Dostoevsky in the Media space of Modern Russian culture" published under his editorship in 2021 (the series "Sources and Methods of studying the legacy of F. M. Dostoevsky in Russian and world culture"). In order to comprehensively generalize the ideological, philosophical and media facets of the raised issues, the history of the formation and modern content of one of the key ideologies of Russian culture are highlighted.

Keywords: *the media space of Russian culture, the legacy of F. M. Dostoevsky, sources of study and evaluation of the writer's work, the image of Russia abroad, the image of Dostoevsky in Russia.*

А. М. Авраменко*

Опыт подготовки Атласа истории кубанского казачества как средства формирования духовно-нравственных ценностей

В издательстве «Традиция» готовится к публикации «Атлас истории кубанского казачества». Это предусматривает создание серии карт, начиная с XVII в., времен, от которых остались первые достоверные сведения о морских походах донских казаков мимо островов в низовьях Кубани и через Керченский пролив. Статья обобщает ряд важных аспектов издательского проекта. В его рамках будут рассмотрены пути миграций разных

* АВРАМЕНКО Анатолий Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь, Краснодар, Россия, avramenkoam@rambler.ru.

групп казаков, в том числе некрасовцев, черноморцев. Значительное внимание будет уделено войнам с участием казачества, а также административно-территориальному делению региона в разные периоды времени. Будут включены и карты, показывающие развитие экономики в конце XIX — начале XX в., отображающие события революции и Гражданской войны. Автор статьи (непосредственный составитель атласа) характеризует это издание как источник достоверных сведений об историческом прошлом Кубани и средство формирования духовно-нравственных ценностей.

Ключевые слова: исторический атлас, территориальное деление земель Кубани и Причерноморья в XVII — начале XX в., Черноморское казачье войско, Кубанское казачье войско, некрасовцы, история Кубани, духовно-нравственные ценности.

Идея создания «Атласа истории кубанского казачества» была высказана около 15 лет назад, но лишь недавно началась ее практическая реализация. Подобная работа аналогов не имеет, хотя к настоящему времени появились объемные региональные историко-культурные атласы (см.: [9] [10]), являющиеся своеобразными картографическими энциклопедиями [21].

Еще во время работы над «Казачьей энциклопедией», которая выдержала уже три издания (см.: [11] [12] [13]), но по-прежнему далека от совершенства, В. Г. Кухтин обращался к автору настоящей статьи с предложением разработать для этой книги серию исторических карт. По ряду причин в то время это не было возможно осуществить. Бывший атаман Кубанского казачьего войска В. П. Громов предлагал издать атлас по истории кубанского казачества, но не был готов профинансировать такую работу.

В процессе создания «Энциклопедии кубанского казачества», по предложению профессора В. Н. Ратушняка, были созданы 8 карт, опубликованных дважды краснодарским издательством «Традиция» (см.: [19] [20]). Кроме них, в ряде изданий на русском и украинском языке выходили иные исторические карты А. М. Авраменко по данной тематике.

Было очевидным, что требуется гораздо большее количество карт, чтобы отобразить все аспекты истории казачества на Кубани, начиная со времени его появления в регионе. Это позволило бы придать системность знаниям о казачестве, получить наглядные представления о том, как осуществлялось его переселение на Кубань, как происходило взаимодействие с местными племенами и народами, как было организовано и как менялось управление краем, где находятся места боевой славы, объекты культурного наследия и т. д.

Создание карт позволяет ликвидировать некоторые историографические «перекосы» (в том числе заполнить лакуны, возникшие из-за недостаточного внимания к истории линейного казачества, в отличие от черноморского), устранить другие «белые пятна» (раскрыть не изучавшиеся прежде важные исторические темы), оспорить мифологизированные версии целого ряда фактов и событий.

К сожалению, неоднократные попытки привлечь руководство Кубанского казачьего войска к организации финансирования проекта, остаются безуспешными. Однако благодаря инициативе издательства «Традиция», за годы своей работы в Краснодаре немало сделавшего для популяризации местной истории, мы приступили к реализации идеи. Значительная часть картографических работ, будучи уже выполнена, временно оказалась приостановленной из-за неожиданной безвременной кончины К. П. Мятчина, опытного сотрудника, выполнявшего компьютерную верстку.

В ходе подготовки карт многое приходилось уточнять и дополнять.

Основная идея атласа — в наглядной форме дать сумму достоверных знаний по всем аспектам истории казачества Кубани. Задача эта непростая по ряду причин. Во-первых, большинство тем прежде не отражалось на картах, а это требует поиска соответствующих источников информации и выработки определенных концепций с учетом историографии. Во-вторых, существует немало искаженных представлений и ложных стереотипов, которые атлас должен учитывать и исправлять. В-третьих, история казачества насыщена трагическими событиями, до сих пор вызывающими неоднозначные оценки, порою даже яростные споры. Некоторые из таких полемик пытаются использовать силы, действующие в ущерб России.

Существующие казачьи учебные заведения, призванные формировать духовно-нравственные ценности учащихся, далеко не всегда располагают достаточным информационным обеспечением. К тому же строго вменяемая преподавателям обязанность публиковать научные работы породила огромное количество текстов, на самом деле не имеющих отношения к науке. Одним из примеров является статья И. В. Касьяновой о порядке управления казачьей станицей на Кубани, содержащая много нелепостей, способных лишь запутать читателя. В ней говорится, что «к 1503 году относят сведения о черкасских казаках и казаках князя Димитрия [какого именно? Если это Дмитрий Вишневецкий, то он

впервые упоминается в источниках в 1545 г.], входивших в состав ирегулярного войска [что это за войско и где оно находилось?] в Литве. Небольшая группа казаков поселилась в районе Запорожья, в самом выгодном с точки зрения природно-географических условий, на островах и в плавнях, построив укрепления, впоследствии названные Запорожской Сечью. Здесь можно было чувствовать себя в относительном покое и безопасности» [14, с. 166]. О каком покое и безопасности можно было думать в Запорожской Сечи? Далее, без всякой логической связи, вдруг сообщается: «После окончания войны с Турцией [какой именно войны?] запорожские казаки начали искать заступника — ходатая за них перед императрицей Екатериной, обещавшей выделить часть территории для их локального проживания». На этом набор нелепостей не заканчивается, похоже, что статью не читали рецензенты. Но именно такая «макулатура» сейчас в большом количестве используется учащимися, когда они пишут рефераты, курсовые и дипломные работы.

Отдельные педагоги сами оказываются в плену ложных представлений, наивно веря в «характерников», которых якобы пуля не берет, объявляя казаков оплотом православия, идеализируя подвиги прошлого, даже когда есть диаметрально противоположные оценки тех же событий.

Спорными бывают даже даты для юбилеев. Достаточно сказать, что в центре Краснодара стоит обелиск, сооруженный в честь придуманного в конце XIX в. (из конъюнктурных соображений) мнимого 200-летия Кубанского казачьего войска. В 1994 г. многие станицы, по примеру краевого центра, торжественно отметили 200-летие своего основания, хотя на самом деле некоторые из них возникли существенно позже. Даты их основания определить непросто — куренные селения неоднократно переселяли на новые места.

Наиболее сложная проблема при создании карт, отражающих время до конца XVIII в., — реконструкция природной среды, особенно береговых линий и русел рек. Глядя на контуры морских берегов, водохранилища и мелиоративные сооружения на современных картах, невозможно представить подлинные маршруты походов и места памятных исторических событий без историко-картографической реконструкции. Современному читателю не известно, что в конце XVIII в., когда черноморские казаки пришли на кубанские земли, был «остров Таман», а не Таманский полуостров, что главное русло Кубани впадало не в Азовское, а в Черное море.

Некоторые попытки установить, как менялись берега Азовского моря, предпринимал ейский географ Ю. В. Артюхин (см.: [4] [5] [6] [7]), но такая работа требует немалого финансирования комплексных исследований (археологических, гидрологических, геологических и др.), на которые надеяться в современных условиях не приходится — у государства иные приоритеты. Поэтому на исторических картах, как правило, показывают нынешние береговые очертания, а это приводит к искаженному восприятию истории.

Первая из подготовленных карт атласа показывает Кубанские земли и Причерноморье в XVII столетии. Появление донских и украинских казаков у кубанских берегов восходит к середине XVI в., когда князь Дмитрий Вишневецкий совершал морские походы, действуя в районе Тамани. Однако имеющиеся источники не позволяют указать конкретные маршруты этих походов. Известно также, что запорожцы и донцы с конца того же столетия совершили немало морских походов, действуя в Азовском и Черном морях. Более конкретная информация появляется с начала XVII в. Ростовский историк В. Н. Королёв установил, что Адахунское сражение 1638 г., закончившееся уничтожением турками донской казачьей флотилии, произошло в районе Ахтанизовского лимана [15], а И. В. Волков осуществил детальную историко-географическую реконструкцию данного события [8], что позволило отразить это событие на первой карте атласа. Во времена Адахунского сражения на месте современного Таманского полуострова была группа островов; устье Кубани коренным образом отличалось от нынешнего.

На первой карте готовящегося атласа показан также другой важный аспект ранней истории казачества в регионе — переселение сюда староверов и появление их городков на территории Крымского ханства в конце XVII в. Вопреки распространенным представлениям, что станица Некрасовская возникла на месте городка казаков-некрасовцев, первыми здесь появились казаки С. Пахомова, бежавшие с Дона в 1689 г. Так возник упоминаемый в источниках «Кубань-городок». В 1692 г. сюда прибыли также казаки-староверы, во главе с Л. Маноцким, бежавшие ранее с Дона к реке Кума, затем на Аграхань, а оттуда — на Кубань. В 1699 г. данная группа казаков-староверов переселилась к Копылу, где находилась резиденция сераскира (наместника) крымского хана. Спасаясь от преследований, староверы вынуждены были стать подданными мусульманских правителей — крымских ханов и султанов Османской империи, участвовать в походах против России, что само по себе наносит

удар по представлениям о казаках как о «государственниках» и «защитниках православия».

Вторая карта («Кубанские земли в 1700–1768 гг.») по-новому показывает бегство казаков-некрасовцев и размещение их городков в Крымском ханстве; поход П. М. Апраксина в 1711 г.; направления походов российских казаков, калмыков и кабардинцев во время Русско-турецкой войны 1736–1739 гг.; бегство группы казаков-староверов с Терека в 1745 г.; переселение части некрасовцев в устье Дуная в начале 40-х гг. XVIII в. Читатели, привыкшие представлять российские границы по школьным атласам, будут удивлены, увидев на карте надпись: «Калмыцкое ханство (вассал России)».

Еще более насыщена событиями карта «Кубанские земли в 1768–1792 гг.», где можно увидеть походы А. В. Суворова и созданные под его руководством крепости Кубанской кордонной линии; место боя в 1774 г., где впервые отличился будущий донской атаман М. Платов; поэтапное присоединение значительной части кубанских земель к России. До сих пор исследователи не обращали внимания на то, что в тексте Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. не указана конкретная граница территории, отходившей к России в районе р. Ея. Оказалось, что здесь вначале был восстановлен российский контроль над территорией, принадлежавшей России до войны 1710–1711 гг.; но начатое вскоре строительство укреплений Азово-Моздокской линии в 1777 г. через земли, где кочевали ногайцы, явилось фактическим увеличением российских владений за счет Крымского ханства. Ликвидация последнего в 1783 г. и включение его земель в состав России привели к тому, что данный этап изменения границ был забыт и неправильно отражался в исторической картографии. Для отображения событий Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. потребовалась отдельная карта, где можно увидеть походы П. А. Текелли (Текели), Ю. Б. Бибикова и И. В. Гудовича к Анапе, взятие Анапы в 1791 г. и разгром турецкого войска Батал-паши (на врезках) и т. д.

В новой (дополненной) редакции подготовлена не раз публиковавшаяся карта «Создание Черноморского казачьего войска и его переселение на Кубань в 1792–1794 гг.». Здесь уточнены изменения государственных границ, добавлены походы и места боев черноморских казаков в ходе Русско-турецкой войны 1787–1791 гг.

Это же касается издававшейся ранее карты «Земля Черноморского казачьего войска в 1793–1802 гг.» — здесь дополнена информация о событиях «Персидского бунта» 1797 г., добавлены границы округов Черно-

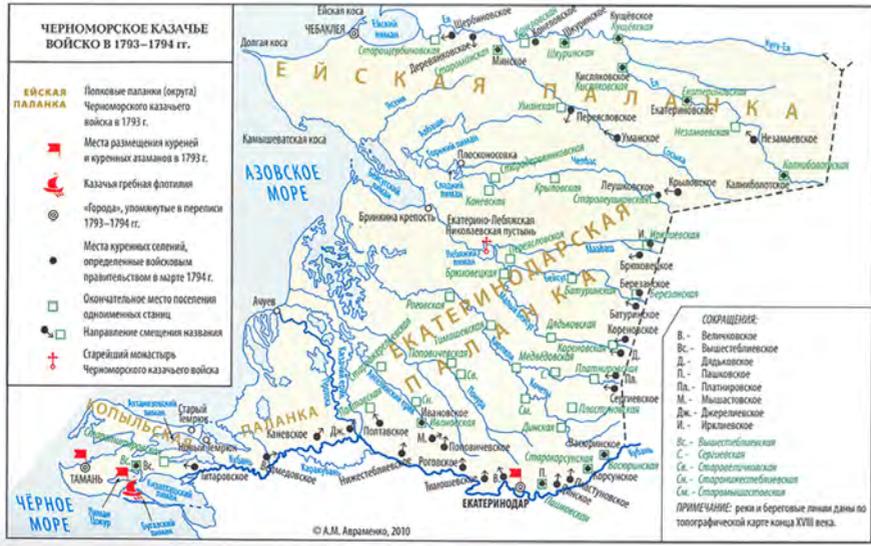

Рис. 1. Черноморское казачье войско в 1793–1794 гг.

мории, установленные в 1794 г. Карта позволяет сравнить размещение куренных селений в 1794 г. и современное расположение населенных пунктов (станций и двух городов), чьи названия происходят от указанных куренных селений. Как показали исследования Б. Е. Фролова, эти места неоднократно менялись, вследствие чего многие топонимические преобразования до сих пор остаются не прояснены. При этом пять куренных селений (Батуриновское, Динское, Дядьковское, Крыловское и Сергиевское) были присоединены к соседним, а их названия были позже даны совершенно новым населенным пунктам, что необходимо иметь в виду при планировании юбилейных мероприятий.

Так как в Краснодарском крае читатели и учащиеся намного больше знакомятся с черноморскими казаками и мало знают о линейных, целесообразна разработка отдельной карты «Линейные казачьи полки на Кубани в 1794–1860 гг.». Она уже публиковалась ранее, но в новой ее редакции есть уточнения относительно границ полковых территорий и т. д.

То же касается и темы «Черноморские и линейные казаки Кубани в 1802–1860 гг.», которую следовало бы разделить на три карты из-за обилия информации (пока что это не осуществлено, поскольку более объемный атлас требует большего финансирования).

Следующая карта — «Завершение Кавказской войны в 1860–1864 гг.» также могла быть представлена более подробно. Например, в книге Е. Д. и И. Е. Петренко [17] опубликованы отдельные цветные карты, показывающие военные действия в Западном Закубанье в 1856–1859, 1860–1861 и 1862–1863 гг., а также переселение казаков Кубанского и Азовского казачьих войск в Натухайский военный округ в 1862 г.; создание Адагумского и Абинского казачьих полков. Книга из-за ничтожно малого тиража осталась почти неизвестной кубанскому читателю.

На картах, показывающих события Кавказской войны, отражены некоторые эпизоды и географические объекты, имеющие мемориальное значение. Среди них важные для сохранения исторической памяти места гибели отрядов полковника Л. Тиховского (1810 г.), сотника А. Гречишкина (1829 г.), сотника Е. Горбатко (1862 г.), в память о которых казаки Кубани проводят теперь «Тиховские поминовения» в Красноармейском районе (которому давно пора вернуть название Полтавского); памятные мероприятия у могил казаков Гречишкина в Тбилисском районе (которому надо вернуть название Тифлисского); «Липкинские поминовения» в станице Неберджаевской Крымского района. Кроме того, на одной из карт показаны места встреч императора Александра II с депутациями адыгов в 1862 г.; Сочинский «меджлис» 1861–1862 гг.; место парада 21 мая (2 июня) 1864 г. в урочище Кбаада, ознаменовавшего официальное окончание Кавказской войны.

Следующие карты атласа служат реконструкции административно-территориального деления. К сожалению, до сих пор нет полноценного справочника по данному вопросу, а тот, который был подготовлен и издан краснодарскими архивистами в 1986 г., содержит множество ошибок и пробелов. Так, согласно данной книге, в Ейском округе по состоянию на 1842 г. было 17 станиц. Но если сравнить с «Расписанием Черноморского казачьего войска, по округам», опубликованным в Полном собрании законов Российской империи, окажется, что краснодарские архивисты пропустили две станицы (Новодеревянковскую и Новоминскую), а также исказили название Конеловской станицы, дав ей современное название «Канеловская» (см.: [18, с. 118] [16, с. 14]). Ошибок и пробелов в книге много, необходима подготовка принципиально нового справочника, с таблицами и картами.

Без таких справочников и карт неизбежны ошибки при определении административной принадлежности населенных пунктов Кубани, тем более что изменений происходило намного больше, чем обычно ду-

мают. Отдельная карта требуется для реконструкции перемен в административно-территориальном делении 1860–1870 гг.: когда заканчивалась Кавказская война, создавались новые станицы в Закубанье и Причерноморье, постоянно менялась структура управления. И даже после того, как было введено деление на пять уездов, последующие преобразования происходили довольно часто. Некоторое время существовало семь уездов, но три отдела Кубанского казачьего войска, территории которых никак совпадать не могли.

Существует неверное представление о том, что после ликвидации уездов и создания семи одноименных отделов территориальное управление стабилизировалось, но границы продолжали меняться.

Исследователи региональной истории знают, что не вся территория Кубанской области принадлежала Кубанскому казачьему войску. Но многие не подозревают, что до 1870 г. некоторые станицы находились за пределами Кубанской области — на территории Ставрополя и Причерноморья.

Когда по заказу краевого управления МВД местные историки написали очерки истории дореволюционной кубанской полиции, были созданы также три карты административно-территориального деления (см.: [1] [2] [3]), но в них почти не отражены специфические казачьи территориальные управленческие структуры 1860–1888 гг., на что обращено внимание в готовящемся к изданию новом атласе. Вопреки распространенному мнению о стабильности внутренних административных границ после реформы 1888 г., последняя из этих карт показывает, что и в дальнейшем происходили существенные изменения. Эти перемены делают невозможным сравнение статистических данных без специального (довольно сложного) пересчета. В частности, карта ясно показывает, что конфигурация Кавказского отдела совершенно не была похожа на территорию того же отдела к 1917 г.

В общем, требуется подготовить новый подробный справочник с картами, но кто будет финансировать эту работу?

Одна из карт показывает места комплектования и службы полков и пластунских батальонов Кубанского казачьего войска в начале 1914 г. Почти все они служили в «горячих точках»: в Закавказье, в Персии, в Туркмении, охраняли государственные границы.

Необходимы также карты по истории развития культуры и общественной жизни, по этно-конфессиональной географии и демографии региона, карты, показывающие участие кубанских казаков в войнах про-

тив Османской империи, Персии, Польши, Франции, Японии, действия полков и пластунских батальонов на фронтах Первой мировой войны. Но возможность их создания также зависит от финансирования проекта, которому вполне могли бы содействовать Администрации края и краевого центра, Кубанское казачье войско.

В советское время историки стремились найти как можно больше случаев классовой борьбы в изучаемом регионе — это считалось приоритетной тематикой. Были аспекты, которые сознательно замалчивались или искажались. Одна из карт показывает события революции 1905–1907 гг. в Кубанской области и Черноморской губернии, в том числе участие в них казаков.

Чрезвычайно насыщенные событиями 1917–1920 гг. требуют особого внимания хотя бы потому, что раскололи казаков на красных и белых и привели к ликвидации Кубанского казачьего войска. Однако десятилетиями действия противников советской (фактически большевистской) власти отражали минимально. Даже о некоторых красных командирах, впоследствии репрессированных своими же, не упоминалось.

В новом атласе на пяти картах представлены следующие события: установление советской власти и начало гражданской войны на Кубани и в Причерноморье; вооруженная борьба на Кубани и в Причерноморье в мае — ноябре 1918 г.; разгром белогвардейских войск и установление советской власти на Кубани и Черноморье (весна 1920 г.); врангелевские десанты и антисоветские восстания в августе — сентябре 1920 г. Даже при этом не все аспекты борьбы удалось раскрыть, так как возникает перегрузка и требуются дополнительные карты.

Карта «Кубань и Причерноморье в 1920–1937 гг.» показывает лишь некоторые важные аспекты истории, ибо требуется серия карт для отображения демографической, социальной, экономической и политической жизни казачества, потерявшем прежнюю сословную специфику, подвергавшемся репрессиям и депортациям. На карте показаны станицы, попавшие на «черные доски» в период страшного голода 1932–1933 гг. Опубликованные источники уже сейчас позволяют считать, что таких станиц было больше, но необходимы дополнительные исследования. Лишь в некоторых кубанских станицах установлены памятные знаки, посвященные тем трагическим событиям.

События Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. получили весьма подробное освещение в исторической картографии, но действия

казачьих формирований обычно не выделяются. В атласе одна их карт показывает боевой путь 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса. Однако были и другие казачьи формирования, действия которых надо исследовать. Было бы неверным замалчивать историю тех казаков, которые вынуждены были эмигрировать, но данная тематика стала изучаться лишь в последнее время. «Белым пятном» в исторической картографии остается участие казачества в войне на стороне вермахта. Никто не изучал, в какие места были отправлены кубанские казаки во время насильственных депортаций и как сложились их судьбы. Все это также составные части исторической памяти, и было бы аморально их игнорировать. Формирование духовно-нравственных ценностей невозможно представить без памяти о тех, кто пострадал от преступных действий правящего режима.

Интересным аспектом историко-культурного наследия региона является местная топонимия. Среди краеведов широко распространены легенды о происхождении названий населенных пунктов, рек, лиманов, песчаных кос и прочих объектов. Но часто легенды формируют лишь ложные представления, не позволяют проникнуть в сложный симбиоз тюркских, адыгских, славянских и иных названий. Казачество внесло существенный вклад в трансформацию топонимов, но проблема чаще всего решается на любительском уровне даже теми, кто считает себя профессионалами. Достаточно сказать, что названия многих станиц (и двух городов — Тимашевска и Кореновска), происходящие от куреней Запорожской Сечи, породили множество фантастических интерпретаций. Местная топонимия заслуживает отдельной карты.

Наконец, было бы важно на особой карте показать места рождения, жизни и деятельности видных представителей казачества с конца XVIII в. Пока что такая работа только начинает осуществляться.

Несомненно, атлас вызовет определенные критические замечания и предложения. Но даже в своем нынешнем виде он будет источником новых, более полно верифицированных сведений об историческом прошлом Кубани. Как средство формирования духовно-нравственных ценностей он будет полезен для преподавателей, студентов, школьников и особенно тех, что растут в среде кубанских казаков и являются их потомками. Как источник наглядно представленных сведений атлас окажется хорошим подспорьем для историков, географов, краеведов, архивных и музейных работников, представителей администрации и активистов в просветительской сфере деятельности.

Использованная литература:

1. *Авраменко А. М.* Административно-полицейское деление Кубанской области и Черноморского округа в 1870–1888 гг. [Цветная карта-вклейка в конце книги] // Очерки истории органов внутренних дел Кубани. 1793–1917 / под ред. В. Н. Ратушняка. Краснодар: ЭДВИ, 2002.
2. *Авраменко А. М.* Административно-полицейское деление Кубанской области и Черноморской губернии в 1888–1917 гг. [Цветная карта-вклейка в конце книги] // Очерки истории органов внутренних дел Кубани. 1793–1917 / под ред. В. Н. Ратушняка. Краснодар: ЭДВИ, 2002.
3. *Авраменко А. М.* Административно-территориальное деление и полиция Прикубанских земель в 1794–1860 гг. [Цветная карта-вклейка в конце книги] // Очерки истории органов внутренних дел Кубани. 1793–1917 / под ред. В. Н. Ратушняка. Краснодар: ЭДВИ, 2002.
4. *Артюхин Ю. В.* Климатический и океанолого-ландшафтный фон противоборства казачества и Османской империи в XVI–XVII вв. // Боспорские исследования. Вып. XXXII. 2016. С. 149–163.
5. *Артюхин Ю. В.* Океанологический фон противоборства России и Турции за обладание устьевой частью р. Дон. // Большой Ромбит: сб. ст. по ист. и историч. географии Восточного Приазовья. Ейск, 2010. С. 19–25.
6. *Артюхин Ю. В.* Перестройка береговой зоны Азовского моря как фактор некоторых исторических событий XVIII–XX вв. // Историко-географический сборник. Вып. 1. Краснодар: Б. и., 2007. С. 313–328.
7. *Артюхин Ю. В., Родионова Н. Б.* Историко-географические аспекты освоения Ейского лимана Азовского моря и эволюции населенных пунктов его побережья // Историко-географический сборник. Вып. 1. Краснодар: Б. и., 2007. С. 329–340.
8. *Волков И. В.* Еще раз об Адахунском сражении казачьего флота в 1638 г. // Древности Кубани. Вып. 16. Краснодар, 2000. С. 42–63.
9. Историко-культурный атлас Бурятии. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2001.
10. Историко-культурный энциклопедический атлас Республики Башкортостан. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2007.
11. Казачество: энциклопедия / гл. ред. А. П. Федотов. М.: ИНФРА-М, 2003.
12. Казачество: энциклопедия / гл. ред. А. П. Федотов; науч. ред. В. И. Милованов; изд. 2-е, доп. М.: Изд-во Энциклопедия, 2008.
13. Казачество: энциклопедия / редкол.: А. Г. Мартынов и др.; изд. 3-е, доп. и перераб. М.: Казачья энциклопедия, 2015.

14. *Касьянова И. В.* К вопросу о порядке управления казачьей станицей на Кубани (1794–1870 гг.) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 3. С. 166–171.
15. *Королев В. Н.* Адахунское сражение // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Сер.: Обществ. науки. 1993. № 1–2. С. 24–34.
16. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.) / сост. А. С. Азаренкова и др. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1986.
17. *Петренко Е. Д., Петренко И. Е.* Исторические очерки Западного Закубанья в 1768–1917 гг. (Крымский пехотный полк, Адагумский отряд, Адагумская укрепленная линия, Натухайский военный округ, станицы Адагумского конного казачьего полка). Краснодар: ЭДВИ, 2012.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XVII. Отдел-е 2. Штаты и табели. Росписание Черноморского казачьего войска, по округам. 1842. СПб.: Тип. II Отдел-я Собств. ЕИВ Канцелярии, 1843.
19. Энциклопедия кубанского казачества / под ред. В. Н. Ратушняка; изд. 2-е, испр. и доп. Краснодар: Традиция, 2013.
20. Энциклопедия кубанского казачества / под ред. В. Н. Ратушняка. Краснодар: Традиция, 2011.
21. *Авраменко А.* Историчний атлас як тип енциклопедичного видання // Українська енциклопедистика. Регіональний аспект: матеріали V Міжнародної наукової конференції «Українська енциклопедистика». Київ, 2017. С. 7–33.

Anatoly M. AVRAMENKO,

Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof., Independent Researcher,
Krasnodar, Russia, avramenkoam@rambler.ru.

**The Experience of Preparing the Atlas
on the History of the Kuban Cossacks as a Means
of Forming Spiritual and Moral Values**

The publishing house “Tradition” is preparing the “Atlas of the History of the Kuban Cossacks”. It is planned to create a series of maps starting from the 17th century, when the first reliable information about the sea campaigns of the Don Cossacks by the islands in the lower Kuban and through the Kerch Strait was known. The article summarizes a number of important aspects of the publishing project. The ways of migrations of different groups of Cossacks, including Nekrasovtisi and Chernomorianians are

considered. Serious attention is paid to wars with the participation of the Cossacks, and administrative-territorial division of the region. The atlas also contains maps showing the development of the economy in the late XIX — early XX centuries, the events of the revolution and the Civil War 1917–1920. The author of the article (the direct compiler of the atlas) characterizes this publication as a source of reliable information about the historical past of the Kuban and a means of forming spiritual and moral values.

Keywords: *historical atlas, history of Kuban region, Black Sea (Chernomorian) Cossacks, Kuban Cossacks, Nekrasov's Cossacks, spiritual and moral values.*

С. К. Зауст*

Исторический костюм в реалистической системе живописи И. Е. Репина и В. И. Сурикова

Статья посвящена роли костюма в исторических полотнах И. Е. Репина и В. И. Сурикова — двух наиболее выразительных, но совершенно различных представителей реализма в русском искусстве. Проблема историзма в живописи обоих художников рассмотрена в контексте главенства характерной для них реалистической системы видения мира. При этом исторический жанр в русской живописи конца XIX в. с его противоречиями и особенностями анализируется как сценическое искусство выстраивания композиции, драматизм которой достигается в том числе и посредством проработки костюмов — как детальной, так и стилистической. Автор статьи проводит мысль о том, что историзм обусловлен не фактом присутствия исторического костюма самого по себе. Историзм — неотъемлемая часть поэтики, порожденная присущим художнику ощущением пространства, символики вещей и человеческих отношений. В этом смысле исторический костюм в живописи есть полноценный участник процесса художественного обобщения — создания поэтического, а следовательно, достоверного исторического полотна.

Ключевые слова: И. Е. Репин, В. И. Суриков, русская живопись второй половины XIX в., художественный реализм, исторический жанр, исторический костюм, символика, поэтика.

Структурообразующим элементом русской художественной культуры второй половины XIX в. вплоть до начала XX в. оставался реализм, ставший альтернативой консервативным тенденциям «академизма» с его

* ЗАУСТ София Константиновна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия, zaust00@bk.ru.

схоластическим пониманием совершенства форм и требованием писать на мифологические и библейские сюжеты. Концептуальной основой развития живописи служила видимая реальность, однако либерализм (движущая сила русского искусства 60-х гг. XIX в.) к 1880-м гг. заметно ослабил свое влияние. Усиливалось разочарование в политике как сфере, открытой для дискуссий по поводу реформ и преобразований. Утрата надежд на практическое участие в переустройстве общества и государства в конце концов привела к смене культа науки интересом к философии и поэзии. В сфере живописи это выразилось в стремлении избавиться от литературоцентризма. Участники Товарищества передвижных художественных выставок постепенно начали уходить от убежденности в том, что цель искусства — непременно служить идее, а не эстетическому наслаждению.

В историческом жанре тенденция преодолеть главенство идеологии в наибольшей мере проявилось у И. Е. Репина и В. И. Сурикова — художников, чье творчество, казалось бы, полностью принадлежало реалистической системе живописи.

Историческая картина как жанр содержит неочевидное противоречие, которое практически невозможно преодолеть, находясь в контексте реалистической системы живописи, поскольку история континуальна и представляет собой непрерывный процесс. Любой факт с точки зрения истории есть звено определенной причинно-следственной цепи. Как имманентно включенные в эту цепь очевидцы и свидетели событий мы получаем возможность узнать, чем они были вызваны, наблюдаем за их последствиями. Между тем историческая картина всегда выхватывает только момент. И если о контексте событий, которые представлены на полотне, мы ничего не знаем, нам затруднительно понять его суть без экспликации (музейной этикетки, которая дает комментарий, так или иначе рассказывая об изображенном).

Известно, что в реалистической системе живописи конца XIX в. историческое являло себя исключительно пассивно, историзм присутствовал в картине лишь посредством костюма: «люди определенным образом одеты — вот и весь историзм» [3].

Современный исследователь творчества Ильи Ефимовича Репина Галина Ельшевская считает, что из наследия художника можно «собрать лучшую версию истории, некую театрализованную правду» [4], которая во все времена удовлетворяла как официальную власть, так и ожидания широкого зрителя. В этом смысле историческая живопись Репина обла-

дает «целительным свойством», примиряя зрителя с реальностью. Если же проанализировать созданные им реалистичные образы, окажется, что художнику особенно удавались характерные, выразительные образы и напряженные, драматические сцены: большая часть исторических произведений мастера по своей композиции напоминает «последний кадр эпизода захватывающего сериала, — настолько нам хочется знать, что дальше» [5].

Репинская привязанность к натуре, в первую очередь к портрету, повлияла на восприятие художником истории. Его сюжеты кажутся подсмотренными случайными эпизодами из жизни исторических личностей: персонажи застигнуты врасплох, запечатлены в момент аффекта будто при помощи фотографического аппарата. Однако, продолжает эту мысль автор статьи, посвященной недавним большим выставкам И. Е. Репина (московской и петербургской) Анастасия Семенович, вместо «подглядывания в замочную скважину» (так часто характеризовали композиции почитаемых Репиным малых голландцев) художник «использовал широкоугольный объектив» [там же].

Совсем иначе организовано пространство исторических картин Василия Ивановича Сурикова. Оно всегда закрыто — и такова свойственная этому художнику концепция «пространства истории». История для Сурикова представляет собой то, что не может происходить с живущими здесь и сейчас, а значит, нам в «нее хода нет» [3].

Получается, что реалист, автор исторических полотен Суриков видел историю не глазами современника, как это делал реалист Репин. Следовательно, историзм в картинах В. И. Сурикова не ограничивался вниманием к историческому костюму как к таковому и не сводится к работе с его нарративной функцией.

Известно, что живопись как искусство пространственное еще в начале XX в. присвоило себе коммуникативный механизм искусства словесного: мы можем охарактеризовать композицию любой сюжетной картины как тайнопись с обилием скрытых смыслов. Внутри подобной композиции костюм может рассматриваться как одна из «говорящих», сообщающих зашифрованный смысл вещей.

Отказавшись от главенства идеологии, «передвижники» столкнулись с непростой ситуацией: отсутствие конкретных смысловых источников осложняло поиски сюжетной основы для полотен на историческую тему. К примеру, авторитетный критик А. Н. Бенуа объяснял выбор сюжетов И. Е. Репиным в 1880-е гг. случайностью и эпизодич-

ностью, однако выражал надежду на то, что главные слова еще художником не сказаны. В конце концов, так и не услышав этих слов, он просто посчитал Репина плохим мыслителем, раз и навсегда отказав ему в величии.

Первая историческая картина Репина — изображение царевны Софьи Алексеевны была написана в 1879 г., за год до окончания работы Сурикова над полотном «Утро стрелецкой казни». Две близкие темы были решены по-разному, и во многом — благодаря костюму.

Для Репина важным было дать полноценный правдивый образ опальной царицы, не ограничиваясь зарисовкой на историческую тему. Хотя художник изучил архивные документы и ознакомился с предметами одежды XVII в., было бы сложно понять, что изображено на картине, если бы она не имела многословного названия: «Правительница царевна Софья Алексеевна через год после заключения ее в Новодевичьем монастыре, во время казни стрельцов и пытки всей ее прислуги», равноценного музейной экспликации.

Не совсем ясно также, что является основным аргументом в пользу историчности полотна. Возможно, это одежда царевны — парчовое платье, которое шилось специально по архивным эскизам для репинской модели.

Отказавшуюся от монашеского облачения Софью И. Е. Репин изобразил в роскошной парчовой ферязи, с ожерельем на шее и золотыми серьгами в ушах. Скрещенные на груди руки увенчаны крупными запястьями с яхонтами. Дорогими камнями оторочено платье. В костюме масса речного жемчуга и золотых пуговиц. На ногах царевны — сафьяновые с загнутыми носами чеботы. Между тем критики сразу увидели в царевне актрису в историческом, но театральном костюме, а Суриков задал риторический вопрос: «Стрельцы разве могли за такой рыхлой бабой пойти?» [4]. В. В. Стасов же вовсе считал И. Е. Репина неспособным к историческому роду живописи. Выходит, что историческим полотно делает костюм, однако воплощению идеи препятствует натурная система видения, внутри которой Софья в наиболее драматический момент своей жизни способна, кажется, лишь на физиологическую гримасу ярости [там же].

И все же данное полотно стало одним из первых исторических портретов, созданных в рамках жанра.

Кроме всего прочего, здесь можно увидеть умышленный прием «спрессованного времени». Репин, весьма скрупулезный в подходе

к деталям костюма, изобразил Софью с непокрытой головой: головной убор, как известно, был шит специально для работы над картиной, но художник эту деталь убранства не использовал. Возможно, такое решение понадобилось, чтобы указать на скорый постриг героини, «но тогда странно выглядит ошибка в датах: до попытки стрельцов вернуть Софью на трон она провела в монастыре не год, как сказано в заглавии, но девять лет», — указывает Г. Ельшевская [4]. Подобную ошибку И. Е. Репин мог допустить намеренно, для того чтобы частично перевести нарратив в символический план из плана конкретики.

Впоследствии чрезмерное внимание художника к изображению костюмов исторических персонажей стало каноничным: даже Бенуа заметил в такой выразительной детали картины «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» (1880–1891), как белая бурка, достойный восхищения симптом — уступку Репина-рассказчика Репину-живописцу. Напомним, что в работе над картиной о запорожцах художнику помогал профессиональный историк Д. И. Яворницкий, а сам автор специально отправился в поездку по Запорожью, собрав целую коллекцию малороссийских типов.

И. Е. Репин достаточно долго отказывался работать над сюжетами допетровской истории, но в 1900 г. все же появилось полотно «Приезд царей Иоанна и Петра Алексеевичей на Семеновский потешный двор в сопровождении свиты».

На этот раз художник вывел персонажей из интерьера и заполнил пространство картины людской толпой, несколько поменяв свою привычную живописную стилистику (используя опыт модернистов). Так Репин, не детализируя костюмы статистов, как это делал Суриков, передал впечатление разномастной толпы. Особенно выразительно решена лишь фигура шута, одетого в европейский наряд с объемными рукавами и белым воротником жабо. Общее цветовое решение картины задает цветовой и стилистический контраст костюмов, тогда как выражения лиц героев и их эмоции второстепенны.

Позволяя себе небольшие вольности в трактовке (природа этих «авторских отступлений» может трактоваться по-разному), Репин с присущим его творчеству психологизмом воссоздавал костюмы исторических персонажей такими, какими они были в документальных свидетельствах изображаемых эпох.

Попытки достичь весьма эффектного сочетания достоверности и драматизма предпринимали многие художники 1860–1870-х гг.

Создать монументальную картину-эпопею со сложным философским содержанием мечтали многие русские живописцы 1880–1890-х гг.

Поисками подходящего сюжета и образов для масштабной исторической картины был занят и В. И. Суриков. Передвижники приняли индивидуалиста-Сурикова за своего. А. Н. Бенуа объяснял этот факт как стремление самих участников Товарищества вложить в его работы привычный для них тенденциозный обличительный смысл. В целом исторический жанр, занявший к 1880-м гг. господствующее положение в русской живописи, акцентировал лишь те события отечественной истории, которые считались «сильными».

Подход к выбору тем у В. И. Сурикова был принципиально иным. А. Н. Бенуа сравнивал его с «даром исторического прозрения» [1, с. 327], которым обладал представитель немецкого романтического историзма середины XIX в. художник Адольф фон Менцель, умевший оживлять прошлое, в то время как другие западноевропейские мастера живописи «разыгрывали исторические пьесы» или создавали «исторические машины» [там же]. А. фон Менцелю удалось отыскать «особенную жизнь и поэзию в каждой складке костюма, в каждом завитке мебели» [1, с. 330], созданные им исторические картины, не копируя реальность, передавали курьезность и фантастичность изображаемого времени.

Между тем недоброжелатели твердили, что Суриков плохо учился в Академии и слабо освоил законы перспективы. Именно так они объясняли развернутую наоборот, замыкающую пространство, кремлевскую стену в картине «Утро стрелецкой казни» (1881), а также несоответствие роста Меншикова размерам комнаты, в которую он помещен на картине «Меншиков в Березове» (1883) — встав, герой просто пробьет потолок головой. Однако подобные «ошибки» были необходимы художнику, создававшему в своих полотнах замкнутое историческое пространство.

Суриков одним из первых ввел в отечественную историческую живопись детально проработанную массовую сцену. Отдавая предпочтение эпизодам, позволявшим передать фантастичность реальности, он сознательно нарушал законы перспективы и пренебрегал масштабными соотношениями. Совмещая разные точки зрения, приближая станковую картину к монументальному панно и фреске, живописец превращал пространство истории в пространство мифа.

В рамках избранного им художественного задания костюм приобретал особую семантическую нагрузку. Живописец знал, что у впавших в немилость Меншиковых весь их дорогой гардероб отобрали, но

изобразил опальное семейство по-своему, усилив при помощи неуместных в простой обстановке костюмов резкий контраст между роскошью и нищетой. Он прибег к этому как к выразительному свидетельству свершившейся исторической катастрофы.

Подчеркивая трагедию народа — ужас царева отмщения своим противникам — в картине «Утро стрелецкой казни», Суриков изобразил жизнь (в образах людей, чьи тела укрывают легкие или согревающие, белые или цветные одежды) рядом со смертью (холодной и поглощающей всякий цвет земляной слякотью). «Суриков — гениальный колорист, и то, как он умеет бросить в грязь под ноги и колеса малиновый кафтан, играет огромную роль: это — как символ трагической безнадежности — он свалился с плеч богатого стрельца, который повис на руках преобразенцев, ведущих его к плахе» [7, с. 139].

Это и другие полотна показывают, что В. И. Суриков преодолел диктат историко-археологической трактовки картины. Роль костюмов не сводилась к описательно-этнографической и не служила лишь для демонстрации колористического мастерства художника.

В наиболее значительном историческом полотне суриковского исторического цикла — «Боярыня Морозова» (1884–1887) — художник, изучавший источники и знавший, что на боярыне были тяжелые деревянные колодки, делавшие руки совершенно неподвижными, изобразил вместо колодок цепи. Конечно, он написал некую бутафорскую («оперную» [3]) цепь, однако эта деталь как метафора всюду свободного духа подчеркнула яркий образ героини — известной всей Москве Феодосии Морозовой, пострадавшей за свою приверженность русскому старообрядчеству.

Анализовавшие эту картину критики не могли удержаться от перечисления всех изображенных художником предметов одежды, характерных для повседневного гардероба москвичей XVII столетия.

«И вот они стоят все, по дороге, где едут розвальни, — писал В. В. Стасов, — выразив на лице глубокое чувство любви и сострадания. Тут встретились и смешались в густой толпе и сестра Морозовой, княгиня Ухтомская, в дорогих уборах XVII в., вся в бархате, драгоценных мехах, жемчугах, шелке, и богатые посадские женщины, в шитых шапочках и платках, штофных сарафанах...» [6, с. 209].

Пестрое разнообразие персонажей объединяет тщательно разработанный богатый орнамент костюмов — так появляется сложный узор, хотя некоторые критики Сурикова упрекали картину за нагро-

можение деталей. Этот узор с присущей ему внутренней аналитикой цвета и графики исследователь цвета в живописи Н. Н. Волков назвал специфически русским колоризмом [2, с. 183].

В. И. Суриков в своей рефлексии по поводу времени настоящего достиг уровня философского обобщения историко-культурного материала прошлого. Ни археологические открытия, ни исторические документы, ни модные (начиная с первой трети XIX в.) исторические романы, ни славянофильские рассуждения не могли установить столь очевидную актуальную связь между прошлым и настоящим.

Костюм, наделенный художником целым рядом знаково-символических функций, активно участвовал в создании художественных обобщений. При этом историческая достоверность изображения отошла на второй план — основное значение Суриков придавал символически важным приемам стилизации.

Итак, само понятие истории у таких мастеров, как В. И. Суриков и И. Е. Репин, было заряжено поэтически. Поэтизации были подчинены все элементы картины, включая исторический костюм. Тем самым был преодолен формальный историзм академической программной живописи.

Как известно, в круговороте истории нет правых и виноватых. Однако правота гениальных мастеров искусства проявляется в том, что наиболее реалистичным взглядом на историю оказывается взгляд художника, который чувствует историю и осознает себя внутри нее.

Использованная литература:

1. *Бенуа А. Н.* История русской живописи в XIX в. М.: Республика, 1995.
2. *Волков Н. Н.* Цвет в живописи. М.: Искусство, 1985.
3. *Головастиков К.* За что любить Сурикова? // Арзамас. URL: <https://www.arzamas.academy/materials/240> (дата обращения: 05.01.2022).
4. *Ельшевская Г.* Как смотреть Репина // Арзамас. URL: <https://www.arzamas.academy/mag/426-repin> (дата обращения: 05.01.2022).
5. *Семенович А.* Народный артист империи Илья Репин // Colta. URL: <https://www.colta.ru/articles/art/22844-vystavka-v-russkom-muzee-perapadnu-repin> (дата обращения: 05.01.2022).
6. *Стасов В. В.* Избранные сочинения: в 3 т. М.: Искусство, 1952.
7. *Яковлев В. Н.* О великих русских художниках. М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1952.

Sofia K. ZAUST,

Cand. Sci. (Theory and History of Culture), Assoc. Prof.,
Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design,
Saint Petersburg, Russia, zaust00@bk.ru.

**Historical Costume in the Realistic System
of Painting by Ilya E. Repin and Vasily I. Surikov**

The article is about the role of costume in historical painting of Ilya E. Repin and Vasily I. Surikov — the two of the most expressive, but completely different representatives of realism in Russian art. The problem of historicism in the paintings of both artists is considered in the context of the primacy of their characteristic realistic system. At the same time, the historical genre in Russian painting of the late 19th century, with its contradictions and peculiarities, is analyzed as the scenic art of building a composition, the drama of which is achieved, among other things, through the elaboration of costumes, both detailed and stylistic. The author suggests that historicism is not the fact of the presence of the historical costume itself. Historicism is an integral part of poetics, generated by the artist's inherent sense of space, the symbolism of things and human relations. In this sense, the historical costume in painting is a full-fledged participant in the process of the creation of a poetic, and therefore authentic historical painting.

Keywords: Ilya E. Repin, Vasily I. Surikov, Russian painting of the second half of the 19th century, artistic realism, historical genre, historical costume, symbolism, poet.

И. А. Аполлонов*

**Человек культуры в меморативном измерении
(на примере меморативной пластики
Александра Аполлонова)**

В статье рассматривается концепт «человек культуры» во взаимосвязи с историко-культурной памятью и практикой меморативных изображений. Человек культуры представляет собой мозаичный образ, сотканный из образов людей, персонифицирующих собой достижения, образцы и идеалы культуры, жизнь и деяния которых формируют «вторую природу» человека, ценности и смыслы человеческой жизни. Обосновано, что образ человека культуры неразрывно связан с противонаправленным действием

* АПОЛЛОНОВ Иван Александрович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и психологии Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, Российская Федерация, obligo@yandex.ru.

культурно-исторической памяти, где обращенность к прошлому тождественно утверждению значимости истории для нынешнего и грядущих поколений. Исследованы герменевтические возможности меморативной пластики. Показана взаимосвязь различных смысловых интенций памятников: внешняя семантика, указывающая на исторические факты, интерпретация личности героя произведения и метафизический уровень, обращенный к духовным идеалам красоты и человечности. Рассмотрены произведения меморативной пластики А. А. Аполлонова, которые являются яркими образцами подобной герменевтики.

Ключевые слова: Человек культуры, историко-культурная память, памятники и памятные знаки, меморативная пластика, художественный образ, художественная правда, скульптор Александр Аполлонов.

Культура все чаще рассматривается в качестве генетического кода социума, генома, который воспроизводит общество и человека, определяет векторы его развития [4]. Этот код составляют нормы и ценности, запреты, предписания и образы поведения, т. е. все то, что определяет «вторую природу» человека: его представления о нормальном и ненормальном, достойном и постыдном, прекрасном и возвышенном.

Однако этот код не абстрактен и существует не сам по себе, не внесубъективно. Ведь, как воспроизводство человека невозможно без самого человека, так и культура невозможна без оживляющего ее личностного начала. Поэтому важно обращение к творцам и носителям этого кода, тем личностям, которые своей жизнью, своими деяниями утверждают идеалы человечности и определяют уникальный лик культуры. Такие люди, подобно античным титанам, несут на своих плечах всю умную сложность «второй природы» человека. И именно такие люди определяют мозаичный образ «человека культуры».

Такой образ представляет собой идеальный, «желанный» тип личности. Такой тип формируется национальной культурой как наиболее приемлемая форма человеческого существования [5, с. 97]. Он вбирает в себя комплекс нравственных ценностей народа, хранит и передает его следующему поколению, и поэтому в его руках находится судьба народа [2, с. 128].

Человек культуры выполняет две основные функции: прежде всего, он является творцом ценностей и идеалов: показывает, каким должен быть человек, к чему он должен стремиться, в нем представлена высота личностных качеств и человеческих взаимоотношений. И вместе с тем эти образы транслируют культурные смыслы следующим поколениям, являются для них образцами.

Причем с представлениями о человеке культуры связано формирование личности на всех ее уровнях: это и культура тела, ориентированная на образы красоты, силы и физического совершенства; это и формирование высоких личностных качеств, определяющих достоинство человека; и, наконец, это обретение духовного уровня, уровня смысложизненных ценностей, того, что связывает человека с миром идей, идеалов и сакральных символов культуры.

Как мы видим, концепт человек культуры, в котором схватывается личностное измерение норм и идеалов человеческой жизни, представляет собой сложное синтетическое образование, сотканное из многих образов, которые различны и подчас даже противоречивы. Однако их совокупность не хаотична, а образует стройную иерархичную структуру. Ее высший уровень составляют образы, вызывающие у человека чувство благоговения. Это «прекрасно положительный герой», воплощающий в себе пафос духовности высших человеческих качеств и устремлений. Зачастую такие образы носят сакральный, религиозный характер.

Следующий уровень составляют образы, которыми человек восхищается. В них воплощены культурные образцы, определяющие ценностные ориентиры человеческой жизни. С их помощью мы оцениваем достоинство себя и окружающих. И наконец, наиболее близкий человеку уровень образцовости составляют образы, вызывающие уважение, желание им подражать. В них воплощены те черты, которые позволяют эффективно адаптироваться к жизненным реалиям и воплотить идеалы в конкретные жизненные цели и пути их достижения.

Но, как и всякое явление культуры, эти образы имеют две стороны: они могут быть навязанными кумирами, инструментом социального кодирования, заставляют человека «быть как все». Но вместе с тем образы «человека культуры» могут стать орудием утверждения личностной свободы и уникальности, вести человека к высотам человечности. Такой путь открывается в напряжении понимания и самопонимания, в различении подлинных ценностей от их подделок. И поэтому особую роль в сложной системе образов «человека культуры» играют творцы: выдающиеся представители науки и искусства. Они являются носителями духовности и двигателями прогресса. Ведь творчество воплощает в себе важнейший смысл человеческой деятельности. Именно творцы расширяют, усложняют, обогащают пространство культуры, определяют самосознание народа, его идентичность. Через деяния творцов, про-

изведения людей искусства культура обретает свой голос, с помощью которого может вести диалог и с другими культурами, и с вечностью.

Важнейшей чертой человека культуры, равно как и самой культуры, является историчность, причем она разнонаправлена. Первое, исходное, онтологическое направление такой историчности ведет из прошлого в будущее. Ведь творческая и интеллектуальная мощь таких людей, их произведения, смыслы, идеи, открытия и изобретения определяют контуры будущей культуры — «второй природы» человека и человечества. Но не менее важно и обратное направление, выраженное в памяти об этих творцах у нынешнего и грядущих поколений. Ведь именно память определяет темпоральное измерение бытия человека, его сопричастность историко-культурной традиции [1].

Культурная память связана не только с фактической канвой истории, фиксацией того, что было, что произошло. Ключевым для памяти являются интерпретация событий прошлого, выявление их ценностно-смыслового содержания, а в случае с памятью о «человеке культуры» осмысление культурно-исторической значимости его жизни и творческого наследия.

Одним из важнейших средств памяти о прошлом являются памятники и памятные знаки. Подобные памятники воплощают рассмотренную выше противонаправленность исторической памяти, поскольку они обращены как в прошлое, так и в будущее. Ведь монументальное искусство представляет собой визуализацию идеи прошлого, настоящего и будущего одновременно [3, с. 28]. Соответственно, памятные монументы, мемориальные изображения являют собой не только эстетические оформление пространства, но и обладают мощным идейным и эмоциональным содержанием, задевающим историко-культурные основы бытия человека. Поэтому создание и установка памятников, воплощаемый в них художественный образ и эстетические достоинства, имеют огромное культурное значение, что накладывает ответственность как на заказчика, так и на их творцов, скульпторов и архитекторов. И такая ответственность повышается с каждым годом, поскольку технологии изготовления скульптурных изображений удешевляются, становятся все более доступными.

Скульптурные памятные изображения представляют собой особый способ осмысления прошлого. В отличие от чисто текстовых памятников в них обращение к прошлому происходит посредством визуального художественного образа, способного оказать на человека

эстетическое и эмоциональное воздействие. Кроме того, подобный образ может иметь мощную семантическую насыщенность, выраженную в деталях костюма, оружия и снаряжения, наградах и других атрибутах, связанных с историческим героем.

Исторический монумент, посвященный человеку культуры, несет в себе клубок различных смысловых интенций. Прежде всего, в нем заключена обращенность к прошлому, к фактичности изображаемого героя, чертам его внешности, исторической достоверности его атрибуций. Вместе с тем памятник обращен к тем, кто должен хранить память о герое изображения: современникам установленного памятника и их потомкам. Здесь выражается культурно-историческая значимость личности, его жизни и творческого наследия. Подобная значимость манифестируется уже в самом факте установки памятника и интерпретируется в создаваемом художественном образе. И наконец, исторические монументы несут в себе метафизический смысл, выводящий человека в пространство общечеловеческих идей, идеалов и вневременных ценностей. Ведь памятник, увековечивающий героя, переносит его в сакральное пространство культуры.

Таким образом, художественный образ, воплощенный в меморативной скульптуре, запускает циркуляцию смыслов, в которой указание на фактичность человека культуры, его индивидуальные особенности (внешняя семантика) обращено к культурно-историческому значению этой личности, идейному смыслу его жизни и творчества. И предельная индивидуальность образа во всей его конкретности способна схватить и воплотить универсальность идей и смыслов человеческого существования.

Таким образом, воплощаемая в памятнике художественная правда сопряжена с правдой истории. Более того, они проясняют суть друг друга и запускают описанный выше герменевтический круг циркуляции смыслов. Поэтому, как отмечает заслуженный художник России, член-корреспондент РАХ Александр Аполлонов, в скульптуре нельзя врать. И это относится как к исторической, так и к эстетической сторонам памятника, которые в художественном образе слиты до неразличимости. Здесь важно найти и мастерски воплотить те характерологические черты личности, в которых максимально емко воплощено то идейное содержание, творцом и носителем которого является герой меморативного произведения.

Творчество Александра Аполлонова является ярким примером подобного подхода к созданию памятников и памятных досок, посвя-

щенных «Человеку культуры». Их отличает не только высочайшее мастерство исполнения, изящество и внимание к деталям, но и точность образа, его живая энергетика, а также смысловая глубина и идейная наполненность.

В мраморном бюсте Александра Николаевича Скрябина, установленном на ул. Гоголя в 1980 г. устремленном в небо одухотворенном лице композитора мастеру удалось передать тонкую мистическую натуру творца сложных гармонических произведений, обращенных к основам мироздания. Установленная на ул. Красной в 1981 г. мемориальная доска с мраморным барельефом Леонида Собинова показывает мягкую и нежную лиричность великого тенора. Его природную идущую из глубин души музыкальность подчеркивает березка, трепет которой превращается в ноты. Со стены своего дома, где ныне музей, на прохожих смотрит бюст Григория Пономаренко. Открытое светлое лицо, улыбка, непокорный вихор и распахнутый ворот рубахи выражают свободолюбие и жизненный оптимизм творца легендарных песен.

Не менее интересна трактовка мастером образов ученых. Мемориальная доска супругам С. Д. и В. Х. Кирлиан (1988) показывает одухотворенность людей, увлеченных научным поиском. Напряженный поворот головы, сосредоточенный взгляд Семена Давидовича, пронизательный и в то же время полный нежности, любви и веры ответный взгляд его супруги выражают самоотверженность союза настоящих ученых и изобретателей. Центр композиции занимает огромная сфера, к которой прикованы взгляды супругов. В ней запечатлено свечение вокруг человеческой руки, что передает величие открытия «эффекта Кирлиан», позволяющего прикоснуться к таинству живой природы.

По-другому происходит осмысление личности академика Ивана Тимофеевича Трубилина (памятная доска на углу улиц Ленина и Красной). Помещенный на первый план увесистый сноп пшеницы показывает зримые плоды творчества прославленного агрария. В образе самого академика передана тяжесть кропотливого труда исследователя. Он устало снял свои очки, но подслеповатый взгляд ученого и скрытая за ним мысль не может оторваться от своей работы. Фоном изображения служит библиотека увесистых книг, увитая виноградом и плодами. Здесь переплетены теория и практика науки, мысль и дело ученого, которые составляют возвышенный регистр его жизни.

Замысел памятника изобретателю телевидения, одному из создателей и первому ректору Кубанского технологического университета

Борису Львовичу Розингу. Интерес к этой личности возник у Мастера давно, еще когда он работал над мемориальной доской супругам Кириллан. Александра Аполлонова поразил не только масштаб открытия Бориса Львовича, но и то, что он остался на Родине в России и в тяжелейшие годы разрухи и Гражданской войны продолжил свою научную и подвижническую педагогическую деятельность.

Новый импульс работе над образом Б. Л. Розинга придала встреча с замечательным ученым, патриотом и летописцем КубГТУ, профессором И. Я. Куценко, который поделился со скульптором своими многочисленными материалами о жизни и изобретениях Бориса Львовича, сохранившимися фотографиями ученого. Постепенно у Мастера складывался образ ученого-изобретателя, для которого поиск Истины и открытие новых инженерных решений гораздо важнее личного благополучия, образ подвижника-педагога и истинного патриота, осознающего важность для будущего своей страны фундаментального технического образования, возвышенный образ настоящего русского интеллигента, в любых, самых сложных и трагических обстоятельствах оставшегося верным своей профессии, высоким нравственным идеалам и вере в будущее своей страны, которой он отдает всего себя. Этот образ русского интеллигента в трагических обстоятельствах мастер воплотил в эскизе памятника.

Эскиз представляет собой сложную композицию, в центре которой фигура Бориса Львовича Розинга. Изобретатель нежно и бережно, как новорожденное дитя, держит лучевую трубку, знаменующей собой рождение эпохи телевидения. В этом образе Мастеру удалось передать напряжение научного поиска, энергию инженерного созидания.

С левой стороны фигуры изображен накренившийся стул. Его богатая отделка, точеные и резные детали символизируют уходящий мир старой дореволюционной России. Стул завален книгами, чертежами, различными техническими деталями, что подчеркивает деятельную, кипучую интеллектуальную натуру ученого-изобретателя, пренебрегающего мягким уютом своего кресла ради высокой научной цели.

С другой стороны, высится вертикаль различных технических устройств, связанных с зарей эры телевидения. Эта часть эскиза наименее проработана. Обозначена лишь ее композиционная составляющая. Александр Аполлонов искал изображения этих деталей, собирался проконсультироваться с экспертами в этой области.

Эскиз памятника обладает мощной динамикой: фигура Б. Л. Розинга словно молния находится внутри расходящейся перспективы,

которую создают другие предметы композиции. Такая перспектива создает зримый образ переломной эпохи, в которой жил и творил Борис Львович. Вместе с тем фигура ученого как бы стягивает собой разрыв дореволюционной и советской эпох, воплощает преемственность традиций отечественной науки.

У этого замысла есть уникальный шанс воплотиться в прекрасный монумент. Решение увековечить знаменитого физика, изобретателя телевидения, основателя и первого ректора Кубанского технологического университета (ныне КубГТУ) было принято депутатами городской Думы Краснодара на двенадцатом очередном заседании в апреле 2021 г. Союз художников России добивается проведения открытого конкурса на создание памятника, на котором, конечно же, будет представлен эскиз Александра Аполлонова, воплотить который готов замечательный краснодарский скульптор Алан Петрович Корнаев. Мастеров связывает не только более чем полувековая дружба, но и одна скульптурная школа — Московский государственный художественный институт имени В. И. Сурикова. Есть надежда, что замечательный памятник украсит главную улицу нашего города. И это будет лучшая память о выдающемся художнике, подлинном человеке культуры, работы которого не только украшают наш город и напоминают о великих ученых и людях искусства, но и наполняют духовным содержанием его культурный ландшафт.

Использованная литература:

1. *Аполлонов И. А., Тучина О. Р.* Исторический опыт: попытка концептуализации // Научные труды КубГТУ. 2014. № 3. С. 26–37.
2. *Карпов Ю. Ю.* Личность и традиционные социальные институты: принципы взаимодействия // Северный Кавказ: человек в системе социокультурных связей. СПб.: Востоковедение, 2004. С. 107–167.
3. *Кирчанов М. В.* Монументальное искусство как изобретенная традиция национализма (визуализация национальных идентичностей в тюркских и финно-угорских республиках) // Актуальные проблемы монументального искусства: сб. науч. тр. СПб.: СПбГУПТД, 2020. С. 25–31.
4. *Стёпин В. С.* Философский анализ универсалий культуры // Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 8–15.
5. *Швецова А. В.* К проблеме аналитики национального характера как феномена культуры // Ученые записки Таврического национального университета. 1999. Вып. 11. С. 96–100.

Ivan A. APOLLONOV,

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Assoc. Prof., Prof.,
Department of History, Philosophy and Psychology,
Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia, obligo@yandex.ru

A Person of Culture in the Memorative Dimension (on the Example of Alexander Apollonov's Memorative Plastic)

The article deals with the concept of "a person of culture" in connection with historical and cultural memory and the practice of memorative images. A person of culture is a mosaic image woven from images of people who personify the achievements, patterns and ideals of culture, whose life and deeds form the "second nature" of a person, the values and meanings of human life. It is proved that the image of a cultural person is inextricably linked with the counter-directional action of cultural and historical memory, where the appeal to the past is identical with the assertion of the significance of history for the present and future generations. Hermeneutical possibilities of memorative plastic surgery are investigated. The interrelation of various semantic intentions of monuments is shown: external semantics pointing to historical facts, interpretation of the personality of the character of the creative work (and the metaphysical level turned to the spiritual ideals of beauty and humanity). The works of A. A. Apollonov's memorative plastic art, which are vivid examples of such hermeneutics, are considered.

Keywords: *Man of culture, historical and cultural memory, monuments and memorials, memorative plastic, artistic image, artistic truth, sculptor Alexander Apollonov.*

Н. В. Чёрная*

Песенное наследие Кубани: сопоставление вариантов народных песен

В докладе проделано сопоставление вариантов мелодии трех кубанских народных песен, не зафиксированных исследователями (не отраженных в печатных и электронных нотных сборниках). Автор статьи запомнила эти мелодии так, как они исполнялись в 1960-е гг. коренными жителями станицы Гостагаевская и примыкающего к ней хутора Чёрный, откуда ведет начало род казаков Чёрных. Анализ фольклорного

* ЧЁРНАЯ Надежда Вячеславовна, преподаватель отделения профессиональных дисциплин Новороссийского музыкального колледжа имени Д. Д. Шостаковича, Новороссийск, Краснодарский край, Россия, chernayanadezda@mail.ru.

песенного материала позволил автору статьи выдвинуть гипотезу о том, как именно и почему некоторые украинские песни могли закрепиться в Кубанском регионе в том варианте, который она слышала еще маленькой девочкой от своей няни и дальних родственников.

Ключевые слова: История кубанского фольклора; запорожский песенный фольклор, украинские песни, поэтика народной песни, интонационный и ритмический строй, своеобразие юмора.

Наш край, уникальный по своему этническому составу, — пример взаимопроникновения и взаимообогащения самых различных культур. Это связано с заселением запорожцами Кубани с издавна живущими на этой территории горскими племенами и народностями, со многими значимыми для России историческими событиями. В казачьей песенной культуре прослеживаются связи с фольклором запорожцев, или украинцев, именуемых затем черноморцами или кубанскими казаками.

Материалом исследования служат песни, которые в разных источниках представлены и как украинские, и как кубанские. Они принадлежат к тому песенному пласту [5], который В. Г. Захарченко обозначил в своем труде «Народные песни Кубани» (со ссылкой на исследование Н. Н. Бондаря [2]) как «накопление песенного народного фонда» конкретно — как пласт, который и теперь продолжает обогащаться, представляя собой тугой интонационно-ритмический сплав мелодий различных этносов южного региона.

Принципиальной разницы в культуре украинцев и кубанцев, как известно, не существует. Как и кубанский диалект (балачка), так и вся народная культура региона требуют дальнейшего изучения в свете миграций населения, имевших место в различные времена истории.

Между чисто украинскими (пришлыми) песнями и их кубанскими аналогами наблюдаются, естественно, отличия как текстовые, так и музыкальные, выявляемые на интонационном, гармоническом, метроритмическом, структурном уровнях.

Какие именно факторы — бытовые, исторические, политические — повлияли на эти изменения: тесное ли общение переселенцев с соседями-горцами, укоренившиеся ли уже к этому времени новые традиции станичников, вспыхивавшие ли в 1920-х гг. локальные мятежи на юге России, или роль каких-то отдельных личностей?

В детские годы мне довелось слышать песни, которые считались кубанскими: моя няня Меланья Михайловна Войтенко (из поздних пе-

реселенцев) и дальние сородичи, проживавшие на хуторе Черный близ станицы Гостагаевская, говорили и пели на кубанском диалекте. Но в сборниках тех далеких 1960-х гг. эти песни зачастую обозначаются именно как украинские.

Вплоть до 30-х гг. прошлого века многие жители Краснодарского края считались украинцами, в школах изучался украинский язык. Но в станице Гостагаевская и на примыкающем к ней хуторе Черный жители, насколько мне известно, всегда считали себя кубанцами. Поэтому песни, которые там бытовали, станичники (лично мне довелось тогда слышать) называли кубанскими.

Три песни, которые я хочу показать, по своей текстовой основе, украинские, семейно-бытовые. Но их музыкальная трактовка на Кубани сильно отличается от украинских первоисточников. Слова этих песен, слышанных мною на кубанском наречии, воспроизведены так, как они конкретно в то время и звучали, со всеми особенностями в произношении (я попыталась это отобразить по возможности аутентично). То, что я слышала в детстве, не найдено мной ни в печатных, ни в электронных сборниках кубанского и украинского песенного фольклора.

Между тем текст песни «Лугом иду, коня вѣду» интересен тем, что имеет 10 куплетов, и это гораздо пространнее варианта из четырех куплетов, зафиксированного как украинский в сборнике В. Г. Захарченко «Народные песни Кубани» [3, с. 227].

Кубанский вариант

*Лугом иду, коня вѣду,
Разливайся, луже.
{Сватай мэнэ, козаченько,
Люблю тэбэ дужэ.} — 2 р.*

*Ой, хучь сватай, хучь нэ сватай,
Абы ж нэ цурався,
{Щоб та слава нэ пропала,
Шо ты женихався.} — 2 р.*

*Ой, як бы ж ты, дивчинонька
Була б богатэнька,
{Взяв бы тэбэ за рученьку,
Повив до батэнька.} — 2 р.*

Украинский вариант

*Лугом іду, коня вѣду,
Розливайся, луже.
{Сватай мене, козаченько,
Люблю тебе дуже.} — 2р.*

*Ой якби ж ти, дівчинонько,
Була багатенька,
{Взяв би тебе за рученьку,
Повів до батенька.} — 2р.*

*Ой якби ж я, козаченько,
Була багатенька,
{Наплювала б я на тебе,
Й на твого батенька!} — 2р.*

Ой, як бы ж я, козаченька,
Була б богатэнька,
Наплювала б я на тэбэ,
На твоєво батэнька.

Ой якби ж я, козаченько,
Сім пар волів мала!
{Я б такими женихами
Хату замітала.} — 2р.

Ой, як бы ж ты, дивчинонька,
П'ятсот рублів дала,
Взяв бы тэбэ за рученьку,
Повив до вивтаря.

Ой, як бы ж ты, козаченька,
П'ятсот рублів мало,
{Я б такымы жєныхамы
Хату б пидмитала.} — 2 р.

Ой, як бы ж ты, дивчинонька,
Тоди б замиш вийшла,
{Як край бы тои дорози
Рута-мята зийшла.} — 2 р.

Ой, як бы ж ты, козаченька,
Тоди б ожиньвся,
{Як у млыни на камэни
Кукиль уродьвся.} — 2 р.

Як край бы тои дорози
Рута-мята зийшла,
Молодая дивчинонька
Давно й замиш вийшла.

А у млыни на камэни
Кукиль нэ вродьвся.
Старый козак, як собака,
Доси нэ жєньвся.

Украинская мелодия (рис. 2) имеет лад минорный, движение ее очень плавное и постепенное. В третьей фразе, как водится, отклонение в параллельный мажор, и в ней присутствуют широкие октавные скачки на возгласах-междометиях. Во втором варианте, кубанском, —

лад мажорный, гармоническая основа и строение самой мелодии совсем другие. Да и (снова подчеркнем) песня, что мне довелось слышать на хуторе Черном, по количеству строк превосходит украинскую версию более чем в два раза; в содержании привнесено гораздо больше задирности и лукавства. Мелодия отнюдь не напевная, поступенная, как в украинском варианте, а строится чаще по аккордовым тонам. Так, мотив «...люблю тэбэ дужэ...» — заигрывающий, смешливо-озорной. В нем девичье кокетство, как бы «покачивание плечиками» вверх-вниз, и эта почти зримая зарисовка (в движении по тонам Д/65 разнонаправленно) выпукло ощущается едва ли не на визуальном уровне.

Нотное приложение

1. Лугом ййду, коня вэду (укр.)

Лугом ййду, коня вэду (куб.)

...люб-лю тэ - бэ ду-жэ...

2. Посияла озирочки (укр.)

Посияла озирочки (куб.)

Рис. 1. Варианты мелодии песен «Лугом иду, коня вэду...» и «Посияла озирочки...»

Нотную запись кубанского и украинского вариантов песен «Лугом ийду, коня вѣду» и «Посияла огирочки» можно видеть на рис. 1.

Украинская версия песни начинается с балансирования на чисто славянской «раздумчивой» квинте. Затем мелодия заполняет это квинтовое пространство женскими никнущими «вздохами»-терциями. В ней пониженный эмоциональный тонус, глубокая горечь. Сначала нисходящий интонационный профиль, в следующей фразе, как в народных песнях часто и бывает, — поворот в параллельный мажор (со сменой размера) и кульминация на тоническом устое, но октавой выше.

Кубанская версия более энергетически насыщена, даже с некоей долей ухарства. С самого начала — активные, категоричные квартовые ходы (сравним с «плачущими», покладисто-смирненными, обреченно-печальными нисходящими терциями в украинской версии). Привлекают внимание «упрямством» квартовые синкопы как свойство некоей «упертости» характера. Раскручиваясь на шестнадцатых, напев взлетает к кульминации, замирая там на условной фермате. Но, вот что удивительно, потом вся мелодия резко и безапелляционно обрубается в конце строфы! Именно так она и исполнялась казачкой Натальей Максимовной Ковалёвой (1914–1995), ведущей род от времен Екатерины II. Родилась Н. М. Васильева в пос. Борисовка на Кубани. Моя няня, знавшая Наталью Максимовну и дружившая с ней много лет, пела «Посияла огирочки» точно в том же характере. Наверное, это косвенно связано со спецификой исполнения строевых маршей с внезапными их окончаниями. Душевная боль, как шашкой, отсечена, ставится некая точка в судьбе — никакой «слабинки»!

Сопоставим два варианта песни по их текстам.

Кубанский вариант

*Посияла огирочки
Близко над водою, гей!
Посияла огирочки
Близко над водою.*

*Ростить, ростить огирочки
Четыре лыточка, гей!
Ростить, ростить огирочки
Четыре лыточка.*

Украинский вариант

*Посію огірочки
Близько над водою.
{Сама й буду поливати
Дрібною сльозой.} — 2 р.*

*Ростіть огірочки
В чотири листочки.
{Не бачила миленького
Аж три вечорочки.} — 2 р.*

Нэ бачила милэнького
Четыре денёчка, гей!
Нэ бачила милэнького
Четыре денёчка.

Тільки побачила,
Як череду гнала.
{Не сказала «Добрий вечір»,
Бо мати стояла.

Тільки тоди побачила,
Як череду гнала, гей!
Тільки тоди побачила,
Як череду гнала.

Бо мати стояла,
А батько дивився.
{Не сказала «Добрий вечір»
Щоб не розгнівився.} — 2 р.

Нэ сказала добрий вѣчор,
Бо маты стояла, гей!
Нэ сказала добрий вѣчор,
Бо маты стояла.

Где ти, чорнобривий,
Где ти, отзовися.
{Як я бідна тут горюю,
Прийди подивися.} — 2 р.

Билэнькою хустэнэчкой
В дорогу махала, гей!
Билэнькою хустэнэчкой
В дорогу махала.

Украинский вариант «Огирочков» содержит более пространные по количеству строк строфы — и все ради выражения душевных страданий. В кубанском — нет строф с жалостными словами «сама й буду поливати дрібною сльозой», «як я бідна тут горюю, прийди подивися!». Женские слезы и глубокие драматические переживания упрятаны глубоко вовнутрь и словно вовсе отменяются.

Аналогично нотным записям «Лугом ийду, коня вѣду», «Посияла огирочки», покажу мелодию «Ой зацвила рожа белый цвет» (рис. 2) именно так, какой она хорошо мне помнится с 1960-х гг.

Вот и тексты песни в обоих ее вариантах.

Кубанский вариант

Ой, зацвила рожа белый цвет. — 2 р.
Имела я мужа, мужа имела,
Имела я мужа дурака!

Ничого нэ робыть, тильки пье, — 2 р.
А прийде до дому, а до дому прийде,
А прийде до дому — мэнэ бье.

Украинский вариант

Ой, зацвіла ружа край вікна. — 2 р.
{Ой, мала я мужа, ой, мужа я мала,
Ой, мала я мужа тияка.} — 2 р.

Нічого не робить, тільки п'є, — 2 р.
{А прийде до дому, а до дому прийде,
А прийде до дому — жінку б'є.} — 2 р.

Нэ бэй мэнь, мужэ, нэ карай, — 2 р.
А то тэбэ бросю, а диток спокину,
А сама поиду за Дунай.

«Не бий мене, муже, не карай! — 2 р.
{Бо покину тебе, ще й маленьких діток,
А сама поїду в чужий край}.» — 2 р.

Як на лодку жинка сидала, — 2 р.
Правою рученькой, білою хусткой
Білою хусткой махала.

Ой, як на лодочку сідала, — 2 раза
{Правою ручиною, білою хустиною,
Білою хустиною махала.} — 2 р.

Ой, вэрнься, жинка, до дому, — 2 р.
Твои детки плачуть, вони йисты хочуть,
Ой, вэрнься, жинка, до дому!

«Ой, вернися, жінко, до дому! — 2 р.
{Ой, не буду бити, а буду любити,
Ой, бо горе жити самому}.» — 2 р.

Як вэрнулась жинка до дому, — 2 р.
И чашки нэ мыти, и мыски побыти,
И диточки плачуть на печи.

Ой, вернулась жінка уночі. — 2 р.
{И горшки побиті, а миски не мити,
А діточки плачуть на печі.} — 2 р.

Мелодическая линия в первоначальном (украинском) варианте плавная и поступенная, скачки присутствуют лишь при соединении фраз. (Как часто бывает, уже на второй фразе подключается двухголосие, но в своем сообщении я ограничусь показом только одноголосных вариантов.)

Мне довелось слышать от станичников эту песню в совершенно другом проявлении. Здесь тоже минорный лад. Двудольный метр и гармоническое строение похоже, однако в кубанской мелодии все же со-

Рис. 2. Варианты мелодии песни «Ой зацвила рожа, белый цвет»

держится очень деятельный, активный посыл. Во-первых, из-за того, что наши хуторянки исполняли песню в быстром темпе (словно на войсковом марше!). Во-вторых, в структуру сразу же включались активные, как бы «драчливые» кварталы, да еще и на синкопах (будто бы направо-налево размашисто расталкиваются, как оплеухи или удары наотмашь очень жесткие, «непререкаемые» синкопы).

В этой кубанской песне — крепкий казачий характер и воля к жизни!

Да и в самом тексте неременная доля переживания исполнительницы за своего непутевого мужа, на мой взгляд, выражена в гораздо меньшей степени, чем это присутствует в варианте украинском. На место словосочетания «мужа пияка...» поставлено более резкое, категоричное, гневно-обзывательное: «мужа дурака!...». Да и жалоба мужа «ой, бо горе жити самому» (укр. вариант содержит не слово «человік», а русское «муж»; не «жинка», а «жена») тоже напрочь отсутствует в кубанском тексте!

Тема, конечно, могла бы иметь продолжение, поскольку не только занятно, но и полезно рассмотреть другие украинские песни в сопоставлении с их кубанскими трансформациями.

В сборниках А. Д. Бигдая [1], В. Г. Захарченко [3], тем более что в хоровых и ансамблевых обработках дореволюционного [6] и советского периода (см.: [4] [5] [7]) тоже присутствуют совершенно разные и по мелодиям, и по текстам варианты одной и той же песни. Подобного рода вариативность бытует не в одном конкретно взятом, но и в других регионах страны. С годами тексты меняются.

Думается, приведенные нами кубанские песни покажутся заслуживающими внимания не только с мелодико-ритмической стороны, но и как материал исследований не только в области этнопсихологии. Проявление жесткого, неукротимого характера и несгибаемой силы духа, своеобразное чувство юмора — черты, несомненно, важные в условиях выживания как ответ на исторические вызовы (коллективизация и так называемое раскулачивание, голодомор, идейно-партийные «чистки» и проч.). Все это по вариантам песен, сохранившихся в памяти старших поколений кубанского региона, предстоит исследовать новому поколению фольклористов.

Сейчас большинство народных кубанских ансамблей подвержены давлению шаблонов эстрады. Исполнительские клише мутируют под влиянием «рыночных факторов», чуждых природе искусства и народного самосознания. Думается, об аутентичности исполнения можно вести дискуссию на основе лишь некоторых коллективов, в частности, Кубан-

ского казачьего народного хора. То, что настоящая кубанская народная песня претерпевает кризис, не может не огорчать и не тревожить. Таков уж исторический процесс — сумма взаимовлияний общественной и культурной жизни. Но, мы знаем, временам свойственно меняться!

Использованная литература:

1. *Бигдай А. Д.* Песни кубанских казаков: В 2-х тт. Краснодар: Краснодарск. кн. изд-во, 1992–1995.
2. *Бондарь Н. Н.* Роль этнических процессов в формировании фольклора Кубани // Современное состояние казачьей песенной традиции и проблемы ее изучения. М.: Комиссия музыковедения и фольклора и СК РСФСР, 1983. С. 20–22.
3. *Захарченко В. Г.* Народные песни Кубани. Краснодар: Краснодарск. кн. изд-во, 1987.
4. *Корчмарский И. М.* Кубанские народные песни: Обработки для хора. Краснодар: Краснодарск. кн. изд-во, 1960.
5. Обработки кубанских песен // Фольклорный музыкальный сборник Кубани. URL: <https://ale07/ru/music/notes/song/chorus/text/kuban15/html> (дата обращения: 10.12.2021).
6. *Передельский Е.* Станица Темижбекская и песни, поющиеся в ней // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Канцелярии Главноначальствующего гражданской части на Кавказе, 1883. Вып. 3. Отд. II. С. 1–90.
7. Современное состояние казачьей песенной традиции и проблемы ее изучения: тез. науч. конфер. (Москва, 22–25 апреля 1983 г.) / отв. ред. М. А. Ентоватова. М.: Комиссия музыковедения и фольклора СК РСФСР, 1983.

Nadezhda V. CHERNAYA,

Lecturer, Department of Professional Disciplines,
Novorossiysk College of Music, Novorossiysk, Krasnodar Region,
Russia, chernayanadezda@mail.ru.

The Song Heritage of the Kuban: A Comparison of Variants of Folk Songs

The paper presents comparison of the melody variants of three Kuban folk songs that have not been recorded by researchers (not reflected in printed and electronic music collections). The author of the paper remembered these melodies as they were performed

in the 1960s by the indigenous inhabitants of the village of Gostagaevskaya and the adjacent farm of Cherny, from where the Cherny Cossack family originates. The analysis of folklore song material allowed the author of the paper to put forward a hypothesis about exactly how and why some Ukrainian songs could gain a foothold in the Kuban region in the version that she heard as a little girl from her nanny and distant relatives.

Keywords: History of Kuban folklore; Zaporozhye song folklore, Ukrainian songs, poetics of folk song, intonation and rhythmic structure, originality of humor.

М. М. Кизин*

Русская оперная культура между прошлым и будущим

Статья посвящена вопросу о современных трактовках и новациях в исполнении русской классической оперы. Видя истоки новаторских подходов в специфике эстетической базы постмодерна, автор статьи отмечает первостепенное влияние перформанса и приходит к выводу о наличии неблагоприятных тенденций. Предложенные в большинстве современных постановок интерпретации классических опер ведут к утрате связи с традицией национальной композиторской и вокальной школы, не поддерживают преемственность с фундаментальными основами русской оперной школы в целом.

Ключевые слова: отечественная музыкальная традиция, русская классическая опера, оперетта, перформанс, постмодерн, сценическое действие.

Пройдя длительный период развития, русская опера строилась на традициях национальной композиторской и вокальной школы. На процесс ее становления и развития оказали влияние такие выдающиеся композиторы, как Д. С. Бортнянский, М. И. Глинка, Н. А. Римский-Корсаков, М. П. Мусоргский, А. С. Даргомыжский, П. И. Чайковский, Д. Д. Шостакович. В историю вокальной школы вошла плеяда великих вокалистов — Ф. И. Шаляпин, С. Я. Лемешев, И. С. Козловский и многие другие.

Несмотря на богатые традиции и мировую славу русской оперы, современные постановки вносят свою лепту в историю жанра, однако присутствующие в них новации вызывают большое число дискуссионных обсуждений и споров.

Проблематика современного исполнения классической оперы как проявление эстетики постмодерна затрагивает аспект взаимодействия

* КИЗИН Михаил Михайлович, доктор искусствоведения, профессор кафедры вокального искусства и оперной подготовки Московского государственного института музыки имени А. Г. Шнитке, Москва, Россия, kizine@bk.ru.

музыки и драмы. Хотя в исполнительской практике они тесным образом переплетены, указанный аспект можно обособить в рамках высокого уровня абстракции.

В истории оперы как музыкального жанра вопрос о взаимодействии музыки и драмы всегда имел ключевой характер, являясь источником оперных кризисов и реформ.

Первоначальный кризис итальянской оперы был связан с очевидным преобладанием музыки. Опера-*seria* и опера-*buffa* не обладали механизмами, необходимыми для развития драматургического действия.

Первым решение данной проблемы предложил К. В. Глюк, утвердив в своей оперной реформе следование музыки драме. Для Глюка опера была именно музыкальной драмой. Поддерживая идеи французских просветителей, Глюк стремился к искренности и простоте. Композитор изменил традиционную структуру оперы-*seria* для обеспечения единства драматургического развития и поставил перед музыкой задачу отражать смысл театрального действия. Синтез музыки и драмы в этом варианте решения достигался при ведущей роли драмы.

Однако многие композиторы предпочитали акцент на музыкальной составляющей. Так, Дж. Верди отдал пальму первенства музыке — передавал эмоции героев и драматизм действия через мелодию и систему лейтмотивов.

В России острота данной проблемы была сглажена благодаря тому, что основоположник русской национальной оперы М. И. Глинка активно заимствовал и перерабатывал западноевропейский опыт. Это позволило избежать противопоставления музыки и драмы. Однако вопрос об их взаимодействии, как ни парадоксально, ярко проявился в современное время. Одна из основных задач, которую необходимо решить на текущем этапе исторического развития русской оперы, зависит от вопроса о взаимодействии музыки и драматургического действия (включая его внешнее сценическое воплощение). Задача актуальна не только по отношению к новым оперным произведениям, но и к современным интерпретациям классических опер.

Особенности оперных постановок нашего времени обусловлены доминирующей эстетикой постмодерна и стремлением повысить заполняемость залов. Под воздействием этих обстоятельств и складывается репертуарная политика театров.

Классическая опера является музыкальным жанром, достаточно сложным для восприятия. Поэтому, поддаваясь вкусам широкой

аудитории, оперные театры все чаще прибегают к постановкам оперетт. Такая практика укоренилась, к примеру, в новосибирском Новате, одном из крупнейших оперных театров страны, — оперетты здесь составляют существенную часть репертуара, тем самым поощряя его явное обеднение.

Регулярная работа с опереттами, ведущая к усвоению художественными руководителями, дирижерами, балетмейстерами технологических особенностей исполнения оперетт, к сожалению, переносится в оперный жанр. Еще одно негативное воздействие, подчас и неприметное на первый взгляд, — снижение общей художественной ценности репертуара оперных вокалистов.

Перемены репертуарной политики оперных театров усугубляют такие черты современного кризиса жанра, как снижение художественного уровня опер современных композиторов и утрата исполнительских традиций классических опер. Эти два последствия вызваны общим причинно-следственным комплексом: проблема коренится в попытках переосмысления жанра в эпоху постмодерна.

Эстетика второй половины XX — начала XXI в. активно обращается к визуальной составляющей с целью включения зрителя в творческий процесс. По замыслу многих художников и декораторов, постановка произведения как акт восприятия искусства должна быть повернута «лицом к зрителю», который в буквальном смысле достраивает художественный образ через призму своего восприятия.

Суть подобной установки, согласно которой зритель приобретает активную позицию (смысл произведения искусства становится индивидуальным), хорошо демонстрируют выставки и перформансы, не имеющие строгого замысла и содержащие большое число намеков. На таких выставках помимо произведений искусства в их академическом понимании присутствуют арт-объекты на тему быта и городской среды — вплоть до разрушенных предметов обихода, арматуры и др. При этом следует различать непосредственно перформанс (процесс, в ходе которого происходит выступление актеров и иных лиц) и инсталляцию (статичный выставочный объект).

Перформанс — черта и особенность современного искусства, которая повлияла на исполнение оперы. Не только композиторы, но и художественные руководители, режиссеры театров в оперных постановках ориентируются на культуру перформанса, которая предполагает фрагментарность, символичность, контраст.

Фрагментарность проявляется в отсутствии сквозной линии развития. Достижения, которые обретены великими реформаторами оперного жанра, стремившимися к единому драматургическому развитию, современными режиссерами полностью отринуты. При постановке имитируется обрывочность действия, нагромождение фрагментов сюжета, калейдоскоп сцен.

Образность формируется в основном посредством символичности — «считывания знаков», информативный план которых, по режиссерскому замыслу, должен домысливаться зрителем. Символы включают в себя атрибуты современности или отсылки к различным историческим эпохам, зачастую не составляющим историко-временную канву оперы (тем самым, помимо всего прочего, разрушается сюжет и место действия). К примеру, в современных постановках классических опер на подмостках нередко появляются новейшие средства передвижения (автомобили, самокаты и др.), современная бытовая техника — все это, как правило, направлено на «повышение уровня абстракции», размывание базовой идеи, разрушение исторических рамок ради «осовременивания сюжета».

Контраст представлен ярко и вычурно, контрастировать могут любые части, фрагменты, символы, образы — все зависит от режиссерского взгляда.

Первоначально новый подход к опере установился в творчестве композиторов США во второй половине XX в., после чего его перенесли на европейскую и русскую сцену. Как пишет Е. В. Кисеева, новаторами американской оперы стали композитор Ф. Гласс и режиссер-эксперименталист Р. Уилсон. Предложенный ими тип спектакля был построен на основе перформанса, который в те годы утвердился в различных видах искусства [5, с. 43]. Наиболее известны такие оперные произведения Ф. Гласса, как «Эйнштейн на берегу» (1976), «Сатьяграха» (1979), «Эхнатон» (1983). В опере «Эйнштейн на берегу» Гласс и Уилсон ради отказа от традиционного повествования заменили его цепочкой структурированных пространств, изложенных в серии раскадровок.

Американский опыт имел значение для осмысления современной российской практики постановки опер, поскольку заложил ряд особенностей режиссерского подхода. Вслед за созданием новых оперных произведений изменилась интерпретация классических опер. Собственно, такова одна из главных черт эстетики постмодерна — активное изменение

культурного наследия: замысел композитора подлежит переосмыслению, как правило, это происходит путем расширения аллюзий (образность классической оперы трансформируется для выражения актуальных современных взглядов) и абстракции. Постмодерн не отказывается от достижений предыдущих эпох — он их переосмысливает согласно текущим «потребностям дня», причем в весьма вычурной форме.

Русская опера подвергается переосмыслению при постановках как внутри страны, так и за ее пределами. Поскольку за рубежом одной из наиболее популярных русских опер является «Евгений Онегин» П. И. Чайковского, сошлемся на наиболее показательный пример — постановку, осуществленную режиссером С. Херхаймом в 2011 г. (Амстердам). Как отмечает Д. Ю. Густякова, в этой интерпретации наглядно проявлен принцип анахронизма, когда классическое оперное произведение подвергается хронологической ломке. С целью актуализации действия опера превращена режиссером в перформанс, дающим свою логику повествования. Так, бал VI картины оформлен как шоу-парад, на котором по принципу калейдоскопа представлены артисты в костюмах советской и постсоветской эпох — советские физкультурники и гимнастки с надписями «СССР» на груди, артисты танцевальных и хоровых коллективов в русских народных костюмах, космонавты и многие другие [4, с. 138]. В этом случае наглядно видна склонность к современной интерпретации «русской классики» на европейском пространстве. Данное обстоятельство подтверждает, что русская классика переосмысливается не только в России, но и за нее пределами.

Аналогично этому и в российской практике постановки опер начинает укореняться привычка к модели перформанса. Например, 2019 г. на сцене Большого театра была поставлена опера «Евгений Онегин» в духе постмодерна, привлекая большое внимание и вызвавшая широкий резонанс (режиссер постановщик Евгений Арье, дирижер-постановщик Туган Сохиев, сценограф Семен Пастух). Акцент был сделан на деревенский колорит и народную тематику: на сцене появляются танцующие лошади (невольнo возникает ассоциация с балетом «Парад» Э. Сати), медведи и даже гуси. Режиссер оставляет пространство сцены практически пустым, что имитирует деревенский луг и, по задумке, должно создать ощущение простора русской деревни. Ключевое значение получил хор, за счет характера сценического действия роль вокалистов была существенно снижена (что отрицательно сказалось и на художественном уровне исполнения вокальных партий).

Отметим, что проблема интерпретации одинаково остра как для классической русской оперы, так и для постановок опер зарубежных композиторов.

Между тем далеко не всегда опера низводится до перформанса. Так, в 2011 г. в Мариинском театре силами интернациональной команды была поставлена опера «Сон в летнюю ночь» Б. Бриттена. Основная задача — воспроизвести оригинальные смыслы Бриттена и Шекспира — была донесена посредством современных сценических приемов. Визуальный ряд создавал иллюзию бесконечности и многомерности сновидения. Воздушные акробаты (эльфы и духи деревьев) поднимались, опускались, парили над сценой на протяжении всего спектакля. И певцам — исполнителям партий Оберона и Титании — тоже пришлось взлетать в высоту [1, с. 199]. Столь наглядный пример возможности сочетать современное сценическое искусство с оригинальным замыслом композитора подтвердил, что вопрос о качестве исполнения оперы вовсе не сводится к объяснениям относительно механического оснащения эффектов.

Трансформация русской оперы в современной практике исполнения была активно подготовлена новейшими интерпретациями западных опер. Хрестоматийной в этом отношении стала постановка оперы Берга «Воцтек» в Большом театре (2009). Воцтек представлен в образе мелкого чиновника, который проживает в съемной квартире с телевизором с плоским экраном. Критик Е. Н. Шапинская указала на характерное переосмысление конфликта: вместо проблем «маленького человека», не привыкшего жить в более удачливом и успешном окружении, перед нами предстал кризис человека в обществе потребления — невозможность выдержать «стресс монотонии» [6, с. 244]. Набор декораций, оформленных как разные комнаты, передавал дух перформанса. После столь вольной трактовки фактически был проложен путь к свободной интерпретации русской классики. Поставленная в Большом театре «Снегурочка» Н. А. Римского-Корсакова (2017) вместо традиционно русского колорита явила зрителям «ядерную зиму» и линии электропередач, засыпанные снегом. Задумка подразумевала избавление от штампов: сцена должна была явить не новогоднюю сказку, а суровое представление о российской действительности. Ради «символов эпохи постмодерн» постановщики пошли на утрату связи с композиторским замыслом, разрушили временные представления. Основное внимание уделялось сценическим элементам, костюмам и декорациям.

Таким образом, и интерпретация русской классики была переориентирована на режиссерский замысел и сценический эффект.

Отдельные театры ныне полностью настраивают концепцию на современную эстетику, внося свои правки. Характерным примером в этом служит Геликон-опера, которая имеет тесные связи с западным культурным миром. А. В. Буданов определяет стилистику оперных спектаклей в Геликон-опере «как своеобразный ренессанс необарокко в переходе от постмодерна; стилистику зрелищную, яркую, сочетающую простые решения, продуманные сценические движения и парадоксальные символы, выразительные свойства костюмов, тканей, световых эффектов и элементы импровизации ансамблей с виртуозным артистизмом и пластической свободой» [2, с. 161].

Обобщая опыт новаторских постановок классики, мы склонны поддержать мнение Д. Ю. Густяковой, которая обобщила наиболее модные на сегодняшний день установки режиссерской деятельности в оперном театре:

- деструкция заложенных композитором художественных образов;
- стремление к психоанализу героев и увеличение роли подтекста;
- экстраполяция в театральное пространство художественных приемов кинематографа;
- достижение сценической репрезентации путем эклектики, фрагментарности и клиповости;
- ориентация на эпатаж и провокацию [3, с. 225].

Несомненно, интерпретация русской классической оперы, ориентированная на эстетику постмодерна, подразумевает преувеличение роли сценического действия. Подобный подход, продиктованный западными культурными веяниями, пришел в Россию с большим запозданием, в США и Европе русские оперы начали так переосмысливать значительно раньше.

Полагаем, что основным последствием таких «модных веяний» станет разрушение традиций русской оперной школы, утеря связи с истоками.

Путь устранения конфликта между двумя полюсами — современной эстетической базой и необходимостью сохранения культурного наследия — может быть найден при создании новых опер на основе перформанса, однако с неперемным условием сохранять верность классической интерпретации русских шедевров.

Использованная литература:

1. Буданов А. В. Кому же подвластна модернизация современной оперы? // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2013. № 4. С. 191–215.
2. Буданов А. В. Создание новых жанрово-стилевых традиций в сценическом воплощении опер театром Геликон-опера // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2020. № 2. С. 153–169.
3. Густякова Д. Ю. Анахронизм как принцип репрезентации классической оперы в современной культуре // Ярославский педагогический вестник. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. №. 1. С. 224–229.
4. Густякова Д. Ю. Современная европейская постановка русской оперы как модель взаимодействия классики и массовой культуры // Культура культуры. 2015. № 1. С. 137–142.
5. Кисеева Е. В. Проблема обновления оперного жанра в творчестве современных американских композиторов // Южно-Российский музыкальный альманах. 2018. № 4. С. 42–46.
6. Шапчинская Е. Н. Проблема личности в искусстве модернизма: трагизм «Пиковой дамы» П. Чайковского и «Воццека» А. Берга в контексте вызовов современности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 6. С. 239–246.

Mikhail M. KIZIN,

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,

Department of Vocal Art and Opera Training,

Moscow State Institute of Music, Moscow, Russia, kizine@bk.ru.

Russian Opera Culture between the Past and the Future

The article deals with the issue of modern interpretations and innovations in the performance of Russian classical opera. Seeing the origins of innovative approaches in the specifics of the aesthetic base of postmodernism, the author of the article notes the primary influence of performance and comes to the conclusion that there are some unfavorable trends. The interpretations of classical operas proposed in most modern productions lead to a loss of connection with the tradition of the national school of composition and vocal failing to maintain continuity with the fundamental foundations of the Russian opera school as a whole.

Keywords: *Russian musical tradition; Russian classical opera; operetta; performance; postmodern; stage action.*

Н. Г. Денисов*, **Тао Ван**** , Е. В. Королева***

Государственная культурная политика и художественное образование и воспитание: переключка эпох

В статье в тезисном изложении раскрываются различные культурно-исторические этапы эволюции/революции в области становления и развития государственных подходов к формированию системы художественного воспитания и образования, начиная с древнейших времен и до сегодняшних дней. Особый акцент в дискурсе культурного наследия авторы делают на периодах культурно-эстетического и художественно-образовательного строительства в истории России. Кроме того, анализируется данный опыт непрерывного образования на региональном уровне, охватывающий противоречивый этап его развития в 90-е гг. XX в., а также в современных условиях. В заключении делается вывод о перманентном характере государственной культурной политики и подчеркивается преемственная связь в художественно-образовательном процессе.

Ключевые слова: культурная политика, художественное воспитание и образование, культурно-историческое развитие.

Нынешнее противоречивое социокультурное состояние человечества подходит, на наш взгляд, к своеобразному пределу бифуркации, когда идея человека, как мера всех вещей, поставленная в авангард общественного развития греко-римским миром, сегодня усилиями апологетов трансгуманизма вытесняется симулякрами и новомодными дефинициями: постчеловека, искусственного интеллекта, киборга.

В этой необъявленной войне против *homo sapiens* всем одухотворенным и здравомыслящим людям, пока не поздно, следует открыть культурный фронт для передачи из поколения в поколение человеческих смыслов развития личности, обогащенных жизнеутверждающими возможностями художественного воспитания, восходящих еще к эллинским традициям.

* ДЕНИСОВ Николай Григорьевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории, культурологии и музееведения Краснодарского государственного института культуры, Краснодар, Россия, ngdenisov@gmail.com.

** ТАО Ван, аспирант кафедры истории, культурологии и музееведения Краснодарского государственного института культуры, Краснодар, Россия, 623517212@qq.com.

*** КОРОЛЕВА Елена Викторовна, магистрант кафедры истории, культурологии и музееведения Краснодарского государственного института культуры, Краснодар, Россия, le.koroleva2016@yandex.ru.

Древние греки породили и передали на все последующие времена совершеннейший образ Человека — скульптуру Аполлона, ставшую символом в мировой системе художественного образования, начало которому было положено еще в трактатах Аристотеля о воспитании.

Выдающийся исследователь античности А. Ф. Лосев в своем труде «Очерки античного символизма и мифологии», анализируя различные эстетические подходы и установки Аристотелевской системы воспитания, подчеркивает в ней следующее государственное участие: «Так как все государство в его целом имеет одну конечную цель, то ясно, для всех граждан нужно тождественное воспитание; и забота об этом воспитании должна быть государственною». В этом умозаключении мы усматриваем родоначальные черты государственного подхода к культурной политике, и художественному воспитанию в частности.

В отношении общественной значимости античной теории и практики воспитания А. Ф. Лосев делает культурологические выводы: воспитание носит общегосударственный и общегражданский характер, в котором предпочтение отдается свободнорожденным, при допущении к профессиональному исполнению и творческим состязаниям представителей наемного труда. Музыкальное воспитание носит гедонистический, эстетический и интеллектуальный характер, в связи с чем музыка должна входить в школьное обучение [4]. Этот культурно-исторический феномен заслуживает, на наш взгляд, более пристального исследования не только со стороны ученого мира, но и современных государственных деятелей.

Второе возрождение классической системы воспитания и художественных традиций состоялось в Европе, как известно, в эпоху Возрождения и получило дальнейшее развитие в эпоху Просвещения. В истории России XVIII в. по праву считается веком просвещения, развития науки, образования и искусства. Феномен сооружения Санкт-Петербурга как архитектурно-художественного ансамбля, ставшего окном в Европу, символизировал наступление новой эры в художественно-творческой жизни России. Открытие Академии наук, а затем и Академии художеств, университетов, приглашение зарубежных мастеров искусств и отправка за границу соотечественников для обучения творческому ремеслу, развитие в последующем сети художественно-творческих школ и училищ, просветительских учреждений свидетельствует о поступательном приобщении молодой империи к европейской цивилизации, высотам знаний, культуре и искусству.

Особый интерес для дней сегодняшних представляет появление «Третьего возрождения» в образе русской культурологической школы второй половины XIX и начала XX в., опиравшейся в культурно-образовательной сфере и социальных отношениях на гуманистические ценности античности. Яркими подвижниками этих идей являлись символисты Вячеслав Иванов, Павел Флоренский, Андрей Белый, примкнувший к ним Алексей Лосев и другие представители науки и искусства. В преддверии грядущих катаклизмов они видели спасение России и Европы в силовом поле культуры, ее миротворческом предназначении, возвращении античной гуманности, понимаемой в формуле «мудрость культуры — что было, то есть», противостоящей варварской: «что было, то прошло».

Огромный вклад в движение «Третьего славянского возрождения» внес ныне подзабытый ученый и просветитель Ф. Ф. Зелинский, которого современники считали не только родоначальником культурологической науки, но и теоретиком, а также практиком культурно-образовательной сферы и политики. В своих трудах «Античность и гуманность», «Из жизни идей», «Древний мир и мы», других философско-культурологических сочинениях он делал попытку синтезировать историко-культурное мышление с внутренним духовным видением, чувственным, творческим восприятием мира человека и природы [3]. В его культурологической программе «пайдеи» рубежа XX в. раскрывалась связь времен античности, европейской культурной традиции и футуристической перспективы. Идеи Зелинского о третьем возрождении и славянском ренессансе разделяли в разное время студенты Петербургского университета: Вс. Мейерхольд, А. Пиотровский, Михаил и Николай Бахтины, входившие в «Союз третьего возрождения».

Культурная революция 20-х гг. XX столетия всколыхнула образовательный процесс в целом, и художественно-творческий в частности, в экстенсивном русле, став своеобразным прообразом будущей мировой массовой культуры. В плюрализме той эпохи существовала опасность развития леворадикального толка, лидеры которых призывали к «упрощению культуры», вплоть до полного отрицания преемственности в духе «Сбросим Пушкина с парохода современности».

В то же время советским государством уже в 1918 г. была создана секция эстетического воспитания при отделе реформ Наркомпроса, а в «Основных принципах единой трудовой школы» было определено его направление: «Вообще под эстетическим образованием надо разу-

меть не преподавание какого-то упрощенного детского искусства, а систематическое развитие органов чувств и творческих способностей..., ибо радость жизни в любовании и творчестве есть конечная цель труда и науки» [5]. В этом же году В. И. Лениным было подписано постановление «О государственном музыкальном строительстве». Этот и ряд других документов советских органов послужили вектором в дальнейшем развитии системы художественно-творческого образования и воспитания.

Новый этап формирования творческой личности приходится на послевоенные годы. Восстанавливаются его забытые категории, совершенствуется теоретическая база, формируется единая методическая система, создаются соответствующие программы по различным видам искусств и культурно-творческой деятельности. На переднем плане находились психолого-педагогические проблемы, решением которых занимались известные практики и преподаватели В. Теплов, С. Рубинштейн, П. Якобсон, А. Запорожец, Б. Шацкая, А. Леонтьев. Важное значение в истории советской культурной политики заняли труды и практики Д. Кабалевского и Б. Неменского по музыкальному и художественному воспитанию, а также масштабы деятельности государства по их внедрению.

Развитие научно-педагогической мысли сопровождалось бурным развитием инфраструктуры художественно-творческой работы. Повсеместно создавались художественные и музыкальные школы, школы искусств. Новой общественной формой в этой области явилось массовое студийное движение: театральной, хореографической, хоровой, изобразительной направленности.

В 70–90-е гг. XX столетия в стране была заложена основа системы культурно-художественного профессионального образования, образующая три звена: начальное, среднее, высшее. К началу 1990-х гг. насчитывалось 5,8 тыс. школ дополнительного (начального и среднего) образования, 260 средних и 50 высших учебных заведений культуры и искусства, а также действовала сеть разнообразных образовательных структур, связанных с повышением квалификации и переподготовки кадров.

Распад СССР в 1991 г. отодвинул решение проблемы художественно-эстетического образования на неопределенное время, а понятие «воспитание» вообще было предано забвению. Пока в верхних эшелонах России делили власть и под диктовку западных инструкторов разрушали народное хозяйство «до основания, а затем...», в это время ряд регионов

России, в том числе Кубань, взяли на себя защиту различных сфер творческой жизнедеятельности населения.

В числе первых, кто принимал региональные защитные от негативного воздействия программы и нормативно-правовые акты в социально-культурной и производственной сферах, был Краснодарский край, в котором субъектом по сохранению системы художественно-эстетического образования и воспитания, создателем первой постсоветской программы по развитию культуры Кубани выступил Краснодарский государственный институт культуры (КГИК).

В 1990 г., будучи проректором по научной и художественно-творческой работе данного института, один из авторов этих строк (Н. Г. Денисов) при поддержке ректора И. И. Горловой организовал научно-творческий коллектив из числа преподавателей, который вскоре подготовил интегральную «Региональную программу художественно-эстетического образования и воспитания» с включением в нее музыкального, театрального, художественного, кино- и хореографического искусства, а также декоративно-прикладного творчества. Разработка программ сопровождалась активным экспериментальным внедрением в течении семи лет, охватывающем подрастающее поколение городского и сельского поселений, а также профессиональные группы работающих [2].

Экспериментальный опыт сопровождался социологическим мониторингом, изданием программ по всем направлениям для краевых управлений образования и культуры, рекомендованных к повсеместному внедрению. В итоге деятельность научно-творческой группы КГИК по сохранению и развитию традиций художественного образования была отмечена премией администрации Краснодарского края в области науки, образования и культуры за 1997 г. Параллельно с этой работой группа разработала первую постсоветскую региональную программу развития культуры Краснодарского края по заказу краевого управления культуры, а затем приняла участие в издании пяти образовательных трудов научной школы КГИК по теме «Поликультурные основания формирования общероссийской гражданской идентичности».

Во второй половине 90-х гг. XX в. Н. Г. Денисов, являясь заместителем председателя Правительства Краснодарского края по социальным вопросам, выступил инициатором, составителем и организатором реализации краевой антикризисной программы «Система духовного и физического оздоровления различных групп населения Кубани», по-

ставившей научно-педагогический и духовно-культурный заслон всем негативным поползновениям по разложению молодого поколения: будь то соросовское поколение учебников, безнравственное содержание программы «Планирование семьи» или деморализующее воздействие средств массовой информации. Вопреки всем этим деструктивным каналам, администрация Краснодарского края во главе с губернатором Н. И. Кондратенко открыла региональный телеканал «Кубань — РТВ», ныне он называется медиахолдинг «НТК», учредила Патриотический союз молодежи Кубани (ПСМК) и приступила к реализации антикризисной программы согласно «Идеологии созидательного сопротивления распаду», автором которой также являлся Н. Г. Денисов

Достижение Краснодарским краем позитивных результатов в области культурно-образовательной политики 90-х гг. XX в. было одобрено выездными заседаниями коллегии Министерства образования Российской Федерации и Комитета по культуре Государственной Думы Российской Федерации [1].

В настоящее время научно-творческие традиции Краснодарского государственного института культуры продолжены под руководством ректора С. С. Зенгина. Ныне институт является Всероссийским центром развития образования и опорным вузом в области культуры, успешно реализующим трехуровневую систему: «школа искусств — училище — вуз», общероссийский проект «Творческие люди» в области непрерывного образования, а также ряд научных проектов, среди которых программа «Без срока давности», раскрывающая великое и трагическое в годы Великой Отечественной войны.

В начале XXI в. художественное образование и воспитание вышло, на наш взгляд, из поискового периода и экспериментальных практик, встало на проверенную временем и опытом нормативно-правовую основу. В конце 2001 г. вышел документ «О концепции художественного образования в Российской Федерации», поддержанный приказом Министерства культуры Российской Федерации № 1403. В нем базовые компоненты этой важнейшей духовной составляющей развития народов Отечества — любви к малой и большой Родине, уважения к истории и предкам, сбережения нашей великой литературы и искусства — явились фундаментальными постулатами государственной культурной политики в области художественно-творческого образования и воспитания. Его квинтэссенция понимается в качестве «процесса овладения и освоения человеком художественной культуры своего народа и че-

ловчества, одним из важнейших способов формирования целостной личности, ее духовности, творческой индивидуальности» [6].

Однако продолжающийся процесс вестернизации искусства, с одной стороны, и культурной изоляции России, с другой, обусловили корректировку курса государственной культурной политики с учетом внешних и внутренних факторов. Идеологическая и ценностная составляющая этого курса, в том числе в художественно-творческой жизни многонационального сообщества, отражена в «Основах государственной культурной политики», утвержденных указом Президента России от 24.12.2014 № 808. Базовой целью в них выступает воспитание личности высокого национального самосознания, патриотизма и гордости за свою Родину [7].

Стратегия, целевые установки и механизмы реализации государственной культурно-художественной политики изложены в Указе Президента России «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года» от 07.05.2018 г. и в правительственной «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года», механизмы реализации которых нашли отражение в национальных проектах «Культура», «Образование» и «Наука».

Данное тезисное обобщение государственной культурной политики России и авангардной социально-культурной роли региона Краснодарского края по организации духовно-творческой жизни людей, художественного образования и воспитания раскрывает преемственную культурно-историческую связь поколений, созидающих на различных этапах многонациональную общность русско-российской цивилизации, устремленной в будущее.

Использованная литература:

1. *Денисов Н. Г.* Политика культура — культура политики — культурная политика. Краснодар: Краснодарский гос. ин-т культуры, 2020.
2. *Денисов Н. Г.* Система регионального непрерывного художественно-эстетического образования. Концепция. Краснодар: Б. и., 1997.
3. *Зелинский Ф. Ф.* Античная гуманность // Соперники Христианства: Лекции, читанные ученикам выпускных классов Санкт-петербургских гимназий и реальных училищ. СПб.: Логос–СПб, Алетейя, 1995.
4. *Лосев А. Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М: Мысль, 1993.

5. Луначарский А. В. О народном образовании. 16 октября 1918 г. М.: Акад. пед. наук, 1958.
6. Приказ Министерства культуры Российской Федерации «О концепции художественного образования в Российской Федерации» от 28.12.2001 № 1403 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minкультуры-рф-от-28122001-п-1403/> (дата обращения: 03.08.2021).
7. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной и культурной политики» от 24.12.2014 № 808 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 14.08.2021).

Nikolay G. DENISOV,

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Department of History, Culturology and Museum Studies, Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar, Russia, ngdenisov@gmail.com.

TAO Wang,

Postgraduate Student, Department of History, Culturology and Museum Studies, Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar, Russia, 623517212@qq.com.

Elena V. KOROLEVA,

Master's Student, Department of History, Culturology and Museum Studies, Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar, Russia, le.koroleva2016@yandex.ru.

**State Cultural Policy and Art Education and Upbringing:
A Roll Call of Epochs**

This article, in the abstract, reveals various cultural and historical stages of evolution/revolution in the establishment and development of state approaches to the formation of the system of artistic education and education, from ancient times to the present day. The author makes a special emphasis on the periods of cultural — aesthetic and artistic — educational construction in the history of Russia. In addition, this experience of lifelong education at the regional level is analyzed, covering a controversial stage of development in the 90s of the XX century, as well as in modern conditions.

The article ends with a conclusion about the permanent nature of the state cultural policy and, at the same time, the continuity in the artistic and educational process is emphasized.

Keywords: *cultural policy, artistic education and education, cultural and historical development.*

Е. Н. Неподоба*

«Не забывайте о живущих рядом...»: к 65-летию В. К. Чумаченко

В статье, написанной на основе воспоминаний о своем многолетнем знакомстве с кубанским историком и литературоведом В. К. Чумаченко (1956–2017), автор рисует панораму событий 1970–2010-х гг., пропущенную сквозь призму взгляда их свидетеля и непосредственного участника. Во второй половине 1970-х гг. Е. Н. Неподоба была сокурсницей В. К. Чумаченко на филологическом факультете Кубанского госуниверситета, в 2007–2013 гг. работала под его начальством в Научно-издательском центре Краснодарского государственного университета культуры и искусств. Уделено внимание малоизвестной стороне творческих увлечений В. К. Чумаченко — его первым поэтическим опытам — и тому, какую поддержку молодому таланту оказал известный краснодарский поэт В. П. Неподоба. Показано деятельное участие В. К. Чумаченко в публикации краеведческих и литературных произведений В. Н. Орла.

Ключевые слова: литература Кубани 1970–2010-х гг., В. К. Чумаченко, В. П. Неподоба, В. Н. Орёл, региональное краеведение.

Жаркий июль 1978-го, такой типичный для краснодарского лета. Улица Красная сверкает и переливается всеми цветами южного благодатного края. Мне грустно и тревожно потому, что я уезжаю по распределению в село, чтобы начать свою учительскую деятельность. Прощай, безмятежное студенчество, здравствуй новая взрослая жизнь. Что-то там впереди?..

Со школьных лет мечтала я об этой профессии, хотела проверить тетради, исправлять ошибки, вносить свои комментарии в сочинения так, как это делала моя любимая учительница Павловская Ирина Ивановна. А сегодня один из последних дней в родном городе, а дальше неизвестная большая жизнь.

* НЕПОДОБА Елена Николаевна, независимый исследователь, Краснодар, Россия, nepodobadaria@gmail.com.

Я иду по направлению к улице Горького к трамвайной остановке и вдруг в толпе замечаю своего однокурсника Витю Чумаченко, он шествует, именно шествует мне навстречу. Ему повезло несказанно — один из немногих он остается в городе, где и начнет свою трудовую жизнь. Увидев меня, Чумаченко скупно улыбнулся — скорее глазами, но было видно, что он искрится, как этот летний день. Мы остановились. Виктор протянул мне небольшую тонкую книжку, как помнится, в мягком светло-зеленом переплете: «Смотри, вышел коллективный сборник молодых поэтов, здесь и мои стихи». Я поздравила его. Немного поговорив, мы разошлись.

На курсе знали, что Чумаченко пишет стихи, почему-то слегка, но по-доброму посмеивались (наверное, потому, что это были уже не 1960-е, когда поэзией был напоен воздух, стихи не только читали, их знали, декламировали, казалось, дышали ими). А может быть, — и вернее всего! — потому что он никогда не знакомил нас, сокурсников, со своими творениями ни на семинарах, ни вне университета, а значит, у нас просто не было возможности оценить его поэтический дар. Вероятно, к «посвященным» принадлежал только очень узкий круг самых близких друзей — кому он читал или давал читать свои стихотворные опыты. Помню, как в студенческие годы кто-то, увидев в факультетской стенгазете его стихи, оповестил нас об этом событии, стайкой мы побежали ознакомиться с ними и удивились: оказывается, совсем неплохо.

Но и спустя почти 30 лет, когда я стала работать в научно-издательском центре Краснодарского государственного университета культуры и искусств вместе с ним, точнее, под его руководством, эта сторона его жизни для меня так и осталась неведомой. Не знаю почему. Видимо, слишком личной (что нетипично для огромной пишущей гвардии) была для него эта душевная потребность — выразить свой внутренний мир в поэтических строчках. И для меня сейчас стало очевидным: а я ведь его совсем-совсем не знала (а жаль!), хотя судьбы наши часто шли то рядом, то сближаясь, то отдаляясь. Вспоминается одно из мероприятий в Литературном музее Кубани. Мы оба были приглашены (к этому времени я уже не работала в горячо любимом мною музейном учреждении), и тогда впервые я увидела и услышала его — оратора. Как же интересно, как увлекательно он говорил! Факты, события, оценка происходившего — во всех его рассуждениях была видна личность умного, образованного, имеющего свое собственное мнение, собственный взгляд человека, ученого.

Мое знание в основном ограничивалось бытовой стороной жизни сначала сокурсника-студента, потом моего начальника. А ведь наши судьбы имели еще одну общую грань, именно Виктору Кирилловичу я обязана знакомством со своим будущим мужем. Их связывали к моменту нашей встречи несколько лет искренних дружеских отношений. Вот что писал по этому поводу сам Виктор Чумаченко в мемуарном эссе «В своей судьбе мы невольны...»: «Вадим Неподоба был первым поэтом, которого я увидел живьем, и это наше знакомство потом на всю жизнь определило мое сердечное отношение ко всему безалаберному поэтическому цеху, его мастеровым и подмастерьям» [1, с. 3]. Их дружба началась заочно, об этом Чумаченко рассказал в том же эссе, напечатанном как вступительная статья к книге В. П. Неподобы «Избранная лирика» (2011). «В обзорах поэтической почты «Комсомольца Кубани» неизвестный человек с забавной украинской фамилией похвалил мои подростковые опусы, осенью от него пришло письмо. Он просил срочно прислать лучшие стихи — для решения вопроса о целесообразности приглашения меня на краевой семинар молодых литераторов. Так из далекой кубанской глубинки я впервые приехал в большой город» [там же].

Чтобы добраться из родной станицы Ахметовской, пересеживаясь с автобуса на автобус, надо было проделать многочасовой путь через Мостовскую, Лабинск, Майкоп. Поэтому он не успел к началу, на момент прибытия занятия семинара уже шли. Секретарь-организатор, чтобы сообщить об опоздавшем, вызвала Вадима Неподобу в «предбанник» писательской обители — и тот «сходу начал хлопотать о гостинице» для юнца из дальней точки Краснодарского края, чуть ли не последнем горном селении по пути в Карачаево-Черкесию. Потом, вспоминает Чумаченко, «поил меня чаем в одной из крохотных комнатусек писательского дома». Он внушал спокойствие и радушие, этот «молодой мужчина, едва перешагнувший тридцатилетний рубеж» с «лучистыми глазами-маслинами», от фигуры которого «веяло невероятной незащищенностью и добротой» и в которой, по словам Чумаченко, «не было ни одного острого угла — сплошные плавные акварельные линии» [1, с. 4].

Приведу еще одну цитату из статьи В. К. Чумаченко как пример наблюдательности тогда совсем молодого человека и как воспоминание об ушедших из жизни и, к сожалению, полузабытых уже (кроме Ивана Федоровича Вараввы) имен: «В перерывах совещания Вадим знакомил меня с молодыми поэтами, всех их без исключения он называл своими друзьями. Вот вальяжно расположился в кресле Алексей Неберекутин —

автор двух сборников, поэтому, вероятно, и державший себя классиком. Скромно ютился в уголке подававший большие надежды, но, кажется, уже тогда окончательно пропивший их Валерий Горский. Подошел познакомиться будущий “чернобылец” Сергей Квитко; тогда, смолоду, он отчаянно подражал Блоку. Протянул левую руку (правая покалечена на войне) и очаровал своей нескончаемой скороговоркой бывший фронтовик Николай Краснов. Наконец возле нас остановился и сам хозяин гостеприимного дома — поэт Иван Варавва, показавшийся могучим богатырем с густыми, брутально сдвинутыми бровями, которые, однако, почему-то совсем не пугали. Дал свой домашний адрес, просил прислать стихи для готовящегося коллективного сборника. Теперь я понимаю, что эту череду мимолетных и вроде бы спонтанных знакомств умело режиссировал Вадим. Не знаю, слышал ли я шурушание крыльев обретенного в его лице ангела-хранителя, но на душе было спокойно и хорошо: я был среди своих» [1, с. 4].

Предполагаю, по отношению к Виктору Чумаченко наличествовало проявление в значительной степени и отеческих чувств, ведь Вадиму Петровичу не пришлось растить своего собственного сына, который в ту пору, после развода родителей, жил с матерью. (Не хочу и не буду оценивать этот факт, но точно знаю, что Вадим Петрович тосковал по сыну: «не война — сын растет без отца» — его поэтическая строка.) Отцовское выражалось и в советах, которые Вадим Неподоба дал Виктору при выборе профессии. «Летом 1973 г. я, — пишет об этом В. К. Чумаченко, — оканчивал школу. На повестку дня в нашей переписке с Вадимом встал вопрос о выборе вуза: я склонялся к медицине, он категорически отговаривал. Медицина, писал он, имеет дело с телом человека, а поэзия — с душой. Ты родился литератором, выбирай любой гуманитарный факультет университета, лучше, конечно, филологический» [1, с. 6]. Вадим Петрович говорил: «Мне все равно, кем ты станешь, главное — состояться!»

Немалое беспокойство проявилось и в эпизоде с зачислением в институт: Вадим Петрович в «истеричной толпе родителей» ожидал оглашения списка прошедших экзамены. Услышав, направился к дому, где снимал комнату в это время абитуриент Чумаченко. Но жильца не застал, поскольку Виктор, не предупредив о положительной оценке, сразу ушел в кино с новыми друзьями. Вечером встревоженная хозяйка квартиры передала жильцу записки от Вадима Петровича. «Записок было три, и рождались они по мере появления в голове поэта все более

и более страшных предположений о постигшей меня судьбе. Пришлось звонить, искать слова оправдания, выводить его поэтическую душу из пережитого шока» [1, с. 6].

Как-то, перебирая бумаги своего мужа уже после его ухода из жизни, я нашла аккуратную подборку газет со статьями В. К. Чумаченко. Так поступают любящие родители, следящие за успехами своих чад. И хотя их жизненные пути в последние годы по разным причинам разошлись — виделись они редко, редко перезванивались, — эта стопка газетных вырезок говорила сама за себя.

А в коллективном сборнике кубанских поэтов «Щедрость» (многие были, можно сказать, крестниками Вадима Петровича, всегда готового искренне поддержать творческий рост литературных дарований) было стихотворение [6, с. 80], строкой из которого я назвала свою статью:

*Не уставайте верить в чистоту!
Когда в душе все оцущенья зыбки,
Поверьте маю, яблоне в цвету
Или чужой застенчивой улыбке.
<...>*

*Но не хватает нежности людей...
Не забывайте о живущих рядом!
Так осени, сменившей сто нарядов
Не хватит птиц, чтоб спели гимны ей!*

Передаваемый этим стихотворением посыл, на самом деле глубоко человечен и хорош.

Как я уже упомянула, мое знакомство с Вадимом Петровичем произошло благодаря Виктору Чумаченко. Вернувшись после недолгого учительского опыта на периферии, я не смогла устроиться преподавателем в Краснодаре — в школах города не нашлось вакансий (вот ведь какие были времена!). И моя трудовая деятельность тогда продолжилась в Краевом отделении общества книголюбов. Однажды мне позвонил Виктор Чумаченко: предложил взять оставшиеся курицу и пачку сливочного масла из продуктового набора, которыми тогда снабжали профсоюзные организации. Забрать непременно в течение дня, поскольку рабочий холодильник забит до отказа. Отпросившись у себя на службе, я пришла в Краснодарское краевое отделение Союза писателей. Мы с Виктором

поднялись на второй этаж, в Бюро пропаганды художественной литературы, где можно было найти для упаковки старую афишу. Так я впервые встретила с будущим моим мужем Вадимом Петровичем Неподобой, оказавшимся сотрудником этого бюро.

И вот еще о чем хочется упомянуть непременно. Начав в конце 2000-х работать вместе с Виктором Кирилловичем в университете культуры, я открыла для себя новую черту его личности.

Обычно он был закрытым человеком, не производил впечатления «рубахи-парня», не спешил навстречу новым знакомствам и новому общению, не демонстрировал отзывчивость напоказ. Поэтому меня поразила однажды почти сиюминутная готовность Виктора отредактировать — и не только — книгу неизвестного мне и мало знакомого ему автора; он тут же предложил ему на выбор несколько вариантов и художественного оформления ее обложки. И, разумеется, точно так же было и со мной, когда я начала готовить посмертное издание избранных стихотворений своего мужа. Он помог мне с редактированием и сам подобрал для обложки книги пару вариантов оформления. Очень жалею о том, что по техническим возможностям (вернее, если можно так сказать, невозможностям) они были забракованы издательством.

Знаю абсолютно точно, что и вдова В. Н. Орла (1928–1987) Лариса Гавриловна (1941–2021), неутомимо пропагандировавшая литературные и исследовательские работы этого замечательного краеведа, была бесконечно благодарна Чумаченко. Вместе с нею он выступил инициатором «проекта по возвращению из небытия творческого наследия кубанского писателя и краеведа Василия Николаевича Орла» [5, с. 3]. Все, что выпущено вдовой после смерти мужа (см.: [2] [3] и др.), в общей сложности более полутора десятков разных книг и брошюр, — в огромной степени заслуга Виктора Кирилловича. С полным перечнем этих публикаций можно ознакомиться по недавно вышедшему библиографическому справочнику [4]. Одним из последних текстов Виктора Чумаченко было предисловие «Из славного поколения шестидесятников» к изданной в 2018 г. повести «Перстень митрополита» — раннему беллетристическому произведению В. Н. Орла. Благодаря стараниям Л. Г. Орёл и конструктивной, деятельной помощи ученого В. К. Чумаченко имя Василия Орла, безмерно любившего историю родного края, не забыто и вполне заслуженно заняло достойное место в плеяде писателей-радителей Земли кубанской.

Он помогал многим. Кому — ценным советом, кому — отредактировал и включил работу в научный сборник, кому — подсказал, в какой конференции и с какой темой можно принять участие, чью-то рукопись сам разыскал в архивах и отправил для публикации.

Использованная литература:

1. *Неподоба В. П.* Избранная лирика. Краснодар: Сов. Кубань, 2011.
2. *Орёл В. Н.* Атаман Кухаренко и его друзья Краснодар: Тимпани, 1994.
3. *Орёл В. Н.* В поисках истины. Краснодар: Просвещение-Юг, 2006.
4. *Орёл Л. Г. (1941–2021).* Материалы к биографическому указателю. Армавир: Изд-во В. Е. Шурыгина, 2021.
5. *Чумаченко В. К.* Из славного поколения шестидесятников // Орёл В. Н. Перстень митрополита. Краснодар: Эконинвест, 2018. С. 3–7.
6. Щедрость: сб. стихов. Краснодар: Кн. изд-во, 1980.

Elena N. NEPODOBA,

Independent Researcher, Krasnodar, Russia,
nepodobadaria@gmail.com.

“Don’t Forget about those who Live Nearby..”: on the 65th Anniversary of Victor K. Chumachenko

In the article, written by the author on the basis of memories of her long-term acquaintance with the Kuban historian and literary critic V. K. Chumachenko (1956–2017), a panorama of the events of the 1970–2010s is presented, passed through the prism of the view of their witness and direct participant. In the second half of the 1970s, E. N. Nepodoba was a classmate of V. K. Chumachenko at the Faculty of Philology of Kuban State University, in the 2007–2013 she worked under his supervision at the Scientific and Publishing Center of Krasnodar State University of Culture and Arts. Attention is focused on the little-known side of V. K. Chumachenko’s creative hobbies — his first poetic experiments and the support that the famous Krasnodar poet V. P. Nepodoba provided to the young talent. The active participation of V. K. Chumachenko in the publication of local history and literary works by V. N. Orel is shown.

Keywords: literature of the Kuban in the 1970–2010s, Viktor K. Chumachenko, Vadim P. Nepodoba, Vasilii N. Orel, regional local lore.

РАЗДЕЛ 4

МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ: ЯЗЫК, ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРЫ

*Ш. А. Гапуров**, *Л. М. Гарсаев***, *А. М. Бугаев****

Гостеприимство и куначество у чеченцев и других народов Кавказа

Статья посвящена историческому анализу отдельных аспектов института куначества и гостеприимства чеченцев и некоторых других народов Кавказа в XIX в., в результате чего дается характеристика его сущностных черт, жизнестойкости и популярности среди горцев Кавказа. Особое внимание уделено месту и роли данного общественного института в жизни и быту чеченцев на конкретных примерах. Проводится подробный

* ГАПУРОВ Шахруддин Айдиевич, доктор исторических наук, профессор, академик Академии наук Чеченской Республики, Президент Академии наук Чеченской Республики, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова, Грозный, Чеченская Республика, Россия, gapurov2011@mail.ru.

** ГАРСАЕВ Лейчий Магамедович, доктор исторических наук, профессор Чеченского государственного университета, заведующий отделом этнологии Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Чеченская Республика, Россия, garsaev52@mail.ru.

*** БУГАЕВ Абдула Махмудович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник — заведующий отделом историко-филологических и социально-политических исследований Комплексного научно-исследовательского института имени Х. И. Ибрагимова РАН, Грозный, Чеченская Республика, Россия, yasma@bk.ru.

сравнительный анализ между институтом гостеприимства и куначества с акцентом на характерных чертах каждого из них. Показывается, как куначество способствует развитию межэтнических и межрелигиозных контактов, братских отношений между горскими народами Кавказа. В статье использованы архивные источники, опубликованная литература XIX–XX вв., а также современные исследования.

Ключевые слова: чеченцы, народы Северного Кавказа, гостеприимство, куначество, побратимство, кунаки, горцы, казаки, обычай, Л. Н. Толстой, Садо.

Народы Кавказа славятся своими традициями, имеющими многовековую историю и богатое нравственно-эстетическое смысловое содержание. Невозможно нарисовать четкую и полноценную картину об историческом и культурном развитии народов этого многонационального региона, впрочем, как и любого другого, без изучения и глубокого уважения этих граней народной жизни. В этом заключается актуальность выбранной темы.

Составной частью общественного быта и духовной культуры чеченцев, как и других народов Северного Кавказа, являются обычай гостеприимства и институт куначества.

В кавказоведческой литературе как отечественной, так и зарубежной достаточно подробно описаны эти феномены. Но все же следует отметить, что до сих пор еще не выявлены и не объяснены некоторые стороны и своеобразные формы очень популярного, весьма привлекательного и одновременно сложного по своему характеру общественного института, каковым, бесспорно, является институт куначества.

Так же, как и многие кавказские обычаи, по своему происхождению весьма архаично и гостеприимство. В процессе своего исторического развития оно подвергалось глубоким изменениям, к тому же под сильнейшим воздействием феодальных отношений, особенно в XVIII–XIX вв. приняло не только новые формы, но и приобрело новые социальные функции, которые зачастую в корне отличались от предшествующих. Вместе с тем гостеприимство показало свою удивительную жизнестойкость в сохранении некоторых традиционных черт, что способствовало его популярности среди кавказских горцев [4, с. 289–290]. В силу этого обычай гостеприимства на Кавказе на протяжении длительного времени играет роль важнейшего общественного института, удовлетворяя потребности различных слоев чеченского и других горских обществ.

В устном народном творчестве, особенно в пословицах и поговорках, важность обычая, доведенная до культа, отражается во всей

полноте, многоплановости и разносторонности. При отсутствии централизованной власти, недостаточно выраженной иерархичности местных социально-политических образований, суровости военизированного быта, слабой развитости товарно-денежных отношений, институт гостеприимства был одним из важнейших каналов общений представителей разных селений, обществ, народов [3, с. 16].

У всех народов Северного Кавказа гости делились на несколько категорий: специально приглашенные (званные гости), неожиданные (незванные гости, случайный путник) и гости, которые могли прийти без приглашения (соседи, родственники, односельчане). Соответственно ситуации проходил и прием гостей, которых хозяин встречал лично.

У ногайцев было принято следующее правило: если среди гостей были женщины, хозяин здоровался с ними и передавал их под покровительство жены. Та, встречая, обнимала их, целовала им руки, прикладывая их ко лбу. После обмена приветствиями хозяин приглашал гостей в юрту. Первым в юрту входил гость, вслед за ним хозяин, а затем все остальные. Гостя сажали на почетное место (ног. тоьр; чеч. барч). Если гость был моложе хозяина, почетное место занимал хозяин, а гость садился слева от него. Существовали особые правила ведения разговора с гостем. Не принято было задавать ему двусмысленных вопросов, касаться тем для него неприятных. В свою очередь, гость не должен был интересоваться здоровьем жены, дочерей и делами, касающимися их. При госте не принято было переговариваться на непонятном языке, перешептываться. Подобных правил придерживались все народы Северного Кавказа [11, с. 40–41].

«Гостеприимство считается одной из добродетелей и исполняется в строгости всеми», — писал дореволюционный исследователь обычаев и традиций кавказских горцев И. Иванов [13, с. 48]. «Чеченец и последнюю рубаху отдаст гостю», — вспоминает один из гостей, посетивших чеченцев.

Главнейшим ритуалом гостеприимства у вайнахов, безусловно, являлись хлеб-соль (сискал), поэтому каждая вайнахская семья всегда припасала что-нибудь вкусное для гостей. Припрятывали для гостей и хозяйка, и хозяин дома. Когда гость уже накормлен и напоен, ему готовили постель в лучшей комнате. Были времена, когда хозяйская дочь или невестка помогали гостю снимать сапоги и верхнюю одежду. Теперь, конечно, этот обычай стал преданьем старины глубокой [20, с. 101].

Вот как описывает писатель Л. Н. Толстой встречу Хаджи-Мурата в качестве гостя в 1851 г. в с. Махкеты его жителем, человеком среднего достатка по имени Садо: «Жена Садо несла низкий круглый столик, на котором были чай, блины в масле, чурек — только что раскатанный хлеб и мед. Девочка несла таз, кумган и полотенце.

Садо и Хаджи-Мурат — оба молчали, пока женщины, тихо двигаясь в своих красных бесподошвенных чувяках, устанавливали принесенное перед гостями. Эльдар же, устремив свои бараньи глаза на скрещенные ноги, был неподвижен, как статуя, во все то время, пока женщины были в сакле...

Несмотря на то, что Хаджи-Мурат более суток ничего не ел, он съел только немного хлеба, сыра и, достав из-под кинжала ножичек, набрал меду и намазал его на хлеб... Эльдару хотелось еще есть, но он так же, как его мюршид, отодвинулся от стола и подал Хаджи-Мурату таз и кумган» [23, с. 38].

Один из законов и обязанностей хозяина дома, принявшего гостя, — это защита его жизни, чести, имущества, иногда с риском для собственной жизни. Даже если гость позволяет себе относительную вольность, хозяева должны относиться к нему снисходительно и терпеливо. У вайнахов обычай гостеприимства доходил до самопожертвования. Законы гостеприимства были священны. Хозяин нес ответственность за гостя. Обидеть его означало обидеть, оскорбить хозяина. Нередко бывали случаи, когда хозяева брались за оружие и умирали, защищая гостя. Даже враг, попросивший убежища или оказавшийся под крышей чужого дома, подпадал под законы гостеприимства. За убийство гостя мстили хозяин и его семья [6, с. 180].

Так, по свидетельству исследователя Н. Грабовского, «несмотря на самую жалкую обстановку жилищ, нищету и бедность, встречаемые на каждом шагу, горцы отличаются чрезвычайно радушным гостеприимством. Кроме наружных знаков почтения к гостю, самый беднейший из жителей старается окружить его всевозможным довольством. По понятиям горцев, гость — лицо священное для них; украсть что-нибудь у гостя — значит кровно обидеть хозяина, у которого он остановился. Хозяин также считает величайшим стыдом для себя позволить арестовать или вообще обидеть ступившего на порог его сакли человека. Было нередко, что в подобных случаях хозяева брались за оружие и умирали, защищая гостя» [12, с. 16].

Древнему обычаю гостеприимства чеченцы и ингуши следовали всегда, проявляя его к любому доброму человеку, независимо от его

национальной принадлежности. Достаточно сказать, например, что в тридцатые годы прошлого века, когда на Украине разразился голод, люди в поисках хлеба разъехались по всей стране. Немало украинцев в тот период оказалось и в Чечне. Тогда многие чеченские семьи дали приют голодным, раздетым ребятишкам. Украинские дети росли вместе со своими чеченскими сверстниками, делили скудный кусок хлеба, тепло очага. И по сей день и в Грозном, и в окрестных селах живут семь семей тогдашних переселенцев [16]. Многие из них очеченились. В тогдашней республиканской периодической печати приводились факты, когда к ним приезжали нашедшие их родственники с Украины. Но они срослись с этой землей, ее народом, обычаями, традициями, национальной культурой, что стали считать все это своим и не захотели покинуть ставшие для них родными места [20, с. 104].

У чеченцев, ногайцев и других народов Северного Кавказа есть обычай гостя встречать радушно. Это, безусловно, располагает к семье человека, создает обстановку теплоты и уюта, раскованности, которая снова тянет его в этот дом. Важно отметить также, что горцы с уважением относятся к человеку, у которого много друзей, товарищей и которого часто посещают разные гости. В их устах постоянно можно услышать слова одобрения: «Этот дом всегда был известен и богат гостями». Они убеждены в том, что гость и гостеприимство — это «баракат», т. е. благодать и благополучие. Горцы утверждают, что в дом, в который не приходит гость, не войдет и благодать [там же].

В подтверждение этому хотелось бы привести пример того, как во время своего паломничества в Мекку Межи-Хаджи из с. Элистанжи (родовое село Шейха Мансура, Чечня) в начале XX в. просил в своей молитве только одного: «Да ниспошлет Аллах мне и моему потомству гостей и возможность угощать их. Но и не балуй нас в этом грешном мире чрезмерным достатком, не лишая милосердия в потустороннем мире (эхират)!» Старики рассказывали, что после его молитвы (дуа) дверь Каабы приоткрылась. Это значило, что Бог услышал его: открытая дверь символизировала благословение Аллаха [6, с. 11–13]. Как были правы наши предки, которые говорили: «Гость — посланник Аллаха».

Наряду с гостеприимством у чеченцев, как и на всем Кавказе, существовал обычай куначества (ног. кьонакълыкъ, чеч. доттагӀалла).

Следует отметить, что сложные, своеобразные отношения куначества выделились в целый институт, отношения между кунаками напоминали отношения между близкими родственниками. Они поддерживали

друг друга во всем как в моральном, так и материальном плане: взаимно участвовали во всех трудоемких работах: пахоте, стрижке овец, строительстве дома, уборке урожая, несли наравне с родственниками расходы по случаю свадеб, похорон и пр. Им принадлежала также главная роль в организационных вопросах во всех этих мероприятиях, значительную часть выкупной платы при примирении кровником вносил также кунак.

Суть куначества заключается в том, что лица, неоднократно пребывавшие в отношениях «гость-хозяин», проникшиеся к друг другу особенно доверительными отношениями и человеческими симпатиями, независимо от их этнического происхождения и религиозных убеждений, вступали во взаимные близкие дружеские отношения, оказывая друг другу помощь и поддержку наравне с близкими родственниками, а порой и более действенную. Для сложения близких отношений, куначеских связей важным условием было возникновение человеческих симпатий между людьми «одного круга», совпадение образа мыслей, нравственных идеалов и приоритетов, ценностных ориентаций. В XIX — начале XX в. кровнородственные связи у народов Дагестана и Чечни все еще играли большую роль в жизни общества, семьи, индивида, хотя их замедленное, но неуклонное ослабление явственно прослеживалось [3, с. 21].

Одним из принципиальных отличий кунака от обычного гостя заключалось в том, что связь гостя с хозяином носила единовременный характер, а с кунаком — постоянный. Существовали определенные различия и в их приеме. Во время приветствия после обмена рукопожатиями между сверстниками не исключались и легкие объятия, похлопывание по плечу, что, например, не допускалось в отношении гостя. Легкие объятия при встрече кунаков считалось нормой для большинства тюркоязычных народов Дагестана и Северного Кавказа. Неоднозначно подобное поведение расценивалось у некоторых народов Кавказа.

Если гостя следовало хорошо накормить и предоставить ночлег, то для кунака устраивали богатое угощение с обязательным приглашением родственников, соседей, известных музыкантов, певцов, нередко устраивались конноспортивные состязания [3, с. 42].

По чеченским адатам кунак не только сам пользовался гостеприимством хозяина, но мог передоверить ему и своих родственников, друзей и близких. Приезжему достаточно было сказать хозяину, что он приехал по рекомендации такого-то (и этого было достаточно), чтобы его встретили как самого кунака. Кунака обеспечивали всем необходимым, старались развлечь его всеми доступными способами: приглашались

сельские остроловы, гармонисты, устраивались танцы (синкъярам). Кунак же, следуя морально-этическому кодексу, стремился как можно меньше стеснять хозяина, не особенно отвлекать его от повседневных хлопот и занятий, не затруднять его материально и т. д.

Таким образом, куначество — старинный кавказский обычай, способствовавший развитию межэтнических дружественных связей. Куначеские отношения на Кавказе, как правило, устанавливались с первого дня знакомства и встречи между хозяином дома и гостем. С этого времени они становились верными друзьями, даже как родные братья, и в знак этого обменивались ценными подарками. «В честь такого побратимства, — указывают авторы Ш. М. Казиев и И. В. Карпеев, — выпивали молоко или вино из одной чаши, в которую в знак постоянной и “нержавеющей” дружбы бросали золотые или серебряные монеты» [15, с. 371]. Известны и другие виды побратимства — торжественная клятва в присутствии друзей или старших по возрасту, а также соединение крови, для чего побратимы делали на пальцах порезы и смешивали капельки крови. После совершения одного из этих ритуалов, названные братья обменивались оружием, папахами, башлыками, бурками и другими вещами, что также символизировало побратимство. О совершенном обряде сообщалось семьям и близким родственникам обеих сторон.

На протяжении веков друзей-кунаков связывали взаимная помощь и участие в важнейших делах друг друга. Случалось, что кунак заменял детям умерших родителей и опекал их до самого взросления. Дружба кунаков передавалась по наследству. Их семьи продолжали поддерживать куначеские связи, рождались между собой, помогали друг другу в больших делах, навещали, вместе ездили на свадьбы, приезжали выражать соболезнования.

Как отмечают многие авторы, куначество почитается наравне с родством. Этика куначества как в многонациональной Чечне, так и на всем Кавказе считалась основой взаимоотношений между народами. Отношение к друзьям более ответственное, нежели к родственникам. Невнимательность и неучтивость по отношению к брату простится, но по отношению к другу — никогда.

Еще до монгольского нашествия в северных районах Чечни кочевали многочисленные племена — предки ногайского народа и поныне составляющую значительную часть населения Шелковского района, сохранившего свой язык, обычаи и культуру, а также надежность

в дружбе (куначестве) и гостеприимство. Например, известный абрек Зелимхан Харачоевский время от времени находил приют в домах ногойцев, которые рисковали притеснениями или лишением свободы со стороны царских чиновников. Здесь уместно отметить, что часть ногойцев ассимилирована крупным чеченским тайпом — гендаргуноевцами и др. Их потомки в настоящее время проживают в населенных пунктах Чири-Юрт, Дуба-Юрт, Новые-Атаги, Сержень-Юрт и т. д. Кроме того, у чеченцев очень часто встречаются имена тюркского происхождения Ноги (ногаец), Гумки (кумык), Турко (турок), Узбек, Кхарачо (карачаевец) и т. д. В этом наблюдается глубокий интернационализм, признание чеченцами представителей других народов равными перед Богом, понимание того, что не бывает плохой нации. И у казаков также встречаются имена тюркского происхождения (Агрыжан, Евлаш, Кардавал, Яхлаш, Бормата) и фамилии (Татаров, Ногаев, Тихоновы). Примечательно, что наряду с русскими бытовали и ногойские названия гребенских станиц: Червленная — Ураз-кала, Щедринская — Карчи-кала, Новогладковская — Янги-кала (см.: [9, с. 118–120] [8] [10]).

Так, например, историк Д. А. Милютин писал: «Куначество и побратимство, можно сказать, способствовало в некоторой степени становлению культурно-исторических взаимоотношений между народами Кавказа, но в еще большем уважении в Чечне: в доме своего кунака гость может считать себя совершенно вне опасности» [21, л. 81].

К тому же куначество между казаками и горцами поддерживалось не только в мирной жизни. Особо оно проявлялось в трагические моменты истории народов Кавказа. Тому немало примеров. Когда 16 сентября 1819 г. нависла смертельная угроза над цветущим чеченским аулом Дады-Юрт, находившегося по правому берегу Терека, казаки, верные кунаки чеченцев, жившие на левом берегу, ночью прислали гонца с известием, что их аул на рассвете будет уничтожен, а население истреблено.

Когда старейшины, приняв решение отразить нападение, поблагодарили вестового и попросили его покинуть село, казак ответил: «Останусь с вами до последнего. Истинные казаки не бросают друзей в беде». На рассвете действительно аул был сожжен дотла, люди уничтожены, вместе с ними погиб и казак [7, с. 30].

Сохранилась и живет эта добрая традиция в народе и по сей день. Известный дореволюционный автор XIX в. И. Ш. Анисимов писал: «Нередко горский еврей вступает с мусульманином в дружбу и, горячо поцеловавшись с ним, становится на всю жизнь его “курдашем”. При этом

они обмениваются оружием и дают друг другу “священный обет” не пожалеть жизни в случае необходимости для спасения друга» [1, с. 78].

Высоко отозвался о куначестве и его традиции на Кавказе известный кавказовед-ученый, профессор Р. М. Магомедов. Он пишет: «По издавна сложившимся обычаям каждый горец считал за честь достойно принять гостя в любое время дня и ночи. У многих горцев существовал даже обычай: когда садились обедать или ужинать, все делили поровну между членами семьи и отделяли порцию на случай, если явится гость» [19, с. 104].

Гость мог находиться в доме хозяина столько, сколько ему необходимо. У чеченцев, как и у многих народов Кавказа, существовал обычай: в течение трех дней не спрашивали у гостя ни о чем. По истечении этих дней с ним вели разговор, как со своим членом семьи, — на равных. Когда же гость отправлялся в дальнейший путь, его обязательно должен был провожать за ворота, а то и за аул, сам хозяин дома.

Из всех грехов, какие только существовали, самым тяжким и позорным у горцев считалось убийство гостя. Убийца в этом случае становился одновременно врагом обоих обществ — того, откуда происходил гость, и того общества, в доме хозяина которого было совершено убийство. Хотя надо отметить, что таких случаев история нам не сохранила. Обычай эти свято соблюдались даже в отношении своих противников в войне [15, с. 372–373].

Существует множество примеров и документальных сведений о куначеских связях русских с кавказскими горцами, и, в частности, в XVIII–XIX вв. Так, во второй половине XVIII в. в станице Наурской жил казак по имени Варлам Савельев. Храбрый джигит Савельев, «не уступавший в удалстве чеченцам», в процессе общения с ними изучил их язык, со многими из них подружился. Он свободно ездил в горы к своим кунакам и беспрепятственно возвращался домой. «В одном известном семействе, — сообщает неизвестный автор, — он (Савельев. — *Прим. автора*) был усыновлен старой женщиной, которая так его полюбила, что все шесть ее сыновей были его кунаками и защитниками. Во время опасности чеченская женщина прятала Савельева Варлама в собственном доме.

Как утверждает автор рассказа о Варламе Савельеве, «дом у него всегда был полон чеченцами, которых он угощал, кормил, поил», а своим кунакам «отдавал последнюю рубашку» [13, с. 89].

Примеров куначества в XIX в. между русскими и горцами существовало множество как в документальных источниках, так и в ху-

дожественных произведениях, в основе большинства которых лежат подлинные исторические факты. Так, писатель А. П. Кулебякин в XIX в. в рассказе «Кунаки» писал: «Кзаки и чеченцы в прошлом гордились своей дружбой и как священный завет передавали ее своим детям от поколения к поколению». В основу рассказа автор положил случай, действительно произошедший в 1846 г. Молодой казак Влас Фролов из станицы Червленной был тяжело ранен в ногу. Рана стала гноиться, и во избежание смерти врачи Грозненского военного госпиталя предложили Фролову отрезать ногу.

У Фроловых были давнишние кунаки — чеченцы Эрисхановы. Узнав о тяжелом положении Власа Фролова, кунак Эрисханов немедленно отправился в крепость Грозную навестить больного. К Власу он приходил каждое утро и вечер. Влас жаловался ему на свои муки с раной... И Эрисхан увез из госпиталя полумертвого своего друга в станицу Червленую. Друг Эрисханова, искусный лекарь Юсуф, проводя долгие бессонные ночи у постели больного, спас Власа от смерти. Когда опасность миновала отец Власа Ефим отблагодарил своих кунаков [17, с. 14].

Куначество на Кавказе не носило единичного характера, им были охвачены многие дружественные семьи. Один из героев повести Л. Н. Толстого «Кзаки» — дядя Ерошка — говорит: «У меня вся Чечня кунаки были».

Кунаки дорожили своей дружбой, делили вместе радость и горе. Чеченцы посылали своих детей в русские станицы для обучения их русскому языку, а кзаки гребенских станиц отправляли своих детей к горцам для обучения их языку чеченскому. Известный дореволюционный чеченский этнограф Умалат Лаудаев, прежде чем поехать на учебу в Петербургский корпус, в 20-х гг. XIX в. изучал русский язык в одной из станиц гребенских кзаков [2, с. 108].

Многие кзаки гребенских станиц не только жили в дружбе с чеченцами, но и роднились с ними. «Живя между чеченцами, — писал Л. Н. Толстой, — кзаки породнились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни, нравы горцев. <...> Еще до сих пор кзацкие роды считаются родством с чеченцами». Ерошка говорит Оленину: «Вся наша родня чеченская — у кого бабка, у кого тетка чеченка была» [22, с. 392].

Горцы — кунаки в знак глубокого уважения и любви к друг другу давали своим детям русские имена: Иван, Василий, Михаил. И в наше время бывают у горцев такие имена: Магомед Иванович, Джунид Васильевич, Ваха Евгеньевич.

Классический образец куначества на Кавказе в середине XIX в. — дружба между великим русским писателем Л. Н. Толстым и простым чеченцем из с. Старый Юрт Садо Мисербиевым. Служивший в молодости на Кавказе Л. Н. Толстой восторженно писал о честности и преданности в дружбе, свойственных кавказскому куначеству. О своем друге — кунаке чеченце Садо Мисербиеве он, в частности, рассказывал: «Часто он мне доказывал свою преданность, подвергая себя разным опасностям ради меня; у них (чеченцев. — *Прим. автора*) это считается за ничто — это стало привычкой и удовольствием...»

Летом 1853 г. будучи на Кавказе, направляясь из станицы Воздвиженской в крепость Грозную, Толстой вместе с Садо оторвались от основного отряда и наткнулись на вооруженный отряд горцев. До крепости было уже недалеко, и кунаки помчались вперед. Лошадь Толстого явно отставала. Плен был неминуем, если бы Садо не отдал графу своего коня и не убедил горцев прекратить преследование. «Едва не попался в плен, — записал Л. Н. Толстой в своем дневнике 23 июня 1853 г., — но в этом случае вел себя хорошо, хотя и слишком чувствительно» [15, с. 374].

«Спасший для мира великого писателя, — пишет исследователь Ш. М. Казиев, — чеченец Садо этим не ограничился». После первого случая, когда Толстой чуть было не попал в плен, Садо сумел отыграть у русского офицера, которому был должен Толстой, весь его денежный проигрыш. Об этом написал Льву брат Николай: «Приходил Садо, принес деньги. Будет ли доволен брат мой? — спрашивает» [15, с. 374].

Сам Л. Н. Толстой с особой благодарностью вспоминает этот случай:

«Летом в Старом Юрте все офицеры только и делали, что играли в карты, и довольно крупно, — писал об этом Лев Николаевич Толстой. — Живя в лагере, нельзя не встречаться постоянно, и я часто присутствовал при игре». Хотя Толстого тянуло к игре и его часто и настойчиво уговаривали принять в ней участие, он мужественно выдержал целый месяц. «Но вот в один прекрасный день я, шутя, поставил пустяжную ставку и проиграл, — пишет Толстой далее, — мне не везло; страсть к игре всколыхнулась, и в два дня я спустил свои деньги и то, что дал мне Николенька (брат) около 250 р. сер., а сверх того еще 500 р. сер., на которые я дал вексель со сроком уплаты в 1852 г.» [18, с. 307–320].

Это случилось в январе 1852 г. Впереди был целый год и огорчаться особо, казалось бы, нечего. Но за писателем были еще большие

карточные долги, сделанные в России, которые надо было уплатить уже в этом месяце. Он ясно представлял неприятности по службе: когда вексель подадут ко взысканию по начальству, у него будут требовать немедленной оплаты, будут презирать его — карточный долг считался делом чести, святым делом.

Однажды, ложась спать, Л. Н. Толстой горячо помолился на вечерней молитве и со словами: «Помоги мне, Господи!» — лег и заснул. И свершилось чудо, пробуждение было радостным. Избавление пришло с утренним письмом от Николеньки, который писал: «На днях был у меня Садо, он выиграл у Кнорринга твои векселя и привез их мне. От так был доволен этому выигрышу, так счастлив и так много меня спрашивал: «Как думаешь, брат рад будет, что я это сделал?», — что я его очень за это полюбил. Этот человек действительно к тебе привязан». В благодарность за это Л. Н. Толстой хочет сделать памятный и дорогой подарок своему кунаку Садо. В письме к Т. А. Ергольской он пишет: «Пожалуйста, велите купить в Туле мне шестиствольный пистолет и прислать вместе с коробочкой с музыкой..., такому подарку он будет очень рад». Просьба Л. Н. Толстого была выполнена, подарок прислан и вручен Садо Мисербиеву. Этот подарок, передавая из поколения в поколение, долгие годы хранили в семье Садо [18, с. 307–320].

Можно привести и другой пример. Л. Н. Толстой, будучи в гостях у Садо Мисербиева (он принадлежал тайпу Элистанжой), увидел на стене среди прочего оружия приглянувшуюся ему саблю. Ее и подарил ему Садо, так как у чеченцев было принято дарить гостю понравившуюся вещь, какую бы ценность она не представляла. А эта сабля до сих пор хранится в музее Л. Н. Толстого в Москве. В ответ на этот подарок писатель подарил Садо свои графские часы [7, с. 172].

А вот так пишет об этом эпизоде своей жизни сам Л. Н. Толстой: «Садо позвал меня к себе... и предложил взять, что мне нравится. Я хотел выбрать что-нибудь менее дорогое..., но он сказал, что сочтет за обиду, и принудил меня взять шашку, которой цена, по крайней мере, сто рублей» [23, с. 38].

Известный чеченский писатель — классик Магомед Мамакаев посвятил этому факту свое стихотворение «Тур» (шашка):

*«...Клинок булатный...
ты был подарен Льву Толстому,
с любовью верным кунаком...» [7, с. 173].*

Однако на пути развития гостеприимства, куначества и дружбы между народами Кавказа и простыми русскими людьми существовали всевозможные препоны, искусственно создаваемые царскими властями и их чиновниками. Порою дело доходило даже до убийства. Царские власти боялись объединения народов различных национальностей против общего врага — самодержавия. Но, несмотря на различные ухищрения и запреты власть имущих на Кавказе, куначество и гостеприимство между русскими людьми и горцами Кавказа продолжали и дальше развиваться по нарастающей. Тому немало примеров!

Таким образом, как в горской среде, так и общественной жизни чеченцев, наряду с обычаем гостеприимства был распространен и институт куначества. «Генетически и содержательно он базировался на исторически сложившихся нормах гостеприимства, представлял собой более высокую форму общения людей, в том числе и принадлежащих к разным народам разных вероисповеданий, либо географически, пространственно разделенных на значительные расстояния» [5, с. 473].

Использованная литература:

1. *Анисимов И. Ш.* Кавказские евреи — горцы. М.: Тип. Е. Г. Потапова, 1888.
2. *Ахмадов Ш. Б.* Кунаки // Вехи единства: сб. ст. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1982.
3. *Гамзатова А. Ш.* Гостеприимство и куначество у горцев Центрального и Западного Дагестана в XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.07. Махачкала, 2007.
4. *Гарданов В. К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX вв.). М.: Наука, 1967.
5. *Гарсаев Л. М.* Возрождение института куначества — важнейший фактор в патриотическом воспитании молодежи // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. науч. ст. по итогам междунар. науч. форума. Краснодар: Экоинвест, 2018. С. 462–478.
6. *Гарсаев Л. М., Гарасаев А. М.* Шейх Межи-Хаджи из с. Элистанжи // Рефлексия. 2012. № 2–6. С. 11–13.
7. *Гарсаев Л. М., Гарасаев Х.-А. М., Гарсаева М. М., Шаипова Т. С.* Мужской костюм и воинское снаряжение чеченцев и ингушей XIX — начала XX вв. (история, кавказская этическая культура и наименования). Саратов, Наука, 2014.

8. *Гарсаев Л. М.* Из истории ранних русско-чеченских добрососедских отношений // Роль России в исторических судьбах народов Кавказа: матер. междунар. науч. конфер. (Махачкала, 26–27 февраля 2013 г.). Махачкала: Алеф, 2013. С. 121–127.
9. *Гарсаев Л. М.* Из истории ранних русско-чеченских отношений и интеграции «беглых русских лиц» на Терек и Сунжу // Дагестан в российском историческом процессе: матер. междунар. науч. конфер., посвященной Году Российской истории (Махачкала, 12 ноября 2012 г.). Махачкала: Алеф, 2013. С. 166–174.
10. *Гарсаев Л. М.* Несколько тезисов о древних русско-чеченских связях // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2011. № 1. С. 118–120.
11. *Гимбатова М. Б.* Культура поведения и этикет ногайцев в XIX — начале XX в.: коммуникативные нормы в семейном и общественном быту: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.07. Махачкала, 2009.
12. *Грабовский Н. Ф.* Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Изд. Кавказского горского управления, 1870. С. 16.
13. *Гриценко Н. П.* Истоки дружбы. (Из истории экономических и культурных связей и дружбы чеченского, ингушского народов с великим русским народом и народами Кавказа). Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1975.
14. *Иванов И.* Чечня // Москвитянин. 1851. № 19–20. С. 48.
15. *Казиев Ш. М., Карпеев И. В.* Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX в. М.: Молодая гвардия, 2003.
16. *Кузаев М.* Дерево крепко корнями // Грозненский рабочий. 1988. 1 апр. № 50.
17. *Кулебякин А. П.* Кунаки // Записки Терского Общества любителей казачьей старины. Владикавказ: Тип. Терского областного правления, 1914. № 2. С. 14.
18. *Кусаев А. Д.* Город Грозный: страницы истории (1818–2003 гг.). Элиста, 2012.
19. *Магомедов Р. М.* Обычаи и традиции народов Дагестана. Махачкала, 1992.
20. *Межидов Д. Д., Алироев И. Ю.* Чеченцы: обычаи, традиции, нравы. Социально-философский аспект. Грозный: Книга, 1992.
21. *Милютин Д. А.* Материалы по истории Кавказа (заметки о племенах Кавказских). Чечня, 1840. Рукопись // Архив Чеченского государственного краеведческого музея (ЧИРКМ), фонд НВ, 1970. Ф. 5. Д. 6.

22. Толстой Л. Н. Казаки // Собрание сочинений: В 12-ти тт. М.: Худож. лит-ра, 1984. Т. 2. С. 299–398.
23. Толстой Л. Н. Хаджи-Мурат // Собрание сочинений: В 12-ти тт. М.: Худож. лит-ра, 1984. Т. 14. С. 22–137.

Shakhrudin A. GAPUROV,

Dr. Sci. (National History), Prof., President, Academy of Science of the Chechen Republic, Head, Department of Modern and Contemporary History, Chechen State University Grozny, Chechen Republic, Russia, gapurov2011@mail.ru.

Leitchiy M. GARSAEV,

Dr. Sci. (Ethnography, Ethnology and Anthropology), Prof., Head, Department for Ethnology, Institute for Humanitarian Studies, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Chechen State University, Grozny, Chechen Republic, Russia, garsaev52@mail.ru.

Abdula M. BUGAEV,

Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof., Leading Researcher, Head, Department of Historical-Philological and Socio-Political Research, Integrated Research Institute, Russian Academy of Sciences, Grozny, Chechen Republic, Russia, yasma@bk.ru.

**Hospitality and Kunakism of the Chechens
and other Peoples of the Caucasus**

The article examines the institution of kunakism (kunachestvo, consecrated friendship) and hospitality of the Chechens and other peoples of the Caucasus in the 19th century, revealing its essence, vitality, popularity among the mountaineers of the Caucasus. Particular attention is paid to the place and role of this social institution in everyday life of the Chechens based on specific examples. A detailed comparative analysis is carried out between the institution of hospitality and kunakism, highlighting the characteristic features of each of them. It is shown how kunakism contribute into the development of interethnic and interreligious contacts, fraternal relations between the mountain peoples of the Caucasus. The article is based on archival sources, literature of the 19–20th centuries, as well as modern research.

Keywords: *the Chechens, peoples of the North Caucasus, hospitality, kunakism, twinning, kunaki, mountaineers, cossacks, custom, L. N. Tolstoy, Sado.*

Л. Я. Арапханова*

Традиционные нормы культуры в контексте национальной политики на Северном Кавказе

В статье рассматриваются традиционные нормы культуры, их особенности и проявления в реализации национальной политики на Северном Кавказе. Автор обращает внимание на меры со стороны государства, направленные на реализацию национальной политики путем реализации государственных программ в субъектах Северо-Кавказского федерального округа. В частности, актуализируются вопросы укрепления единства многонационального народа России, обеспечения гражданского и межнационального согласия, достижения межнационального мира в регионе.

Ключевые слова: Россия, Северный Кавказ, национальная политика, традиционная культура, элита, гражданское общество, обычное право.

Меняющаяся геополитика и проблемы международного терроризма не обошли стороной и Северный Кавказ. Северный Кавказ в постсоветский период стал «лабораторией» для насаждения всяких радикальных идей и объектом международного манипулирования, вызвав к жизни ряд локальных политических конфликтов. Искусственно создаваемые условия стали не только раздражителями спокойствия в отдельном регионе, но и самым серьезным образом стали задевать вопросы национальной безопасности.

Такая постановка задачи требует от управленческой элиты всесторонне обдуманых мер и решений, в том числе с применением богатой традиционной культуры народов Северного Кавказа. Принимая во внимание реализуемые в субъектах СКФО государственные программы, направленные на укрепление единства многонационального народа России, обеспечение гражданского и межнационального согласия, хочется надеяться на достижение межнационального мира в регионе и в стране в целом. Механизм реализации государственных программ требует взаимодействия гражданского общества и властных элит, так как положительные результаты могут быть достигнуты только при взаимной поддержке.

* АРАПХАНОВА Лейла Якубовна, кандидат политических наук, доцент, заведующий отделом социально-политических исследований Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук имени Ч. Э. Ахриева, доцент кафедры истории Ингушского государственного университета, Магас, Республика Ингушетия, Россия, araphanova@mail.ru.

Для многонационального государства тема традиционных общественных институтов и ценностей всегда будет иметь особую актуальность. Этнонациональный фактор присутствует во всех экономических, социальных, политических, духовных и интеграционных процессах, происходящих в многонациональной России, в которой в настоящее время проживает более 190 народов [1]. СКФО также является регионом со сложной этнонациональной составляющей и считается одним из самых конфликтогенных регионов российского геополитического пространства. В округе проживают представители около 100 национальностей. Именно здесь произошли наиболее серьезные конфликты в межэтнической сфере, многие из которых остаются нерешенными до сих пор.

Большим достижением традиционных общественных институтов народов Северного Кавказа является выработанный веками кодекс поведения, регламентирующий отношения как внутри сообщества, так и между народами. Обычаи и традиции исторически выступали правовым механизмом управления, в качестве нормативной основы применялось обычное право. Такая догосударственная практика регулирования, свойственная для периода народного управления на Кавказе, постепенно была вытеснена новой российской администрацией и прекратила существование. Происходившие на протяжении последнего столетия смены политических режимов не совершенствовали эту сферу гражданских взаимоотношений. Как для советского государства, так и для новой России эти задачи остаются актуальными и по сей день.

Для единения и формирования гражданской солидарности и общероссийской идентичности необходимы единые подходы. С одной стороны, в нормативно-правовых актах указывается необходимость создания условий адаптации и развития этнокультурных субъектов, т. е. народов России в единую общность многонациональной России и формирование гражданской солидарности, а с другой, зачастую происходит грубое нарушение прав по национальному и религиозному признаку.

Практика привития норм социальной ответственности при формировании личности для его осознанного понимания принадлежности к государству как гражданина должно происходить с выраженным представлением подрастающим поколением гражданского долга и ответственности перед обществом в целом, а не отдельным его субъектом, с чувством патриотизма, любовью к родине, участием в воспитании уже более молодого поколения как будущего страны, т. е. понятиями, наделенными сакральным смыслом, за которыми должны следовать действия

и поступки, подкрепленные волей и ответственностью за судьбу страны и народа. Политика, направленная на повышение гражданского самосознания, должна стимулировать каждого человека к выполнению своих гражданских обязанностей и гражданского долга перед государством. Имеются в виду российские граждане, воспитанные в духе российских традиций, основанных на государственных языках государства и его субъектов, на национальных культурах и языках народов России.

Политика формирования общероссийской идентичности должна быть использована как инструмент выстраивания поля социальной коммуникации между носителями разных убеждений, национальной принадлежности и прочих предпочтений, имеющих место в особенностях традиционных национальных культур. По мнению академика В. Тишкова: «На Кавказе и сегодня авторитет старших имеет огромное значение. Речь идет не обязательно о старых людях. Но, как правило, о людях, обладающих большим жизненным опытом, различными достоинствами и заслугами, в том числе и репутацией духовного наставника» [11, с. 111–112].

Северокавказский регион всегда находился на переднем плане сложных политических, национальных и других процессов на юге России и столкнулся с большинством проблем, стоявших перед всей страной, в том числе и в национальной-культурной области. В системе общественно-политических отношений Северного Кавказа показательным является институт старейшин, всегда игравший важнейшую роль в конструировании народного самоуправления. За ним оставалось право принятия окончательных решений по всем вопросам общественного устройства. «Верховными охранителями спокойствия и порядка» называли старейшин кавказоведы [3, с. 109]. Этот принцип на протяжении столетий остается основополагающим в соблюдении традиционных правил общественного устройства на всем Кавказе и представлен как часть гражданского общества.

Гражданское общество в современном его понимании и его функционирование как основного звена институциональных демократических отношений в государстве способны достичь полноценной самореализации, опираясь на проверенные веками нравственные ценности народов. Такая форма взаимодействия гражданского общества с государством позволит сохранить и развивать подлинную народную демократию и самоуправление в рамках действующих законов Российской Федерации.

Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. предусмотрен ряд мер с целью укрепления государственного единства и целостности России, сохранения этнокультурной самобытности ее народов, сочетания общегосударственных интересов и интересов народов России [10].

В сфере межнациональных отношений имеются нерешенные и проблемы, вызванные как глубокими общественными преобразованиями при формировании в современной России свободного открытого общества и рыночной экономики, так и некоторыми просчетами в государственной национальной политике Российской Федерации. Сохраняют актуальность проблемы, связанные с проявлениями ксенофобии, межэтнической нетерпимости, этнического и религиозного экстремизма, терроризма.

Одной из стратегических задач в решении, названных выше актуальных проблем, является разработка государственных программ, направленных на укрепление единства многонационального народа России, обеспечение гражданского и межнационального согласия, этнокультурного развития народов России. В этой связи была утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 309 Государственная программа Российской Федерации «Развитие Северо-Кавказского федерального округа на 2013–2025 гг.» [1]. В субъектах СКФО были приняты и реализуются региональные государственные программы: «Укрепление межнациональных отношений и развитие национальной политики в Республике Ингушетия» [6]; «Взаимодействие с общественными организациями и институтами гражданского общества в Кабардино-Балкарской республике» [8]; «Реализация государственной национальной, конфессиональной, информационной политики в Карачаево-Черкесской республике» на 2019–2023 гг. [4]; «Развитие межнациональных отношений в республике Северная Осетия — Алания» на 2019–2025 гг. [9]; «Реализация государственной национальной политики в Республике Дагестан» на 2018–2020 гг. [5]; «Развитие региональной политики и федеративных отношений в Чеченской Республике» на 2014–2020 гг. [7].

Семинар-совещание по рассмотрению практик и задач органов исполнительной власти субъектов РФ по реализации в округе Стратегии национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. прошел в Магасе 25 июня 2021 г. Речь на нем шла о консолидации общества на платформе общероссийской гражданской идентичности, а также

организации адаптации и интеграции иностранных граждан на территории СКФО, необходимости каждодневных, комплексных усилий всех заинтересованных структур в решении проблем региона [12].

Утвержденная Правительством Республики Ингушетия государственная программа «Укрепление межнациональных отношений и развитие национальной политики» определяет в качестве приоритетных разные направления деятельности, реализующиеся в рамках следующих подпрограмм: «Духовно-нравственное воспитание населения», «Укрепление единства народов и гармонизация межнациональных отношений», «Возвращение и обустройство русскоязычного населения», «Профилактика терроризма и экстремизма», «Профилактика правонарушений на территории Республики Ингушетия».

Программы предусматривают комплексное решение задач в указанных направлениях и реализацию мероприятий, направленных как на укрепление гражданского единства, на гармонизацию межнациональных, межконфессиональных отношений, на содействие этнокультурному многообразию народов России, так и на сохранение и развитие этнических традиций и языков народов Северного Кавказа.

Именно субъекты определяют степень защищенности государства от внутренних и внешних угроз. Любые противоречия в интересах субъектов и Федерации, вызванные спецификой их геополитического состояния и исторически сложившейся неравномерностью в развитии первых, может привести к дисбалансу в социально-экономической и общественно-политической сферах. Такое правовое и экономическое неравенство субъектов России сохраняется, ввиду явно недостаточных в сложившейся этнополитической ситуации мер экономической поддержки со стороны государства.

Как в российской системе, так и внутри СКФО субъекты различаются разной структурой экономики и разным менталитетом населения и власти. Указанные различия в социально-экономическом развитии субъектов актуализирует необходимость применения новых методов и форм управления региональной безопасностью, формирования условий, позволяющих предупреждать возможные вызовы и угрозы.

В целях преодоления указанных проблем и совершенствования социальной инфраструктуры в 2010 г. был образован Северо-Кавказский федеральный округ, в состав которого вошли: Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия — Алания,

Чеченская Республика, Ставропольский край. В результате была утверждена «Стратегия развития Северного Кавказа до 2025 г.», согласован перечень приоритетных инвестиционных проектов в регионе. Однако до сих пор основные социально-экономические показатели региона находятся на достаточно низком уровне.

На протяжении ряда лет в регионе проходят ставшие традиционными Северо-Кавказский форум «Машук», форум СМИ СКФО, Лига КВН «Кавказ», объединяющих десятки тысяч молодых людей, готовых работать на развитие и процветание своих регионов и страны. В перспективе такая молодежь должна стать социальным базисом стабильного развития государства. Молодые специалисты из различных сфер экономики, политики, медиаотрасли, общественных организаций вместе участвуют в поиске эффективных путей развития общества и государства.

Таким образом, применение ставших традиционными норм культуры имеет особый смысл для сохранения стабильности на Северном Кавказе. Практика применения традиционных норм государственными органами при разработке методик и программ позволит создать условия для эффективного и гармоничного развития регионов, улучшения качества жизни населения страны.

Использованная литература:

1. Государственная программа РФ «Развитие Северо-Кавказского федерального округа» // Счетная Палата РФ. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/e9d/e9ddf59b344c57b8b1e87c56510ebafc.pdf> (дата обращения: 28.07.2021).
2. Данные Всероссийской переписи населения 2010 года // Statdata.ru. URL: <http://www.statdata.ru/nacionalnyj-sostav-rossii/> (дата обращения: 27.07.2021).
3. Муратова Е. Г. Модернизация и традиция в этнических ареалах Северного Кавказа: исторический и актуальный опыт // *Общественные науки и современность*. 2006. № 3. С. 86–94.
4. Об утверждении государственной программы «Реализация государственной национальной, конфессиональной, информационной политики в Карачаево-Черкесской республике». Постановление Правительства КЧР от 28 мая 2019 г. № 132 // КОДЕКС. URL: <https://docs.cntd.ru/document/553372389> (дата обращения: 02.06.2021).

5. Об утверждении государственной программы Республики Дагестан «Реализация государственной национальной политики в Республике Дагестан». Постановление Правительства Республики Дагестан от 19 октября 2017 г. № 250 // КОДЕКС. URL: <https://docs.cntd.ru/document/450364328> (дата обращения: 02.06.2021).
6. Об утверждении государственной программы Республики Ингушетия «Укрепление межнациональных отношений и развитие национальной политики» (с изменениями на 4 июня 2021 г.). Постановление Правительства Республики Ингушетия от 9 сентября 2014 г. № 175 // КОДЕКС. URL: <https://docs.cntd.ru/document/430566299> (дата обращения: 20.07.2021).
7. Об утверждении государственной программы Чеченской Республики «Развитие региональной политики и федеративных отношений в Чеченской Республике на 2014–2020 годы». Постановление Правительства ЧР от 19 декабря 2013 г. № 317 // КОДЕКС. URL: <https://docs.cntd.ru/document/430606687> (дата обращения: 20.07.2021).
8. О государственной программе Кабардино-Балкарской Республики «Взаимодействие с общественными организациями и институтами гражданского общества в Кабардино-Балкарской Республике». Постановление Правительства КБР от 28 октября 2019 г. № 190-ПП // КОДЕКС. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561592344> (дата обращения: 21.07.2021).
9. О государственной программе Республики Северная Осетия-Алания «Развитие межнациональных отношений в Республике Северная Осетия-Алания» на 2019–2025 годы. Постановление Правительства Республики Северная Осетия — Алания от 27 ноября 2018 г. № 375 // КОДЕКС. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550279321> (дата обращения: 02.06.2021).
10. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 // ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 27.07.2021).
11. *Сиражудинова С. В.* Гражданское общество, традиционализм и ислам на Северном Кавказе. Ростов-н/Д.: Азов-Печать, 2012.
12. Состоялся ежегодный семинар-совещание по реализации в округе «Стратегии национальной политики РФ до 2025 года» // Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе. URL: <http://skfo.gov.ru/press/events/1661/> (дата обращения: 27.07.2021).

Leyla Ya. ARAPKHANOVA,

Cand. Sci. (Political Institutions, Processes and Technologies),
Head, Department for Social and Political Research, Ingush Scientific
Research Institute, Assoc. Prof., Ingush State University, Magas,
Republic of Ingushetia, Russia, araphanova@mail.ru.

Traditional Cultural Norms in the Context of National Politics in the North Caucasus

This article presents a discussion on traditional cultural norms, their features and manifestations in the implementation of national policies in the North Caucasus. The author draws attention to measures by the state aimed at implementing national policy by implementation of state programs in the subjects of the North Caucasus Federal District. In particular, the issues of strengthening the unity of the multinational people of Russia, ensuring civil and interethnic harmony and achieving international peace in the region are made actual.

Keywords: Russia, North Caucasus, national policy, traditional culture, elite, civil society, customary law.

З. Х. Гучетль*

Этнические традиции адыгов в условиях трансформации (на материалах социологических исследований)

В статье рассматриваются проблемы трансформации этнических традиций адыгов на современном этапе, раскрывается сущность морально-этического кодекса «адыгагъэ» (адыгство), его социальные функции. Представлен анализ социологических и этнографических исследований по проблеме изучения, сохранения и развития адыгства. Автор отмечает, что адыги, являясь одним из автохтонных народов Северного Кавказа, сформировали богатую и устойчивую культуру. Уникальность адыгской культуры нашла свое выражение в таких феноменах, как «адыг хабзэ» и «адыгагъэ». Показано, что в условиях трансформации социокультурного пространства малочисленного адыгского этноса

* ГУЧЕТЛЬ Зухра Хачмафовна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева, Майкоп, Республика Адыгея, Россия, zuchraguchetl@mail.ru.

и усиления глобализационных процессов феномен адыгагъэ претерпевает духовный кризис. Как показывают результаты социологических исследований, роль «адыгагъэ» в передаче традиционных этнокультурных ценностей адыгов значительно снизилась. Это, в свою очередь, повышает склонность адыгской культуры к заимствованию чужих культурных ценностей и одновременно ослабляет ее этнокультурную значимость.

Ключевые слова: толерантность, межэтнические отношения, этнические традиции, ценности, общество, люди.

В нынешнюю эпоху трансформационного периода в международном мире образуются глобальные политические и экономические союзы, запускаются процессы, приводящие к изменению границ традиционной самоидентификации народов. Особенным образом это затрагивает коренные малые народы.

Исследователи адыгской культуры А. А. Шаов и В. Н. Нехай отмечают: «В начале XXI в. в условиях социокультурной глобализации, когда резко стираются национальные границы, наступают ценности массовой культуры, усиливаются миграционные процессы, значительное число этносов могут пополнить список “безвременно ушедших народов”. Наибольшие опасения вызывают малочисленные этносы, которые подвергаются сильному инокультурному влиянию в частности и глобализационному воздействию в целом. Степень подобных влияний возрастает по мере сокращения численности этноса и увеличения дисперсности его расселения» [8, с. 99].

Данная тема актуальна в настоящее время не только для адыгов, но и для всех народов России, включая и малочисленные народы Северного Кавказа. Существенные трансформационные изменения в современном обществе в связи с глобализацией мира, демократизацией общества и дальнейшим развитием рыночной экономики отражаются на практике социальных норм и правил поведения людей и привели к выраженному духовному кризису. В нынешнее время четко наблюдается сильное изменение самой философии жизни людей, мировоззрения, ценностей, социальных норм и правил социального поведения людей.

Правильно отмечает адыгский ученый Н. К. Джамирзе: «Хаос окружающего мира не подкрепляется объяснительными моделями, что вызывает у отдельных членов общества чувство потерянности, тревоги. Рассогласование образа мира и образа жизни стимулирует процесс смыслоумирания, что ведет к разрушению иерархии системы ценностей. Некоторая часть общества начинает высказывать инновационные идеи

в плане новой категоризации и оценки окружения и начинает реализовывать новые стратегии жизни. Инновационные представления транслируются членам общности» [4, с. 51].

Цель данной статьи заключается в некоторых аналитических выкладках в отношении этнических традиций адыгов в современном обществе.

Трансформация культуры народа становится неким универсальным процессом, что особенно выразительно прослеживается в последнее столетие. В современном обществе адыгов наблюдается существенное изменение в отношении к системе традиционных этнических ценностей. В пользу этого говорят и результаты наших многократных социологических исследований и наблюдений.

Нам представляется, что главным показателем кризисного развития этнических групп является утрата их основополагающих функций: адаптации, защиты и интеграции. Трансформация ценностей происходит значительными и даже ускоренными темпами. Резко возрастает социальное расслоение (по этническим критериям и уровню материальной обеспеченности) — все это способствует критическим и болезненным оценкам происходящего как кризиса традиционных ценностей и идеалов.

В духовно-нравственной жизни адыгов огромную роль играла система Адыгэ хабзэ. Знаменитый адыгский этнограф Б. Х. Бгажников пишет: «Адыгэ хабзэ — общественный институт, в котором соединены в одно целое моральные и юридические правила и установления» [1, с. 171]. В современном обществе нормы Адыгэ хабзэ претерпевают изменения, сопровождающейся унификацией образа жизни народа и постепенным стиранием культурных поведенческих стереотипов. В связи с этим остро проявляется нужда возрождения и развития национального самосознания адыгов, такого регулирования их поведения во всех сферах социальной жизни, которое задано правилами, установленными в системе Адыгэ хабзэ.

Трансформация идентификации адыгского общества привела к тому, что в Республике Адыгея значительно уменьшается сфера использования родного языка, а традиции и ценности, не трансформируясь, без остатка «за ненадобностью» «растворяются» в глобализирующемся обществе.

Например, возьмем один из уникальных правил Адыгэ хабзэ «щыӀагъэ», или терпимость. «ЩыӀагъэ» — выступает латентной формой

Адыгэ хабзэ. Ее должен был проявлять каждый адыг. Адыгский народ к данному виду хабзэ относился очень строго. Терпению и сдержанности адыги воспитывали детей с малых лет. Прослыть в народе «мягко характерным» для адыгов считалось позором на всю жизнь. Таких людей адыги презирали, они считались изгоями общества.

Качество «терпимость (щыІагъ)» сопряжено со способностью отказать от некоторых (неприличных, неуместных) действий, диктуемых витальными потребностями. В случае с толерантностью правильнее говорить о терпимости, сдержанности, снисходительности. Это несколько иная форма самоконтроля и самоорганизации личности. Толерантность является, по своей сути, антиподом импульсивности, способностью, не раздражаясь и не гневаясь, оценивать и переносить неприятные, недружелюбные, порой оскорбительные воздействия. В общении с людьми необходимо, несмотря ни на что, оставаться спокойным, почтительным, даже кротким. Иногда это требует больших усилий воли, поэтому в адыгской культурной традиции толерантность предстает как мужество самой высокой пробы, и прежде всего как способность победить в гневе свой язык [2, с. 65].

К такого рода терпимости (щыІагъэ) адыги приучали своих детей с младенческих лет. При разъяснении преимущества данного качества часто говорят: «Шэным ильэкІ щэІагъ (из всех добродетелей самая лучшая — сдержанность)»; «ЩэІагъэр насыпыгъ (что может сравниться со счастьем быть сдержанным в гневе)»; «ЩэІагъэ зиІэр бэгъашІ (умеющий сдерживать гнев (проглотить обиду) доживает до старости)». Воспитание в этом духе способствует формированию таких качеств характера, как невозмутимость, сдержанность, выдержанность, терпимость, спокойствие. Неслучайно, на толерантность как на примечательное и во многом неожиданное качество адыгского характера указывали многие бытописатели Черкесии. Их удивляло, что в стране, где каждый мужчина вооружен, царит непривычный покой и порядок, а ссоры, стычки, кровавые столкновения крайне редки [2, с. 66]. В адыгской культурной традиции толерантность — мужественная доброта и великая внутренняя культура, лежащая в основе этической рационализации мира.

Существует неписанное правило запрета на хвастовство, тем более на самовосхваление. Оно объемлет собой и запрет на весьма распространенные в нынешнем обществе похвалы детей родителями и даже вообще всякий разговор о них. «Создается такое впечатление, — пишет Тебу де Мариньи, — что черкесы избегают всего того, что напоминает

им о их привязанностях и удовольствиях. <...> у них даже считается неучтивым говорить о детях, особенно маленьких» [2, с. 66]. Всякого, заводившего разговор о достоинствах дочери или сына, высмеивали, считали бестактными в высшей мере. Отсюда и пословицы, вроде таких, как: «УитІуанэ умыуб, уибын ущымытхъу (вторую жену своего мужа не ругай, своих детей не хвали); «Зи нысэгъу зыубрэ, зи бын щытхъурэ зэфэдэ (жена деверя, ругающая и своих детей хвалящая, [одинаково недостойна уважения]).

Если хвалят парня или девушку в присутствии их родителей, последние считают своим долгом тут же, но при этом деликатно прервать говорящего, поскольку выслушивать такое приятно, но неприлично об этом говорить. Обычно, в силу учтивости, и это делается в легкой непринужденной шуточной форме, дабы не обидеть хвалящего. Если, например, речь идет о сыне, могут сказать: «А кІэлэжъ цыкІур ара зигугъу пшІырэр? Щыгъэт, ащ игугъу пшІынэу джири лЫгъэ зэрихьагъэп (Ты говоришь про этого мальчишку? Перестань, пожалуйста, он еще ничего не достиг». В таком же духе высказываются старшие братья о младших.

Основоположник адыгейской литературы Тембот Керашев в своих произведениях тонко, но важно отмечает о терпимости настоящего адыга. «...однажды Ерстэм все-таки допустил оплошность, которую всячески старался избежать. Как-то на большом свадебном игрище — джегу — он вышел победителем во всех видах состязаний. Гордый своим успехом, он не удержался и рассказал об этом отцу. Но тот короткой фразой охладил его пыл: “Кто кичится малым успехом, тот лишен истинного мужества!..” Удивительный был нрав у отца! Ерстэм часто вспоминал его и размышлял о нем. Для него отец навсегда стал образцом истинной адыгской мужественности. К сыновьям он был не слишком суров. Крика и ругани от него никто никогда не слышал. И в требованиях своих он не проявлял глупого упрямства. Когда, бывало, сыновья высказывали нечто разумное, отец не кичился своим старшинством, а соглашался с сыновьями. Однако поблажки им не давал, был немногословен, ценил каждое свое слово...» [5, с. 21].

В современном обществе адыгов под влиянием инокультурного вмешательства, к сожалению, постепенно, но все же меняются нравственные императивы. К этому выводу нас привели результаты наших социологических исследований. С января по май 2021 г. отделом философии и социологии Адыгейского республиканского института гу-

манитарных исследований имени Т. М. Керашева проведено неформализованное социологическое наблюдение. Нас интересовал вопрос: как современные родители относятся к своим детям? Так как опрос носил социальный характер, наблюдение проводилось в различных группах, включая и мини группах (коллективные группы, различные семейные мероприятия и др.). Всего мы посетили 9 групп.

По нашим наблюдениям, нравственный императив «щыҭагъэ» (терпимость) практически вытесняется из современной жизни адыгов. 83 % современных родителей сейчас живут интересами своих детей и потакают им во всем. При вопросе: «Чем занимаются ваши дети? — современные родители начинают рассказывать о «величайших» «достижениях» и достижениях своих детей, не испытывая при этом никакого стеснения и неловкости. 15 % родителей (в основном, мужчины) ничего плохого и хорошего не говорят о своих детях, просто и сдержанно отвечают на вопросы. Выяснилось, что 3 % родителей даже побаиваются своих маленьких детей, объясняя это тем, что «он закатит истерику», «он сейчас кричать будет» и т. д. Как показывают наши социологические наблюдения, глобализационные процессы, действительно, приводят к затуханию и размыванию привычных традиционных форм жизни малых этнических групп. О традиционной терпимости, уступчивости и сдержанности много говорят в адыгском обществе, но соблюдать и чтить эти нравственные качества наших предков стремятся немногие.

В ходе социологического исследования мы общались (используя метод интервью) с лидерами общественных молодежных организации. Про адыгэ хабзэ, адыгагъэ (адыгсво) ребята неплохо рассуждают и ориентируются в этих темах. Однако в то же время они часто говорят: «В глобальном обществе заикливаться и соблюдать то, что гласит адыгэ хабзэ, невозможно, поэтому стараемся действовать по ситуации...» Подрастающее поколение считает: «В современном обществе каждый живет по-своему...» Иными словами, можно констатировать, что нравственный императив терпимость «щыҭагъэ» в процессе трансформации приобретает совершенно «чужой», не свойственный адыгам облик.

Переструктурированная система ценностей интегрируется и нарушает идентификацию личности в «Я-концепции». Люди идентифицируются с новыми ролями, позициями. Рождаются новые коллективные субъекты, основания единения которых изменяются. В ходе социальных изменений происходят трансформации в организации, дифференци-

ции и усложнении «Я-схемы». А. Н. Славская показала в своем исследовании, что «в российском общественном сознании еще преобладает старое умозрительное представление об общем благе и свободе, а в индивидуальном — понимание собственной ущербности, невозможности проявить себя, непризнание личности другими людьми и ненадежность межличностных отношений» [6, с. 19]. Таким образом, старые формы традиционного мышления вступили в противоречие с новыми условиями социума.

В марте 2021 г. нами был проведен пилотажный социологический опрос. Нас интересовал вопрос: сохранился ли обычай избегания между свекром и невесткой в современном обществе адыгов?

В научной литературе почти не исследован древнейший адыгский обычай избегания. В этом отношении можно лишь отметить работы отечественного этнографа Ярославлы Смирновой, которая в 60-е гг. прошлого века в Адыгее проводила соответствующие исследования. Она отмечала: «Избегание (в Адыгее) в отношениях между женщиной и родственниками ее мужа касалось главным образом старших из них. Женщине полностью запрещалось всякое общение с отцом и дедом мужа — с ними нельзя было разговаривать, находиться в одном помещении, показываться им на глаза за пределами дома. Если невестке было необходимо пройти мимо свекра, кто-нибудь из младших членов семьи подходил к нему и просил отвернуться; если невестка и свекор случайно сталкивались, оба делали вид, что не замечают друг друга. Обычай допускал, чтобы через несколько лет после свадьбы свекор обратился к невестке с предложением прекратить избегание, однако такие случаи были очень редки и всегда вынуждались какими-нибудь чрезвычайными обстоятельствами...» [7, с. 133].

В общей сложности нами было опрошено 235 человек. Как мы и прогнозировали, обычай избегания между свекром и невесткой соблюдают лишь 5% из числа опрошенных. В городе данный обычай избегания почти не соблюдают. Как выяснилось, только 1% опрошенных горожан пытается сохранить традицию предков, а оставшиеся 4% являются жителями аулов. В основном, у всех ответ был однотипный: «В нынешних условиях невозможно соблюдать старинный обычай адыгов, зачем нам играть в прятки...» Оставшиеся верными этому элементу системы Адыгэ хабзэ говорят иначе: «По-другому не может быть, должны быть границы между старшими и младшими. Адыги не просто так чтят и соблюдают обычай избегания. В нем заложены мудрость и правильная тактика

в поведении нашего народа». Однако в подавляющем большинстве случаев данное правило избегания между свекром и невесткой в адыгском обществе практически не соблюдается и в скором будущем даже может полностью исчезнуть.

Что касается свадебных традиций, этот церемониал у адыгов с 90-х гг. прошлого века стал весьма стереотипным. В 60–80-е гг. прошлого века адыгские свадьбы отличались сдержанностью и порядком, например: молодожены никогда не сидели за одним столом, старшее поколение занимало отдельный стол, на свадьбе играла исключительно только адыгейская гармошка и т. д. В период же трансформации в постсоветское время адыгская свадьба обрела иную, «чужую» форму. Впрочем, следует отметить, что в последние десять лет на свадьбах этнические элементы хоть и в трансформированном виде, но все же стали появляться, например, использование адыгской инструментальной музыки, выбор молодоженами в пользу адыгской одежды, проведение бракосочетания в мечети и т. д.

За последние два века в этнографической науке проведено множество исследований, подчеркивающих уникальность данной системы моральных ценностей. В этой связи представляется целесообразным смещение исследовательского фокуса в рассмотрении Адыгэ хабзэ с вопросов культурно-исторической ценности соционормативной системы адыгов в несколько иную плоскость — к анализу институционального потенциала и определению перспектив реновации адыгского этикета, совершенствованию механизмов его реконструкции без разрушения целостной структуры применительно к современным адыгским реалиям.

Использованная литература:

1. *Бгажноков Б. Х.* Адыгская этика как соционормативная система // Мир культуры адыгов (проблемы эволюции и целостности). Майкоп: Адыгея, 2002. С. 160–177.
2. *Бгажноков Б. Х.* Адыгская этика. Нальчик: Эль-Фа, 1999.
3. *Бельды О. А.* Трансформация традиционной культуры народов России и этнокультурное образование в полиэтническом пространстве хабаровского края // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. Т. XV. Вып. 3. С. 26–39.
4. *Джамирзе Н. К.* Психологические особенности трансформации ценностных категорий «адыгэ хабзэ» в системе идентификационных мар-

коров студентов-адыгов // Вестник Пермского гос. гум.-пед. ун-та. Сер. 1: Психологические и педагогические науки 2017. Вып. 2. Ч. 1. С. 50–55.

5. *Керашев Т. М.* Одинокий всадник (роман) // Избранное. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 1997. С. 13–283.
6. *Славская А. Н., Абульханова К. А.* Предисловие // Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. С. 6–33.
7. *Смирнова Я. С.* Обычаи избегания у адыгейцев и их изживание в советскую эпоху // Советская этнография. 1961. № 2. С. 41–52.
8. *Шаов А. А., Нехай В. Н.* Социоинтегративный потенциал традиционной культуры адыгов в условиях глобализирующегося мира // Власть. 2014. № 5. С. 98–103.

Zukhra Kh. GUCHETL,

Cand. Sci. (Sociology of Culture and Intellectual Life),
Leading Researcher, Department for Philosophy and Sociology,
Adygea Republican Institute for Humanitarian Studies, Maykop,
Republic of Adygea, Russia, zuchraguchetl@mail.ru.

Ethnic Traditions of the Adygs in the Conditions of Transformation (based on the Materials of Sociological Research)

The article deals with the problems of transformation of the ethnic traditions of the Adygs at the present stage, revealing the essence of the moral and ethical code “Adygagye” (the essence of the Adyghe people) and its social functions. The analysis of sociological and ethnographic studies on the problem of the research, preservation and development of the Adygea is presented. The author notes that the Adygs, being one of the autochthonous peoples of the North Caucasus, have formed a rich and stable culture. The uniqueness of the Adyghe culture has found its expression in such phenomena as “Adyge habze” and “Adygagye”. It is shown that in the conditions of transformation of the socio-cultural space of the small Adyghe ethnic group and the intensification of globalization processes, the phenomenon of “Adygagye” undergoes a spiritual crisis. As the results of sociological research show, the role of “Adygagye” in the transmission of traditional ethno-cultural values of the Adygs has significantly decreased. This, in turn, increases the propensity of the Adyghe culture to borrow other people’s cultural values and at the same time weakens its ethno-cultural significance.

Keywords: tolerance, interethnic relations, ethnic traditions, values, society, people.

А. А. Гуцалов*

Объективные показатели успешности политики национальной идентичности¹

В статье анализируются подходы к выстраиванию государственной политики идентичности и к определению ее эффективности. Указаны недостатки имеющейся системы оценки только на основе фиксации наличия государственных программ и подпрограмм, косвенно и непосредственно связанных с формированием, укреплением и развитием общенационального единства, объема их финансирования, разнообразия типов мероприятий и их количества, учета ведущих акторов, тематической содержательной наполненности, широты охвата целевой аудитории. Обосновывается необходимость учитывать объективные социально-экономические, технологические, военно-оборонительные, спортивные, финансовые, демографические и иные показатели, сбалансированность регионального развития страны, повышение и улучшение которых является целью любой гармоничной политики по формированию общенационального самосознания. Формирование и укрепление национальной идентичности должны опираться на активное вовлечение населения в популяризацию и реализацию всех национальных проектов и связанных с ними государственных и целевых программ. Исследование выполнено на основе данных международных и российских рейтинговых агентств, статистических баз данных, других авторитетных ресурсов.

Ключевые слова: национальная идентичность, гражданская идентичность, государственная идентичность, региональное развитие, политика идентичности, ВВП страны, СССР, Россия, Казахстан, страны — бывшие советские республики.

Единство, сплоченность, высокая степень готовности решать общенациональные задачи являются целью любой взвешенной государственной политики идентичности. При самых разных имеющих место быть подходах в ее планировании и осуществлении эта цель остается неизменной. Стратегия и тактика усилий государства по формированию, сохранению и развитию общенационального самосознания с раз-

* ГУЦАЛОВ Александр Анатольевич, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник — руководитель отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия, gutsalov_alex@mail.ru.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва» по теме: «Укрепление и развитие гражданской идентичности региональных сообществ как составная часть проекта российской государственности», № ГР 121021500263–9.

витым государственным мышлением и активной гражданской позицией предполагает ясное понимание целей и задач, а также комплекс разовых и системных мероприятий, инструментов и методик, учитывающих общенародную и региональную специфику. Но при этом вся эта работа должна быть дополнена и тщательно разработанной системой оценки эффективности проводимой политики. К сожалению, подавляющее число научно-исследовательских работ по этой тематике страдает отсутствием попыток так или иначе оценить усилия государственных органов власти и гражданских общественных организаций в реализации означенных выше целей. В итоге мы получаем воспроизводящую себя систему без четкой фиксации достигнутых результатов и без инструментов, позволяющих определить степень успешности всех действий, привлекающих для своей реализации значительные ресурсы страны.

Целью этой статьи является постановка проблемы определения эффективности национальной политики идентичности и попытка выявить ее объективные показатели, на основе которых мы и сможем определять, насколько верны ее стратегия и тактика.

В научном дискурсе предпринимались немногочисленные усилия по выявлению такого рода маркеров, которые могли бы нам дать возможность объективной оценки. В аналитическом докладе ученых Южного филиала Института наследия «Общероссийская гражданская идентичность на Юге России. Анализ мер и предложения по Южному федеральному округу и Северному Кавказу» [2] внимание было сфокусировано на следующих данных: наличие государственных федеральных, региональных программ и подпрограмм, непосредственно и опосредованно нацеленных на формирование, развитие и укрепление общероссийской гражданской идентичности, объем их финансирования, широта охвата целевой аудитории, типы, количество и тематика мероприятий, активность акторов-исполнителей (театры, концертные организации и киноучреждения, научно-методические центры народной культуры, библиотеки, архивы, творческие союзы, общественные организации). Ставился вопрос об эффективности данных мероприятий: «...насколько эффективны эти методы подачи в работе по формированию гражданской идентичности?» [2, с. 16]. Она как раз и связывалась с численностью мероприятий, объемом финансирования, разнообразием методов подачи соответствующего материала, степенью распространенности по тематике, актерам, с активностью в вовлечении целевой аудитории.

Такой подход, несмотря на свою очевидную практическую ценность, страдает рядом недостатков, которые не позволяют иметь более целостную картину восприятия и оценки эффективности национальной политики идентичности. Какими бы тщательно разработанными ни были бы программы, они всегда страдают ограниченностью финансирования, тематики, методов и узостью целевой аудитории. Например, на данных мероприятиях делается преимущественный акцент на их зрелищность, из-за чего большая часть участников является пассивно воспринимающей (концерты, лекции, спектакли, торжественные программы, встречи и т. д.).

Кроме того, объем финансирования не позволяет, да и не сможет позволить охватить все население регионов. В итоге из года в год сохраняется одни и те же целевая группа и команда ответственных за осуществление мероприятий. Большая часть населения остается за бортом внимания государственных программ и подпрограмм, что ставит под большой вопрос вообще всю имеющуюся систему формирования общегражданской идентичности в стране. Безусловно, самая эффективная практика должна охватывать все население страны, по крайней мере, его большинство. Иначе формируемое и достигаемое «общенациональное» единство будет актуальным лишь в крайне узких кругах общества и будет означено следами явной профанации.

Охват этой работой большей части народа должен стать основой для полномасштабной работы по формированию единой нации. Как этого достичь? Разумеется, только изменением самой системы государственной политики идентичности, в которой непосредственно и опосредованно направленные на эти цели выше означенные программы будут выступать лишь в качестве факторов, дополняющих общую работу, а вовсе не заменяющих ее. От изменения подхода к этой политике будет меняться и сама система оценок ее эффективности, которая уже не сможет сводиться к фиксации количества узкотематических программ и подпрограмм и определению их типов, объема их финансирования и связанных с ними мероприятий.

Для этого необходимо понять, что национальная идентичность — не нечто, что формируется само по себе как отдельное от других сторон жизни качество. Она сопряжена со всем, что происходит в обществе, пронизывает все сферы социальной жизни: не только сугубо гуманитарную (культурную, образовательную, просветительскую), а и включая технологии, экономику, военную оборону, работу всех силовых учреждений, финансы, медицину, туризм, экологию и т. д.

Можно, конечно, искусственными методами навязать обществу объединяющую всех идентичность вне учета положения дел в этих сферах, но она всякий раз будет нуждаться в новой дозе искусственных подпиток. Даже значительное повышение общего патриотического настроения в связи со значимыми событиями в жизни страны, такими как ежегодное празднование очередного Дня Победы, как факт воссоединения Крыма с Россией, как проведение специальной военной операции на территории Донбасса и Украины, может со временем смениться упадком из-за принятия непопулярных решений (как это уже было в ситуации повышения пенсионного возраста, введения жестких антиковидных мер).

Если методы формирования и поддержки общенационального единства не учитывают качество жизни людей, такие очевидные вопросы, как уровень развития экономики и технологий, финансовую ситуацию в стране, положение в социальной сфере, образовании, науке, спорте, туризме, справедливость распределения национальных средств и т. д., то и сама возвращаемая и поддерживаемая внешними значимыми событиями и прямолинейными способами идентичность станет крайне неустойчивой.

С моей точки зрения, политика идентичности в стране должна перестать рассматриваться как некая отдельная от других часть работы, а должна пронизывать собой все без исключения стороны национального хозяйства, включая финансы и экономику, технологии, сферу обороны и правопорядка, экологию, культуру, искусство, науку и образование. Только на принципе всеохватности и можно сформировать максимально развитое ответственное гражданское общество, активно вовлеченное в дела страны. Одной из значимых основ для такого широкого вовлечения могут стать все национальные проекты и осуществляемые в их рамках государственные, целевые программы всех уровней реализации (федеральные, региональные, муниципальные), а также многочисленные общественные инициативы. Национальные проекты охватывают собой в настоящее время в качестве своих акторов все действующие министерства и ведомства, что важно, поскольку при этом учитывается разнообразие интересов граждан.

Каким образом эти проекты могут стать основой для возвращения национального самосознания? Путем вовлечения самых широких и заинтересованных слоев населения в их реализацию, включая создание специальных волонтерских отрядов по популяризации этих проектов

и сопряженных с ними программ. Развитое национальное сознание предполагает активную ангажированность населения в дела государства.

Иначе говоря, национальное самосознание обретает устойчивость только тогда, когда государственная и гражданская идентичности активно и непрерывно коррелируются друг с другом.

Таким образом, оценка успешности проводимой политики идентичности должна учитывать кроме факторов, связанных с непосредственно направленной на это работой министерств культуры, просвещения и которые мы уже назвали выше, также и степень вовлеченности населения в процессы реализации и популяризации всех национальных проектов. Но и такой подход еще не может нам дать реально всестороннюю объективную оценку успешности осуществляемых мероприятий. Задействование в реализацию национальных проектов как можно более широких слоев населения дает нам возможность оценить только формальные количественные показатели и результаты этой работы. Цель же заключается в достижении единства и сплоченности нации, смысл которого и заключается в большей успешности функционирования всего спектра общественной жизни, включая все ее стороны: экономику, культуру, образование, финансы, оборону, политику, медицину, социальные сферы и т. д. Определить эту успешность можно только фиксацией достигнутых показателей во всех сферах национального хозяйства, которые и должны стать несомненными и объективными конечными маркерами эффективности проводимой политики идентичности в конкретной стране и регионе.

Политика идентичности включает себя сложную систему взаимодействия разного и многоуровневого рода идентичностей: индивидуальные, групповые, локальные, региональные, этнические, религиозные, языковые, культурные, идеологические, политические, общенациональные, международные региональные, общечеловеческие. Выстраивание их иерархии в соответствии с целями гармоничного развития человека в условиях традиционного разделения мира на различные страны, сбалансированность их использования, по идее, должны приводить и к более устойчивой национальной социально-экономической, финансовой, технологической, политической, культурной, научно-академической, оборонной системе. От сплоченности нации, от состояния национального духа зависит уровень развития во всех сферах жизни любого общества.

Такой взгляд открывает возможность получения всесторонней оценки государственной политики идентичности, эффективность ко-

торой как раз и проявляется в улучшении объективных показателей, свидетельствующих о качестве жизни, наличии безопасных и стимулирующих условий для жизнедеятельности. Искажения и однобокость или, наоборот, сбалансированность и цельность в ее осуществлении не могут не отражаться на общих показателях, доступных статистической фиксации. Таким образом, мы получаем объективный механизм проверки и оценки разных имеющихся подходов выстраивания системы государственной политики по формированию общенационального сознания.

Одними из самых очевидных, простых и основных вопросов в этой связи должны быть следующие: «Привела ли и способна ли привести вообще данная концепция государственной политики идентичности к положительным результатам во всех сферах социальной жизни или нет? Если нет, то почему? Если да, то, что именно позволило достичь успеха? Каков уровень достигнутого развития? Наблюдается ли положительная динамика развития и роста в таких важнейших сферах, как демография, экономика, технологии, оборона, культура, искусство, наука, образование, спорт, политическая система, международный статус и др.?» По достигнутым результатам во всем комплексе сфер общественной жизни, отраслей национального хозяйства можно оценить и степень успешности или безуспешности государственной политики по выстраиванию сплоченной нации, нацеленной на достижение общих целей. Работа каждой из этих сфер определяется большим многообразием объективных показателей, на основании которых можно делать соответствующие выводы. Чем больше показателей принимаются во внимание, тем, разумеется, более выверенной получается и наша общая оценка.

Исходя из этой логики, мероприятия в рамках всех без исключения национальных проектов, государственных и целевых программ должны учитывать и цели формирования и укрепления общенациональной идентичности, вовлекая в свою реализацию как можно больше гражданского населения, придавая осуществляемым проектам статус не неких забюрократизированных и ограниченных спецификой данного ведомства действий, а именно нациеформирующих процессов. Думаю, игнорирование или недооценка этих форм работы и приводит к возникновению большой дистанции между государством и народом, возникновению на этой почве разного рода малоперспективных патерналистских, либеральных и либертарианских моделей их взаимодействия.

Без сформированного общенационального сознания, в принципе, нет смысла говорить о сколько-нибудь успешном развитии стра-

ны. Как бы ни были высокоразвиты нынешние европейские народы, иммиграционная политика открытых дверей с культом толерантности и мультикультурности уже привела их страны к растущей неустойчивости социальных систем и вместе с тем к серьезным экономическим проблемам.

Таким образом, экономические, демографические, финансовые, военно-оборонительные, спортивные и прочие показатели представляются объективными маркерами эффективности проводимой политики идентичности, наряду с конкретными действиями, непосредственно направленными на формирование общенационального самосознания в обществе.

Многочисленно осуществлено разностороннее исследование на основе статистических данных из сфер макроэкономики, финансов, обороны, спорта, демографии, комплексных международных и отечественных рейтингов, учитывающих множество микроэкономических, социальных факторов в России и ее отдельных регионах, бывших республиках Советского Союза и для сравнения некоторых других странах.

Исследование в области экономики и финансов фиксировало следующие показатели:

1. ВВП на душу населения и соотношение его в периоды 2000–2015 гг. и 2000–2019 гг. среди некоторых стран с наибольшим показателем роста, а также среди некоторых ведущих стран мира.
2. Доля ВВП (ППС) советских республик в ВВП (ППС) СССР.
3. Доля стран — бывших республик СССР — в общемировом ВВП (ППС), изменение ее с 1992 по 2020 г.
4. Место в списке стран по уровню доли ВВП (ППС) в общемировом ВВП (ППС) в 2020 г.
5. Рост ВВП в 1990–2018 и 1990–2020 гг. в странах — бывших республиках СССР. Место в глобальном международном рейтинге по уровню роста ВВП.
6. ВВП на душу населения стран постсоветского мира (2000–2015 гг., 2019 г.).
7. Внешний долг, ВВП, внешний долг к ВВП, объем международного резерва стран постсоветского пространства.

Исследование в области демографии проведено на основе сравнения показателей всех стран постсоветского пространства, с большим акцентом на России и Казахстане.

I. Сравнительный демографический анализ России и Казахстана включал в себя следующие позиции:

1. Россия: Число выбывших в страны СНГ и прибывших из них.
2. Казахстан: Число выбывших в страны СНГ и прибывших из них.
3. Соотношение численности казахского и русского этносов в РСФСР и Казахской ССР.
4. Соотношение численности казахского и русского этносов в современной России и Республике Казахстан.
5. Естественная убыль (соотношение рождаемости и смертности) казахского и русского населения.
6. Представленность во власти представителей русского и казахского этносов.

II. Демографический анализ стран постсоветского пространства и советских республик включал в себя фиксацию следующих данных:

1. Численность населения всех советских и постсоветских республик.
2. Изменение численности и динамика изменения по периодам.
3. Соотношение динамики роста населения.
4. Международная миграция.
5. Миграционная картина со странами СНГ.
6. Национальный состав населения.
7. Изменение количества русского и титульных этносов по годам и периодам.
8. Изменение доли русского и титульных народов по периодам.
9. Естественная убыль русского населения.

В демографии представляли интерес показатели роста/уменьшения населения, их динамика и ее изменение по сравнению с советским периодом истории, этнический состав общества и количественное изменение титульного и русского этносов, соотношение миграции и эмиграции, представленность во власти по этническому признаку.

Исследование в области спортивных достижений было сосредоточено на количестве медалей (в том числе золотых), завоеванных на зимних и летних олимпийских играх в СССР и всех постсоветских странах. Эти данные мною привлечены потому, что спорт на международной арене по сути своей является не столько соревнованием отдельных спортсменов, сколько состязанием национальных идентичностей.

Исследование в области обороноспособности предполагало раскрытие следующих данных:

1. Место в мировом рейтинге оборонной мощи стран (на основе следующих показателей: численность вооруженных сил и резерва, количество мужчин в странах, состояние военно-воздушных, военноморских (подводный и надводный флот), сухопутных сил, природные ресурсы, военная и гражданская логистика, финансовые показатели (оборонный бюджет, внешний долг, госрезервы в валюте и золоте, покупательная способность населения), география страны, военно-техническая инфраструктура и т. д.).

2. Объем и структура военного бюджета.

Исследование в области религиозной сферы дало общую картину по следующим позициям:

1. Конфессиональный состав населения.

2. Религиозные конфессии и институции.

3. Количество культовых сооружений.

4. Религии России: территориальная локализация.

5. Динамику изменения количества религиозных объединений в Казахстане.

6. Отношение к введению шариата вместо гражданского права.

7. Международный рейтинг религиозности стран.

В религиозной сфере отслежены число религиозных конфессий, институций и культовых сооружений и их изменение по периодам времени, количество сторонников религиозного и гражданского права там, где ислам широко представлен, рейтинг религиозности стран.

Международные рейтинги стран, такие как, например, Индекс валового национального счастья, Индекс человеческого развития, учитывают десятки разнообразных социально значимых показателей, тем самым существенно дополняя систему оценок успешности национальной политики идентичности. На основе анализа индексов лучшей жизни, социального прогресса, валового национального счастья, человеческого развития, принимающих за основу такие показатели, как средняя продолжительность жизни в стране, экология, благополучие граждан, степень неравенства граждан по доходам, региональные диспропорции, ВВП страны и т. д., мы обретаем еще более объективную и полномасштабную картину в любых странах.

Российские рейтинги также позволили скорректировать наши оценки и существенно дополнить общее представление о ситуации в стране и регионах. Например, известное международное рейтинговое агентство медиагруппы МИА «Россия сегодня» — РИА Рейтинг — специализируется на оценке социально-экономического положения регионов РФ, экономического состояния компаний, банков, отраслей экономики [5].

В основе работы этого агентства лежат данные Росстата, федеральных министерств и ведомств, Центробанка. Например, при расчете Рейтинга регионов по качеству жизни приняты к рассмотрению 67 показателей, объединенные в 11 групп: занятость и рынок труда, уровень доходов населения, безопасность проживания, жилищные условия, экологические и климатические условия, демографическая ситуация, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, здоровье и уровень образования, уровень развития малого бизнеса, уровень экономического развития, развитие транспортной инфраструктуры, освоенность территории [8].

Эти рейтинги делают очевидными существенные перекосы в выстраивании политики развития регионов, приводящей к существенным диспропорциям.

Например, обращает на себя внимание значительный разрыв в качестве жизни в разных регионах России. Страна одна, а качество жизни в ее регионах настолько разнится, что показатели уровня жизни различаются в несколько раз, — в 2020 г. от 17,506 и 27,693 баллов в занимающих последнее 85-е и предпоследнее 84-е места Республиках Тыва и Карачаево-Черкессия до 80,634 (и 82,164 баллов у лидеров, Москвы и Санкт-Петербурга; в 2021 г. эти показатели незначительно изменились, не изменив общую картину существенных межрегиональных диспропорций, — от 19,105 (Республика Тыва) и 25,542 (Карачаево-Черкесская Республика) до 80,241 (Санкт-Петербург) и 81,352 (Москва) баллов [8].

Разрыв между последним и первым местом составлял в 2020 г. 4,7 раза, а в 2021 г. — 4,3 раза. Причем между Москвой, Санкт-Петербургом и Московской областью с другими регионами он начинает быть значительным уже с субъектов Федерации, занимающих передовые позиции в этом рейтинге (Республика Татарстан с его 69,361 баллами и 4-м местом в рейтинге имеет показатель в 1,2 раза меньше столичного).

Среди регионов с наименьшими показателями, занимающих последние 17 мест (с 69-го по 85-е), семь регионов относятся к Северо-

Кавказскому и Южному регионам. Различие с Москвой у них от 2,1 до 4,3 раза. Можно ли утверждать эффективность национальной политики идентичности при таких разительных диспропорциях регионального развития одной страны? Сколько бы ни проводили мероприятий, направленных на формирование и поддержку национальной идентичности, эффективность от них при таком раскладе будет минимальной. Значит, и расход средств, выделяемых на их проведение, по большей части, окажется малоэффективным.

Один из важнейших ресурсов формирования сплоченного общенационального сознания заключен в создании более-менее сбалансированных условий проживания, соразмерного качества жизни в разных регионах одного государства. Иначе неизбежно будут возникать межрегиональные претензии, обиды, зависть, желание поехать в регионы с большим достатком. Мы видим, как различие уровня жизни между странами время от времени порождают международные конфликты, плохо контролируемые активные миграционные процессы и массу проблем, с ними связанных. Все это когда-то зарождалось из-за значительного различия в уровне жизни. Что мешает всем этим проблемам явить себя в рамках страны, а не только в международном плане?

Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2021 г. фиксирует различие между аутсайдерами и лидерами в более чем 9 раз. В последней двадцатке опять же находятся 6 регионов Северо-Кавказского федерального округа и один из Южного федерального округа. Причем различие разительно даже внутри регионов одного федерального округа. Например, в Южном федеральном округе это различие достигает 6,5 раз (между находящимися соответственно на 8 и 85 местах общего рейтинга Краснодарским краем и Республикой Калмыкия). У людей, особо не ангажированных политическими идеями патриотизма и общего единства, складывается устойчивое восприятие действительности, что мы живем не в одной стране, а словно в разных государствах, где даже пенсия в регионах со схожим климатом рассчитывается по-разному и может существенно отличаться [9].

В пользу этого говорит и факт значительного разрыва в оплате труда. Если занимающие первые 13 позиций регионы показывают, что получающие менее 15 тыс. руб. в месяц составляют от 0 до 2,3 процентов трудящихся, то в последней тридцатке этот показатель варьируется уже от 12,2 до 27,5 %. На такую зарплату можно только выживать, не имея возможности думать о каких-то высоких материях. Человека

голодного сначала нужно накормить, прежде чем вести задушевные духовнополезные беседы, иначе они будут не услышаны. Такие же диспропорции фиксируются и в рамках одного региона между разными населенными пунктами, городами и селами, республиканскими, крайвыми и областными столицами и районными центрами, и сельскими поселениями [7].

Что рождается в сознании ребенка, которому родители с низким уровнем дохода не могут приобрести удобные одежду и обувь, но которому внушают любовь к стране и такому государству, создавшему все условия для столь очевидного социального неравенства? Конечно, все люди не могут быть равными, социальное неравенство всегда будет существовать в той или иной степени, но оно должно быть под жестким контролем государства и общества. В стране, где допускаются значительные разрывы между доходами разных слоев населения, разных населенных пунктов и регионов, не может быть общенационального единства и сплоченности апостериори. Естественно, при этом будут возрастать и накапливаться взаимные претензии и недовольство сложившейся несправедливой ситуацией, что повлечет за собой рост межрегиональной и межэтнической напряженности. Поскольку нынешняя Россия позиционирует себя представителем единого русского мира, страной, где государствообразующим народом признан русский народ, то негативное отношение к неверно выстроенной системе распределения благ с многочисленными диспропорциями социально-экономического развития будет естественным образом переноситься на сам русский мир и русский народ, создавая им антирекламу.

Одной из целей всех национальных проектов в первую очередь должно быть выравнивание уровня жизни в разных регионах для создания оптимальных условий дальнейшего его повышения в целом по стране.

В основе любой социально-экономической модели лежит формируемая и поддерживаемая политика идентичности граждан. Предлагаемый мною подход может помочь объективно оценить ее успешность или безуспешность.

Например, его можно применить к странам постсоветского пространства после распада СССР и увидеть, насколько удачны оказались принятые на вооружение идентификационные модели в новообразованных странах. В этой связи я приведу некоторые из полученных мною данных, которые убедительно подчеркивают общий негативный вывод

по всем странам — бывшим братским советским республикам, ныне весьма далеким от идеологии братства и единства.

Далеко не в лучшем 1990 г. ВВП СССР, объединяющим все свои республики в одну страну (1 694,5 млрд долларов) [4], был больше, чем ВВП (ППС) Китая (396,6 млрд долл. [1]) в 4,27 раза, ВВП (ППС) Индии (326,6 млрд долл. [1]) в 5,19 раза, ВВП (ППС) Турции (207,5 млрд долл. [1]) в 8,17 раза.

Спустя тридцать лет апробации иной модели идентичности, в 2020 г. совокупный ВВП (ППС) всех стран — республик бывшего СССР — стал меньше ВВП (ППС) Китая (24 273 360 028 006 [10]) в 3,9 раза, ВВП (ППС) Индии — в 1,42 раза. Значительно уменьшился перевес над ВВП Турции с 8,17 раза до 2,7 раза.

Если исходить из общего совокупного ВВП (ППС) всех стран — республик бывшего СССР, то, если бы все они были объединены в 2020 г., они бы занимали четвертую позицию в мире после Китая, США и Индии, опередив Японию, Германию, Индонезию, Бразилию и Францию, входящие в первую десятку стран с максимальным показателем ВВП (ППС).

Доля совокупного ВВП (ППС) всех стран постсоветского пространства в общемировом ВВП (ППС) по сравнению со временем обретения независимости их друг от друга в 1992 г. сократилась к 2021 г. на 31,45% [3] [10].

Снижение доли ВВП (ППС) страны в общемировом ВВП (ППС) за период с 1992 по 2020 гг. произошло у 7-ми из 15-ти стран, 4 страны продемонстрировали ее незначительный рост: с 4,67% (Казахстан) до 11,21% (Азербайджан). По этому показателю 7 стран находятся во второй сотне стран общемирового рейтинга, 5 стран во второй полсотни (Украина в нынешней ситуации, очевидно, сместилась ныне со своего 39-го места в 2021 г. далеко вниз). Занимающий второе место по этому показателю Казахстан находится только на 40-м месте [3]. Но и прибавившие свою долю в общемировом показателе ВВП страны (Армения, Грузия, Эстония, Литва, Туркменистан, Узбекистан) обладают микроскопическим объемом своей экономики — значительно меньше одного процента.

Такие показатели лучше всего демонстрируют ту цену, которую заплатили страны, некогда бывшие в единстве, за свою независимость и за принятую принципиально иную стратегию общенациональной идентичности.

Важный показатель — соотношение внешнего долга страны к ВВП и к объемам международных резервов. Только три страны из 15 бывших советских республик могут заявить о своей финансовой независимости (Россия, Туркменистан, Узбекистан). Внешний долг, например, Эстонии превышает объем имеющихся у государства международных резервов в 69,4 раза (23,944 млрд долл. к 345 млн долл.) и приближается к объему ВВП страны (78,1 %).

Все республики после обретения независимости не достигли никаких выдающихся результатов в экономическом плане. Внешний долг 11-ти стран превышает 60 % к ВВП страны, международные резервы 12-ти стран кратно меньше объемов внешних заимствований, что говорит о больших проблемах в плане финансовой независимости стран и связанных с нею национального суверенитета и состояния общегражданского самосознания. Лишь Туркмения, Узбекистан и Россия могут говорить о финансовом суверенитете, что дает возможность в какой-то степени утверждать парадигму суверенного нацистроительства в этих государствах. Однако другие экономические показатели в этих странах не выявляют оптимистической картины. Наряду с приведенными макроэкономическими параметрами есть множество других факторов, среди которых, например, доступность жилья, образования, медицинских услуг, покупательная способность населения, реальные доходы и проч. Но и они зависят напрямую от фундаментальных факторов состояния экономики и финансов, на что мною и обращено основное внимание.

Неутешительные выводы можно сделать и на основе демографии.

Сравнение последнего тридцатилетия существования СССР и первого тридцатилетия разрозненного бытия бывших советских республик свидетельствует вовсе не в пользу последнего периода. С 1959 по 1989 гг. все без исключения республики демонстрировали устойчивый рост населения, причем это касалось лиц всех национальностей, а не только «титовых». Общая численность населения СССР за этот период увеличилась на 36,8 % (при этом нужно учитывать страшные демографические последствия Великой Отечественной войны), а население всех бывших братских республик с 1992 по 2020 гг. в совокупности увеличилось лишь на 4,3 % (и никакого негативного демографического бэкграунда при этом не было, скорее, наоборот, в таком случае результаты могли бы быть много хуже и, по сути, являются таковыми).

У семи республик в постсоветское время население сократилось, причем уменьшение численности доходило до 40 % (Молдавия, с пока-

зателем роста 50,3 % в советское время) и 31 % (Грузия с показателем роста 33,6 % в период с 1959 по 1989 г.). Даже в странах, где наблюдался рост, мы видим, что динамика этого роста стала многократно ниже, чем было у них в СССР. Она снизилась почти вдвое в Узбекистане (с 144,4 % до 74,5 %), Таджикистане (со 157 % до 86,6 %), Кыргызстане (с 106 % до 55,9 %), более чем вдвое в Азербайджане (с 89,9 % до 44,1 %), почти в 4,5 раза в Туркменистане (со 180,9 % до 41,6 %), в 5,2 раза в Казахстане (с 76,9 % до 14,7 %). Нет ни одной республики бывшего Советского Союза, продемонстрировавшей увеличение этой динамики роста. У всех негативные показатели — от 25,6 % в России до 139,3 % в Туркменистане.

Мы видим значительные изменения этноконфессионального состава населения в бывших братских республиках, что говорит о чрезмерной этноцентрированности в стратегии политики идентичности. Например, численность «титульного» казахского населения в Казахстане за период независимости увеличилась в 1,77 раза, а русского — уменьшилась в 1,76 раза [6]. В 1989 г. казахское и русское население было сопоставимо по количеству, составляя 39,7 % и 37,8 соответственно. К началу 2022 г. это соотношение радикально изменилось — 69,03 и 18,47 %. Доля русского населения снизилась более чем в два раза. И тенденция к дальнейшему сокращению не просто сохраняется, она усиливается. Опасность излишней этноцентрированности политики идентичности всегда связана с повышением рисков возрастания моноэтнического национализма.

Таким образом, мы видим, как статистически фиксируемые данные могут нам помочь в своевременной оценке и корректировке стратегии на выстраивание успешного государства с развитым чувством общенационального единения. Понятно, что ни о каком таком чувстве в нынешнем Казахстане с явными перекосами в этнонациональной политике говорить не приходится. Подобная ситуация наблюдается во всех других бывших советских республиках.

Таким образом, общая система оценки эффективности национальной культурной политики идентичности должна принимать во внимание показатели мероприятий, прямо и непосредственно направленных на формирование общенационального самосознания, проводимых в рамках соответствующих министерств и ведомств (министерство культуры, образования и просвещения, по делам национальностей, туризма и прочих), общие достижения страны во всех сферах национального

хозяйства, а также степень вовлеченности граждан в реализацию всех национальных проектов по развитию страны.

На основе проведенного анализа я выделяю следующие маркеры национальной политики по формированию общегражданской идентичности: финансово-экономический, технологический, демографический, языковой, культурный, исторический, политический, военный, медицинский, академический, спортивный, морально-психологический, уровень развитости гражданского общества. По каждому из них и тем более в их общей совокупности можно судить об успешности или безуспешности усилий государства в данном отношении.

Финансово-экономический и технологический маркер показывает общие темпы развития страны, финансовую и технологическую независимость, выражающиеся в росте общественного благосостояния (показатели ВВП на душу населения, рост доходов, величина разрыва между богатыми и бедными).

Демография выявляет внутренний настрой жителей страны по регионам, поскольку оптимистические настроения стимулируют рождаемость, депрессивные приводят к ее снижению и росту смертности.

Общее состояние языка включает в себя активность его использования в международном мире, количество публикаций, стремление получить образование на данном языке, количество и качество владения государственным и официальным языком (-ами) населением страны.

Культурный маркер объединяет собой весь объем разнообразных мероприятий в сфере культуры, направленных на единство нации, духовное развитие народов страны, воспитание патриотизма.

Исторический маркер фиксирует степень объективности национально ориентированной истории со значимыми для всех историческими событиями, личностями, датами, их количеством и содержательной глубиной.

Политический маркер касается стратегии государства поддержать общее единство в условиях плюрализма политических взглядов. Он также затрагивает позицию страны на международном поприще, ее статус, роль, влияние.

Военно-оборонительный маркер касается общего состояния сил обороны и безопасности, которые, вне всякого сомнения, являются важным фактором в создании коллективного чувства защищенности.

Медицинские показатели затрагивают общее состояние здоровья нации, уровень медицинского обслуживания и его доступность.

Научно-академические показатели объединяют собой вопросы науки, образования и просвещения в обществе, общей образованности нации.

Спортивные достижения на международном поприще наглядно показывают состояние общенационального духа страны.

Уровень развитости гражданского общества фиксирует ответственную активность населения в решении социальных задач, в государственных проектах, в системе самоуправления. Сюда относятся не только развитость системы волонтерских движений, но и чувство причастности и готовности каждого к общественно полезным делам и управлению.

Морально-психологический настрой в обществе — очень важный показатель, поскольку он, как камертон, определяет фальшивость или точность общей политики в государстве.

Ни один из них не является самостоятельным. Все они взаимосвязаны и представляют собой единую неделимую целостность, которую мы делим только в своем анализе. Исходить нужно из целостного взгляда на государственную политику, которая во всей своей совокупности и представляет собой общую линию на формирование и укрепление общенационального единства. В этом заключается основа нашего подхода в организации госполитики в этом направлении. Это позволит уйти от примитивизации и формализации работы с населением по формированию общегражданского национального сознания, отойти от упрощенного представления, что схема мероприятий, прямо или косвенно направленных на общенациональное самосознание граждан, является достаточной для достижения цели. Такого рода работой невозможно достичь цели, она должна включать в себя все вышеуказанные факторы, вовлекая в них как можно большее количество граждан.

Использованная литература:

1. ВВП стран в 1980–2021 гг. // SVSPB.NET. URL: <https://svspb.net/danmark/vvp-stran-nominal.php> (дата обращения: 12.03.2022).
2. Общероссийская гражданская идентичность на Юге России. Анализ мер и предложения по Южному федеральному округу и Северному Кавказу: аналитический доклад / И. И. Горлова и др.; ред.-сост. Т. В. Коваленко. М.: Институт Наследия, 2020. DOI: 10.34685/NI.2020.50.90.001.

3. Доля стран в мировом ВВП (ППС) в 1980–2020 г. // SVSPB.NET. URL: <https://svspb.net/danmark/vvp-dolja.php> (дата обращения: 12.03.2022).
4. *Запольскис А.* Кто кого кормил в СССР и кто больше проиграл от его развала // Комсомольская правда. 28 сентября 2017. URL: <https://www.kp.ru/daily/26571.7/3586720/> (дата обращения: 12.03.2022).
5. Об агентстве // РИА Рейтинг. Россия сегодня. URL: <https://riarating.ru/docs/about/> (дата обращения: 12.01.2022).
6. Проект Указа Президента Республики Казахстан «Об утверждении Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана (до 2026 года)» (по состоянию на 28 июня 2022 г.) // online.zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35033734&pos=5;-106#pos=5;-106 (дата обращения: 02.07.2022).
7. Рейтинг регионов по зарплатам — 2021 // РИА Рейтинг. Россия сегодня. URL: <https://riarating.ru/infografika/20211122/630212570.html> (дата обращения: 12.01.2022).
8. Рейтинг регионов по качеству жизни — 2021 // РИА Рейтинг. Россия сегодня. URL: <https://riarating.ru/infografika/20220215/630216951.html> (дата обращения: 02.01.2022).
9. Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2021 г. // РИА Рейтинг. Россия сегодня. URL: <https://riarating.ru/infografika/20220516/630222174.html> (дата обращения: 12.01.2022).
10. Рейтинг стран по ВВП (ППС) // Nonews. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/gdp-ppp> (дата обращения: 12.03.2022).

Alexander A. GUTSALOV,

Cand. Sci. (History of Philosophy), Leading Researcher,
Head, Department for Complex Problems of Cultural Studies,
Southern Branch, Russian Institute for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russia, gutsalov_alex@mail.ru.

Objective Indicators of the Success of National Identity Policy

The article analyzes approaches to building a state identity policy and to determining its effectiveness. The shortcomings of the existing evaluation system are indicated only on the basis of fixing the availability of state programs and subprograms indirectly and directly related to the formation, strengthening and development of national unity, the volume of their financing, the variety of types of events and their number, taking into account the leading actors, thematic content, breadth of coverage of the target audience. The necessity to take into account objective socio-economic,

technological, military-defensive, sports, financial, demographic and other indicators, the balance of the regional development of the country, the increase and improvement of which is the goal of any harmonious policy on the formation of national self-awareness, is substantiated. The formation and strengthening of national identity should be based on the active involvement of the population in the popularization and implementation of all national projects and related state and targeted programs. The study was carried out on the basis of the data from international and Russian rating agencies, statistical databases and other authoritative resources.

Keywords: national identity, civil identity, state identity, regional development, identity policy, GDP of the country, USSR, Russia, Kazakhstan, countries — former Soviet republics.

А. Л. Зорин*

О соотношении понятий «национальная» и «гражданская» идентичность в современной российской гуманитаристике¹

Статья посвящена рассмотрению соотношения понятий «национальная идентичность» и «гражданская идентичность» в современной российской гуманитаристике. В этой связи анализируются концепции И. М. Галимовой, В. М. Межуева, В. А. Тишкова. Установлено, что причиной возникновения дискуссий по данному вопросу является неоднозначность понимания термина «нация», который трактуют, с одной стороны, как естественная общность людей (И. Гердер), а с другой — как свободное сообщество людей, основанное на политическом выборе (Э. Ренан). Делается вывод: если под нацией подразумевать некую социально-политическую общность, то понятия «национальная» и «гражданская» идентичность, по сути, совпадают. Однако, если нацию рассматривать как этнокультурную общность, ситуация существенно усложняется. Это имеет особое значение для России, которая веками развивалась как полиэтничная цивилизация и может быть охарактеризована выражением «цветущая сложность» (К. Н. Леонтьев).

* ЗОРИН Александр Львович, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Российского научно-исследовательского Института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия, azor115@ Rambler.ru.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва» по теме: «Укрепление и развитие гражданской идентичности региональных сообществ как составная часть проекта российской государственности», № ГР 121021500263–9.

Ей свойственны не тенденции к унификации и однообразию, а стремление сохранить этническую идентичность входящих в состав России народов при одновременном формировании общероссийской гражданской идентичности, что вызывает необходимость постоянного соблюдения баланса идентичностей.

Ключевые слова: современная российская гуманитарная мысль, национальная идентичность, гражданская идентичность, мононациональные государства, полинациональные государства, концепция «цветущей сложности», баланс идентичностей.

Одной из дискуссионных тем в отечественной гуманитаристике до сих пор еще остается вопрос о соотношении понятий «национальная» и «гражданская» идентичность. Существование научных споров между учеными, занимающихся данной проблематикой, обусловлено прежде всего неоднозначностью понимания самого термина «нация», которое возникло в социально-философском дискурсе в конце XVIII — начале XIX в., обусловив наличие двух основных подходов к трактовке данного феномена. Первый из них связан с именем выдающегося представителя немецкой классической мысли И. Гердера, а также его сторонников и последователей, с точки зрения которых нация есть «естественная общность людей»; второй восходит к французскому ученому Э. Ренану, полагавшему, что нация является продуктом искусственной организации, в основе которой лежит договор и коллективная воля граждан. В одном случае нация предстает как выражение «народного духа»; в другом же являет себя как свободное сообщество людей, основанное на политическом выборе. «Сторонники первого варианта, — отмечает И. М. Галимова, — рассматривают нацию как высшую форму этнической общности. Их оппоненты, напротив, полагают, что нация представляет собой сообщество людей, живущих под властью одного правительства, четко разграничивая понятия этноса и нации» [1].

Понимание нации как сообщества, основанного на сознательном политическом выборе, связано прежде всего с англо-американской и французской социально-политической мыслью и получило широкое распространение в научном сообществе не только за рубежом, но и в России.

В отечественной социальной философии эту мысль одним из первых четко сформулировал В. М. Межуев, который писал: «Нация, в отличие от этноса ... это то, что дано мне не фактом моего рождения, а моими собственными усилиями и личным выбором. Этнос я не выбираю, а нацию — выбираю, могу выбрать ... Нация — это государственная, социальная, культурная принадлежность индивида, а не его антропологическая и этническая определенность» [5, с. 15].

Весьма значительную роль в понимании нации как государственно-территориальной и политико-правовой общности сыграл академик В. А. Тишков, способствуя тем самым разработке и концептуализации понятий «гражданская идентичность» и «общероссийская идентичность». Еще в 90-е гг. прошлого века он рекомендовал трактовать российскую нацию как «нацию наций», беря в качестве примера Испанию, где басков, кастильцев, каталонцев называют нациями, однако признают также наличие единой «испанской нации». Именно на основе вышеобозначенной общности как «нации наций» [7, с. 66] и должен, по мнению ученого, проходить процесс формирования гражданской или государственно-гражданской идентичности.

Важно отметить следующий момент: если понимать под нацией социально-политическую (государственную) общность, то тем самым снимается или существенно подрывается в сфере законодательства право наций, понимаемых как этнокультурные или этнические образования, имеющие право на самоопределение вплоть до возможности образовывать собственные суверенные государства; право на суверенитет оставляется только за государственной общностью. Это замечание является крайне важным и существенным для современной России: сепаратистские тенденции в некоторых регионах все еще дают о себе знать, хотя и не столь сильны, как в 1990-е гг. Достаточно вспомнить недавний случай, когда парламентарии Татарстана проголосовали за сохранение должности президента республики, вопреки тому, что реформа, проводимая федеральными властями, предполагала называть всех руководителей субъектов Российской Федерации главами администрации.

Следует отметить, что понятия «национальная идентичность» и «гражданская идентичность», по сути дела, фактически совпадают, если под нацией подразумевать некую социально-политическую общность, существующую в рамках государственных границ и основывающуюся на едином законодательстве. Однако, если под «нацией» иметь в виду этническую или этнокультурную общность, ситуация значительно усложняется. Когда речь идет о мононациональном государстве (Польша, Франция), то между этнонациональной и гражданской идентичностью, как правило, не возникает серьезных противоречий. Что касается мультинациональных государств, к каковым относится и Россия, то здесь могут наблюдаться сложные взаимоотношения между национальной (в этнокультурном смысле) и гражданской идентичностью.

Как показывает зарубежный и отечественный опыт, гражданская (политическая) нация не в состоянии возникнуть вне изначальной базовой основы, каковой может быть лишь зрелая, т. е. сформировавшаяся нация. Из этого вытекает то, что российская гражданская идентичность может быть лишь синтезом идентичностей народов, входящих в состав России. Вопрос о фундаменте этого синтеза требует специальной разработки, методологические подступы к которой разрабатывают, в том числе и наши коллеги из Южного филиала Института Наследия [3].

Важно отметить, что Российская империя изначально позиционировала себя не как «государство-нацию» (что было свойственно многим странам Запада), а как самобытную цивилизацию, которая сформировалась на основе синтеза культур, входящих в ее состав народов — славянских, финно-угорских, тюркских и монгольских, которые смогли сохранить в ее лоне свою культуру, верования и язык. Эту особенность Российской цивилизации весьма точно охарактеризовал В. В. Путин, указав в одной из своих статей, что «историческая Россия — не этническое государство и не американский плавильный котел ... Россия возникла и веками развивалась как полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром» [6, с. 1]. Она, говоря словами К. Н. Леонтьева, может быть охарактеризована как особое образование — «цветущая сложность» [4, с. 73], которой присущи тенденции к консолидации и единству, но ни в коем разе не стремление к унификации и однообразию (чем, по сути дела, и отличается эпоха глобализации, проводимой под эгидой американцев, повсеместно насаждающих безликую массовую культуру в ущерб самобытности исконных культур народов Земли).

В развитии многонационального российского народа параллельно действуют две тенденции: стремление к сохранению этнической идентичности входящих в его состав этносов и стремление обрести гражданскую идентичность, почувствовать себя причастными к великим свершениям большой Родины, государства под именем Россия. И между этими тенденциями важно соблюдать баланс, ибо, в противном случае, этническое самосознание, замкнувшись в себе, может повернуть в сторону оголтелого и агрессивного национализма; в то время как гражданское самосознание, абстрагировавшись от животворящих истоков родной почвы, в состоянии легко превратиться в равнодушный ко всему национальному космополитизм.

В этой связи академиком В. А. Тишковым была предложена своеобразная формула взаимосвязи этнической и гражданской иден-

тичности: Россия — это «нация наций», в которой первая часть словосочетания («нация») служит для обозначения гражданской, т. е. надэтнической идентичности, тогда как его вторая часть («наций») означает этническую (или этнонациональную) идентичность. Это есть не что иное, как принцип взаимодополняемости идентичностей, который предполагает, что при правильном соблюдении баланса гражданская и этническая идентичности должны гармонизировать и усиливать друг друга, ибо обретение большой Родины невозможно без любви к родине малой, или, как говорили древние, к «родным пенатам». Одновременно крайне важно, чтобы этническое самосознание как можно в более полной мере отражало и общенациональные, или государственные, интересы. Несколько отличающийся подход к трактовке баланса идентичностей предложили сотрудники Южного филиала Российского научно-исследовательского Института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (И. И. Горлова, А. А. Гуцалов, В. Е. Науменко, Е. Ю. Третьякова). В опубликованном ими аналитическом докладе «Общероссийская гражданская идентичность на Юге России» (2020) был поставлен во главу угла такой значимый пласт понятия «гражданское общество», как взаимодействие и сотрудничество, осуществляемое народами России. Если «раньше, — указывается в этом аналитическом докладе, — общегосударственной идентичности как бы всегда противостояла идентичность этническая», то «теперь активизация этнокультурных составляющих вовсе не означает активизацию каждой по себе этнической культуры. Она предполагает создание из разного сочетания их активностей единого общеэтнокультурного пространства благодаря их творческому общению между собой и влиянию друг на друга» [2, с. 8]. Только в этом случае этничность и гражданственность, став взаимодополняющими элементами, способны будут создать благоприятные условия для поступательного развития гражданского общества, в котором права человека и права наций (этносов) будут существовать в гармоничном единстве и взаимодействовать как неконфликтные составляющие одной системы.

Использованная литература:

1. *Галимова И. М.* Концепт национально-государственной идентичности в академическом дискурсе // Вестник Пермского государственного университета. Сер.: Политология. 2011. № 3. С. 21–27.

2. Общероссийская гражданская идентичность на Юге России. Анализ мер и предложения по Южному федеральному округу и Северному Кавказу: аналитический доклад / И. И. Горлова и др.; ред.-сост. Т. В. Коваленко. М.: Институт Наследия, 2020. DOI: 10.34685/НИ.2020.50.90.001.
3. Гуцалов А. А. Фундаментальные составляющие русского цивилизационного кода // Восьмой российский философский конгресс — «Философия в полицентричном мире». Симпозиумы: сб. науч. ст. М.: Логос, 2021. С. 253–256.
4. Леонтьев К. Н. Избранное. М.: Парогъ; Московск. рабочий, 1993.
5. Межуев В. М. Идея национального государства в исторической перспективе // Полис. 1992. № 5–6. С. 9–21.
6. Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 янв. С. 1–4.
7. Тишков В. А. Российский народ. История и смысл национального самознания. М.: Наука, 2013.

Alexander L. ZORIN,

Dr. Sci. (History of Philosophy), Prof., Leading Researcher,
Department of the Heritage Studies and Expert Activities,
Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage, Krasnodar, Russia, azor115@rambler.ru.

**About the Correlation of the Concepts of “National”
and “Civil” Identity in Contemporary Russian Humanities**

The article considers the correlation of the concepts of “national identity” and “civil identity” in contemporary Russian humanities. In this regard, the concepts of I. M. Galimova, V. M. Mezhuuev, V. A. Tishkov are analyzed. It is established that the reason for the emergence of discussions on this issue is the ambiguity of understanding the term “nation”, which is interpreted, on the one hand, as a natural community of people (I. Herder), and on the other — as a free community of people based on political choice (E. Renan). The conclusion is made: if by nation we mean a certain socio-political community, then the concepts of “national” and “civil” identity essentially coincide. However, if a nation is considered as an ethno-cultural community, the situation becomes significantly more complicated. This is of particular importance for Russia, which has been developing for centuries as a multi-ethnic civilization and can be determined by the words “blooming complexity” (K. N. Leontiev). It is characterized by tendencies not towards unification and monotony, but the desire to preserve the ethnic identity of the peoples that make up Russia, while simultaneously forming an all-Russian civic identity, which necessitates constant balance.

Keywords: *modern Russian humanitarian thought, national identity, civic identity, mono-national states, multi-national states, the concept of “blooming complexity”, the balance of identities.*

З. А. Жаде*

Трансформация многоуровневой идентичности (на примере регионов Южного и Северо-Кавказского федеральных округов)¹

В статье на материалах социологического исследования, проведенного в 2021 г. в Ростовской области, Республике Адыгея и Республике Дагестан, анализируется характер идентификации населения по осям: гражданских, региональных и этнических отождествлений; я- и мы-идентификаций; примордиальных и конструируемых форм идентичности. Показано, что в структуре я-идентификаций местных жителей преобладают примордиальный (гендер, семейные структуры) и конструируемый общегражданский компоненты идентичности. В Ростовской области важной является также и макрорегиональная идентичность (житель Юга России), тогда как в рассматриваемых республиках Северного Кавказа с общероссийской идентичностью конкурируют этническая (в Адыгее и Дагестане), конфессиональная и республиканская (в Дагестане) отождествления. Несовпадение структуры личностной идентичности населения рассматриваемых субрегионов Юга сопряжено с рисками дезинтеграционных процессов и может замедлять складывание надэтнической целостности полиэтничных территорий.

Ключевые слова: многоуровневая идентичность, Юг России, полиэтничный макрорегион, республики Северного Кавказа, социетальная интеграция, структура и компоненты идентификации.

К стратегическим ориентирам государственной национальной политики Российской Федерации на современном этапе относится укрепление единства россиян, обеспечение межнационального согласия. Об этом заявил В. В. Путин на заседании Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям 30 марта 2021 г. и подчеркнул, что «для

* ЖАДЕ Зуриет Анзауровна, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права и политологии Адыгейского государственного университета, Майкоп, Республика Адыгея, Россия, zhadezura@yandex.ru.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения гранта Российского фонда фундаментальных исследований на тему «Социетальная динамика Юга России: ценностно-идентификационное измерение», проект № 19-011-00270.

огромной многонациональной России принципиальное, решающее, можно сказать, значение имеют солидарность людей, чувство сопричастности к судьбе Отечества, ответственности за его настоящее и за будущее — то, что принято называть общероссийской идентичностью, гражданским самосознанием» [6].

В данном контексте «надо искать новые явления и события, способные выполнять интегрирующую функцию, чаще показывать возможность совмещения общероссийской идентичности с другими идентичностями, в том числе с позитивной этнической, региональной идентичностью» [5, с. 496]. Поэтому в рамках настоящей статьи обратимся к рассмотрению специфики многоуровневой идентичности населения полиэтничного Юга России.

Процессы самоопределения этносоциальных групп на Юге России в начале 2000-х гг. проявили конкурирующее соотношение гражданственного и этнического компонентов идентичности населения полиэтничного макрорегиона [3]. Современное стабильное развитие многосоставных регионов России предполагает баланс данных компонентов самосознания при доминировании общероссийской гражданской идентичности (см.: [1], [4]).

В аналитическом докладе по теме «Анализ мер и выработка предложений по повышению эффективности работы, направленной на повышение уровня общероссийской гражданской идентичности (на примере ЮФО и СКФО)» подчеркивается: «В условиях полиэтничных и поликонфессиональных территорий с неоднозначной исторической памятью местных этнических групп система мер по укреплению общероссийской гражданской идентичности предполагает определенные формы и методы целевой господдержки, способствующие успешной деятельности административных органов и общественных организаций, задействованных в сфере культуры, туризма, гражданской и молодежной политики» [7, с. 5].

Эмпирической основой анализа выступают результаты прикладного социологического исследования жителей трех субрегионов Юга России, проведенного в 2021 г. в Ростовской области (РО), Республике Адыгея (РА) и Республике Дагестан (РД). По стандартизированной анкете было опрошено 400 человек в РО (91 % — русских), 329 человек в РА (из которых 92 % — адыгов), 413 — в РД (29 % — аварцев, 20 % — лезгин, 17 % — даргинцев, 15 % — кумыков, 9 % — лакцев, 4 % — табасаранцев). Опрашивалось население столиц республик и областного центра. Вы-

борка опроса — квотно-пропорциональная по основным социально-демографическим подгруппам населения.

Конструкт исследования включал теоретические и методические разработки анализа социальной идентичности через выделение следующих ее структурных уровней: 1) гражданского, регионального и этнического; 2) личностного и группового; 3) примордиального и конструируемого. Данные подходы исследования идентичности были апробированы в работах К. Косэла, Т. Шавеля, М. Грабовской и Е. Колбовской, Е. Н. Даниловой, В. А. Ядова и других авторов (см.: [2] [8]).

В рамках настоящей статьи обратимся к рассмотрению результатов эмпирического исследования по блоку вопросов, измеряющих я-идентификации населения полиэтничного Юга России.

Анализ количественных материалов исследования показывает, что в целом среди опрошенного населения Юга России преобладают первичные примордиальные (гендерная и возрастная принадлежность, семейный статус) и конструируемые надэтнические (граждане России) компоненты социальной идентификации. На этом фоне можно увидеть, что в Ростовской области среди преимущественно русского населения чаще всего встречаются отождествления с полом (89%), гражданством (82%) и семейной ролью (74%). Следует отметить идентификацию половины опрошенных данной группы с макрорегиональной общностью жителей Юга России (52%) (рис. 1).

Опрошенное население Республики Адыгеи также демонстрирует общегражданские (76%) и микросоциальные идентичности (гендер — 71%, муж/жена — 54%). Но в этом сегменте в половине случаев важным являются отождествление с этнической общностью (49%). Что касается Дагестана, то местное население, принявшее участие в опросе, в первую очередь указывает религиозные (69%) и гражданские (69%) идентичности. Примордиальные компоненты идентичности (гендер, возраст, соотношение с семьей) отмечают от 43% до 67% жителей. Также для населения Дагестана важна этническая идентичность (41%), здесь больше, чем в других рассматриваемых субрегионах, указаний на принадлежность к жителям Северного Кавказа (38% против 17% — в РА и 5% в РО) (рис. 1).

Таким образом, несмотря на частое указание во всех группах жителей Юга России соотношения себя с общегражданской общностью, тем не менее, заметны различия в структуре личностной идентичности. В ядро я-идентификаций населения Ростовской области чаще входят надэтни-

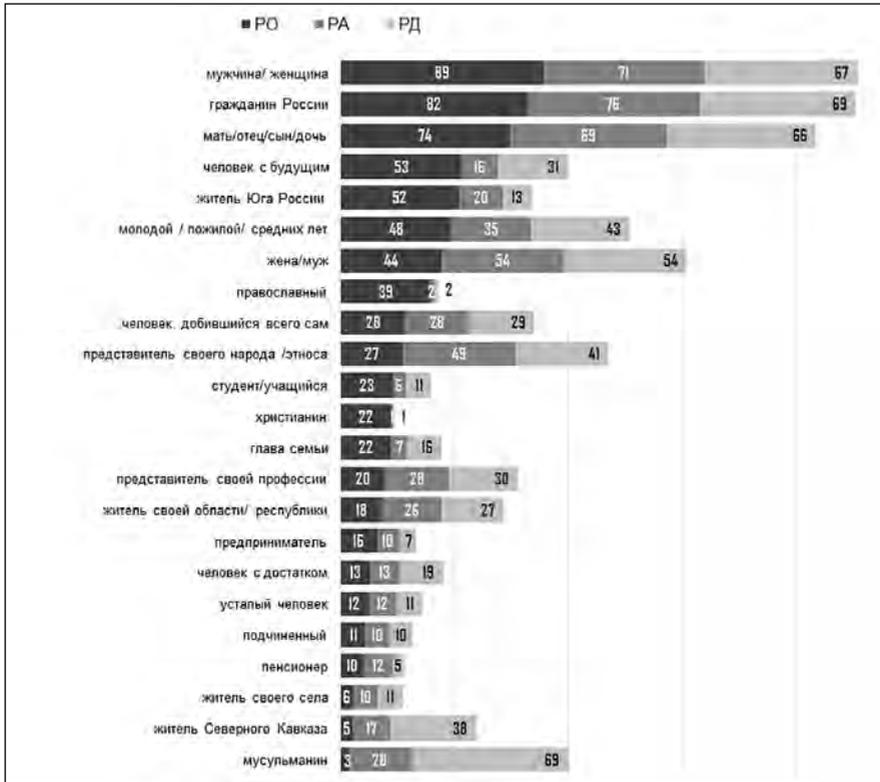

Рис. 1. «Что Вы думаете о себе? Из предложенных характеристик укажите те, которые Вы в наибольшей степени относите к себе (не более 10 позиций)» (в %)

ческие и макрорегиональные отождествления, в Адыгее — этнические, в Дагестане — конфессиональные и северокавказские. Несовпадение структуры личностных отождествлений населения рассматриваемых субрегионов Юга сопряжено с рисками дезинтеграционных процессов и может замедлять складывание надэтнической целостности полиэтничных территорий.

Использованная литература:

1. Волков Ю. Г. [и др.] Конструирование общероссийской идентичности в контексте межэтнического и межрелигиозного взаимодействия. Ростов-н/Д.: Фонд науки и образования, 2016.

2. Данилова Е. Н. Гражданские и этнические идентификации в России и Польше // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: Ин-т социологии РАН, 2006. С. 75–76.
3. Денисова Г. С., Клименко Л. В. Особенности региональной идентичности населения Юга России // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 25–34.
4. Дробижева Л. М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 7–31.
5. Дробижева Л. М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 480–498.
6. Заседание Совета при Президенте Российской Федерации по международным отношениям // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65252> (дата обращения: 29.07.2021).
7. Общероссийская гражданская идентичность на Юге России. Анализ мер и предложения по Южному федеральному округу и Северному Кавказу: аналитический доклад / И. И. Горлова и др.; ред.-сост. Т. В. Коваленко. М.: Институт Наследия, 2020. DOI: 10.34685/НИ.2020.50.90.001.
8. Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1993. № 3–4. С. 167–174.

Zuriet A. ZHADE,

Dr. Sci. (Political Institutions, Ethnopolitical Conflictology, National and Political Processes and Technologies), Prof., Head, Department of Theory and History of State and Law and Political Science, Adygea State University, Maykop, Republic of Adygea, Russia, zhadezura@yandex.ru.

**Transformation of Multilevel Identity
(using the Example of the Southern Federal District
and the North Caucasus Federal District Regions)**

Based on the materials of a sociological study conducted in 2021 in the Rostov region, the Republic of Adygea and the Republic of Dagestan, the article analyzes the nature of the identification of the population along the axes: civil, regional and ethnic identifications; I- and we-identifications; primordial and constructed forms of identity. It is shown that in the structure of self-identifications of local residents, the primordial (gender, family structures) and the constructed civil components of identity prevail. In the Rostov region, macro-regional identity (a resident of the South of Russia) is also

important, whereas in the republics of the North Caucasus under consideration, ethnic (in Adygea and Dagestan), confessional and republican (in Dagestan) identities compete with the all-Russian identity. The discordancy in the structure of the personal identity of the population of the considered subregions of the South is associated with the risks of disintegration processes and may slow down the formation of the supra-ethnic integrity of polyethnic territories.

Keywords: *multilevel identity, South of Russia, polyethnic macroregion, republics of the North Caucasus, societal integration, structure and components of identification*

В. Е. Науменко*

Актуальные аспекты развития региональной и общегражданской идентичности в Северо-Кавказском федеральном округе¹

В статье анализируется проблема региональной и гражданской идентичности в регионах Северо-Кавказского федерального округа. Выделены основные факторы, усложняющие формирование общенационального и межэтнического единства: территориальный, социально-экономический, исторический, юридический, образовательный. Автор показывает, что половинчатость в исполнении принятого Закона «О репрессированных народах Российской Федерации» привела к сложным межрегиональным и межэтническим проблемам. Решение их, как и формирование общегражданской идентичности, видится на основе развития экономики (туризм, запуск высокотехнологичных производств), юридической проработки нерешенных территориальных споров, полного исполнения принятых правовых актов, а также коррекции подходов в системе образования и воспитания.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Северо-Кавказский федеральный округ, гражданская идентичность, региональная идентичность, этнографический туризм, Пригород-

* НАУМЕНКО Владимир Емельянович, кандидат исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского Института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия, vladimirnaumenko.krd@gmail.com.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва» по теме: «Укрепление и развитие гражданской идентичности региональных сообществ как составная часть проекта российской государственности», № ГР: 121021500263–9.

ный район, Ингушетия, Северная Осетия — Алания, Закон «О реабилитации репрессированных народов», Горская автономная социалистическая советская республика.

Функционирование Северо-Кавказского Федерального округа (СКФО), образованного в 2010 г., породило в обыденном сознании и экспертном сообществе неоднозначные оценки проблем развития данного региона. Одни участники дискуссий считают, что создана некая «оконтуренная территория военных и террористических угроз», которые могут привести к обособлению округа, дистанцированию его от более широкого бренда «Юг России»; другие высказывают опасения относительно консервации негативных явлений, связанных с периодически возникающими межнациональными конфликтами, дотационным положением экономики субъектов, растущей безработицей, снижением позитивных имиджевых характеристик территории и др. В связи с этим актуальность формирования гражданской идентичности в полиэтничном регионе, каким является Северный Кавказ, — вопрос не из области абстрактного теоретизирования.

Проблема непосредственно связана с практикой строительства гармоничных отношений, сочетающих интересы всех народов российского государства. «Гражданский мир, — подчеркивает Президент Российской Федерации В. В. Путин, — это не одиножды созданная и на века застывшая картина. Напротив, это постоянная динамика, это диалог. Это кропотливая работа государства и общества, требующая очень тонких решений, взвешенной и мудрой политики, способной обеспечить “единство в многообразии”». Президент отмечает, что «возникающее в обществе напряжение — симптом комплекса различных проблем, которые надо последовательно решать в интересах единства страны» [13].

На решение соответствующих задач нацелена государственная программа развития Северного Кавказа до 2025 г. (утверждена распоряжением Правительства России от 17 декабря 2012 г. № 2408-р). В ней выделены два приоритетных направления: развитие социальной инфраструктуры и развитие экономики.

Первое обусловлено тем, что Северный Кавказ демонстрирует высокие темпы прироста населения, а это, в свою очередь, влечет за собой отставание развития социальной инфраструктуры, недостаточное количество школьных, больничных, образовательных и культурно-просветительских учреждений. «По прогнозам, в ближайшее время численность округа составит 10 млн человек. При этом охват детей дошкольным об-

разованием составляет всего лишь 58% от среднероссийского уровня. Сейчас 51% образовательных учреждений на Северном Кавказе работает в три смены, около 600 тысяч детей учатся посменно. В регионе очень высока младенческая смертность — на 64% больше среднероссийских показателей» [14, с. 229].

В плане развития экономики программа акцентирует необходимость реализации ряда «якорных» проектов, которые, по мнению специалистов, способны дать положительный эффект в вопросах повышения качественных параметров жизни населения региона.

В новейшей истории России остро встал вопрос о развитии экономики региона. Особенность работы в этом направлении составил вопрос: как обеспечить устойчивый рост экономики региона путем поддержки инвесторов с предоставлением им значительных льгот и гарантий со стороны государства и к 2035 г. вывести экономику региона на уровень «сбалансированного социально-экономического развития» [8, с. 45].

Существует уверенность в том, что в качестве «локомотива, способного дать ускоренное развитие Северокавказского региона», выступит туристическая сфера. В связи с этим необходима проектная проработка мер по развитию этнокультурного туризма. Специалисты (Т. Музаев, О. Васильева и др.) уже в середине 1990-х отмечали, что этнокультурной составляющей можно обогатить практически любые визиты в регион — от деловой до поездки на море и с целью рекреации [5].

Творческий коллектив Байкальского института природопользования СО РАН в составе Л. Б. Максамовой, З. С. Жеремко, А. С. Ботыевой путем анализа наиболее эффективных практик обосновали возможность применения этого опыта на региональном уровне управления развитием туризма. Исследователи подчеркнули колоссальный потенциал и перспективность сферы этнографического туризма. В ноябре 2020 г. Правительством России поддержано предложение о разработке этого направления и внедрении его в практику работы в рамках национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства».

Рекомендации ученых при решении связанного с этим комплекса проблем предполагают учитывать наличие кризисных процессов и необходимость структурных изменений в экономике субъектов региона. Из множества причин следует обращать внимание на социально-экономические и историко-политические факторы, которые действуют неоднозначно: могут обусловить как сдерживание, так и усиление положительных тенденций на пути достижения намеченных целей.

Рассмотрим это применительно к ситуации на Северном Кавказе.

Первый фактор обусловлен непропорциональным развитием хозяйственной инфраструктуры региона, результаты чего остро сказывались в советское время. К началу 1990-х гг. избыточность населения в сельской местности создавала безработицу, неуверенность в будущем питала недовольство и желание резких социальных перемен. Максимальные показатели безработицы отмечались в республиках Ингушетия (63 %), Дагестан (23 %), Карачаево-Черкесия (21 %), Кабардино-Балкария (20 %). Очевидны разные подходы к оценкам этого аспекта кризисной ситуации, однако суть проблемы остается единой. В Северо-Кавказских республиках часть населения, не охваченного официально зарегистрированной трудовой деятельностью, и на данный момент весьма велика.

В рамках второго по значимости фактора — историко-политического — источником деформаций в области межнациональных отношений послужила, так сказать, «историческая память» — предвзятая, выставяющая своим козырем негативный опыт политических сдвигов на фоне «развала СССР» и последующего «парада суверенитетов», нанесшего вред до того вполне мирным и дружественным отношениям народов Северо-Кавказского региона. Такая ситуация, к сожалению, деформировала объективно складывающиеся под влиянием опыта совместного проживания чувство гражданской солидарности. В этих условиях решение проблем, вызванных сепаратистскими настроениями, виделось в исполнении в полном объеме Закона, принятого 26 апреля 1991 г. Верховным Советом РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» (№ 1107-1), особенно той части статьи 3-й, где признается право репрессированных народов на восстановление территориальной целостности, существовавшей до антиконституционной политики перекраивания границ. Она предполагает восстановление национально-государственных образований, сложившихся до их упразднения, возмещение ущерба, связанного с утерей имущества при насильственной депортации. Статьей 6-й было предусмотрено осуществление «правовых и организационных мероприятий по восстановлению национально-территориальных границ, существовавших до их незаконных изменений» [11]. Половинчатость исполнения этого закона в отношении отдельных народов до сих пор негативно отражается на этнополитической обстановке; ряд субъектов СКФО пребывает в ситуации так называемого отложенного конфликта.

В частности, осетино-ингушский конфликт уже унес сотни человеческих жизней, обернулся тяжелым уроном для экономики как Северной Осетии, так и Ингушетии, породил волны беженцев и вынужденных переселенцев. Поводом возгорания конфликта послужил тот факт, что во время формирования (1921–1924) Горской автономной социалистической советской республики территория Пригородного района вошла в состав Горской АССР, но при этом Пригородный район все же считался ингушским и поэтому после упразднения Горской АССР вошел в состав Ингушской автономной области в составе Северо-Кавказского края. Владикавказ на тот момент был столицей двух национальных округов Горской автономной социалистической республики — Осетинского и Ингушского — и после упразднения этой республики в 1924 г. стал одновременно столицей Северо-Осетинской и Ингушской автономных областей. (При объединении Ингушской и Чеченской автономных областей в Чечено-Ингушский автономный округ в 1934 г. территория Пригородного района вошла в него.) После депортации и последующего перекраивания границ Пригородный район перешел в ведение Северо-Осетинской АССР, а с восстановлением в 1957 г. Чечено-Ингушской автономной советской социалистической республики так и не был ей передан. До сих пор территория района остается причиной раздора между Северной Осетией и Ингушетией, что осложняет ситуацию на всем Северном Кавказе и препятствует поиску путей гражданского единства в регионе.

В связи с изложенным отметим такой проблемный момент, как отсутствие механизма реализации Закона «О реабилитации репрессированных народов». Неподкреплённость закона соответствующими мерами в социально-экономической сфере и восстановлением прежних границ национальных образований служит раздражителем, провоцирующим возникновение новых конфликтов.

Выход из этого конфликта видится аналитиками различно. Высказываются мнения в двух направлениях:

Часть исследователей считает, что «наследие административно-территориальных переделов (за годы советской власти их было более 40)» до сих пор негативно отражается на этнополитической обстановке в регионе и межнациональных отношениях» и требует их решения в соответствии с российским законодательством [5]. Сторонники такого подхода полагают, что административно-национальный (этнический) принцип, заложенный в строительство автономий (государственно-

стей), не оправдал себя: нарушил «равноправие народов, ущемил права в первую очередь русского народа как государствообразующего. Выход в данном случае видится в «этнической деполитизации» страны и постепенном «переходе от национально-территориальной автономии с бесконечно растущим стремлением их титульных наций к суверенитету, к дореволюционному равностатусному делению на губернии» [4, с. 192].

Иной взгляд на проблему этого конфликта выражен ингушскими исследователями (Я. С. Патиев, М. С.-Г. Албогачиева). М. Албогачиева пишет: «За 22 года ни один из вопросов, связанных с границами Ингушетии, не был решен в интересах народа, с учетом исторической справедливости. Федеральный центр не считает нужным учитывать исторические реалии, а предпочитает выжидать. Первые лица республики Ингушетия неоднократно просили всеми возможными правовыми способами решить территориальный вопрос» [2]. Споры возникают и по поводу того, к какому поселению относится та или иная территория.

В данной связи, можно сказать, и оказывается проблемным статус балкарских высокогорных сел на землях, где уже планируется или еще будет разрабатываться в будущем строительство туристических объектов. Конфликтogenность в данном случае обусловлена тем, что одна и та же территория оказывается пространством, на котором соперничающие этнические элиты стремятся (или будут стремиться) достичь своего легального доминирования. Напомним, что проект туристического кластера «Эльбрус-Безенги», пропускной способностью 29 тыс. человек в день был принят в рамках утвержденной «Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского Федерального округа до 2025 года» и вызвал большой резонанс среди населения высокогорных сел. Это было вызвано тем, что при подготовке и принятии проекта с мнением коренных жителей местности вопросы никак не согласовывались [9].

Территория, считает Н. Ф. Бугай, оказывается пространством, на котором соперничающие этнические элиты стремятся добиться своего легального доминирования, предполагающего доступ к политической власти и престижным секторам экономики» [4]. Политологи объясняют такого рода трудности их принадлежностью к конфликтам затяжного исторического действия. «Социально-историческая память и культурно-исторические предпосылки в современных региональных конфликтах не срабатывают автоматически. Они актуализируются в результате ошибок федерального центра и местных властей в формировании и проведении современной экономики на Юге России» как следствие

«непрофессионального управления в сфере межэтнических отношений, национально-государственного строительства, переоценки принципа национального самоопределения, падения профессионализма управленческой и политической элиты. Конфликты на Юге России имеют явный сложносоставной характер, и все, что связано, например, с историческими причинами, трансформируется, а чаще всего фокусируется элитами в конфликтогенность массового сознания и выступает одним из субъективных оснований конфликта» [1, с. 22].

Вернемся к мысли о том, что с целью ускоренного экономического развития Северного Кавказа предусмотрено опережающее развитие туристического кластера во всех субъектах округа. В этой связи с 7 марта 2019 г. действует распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении Стратегии развития туризма на территории Северо-Кавказского Федерального округа до 2035 года». Согласно документу, приоритетным направлением определен этнографический туризм как стимул, благоприятствующий современному развитию территорий проживания народов Северного Кавказа. В рамках каждого субъекта предусмотрено создание кластерных зон с учетом региональных особенностей; тем самым предполагается решить ряд вопросов, имеющих ключевую значимость для социально-экономической сферы (повышение доходности бюджетов субъектов, снижение уровня безработицы). Именно за счет индустрии туризма к 2035 г. планируется вывести округ на сбалансированное развитие, превратить его из дотационной территории в самодостаточную.

Объективно есть основания сомневаться в выбранном пути преобразований экономики, в значительной мере опирающихся на развитие туристической индустрии. Так, профессор Х. В. Дзудев высказывал в 2012 г. идею о том, что «потребуется изменить всю систему социально-экономических отношений». В отличие многих экономистов, полагающих приоритетным развитие туристическо-рекреационного кластера и мелкого семейного бизнеса, профессор настаивал на необходимости и возможности развития на Северном Кавказе высокотехнологичных производств. Он утверждал, что первый подход фактически ведет к консервации этноклановых структур и теневых механизмов реализации социальных услуг низкого качества, а второй постепенно сформирует модернизированные отношения между работником и работодателем и разовьет социальную ответственность местного бизнеса [10].

Поводом для выдвигания туризма, в частности этнографического, в качестве локомотива развития территории является опыт некоторых других регионов страны. По наблюдениям коллектива сотрудников Байкальского института природопользования СО РАН, изучавшего региональные проекты развития этнографического туризма, этот рынок туристических услуг охватывает примерно полмиллиона человек в год. По нашему мнению, приводимая цифра явно занижена: она будет гораздо значительнее, если учесть высокие темпы роста интереса к этому направлению туристической деятельности.

До недавнего времени наиболее развитые этнотуристические маршруты фиксировались в местах проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Практика также подтверждает, что этнический туризм занимает видное место в поддержке экономики и традиционной культуры народов прибалтийского региона. Благодаря туризму новый импульс здесь получило искусство косторезов, пошив одежды с элементами традиционной технологии, ведение животноводства, морской промысел и другие виды хозяйственной деятельности.

Значительный рост отечественного этнотуризма ожидается при вводе этномаршрутов в субъектах Северного Кавказа. Цифры показывают, что только за 9 месяцев 2019 г. Чеченскую Республику посетило 162 тыс. туристов, в республике Дагестан их число превысило 840 тыс.

Казалось бы, заинтересованность в развитии туристской отрасли очевидна. Но есть и препятствия. В этом смысле характерной является ситуация, которая возникла и накалилась при попытке местных республиканских властей Кабардино-Балкарии принять законы о земле, т. е. о территориях, принадлежащих той или иной этнической общности. Обострение случилось именно вследствие действий по отчуждению земель под строительство объектов туристической индустрии: 85 % территории горных населенных пунктов с компактным проживанием балкарцев были изъяты из их владения [3]. Это ухудшило экономическое положение граждан и вызвало с их стороны протесты.

В части дальнейшей работы по обустройству и функционированию региона директивные документы федерального и регионального уровней ставят задачу обеспечить эффективность работы по повышению уровня общероссийской гражданской идентичности в стране и на

местах. К данной проблеме начиная с 2000-х гг. привлечено особое внимание научного сообщества и общественности.

Участниками заседания Совета при Президенте 30 марта 2021 г. отмечено, что «в стране идет процесс утверждения российской идентичности как первостепенной среди других форм коллективной идентичности, общероссийский патриотизм становится все более выраженным, гражданская консолидация все крепче пред лицом попыток задержать наше развитие. Поэтому состояние и именно состояние динамики гражданской идентичности должно быть в центре национальной политики» [15].

Важнейшие элементы этой работы — воспитание и образование. Ее формы и методы в рамках Национального проекта «Образование» определяют «Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации» от 21 мая 2003 г., разработанная в рамках реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы», последующие одноименные госпрограммы (на 2006–2010, 2011–2015, 2016–2020 и 2021–2025 гг.), как и действующий федеральный проект «Патриотическое воспитание» (2021–2024). В качестве важных направлений по решению задач патриотического заявлены: научно-теоретическая проработка проблемы, формирование понятийного аппарата, определены русла реализации поставленных задач. В научной литературе отмечается, что крупные исследовательские коллективы в институтах РАН занимаются такими проблемами патриотического воспитания, как переоценка ценностей, изменение ценностных оснований идентификации, отношение к патриотизму как признак ментальности различных социальных групп, роль патриотических ценностей в формировании общественного мнения и др.

Обоснована необходимость обеспечить социальную приоритетность этих норм (ценностей, способствующих укреплению новой российской идентичности), упрочивать единство установок, которые выстраивают мировоззренческие позиции всех социальных групп. Свой вклад в разработку аспектов данной проблематики внесли и сотрудники Южного филиала Российского научно-исследовательского Института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (см.: [7] [8] [12] [16]).

Патриотизм как основа консолидации российского общества представляет собой комплексный духовный феномен, в котором аналитически можно выделить несколько главных аспектов.

С определенной точки зрения он означает концентрацию всей системы образования и воспитания на знании российскими гражданами истории и культуры своей страны.

В эмоциональной сфере он сопряжен с выработкой устойчивых переживаний чувства ответственности за свою страну и народ, гордость за них.

В поведенческой сфере патриотизм есть готовность встать на защиту страны, своим поведением доказать способность активно действовать в защиту общественно-значимых ценностей, ориентировать свои жизненные шаги на решение задач, стоящих перед государством и обществом.

Серьезные недоработки в области формирования российского патриотизма обращают на себя внимание исследователей. В частности, как противоречащие идее российского патриотизма отмечаются недочеты в преподавании истории и других гуманитарных дисциплин в школах региона. «Все по-прежнему, — пишет Н. Ф. Бугай, — вращается вокруг использования действующего аргумента Кавказской войны (окончание в 1864 г.), чем пропагандируется устойчивый стереотип исторической вины русских пред горским населением Кавказа, что, конечно, характеризуется тенденциозностью и односторонностью подхода к освещению событий прошлого» [4, с. 192]. Ученый подчеркивает, что вряд ли целесообразно «протаскивать эти идеи в сознание молодежи». Мы также полагаем, что такого рода тенденциозность будет искусственно поддерживать эскалацию отношений недоброжелательства между народами.

Несмотря на наличие программ социально-экономического развития (включая программы в области туристической деятельности) и программ по патриотическому воспитанию, главными катализаторами напряженности в регионе, влияющими на уровень конфликтности в отношениях между народами, выступают нерешенные этнотерриториальные противоречия, которые мы бы сгруппировали на основе трех основных объективных факторов:

- территория и ее статус;
- власть (доступ к власти в регионе осложнен тем, что в структуре многих кавказских народов устойчиво сохраняются родовые, тейповые, клановые группы).
- земельный вопрос.

Решение вопросов в значительной степени завязано на исполнении статей 3-й и 6-й Закона РСФСР от 26 апреля 1991 г. «О реабилитации

репрессированных народов» [11]. Исчерпывающе полная реализация намеченного этим законодательным актом в значительной степени создало бы гарантию стабильности в регионе: очень важно последовательно выполнять меры, предусмотренные российским законодательством в целях гармонизации взаимодействия этносов.

В многонациональном государстве основным каналом взаимодействия культурными достижениями является система образования. В свете этого понятна необходимость качественного преподавания курсов по истории Северо-Кавказских народов в образовательных учреждениях. Актуальность взвешенного решения проблем на основе добрососедских отношений между народами нельзя умалять никогда. В жизнь постоянно вступают новые поколения, и наиболее мудро и правильно — приобщать молодежь к мирным созидательным установкам. Те, кто придут на смену старшим, должны уже на стадии получения знаний участвовать в созидательном труде, в выработке соответствующих «моделей» регулирования общественных процессов.

Новые социальные схемы эффективны лишь в том случае, если они подчинены достижению блага для всех народов, населяющих регион. Требуется такая деятельность по созданию системы образования, при которой на учащегося смотрели бы не только как на будущего специалиста в той или иной области, а как просвещенного патриота, усвоившего духовно-нравственные ценности и нормы гражданской культуры.

Использованная литература:

1. *Авксентьев В. А., Дмитриев А. В.* Конфликтология: базовые концепты и региональные модели. М.: Альфа-М, 2009.
2. *Албогачиева М.* Демаркация границ Ингушетии // Кунсткамера. URL: https://www.Kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-290-6/978-5-88431-290-6_05pdf (дата обращения: 12.12.2021).
3. *Аствацатурова М. А.* Гражданская активность в Северо-Кавказском регионе: реалии и перспективы влияния // Проблемы истории народов Северного Кавказа: межнациональные отношения. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2009. С. 188–194.
4. *Бугай Н. Ф.* Русские на Северном Кавказе: социальное положение, трансформации этнической общности (1990-е гг. — нач. XXI в.). М.: Гриф и К., 2011.

5. *Васильева О. Ю., Музаев Т. М.* Северный Кавказ в поисках региональной идеологии. М.: Прогресс, 1994.
6. *Гуцалов А. А.* Тематика общегражданской идентичности и патриотизма в структуре государственных целевых программ (на примере Южного Федерального округа) // Концептуальные основы российского патриотизма и стратегия патриотического воспитания подрастающего поколения: сб. науч. ст. по матер. всерос. науч.-практ. конфер. (Новороссийск, 23–24 апр. 2021 г.). Пенза: Пензенский гос. ун-т, 2021. С. 176–180.
7. *Гуцалов А. А., Третьякова Е. Ю.* Практики воспитания общегражданских ценностей: некоторые итоги мониторинга // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. ст. по матер. VI междунар. науч. форума. М.: Ин-т Наследия, 2021. С. 304–320. DOI: 10.34685/НН.2021.95.54.020.
8. *Дейко С. Ю., Сидорова Д. В. и др.* Проблемы развития и функционирования курортов Северного Кавказа в границах ЮФО и СКФО // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2013. № 3. С. 44–49.
9. Депутаты Верхней Балкарии выступили против использования земли села под туркластер. 14 февр. 2012 г. // Кавказский узел. URL: <https://kavkaz-uzel.media/articles/201120/> (дата обращения: 12.12.2021).
10. *Дзуцев Х. В.* Этносоциологический портрет республик Северо-Кавказского Федерального округа Российской Федерации. М.: Российская полит. энциклопедия, 2012.
11. Закон РСФСР от 26 апр. 1991 г. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» (с изм. и доп.) // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/10200365/> (дата обращения: 12.12.2021).
12. *Науменко В. Е.* Взаимодействие государства и консультативных институтов гражданского общества в сфере гражданской идентичности населения: региональный аспект // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. ст. по матер. VI междунар. науч. форума. М.: Ин-т Наследия, 2021. С. 294–303. DOI: 10.34685/НН.2021.95.54.020.
13. *Путин В.* Россия: национальный вопрос // Новая газета. URL: https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 12.12.2021).
14. *Рязанцев С. В.* Демографическая и миграционная ситуация в Южном федеральном округе: особенности и подходы к регулированию // Проблемы истории народов Северного Кавказа: межнациональные отношения (XX–XXI вв.). М.: ИРИ РАН, 2009. С. 204–212.

15. Стенограмма выступления Путина на заседании Совета по международным отношениям // Президент России. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-zasedanii-soveta-po-mezhncionalnym-otnoshenijam-30-03-2021.html> (дата обращения: 12.12.2021).
16. *Третьякова Е. Ю.* Судьба отца-фронтовика и сына-поэта — преемственные звенья единого гражданского пути. Препринт Южного филиала Института Наследия. Сер.: Прикладные исследования. № 011–2021–ARD. Краснодар, 2021. DOI: 10.13140/RG.2.2.24487.88483 (дата обращения 20.08.2021).

Vladimir E. NAUMENKO,

Cand. Sci. (National History), Prof., Leading Researcher,
Department for Complex Problems of Cultural Studies,
Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage, Krasnodar, Russia,
vladimirnaumenko.krd@gmail.com.

**Current Aspects of the Development
of Regional and Civil Identity
in the North Caucasus Federal District**

The article analyzes the problem of regional and civic identity in the regions of the North Caucasus Federal District. The main factors complicating the formation of national and interethnic unity are highlighted: territorial, socio-economic, historical, legal, educational. The author shows that half-heartedness in the implementation of the adopted Law “On the Repressed Peoples of the Russian Federation” has led to complex interregional and interethnic problems. Their solution, as well as the formation of a general civil identity, can be seen on the basis of economic development (tourism, the launch of high-tech industries), legal study of unresolved territorial disputes, full implementation of adopted legal acts, as well as correction of approaches in the education and upbringing system.

Keywords: North Caucasus, the North Caucasus Federal District, civil identity, regional identity, ethnographic tourism, Prigorodny district, Ingushetia, North Ossetia — Alania, Law “On rehabilitation of the Repressed peoples”, Mountain Autonomous Socialist Soviet Republic.

Л. Р. Барахоева*, М. А. Арсельгова**

Формирование гражданской идентичности молодежи Республики Ингушетия

В статье рассматривается актуальная для устройства гражданского общества проблема — формирование гражданской идентичности молодых людей. На сегодняшний день, формирование и укрепление гражданской идентичности представителей молодого поколения является одной из главных задач государства, поскольку именно молодые люди представляют собой ключевой стратегический ресурс любой страны. Авторами анализируется сущность и структура гражданской идентичности, ее особенности, изучены механизмы ее формирования. Приводятся результаты авторского исследования, в рамках которого раскрывается особенность гражданской идентичности молодых людей, изучается ее воздействие на формирование системы ценностей молодого поколения и их отношения к закону. Проведенный анализ позволяет заключить, что сформированность гражданской идентичности молодежи зависит не только от социокультурных условий, в которых происходит этот процесс, но и от социально-политических и социально-экономических факторов. С одной стороны, глубокая дифференциация регионов по уровню социально-экономического развития оказывает отрицательное влияние на формирование гражданского единства, вызывая негативное отношение к власти и утрате доверия к ней, с другой стороны, экономический рост, уровень и качество жизни во многом зависят от того, насколько население чувствует свою общность и ответственность за судьбу страны.

Ключевые слова: гражданская идентичность, этническая идентичность, гражданское общество, молодежь, идентичность, толерантность, социально-экономический фактор, Республика Ингушетия.

В условиях экономического кризиса, демографических проблем, а также роста ксенофобных и националистических настроений, проблема гражданской идентичности является более чем актуальной. Гражданская идентичность — показатель консолидации общества, единства общественных сил и залог стабильности государства. Отсутствие гражданской идентичности для такой многонациональной и многоконфес-

* БАРАХОЕВА Людмила Руслановна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела социально-политических исследований Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук имени Ч. Э. Ахриева, Магас, Республика Ингушетия, Россия, lirout@mail.ru.

** АРСЕЛЬГОВА Марина Адамовна, научный сотрудник отдела социально-политических исследований Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук имени Ч. Э. Ахриева, Магас, Республика Ингушетия, Россия, marinaarselgova@mail.ru.

сиональной страны, как Россия, представляется губительным и является фактором нестабильности страны.

Под гражданской идентичностью следует понимать осознание индивидом своей принадлежности к сообществу граждан определенного государства, которое имеет для него значимый смысл, основанное на его признаке гражданской общности, характеризующем его в качестве коллективного субъекта [3].

Гражданская идентичность являет собой восприятие индивидом социальных, экономических, политических, культурных и других процессов, протекающих в государстве. Это восприятие проявляется в готовности нести ответственность, соблюдать нормы, правила и ценности этой общности, принятии групповых целей, интересов, установок и идеалов в качестве своих личных, способности выполнять гражданские обязанности, активно участвовать в жизни общества, пользоваться предоставляемыми государством правами, что в совокупности будет способствовать сплочению общества.

Таким образом, гражданская идентичность — это ключевой фактор консолидации интересов государства, следовательно, ее высокий уровень в сознании граждан обеспечивает политическое, духовное и культурное единство общества.

Структура гражданской идентичности включает в себя следующие ключевые элементы: когнитивный, ценностный и эмоциональный [5].

Первый выделенный элемент — когнитивный — содержит в себе знания о своей стране, ее истории, государственной символике, географии, политических лидерах, выборах, партиях, культуре, языке, традициях, ценностях, правах и обязанностях, государственном устройстве и т. д.

В содержание этнической составляющей когнитивного компонента входят знания о родном народе, его историческом прошлом, культурной составляющей, знание родного языка, представление о своей этнической принадлежности.

Ценностный элемент представляет собой отношение индивида к самому факту его принадлежности к какому-либо государству, принятие или непринятие своей принадлежности, гражданской общности. Этической составляющей ценностного элемента является наличие или отсутствие построенной системы традиционных этических ценностей.

Эмоциональная составляющая гражданской идентичности включает в себя чувства стыда или гордости за свою гражданскую принадлежность [1, с. 140–142].

Этническая составляющая эмоционального компонента структуры гражданской идентичности подразумевает отношение индивида к ценностным ориентациям его народа, конкретные суждения, демонстрирующие его отношение как к своему народу, так и к представителям других национальностей, а также к родному языку.

Последние два компонента гражданской идентичности зачастую могут оказывать влияние на содержание ее когнитивного компонента. Чувство гордости за свою страну или регион проживания определяет отношение к своей гражданской принадлежности как к ценности. В структуре гражданской идентичности присутствует также деятельностный компонент, который подразумевает активное участие индивида в социальной деятельности, имеющую общественную значимость и в политической жизни страны, реализацию гражданской позиции в его поведении, готовность взять на себя ответственность за принятые решения и их последствия.

Этническая составляющая деятельного компонента структуры гражданской идентичности включает в себя использование индивидом своего родного языка в повседневном общении, демонстрация черт поведения, присущих родному народу.

По мнению Е. А. Гришиной, гражданская идентичность включает в себя две составляющие: объективная и субъективная. Первый компонент характеризуется наличием гражданства и активным участием в политической жизни страны. Субъективная составляющая определяется совокупностью социально-культурных норм, в рамках которых реализуется интеграция в социальное целое [2].

Субъективный компонент не менее важен, поскольку процесс формирования гражданской идентичности имеет динамичный характер, она может трансформироваться в течение всей жизнедеятельности индивида под влиянием тех или иных факторов и являет собой личный выбор человека. Соотношение этих двух компонентов гражданской идентичности определяют ее целостность.

Взаимное принятие личности и общества, при котором индивид испытывает чувство гордости и уважения к своей стране, ее истории, социальной общности, к которой он принадлежит, и общество, которое, в свою очередь, уважает права личности, поддерживает ее стремление к саморазвитию и самореализации — ключевой показатель сформированности всех составляющих компонентов гражданской идентичности.

Как отмечает А. Г. Асмолов, ее формирование характеризуется, во-первых, фактом гражданской принадлежности, во-вторых, отношением и переживанием, с которыми связана эта принадлежность. Патриотизм как чувство приверженности гражданской общности, принятие ее важной ценностью здесь выступает в качестве ключевого идентифицирующего механизма [4].

Безусловно, процесс формирования гражданской идентичности является сложным, многоаспектным и длительным.

Выбор молодежи в качестве объекта исследования обусловлен тем, что данная социально-демографическая группа является динамично развивающимся ресурсом, инновационным потенциалом общества, в определенных условиях наиболее активно участвующим в социально-экономических и социально-политических преобразованиях. От духовно-нравственного и социального развития молодежи и от того, какой гражданской позиции она будет придерживаться зависит будущее региона и страны. Кроме того, потребность общества в молодых гражданах, имеющих активную гражданскую позицию, объясняется в первую очередь острой необходимостью быть готовыми к современным вызовам, таким как: терроризм, экстремизм или сепаратизм; проблемы миграции, недовольство коренных жителей миграционными процессами, протекающими внутри государства, желание молодых людей покинуть страну и пр.

Современные возрастные границы молодежи варьируются по странам и могут изменяться при изменении социально-экономической ситуации и иным причинам: улучшение здоровья, сохранение работоспособности, повышение способности к деторождению и т. д. Согласно Федеральному закону от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», молодежь — это социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно. На 1 января 2021 г. в Республике Ингушетия численность населения в возрасте от 14 до 35 лет составляла 183 627 чел., или 35,62 % от общей численности населения региона, в том числе мужчин 82 139 чел. (34,91 % от общей численности мужчин), женщин 101 488 чел. (36,21 % от общей численности женщин).

Исследование опиралось преимущественно на проведение анкетирования старшеклассников, студентов и магистрантов учебных заведений Республики Ингушетия. Интерес к данному объекту исследования вызван возможностью использования результатов исследования для

оценки политических, государственных и идеологических перспектив, а также для разработки рекомендаций, направленных на гармонизацию межрелигиозных и межэтнических отношений.

Формирование гражданско-ответственной личности зависит от объективных условий среды. Взросление и воспитание современной молодежи пришлось на период социально-экономических и социально-политических трансформаций в стране, распада традиционной системы норм и ценностей, формирования новых социальных отношений, что не могло не привести к изменениям в развитии молодежи. Научные исследования в области социологии и психологии свидетельствуют о том, что современной российской молодежи присущи такие черты, как инфантилизм, пессимизм, негативизм, отсутствие авторитетов, агрессивность; не сформировано общее ценностное поле, то есть нет сфер, которые являлись бы однозначно значимыми или незначимыми для большинства. Для современной молодежи наиболее значимыми являются работа, досуг, общение со сверстниками, отношения с родителями; менее значимы учеба, здоровье, семья, брак, любовь; в наименьшей степени значимы религия, общество, страна, город, среда обитания.

Воспитание современной ингушской молодежи происходило в еще более сложных условиях: в период образования и становления Республики Ингушетия, которая является самым молодым и одним из самых маленьких субъектов РФ, в котором на момент создания практически полностью отсутствовала социальная инфраструктура, высшие учебные заведения, спортивные и культурные клубы; в период межнациональных конфликтов и войн на Северном Кавказе; в условиях обострившихся межконфессиональных и внутриконфессиональных противоречий.

Мотивационным фактором поведения и фактором формирования гражданской идентичности молодежи является ее социальное самочувствие, определяющееся степенью удовлетворения социальных потребностей. Социальное самочувствие в свою очередь зависит от объективных (социально-экономических, социально-политических, социокультурных) и субъективных факторов (уверенности в завтрашнем дне, ощущении стабильности и благополучия). Важным фактором социального самочувствия молодежи является перспектива трудоустройства. Для СКФО и особенно для Республики Ингушетия проблема безработицы остается одной из самых острых.

Так, по данным Федеральной службы государственной статистики в 2019 г., разница между субъектами РФ с самой низкой и самой высокой безработицей составляла 25,4 процентных пункта: уровень безработицы населения в возрасте 15–72 лет варьировался от 1,4 % (Москва, Санкт-Петербург) до 26,8 %. В 2020 г. разрыв между субъектами усилился: уровень безработицы населения в возрасте 15–72 лет варьировался от 2,4 % (Ямало-Ненецкий автономный округ) до 30 % (Республика Ингушетия).

На протяжении периода с 2000 по 2020 гг. СКФО характеризуется наиболее депрессивной ситуацией на рынке труда по сравнению с другими федеральными округами. В 2020 г. уровень безработицы составил 13,9 %, что в 2,4 раза выше, чем в среднем по стране. Республика Ингушетия по уровню безработицы находится в аутсайдерах: в 2020 г. уровень безработицы в регионе составил 30 %, что на 24,2 п.п. превышает средний уровень безработицы по стране и на 16,1 п.п. — средний уровень безработицы по СКФО.

При этом наблюдается отставание средней заработной платы от среднероссийского уровня и уровня в среднем по СКФО: разрыв между российским и региональным показателем заработной платы увеличился с 2005 г. по 2020 г. почти в 7 раз. В 2020 г. в Республике Ингушетия среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по полному кругу организаций в целом по экономике составила 29 648 руб., что на 42,3 % ниже среднероссийского уровня и на 7,41 % ниже среднего уровня по СКФО.

В 2020 г. в Республике Ингушетия в структуре безработных по возрастным группам наибольшие доли приходятся на возрастные группы 20–29 лет (44,9 %) и 30–39 лет (31,7 %). Наиболее высокий уровень безработицы наблюдается в возрастных группах 15–19 лет (55,93 %), 20–29 лет (51,2 %), 30–39 лет (33,5 %).

Таким образом, сложившаяся ситуация на рынке труда ведет к массовому выезду молодежи в поисках постоянной или сезонной работы в другие регионы страны, что может привести к усилению ксенофобских настроений в этих регионах. Отсутствие уверенности в своем будущем, сомнения по поводу жизненных перспектив в регионе ведут к снижению мотивации к труду, к негативному отношению к нему, возникновению апатичности, замедлению социальной адаптации, социально-профессиональной дифференциации, деформации профессиональной идентичности.

Согласно рейтингу российских регионов по качеству жизни в 2020 г., подготовленному экспертами агентства РИА Рейтинг, основанному на комплексном учете 70-ти показателей, объединенных в 11 групп (уровень доходов, занятости, жилищные условия, климат, безопасность, демография, образование, экология, развитие социальной и транспортной инфраструктуры, развитие малого бизнеса) Республика Ингушетия занимает одно из десяти последних мест, наряду с такими субъектами РФ как Республика Калмыкия, Кабардино-Балкарская Республика, Курганская область, Республика Алтай, Республика Бурятия, Еврейская автономная область, Карачаево-Черкесская Республика, Забайкальский край и Республика Тыва. Основными факторами, приведшими к этому, являются невысокий уровень социально-экономического развития, высокий уровень безработицы, низкие доходы.

Сложная социально-экономическая ситуация в регионе оказывает непосредственное влияние на социальное самочувствие и мировоззрение молодежи. Так, результаты социологического опроса молодежи Республики Ингушетия в возрасте от 18 до 29 лет (173 человека), проведенного методом анкетирования в 2019 г. в разрезе трех направлений, свидетельствуют о том, что:

- 30,1 % оценивают экономическую ситуацию в стране как плохую и ужасную;
- 42,2 % считают, что экономическая ситуация в стране в течение следующего года не изменится, а 15 % считают, что ситуация ухудшится;
- 43,4 % считают экономическую ситуацию в Республике Ингушетия нормальной, а 20,8 % оценивают ее как плохую и ужасную;
- 44 % считают, что экономическая ситуация в регионе в течение года не изменится, а 10,4 % считают, что ситуация ухудшится.

Среди признаков, сближающих с этнической группой, определяющими были названы: «религия» (46,2 %), «традиции и обычаи» (41,0 %) и «знание языка» (31,2 %). Наименее важными были названы «художественная культура» (9,8 %) и «социальные нормы и принципы поведения» (13,9 %). 87,9 % опрошенных ответили, что этническая принадлежность другого человека не будет оказывать влияния на отношение к нему.

Среди основных причин возможного возникновения этнических конфликтов и межэтнической напряженности в регионе 54,3 % указали

«территориальные споры», 19,7% — «историческое прошлое», 15,3% и 13,9% — «неэффективная национальная политика» и «предрассудки и стереотипы», соответственно. 57,8% оценили как низкую вероятность возникновения в регионе межэтнических противоречий и конфликтов на этнической почве, 28,3% считают, что вероятность средняя, то есть конфликтный потенциал существует. 30,6% считают, что состояние межэтнических отношений в регионе в целом стабильное, но иногда возникает напряженность, а 8,7% считают ситуацию напряженной. 78% оценили состояние межконфессиональных и внутриконфессиональных отношений на современном этапе в регионе как благоприятное, спокойное.

Среди основных причин возможного возникновения межконфессиональных конфликтов и напряженности 27,7% опрошенных указали проблемы во взаимодействии государственных институтов и религиозных организаций, 19,7% — активность неформальных религиозных лидеров, 17,3% — дискриминацию на религиозной почве. Вероятность возникновения в регионе конфликтов на религиозной почве 76,3% опрошенных оценили как практически нулевую.

В 2016 г. в рамках проекта «Самоидентификация молодежи Северного Кавказа как фактора национальной безопасности» Центром стратегических исследований религии и политики современного мира было проведено исследование с целью выявления особенностей процесса формирования гражданской идентичности на Северном Кавказе. Исследование проходило в 6 субъектах РФ, общий объем выборки составил 3000 респондентов. Доля каждого субъекта в общей совокупности составила 500 респондентов.

Согласно полученным данным, в Республике Ингушетия отмечается все большая ориентированность на исламскую культуру, данный показатель увеличился до 51% (в 2011 г. был равен 14%). Также отмечалось укрепление национальной идентичности ингушских молодых людей, а также значительное снижение показателя выраженности космополитических взглядов (определение себя в качестве «гражданина мира»). 85% ингушских молодых людей в первую очередь признали себя представителями исламской религии. Кроме того, характерным для ингушской молодежи являлась выраженность национальной принадлежности (54%), на последнем месте осознание себя гражданином РФ (46%). Исследователями было отмечено, что с возрастанием роли религии, которая оказывает влияние на модель поведения молодых

людей, процесс формирования патриотических установок может быть затруднен [6].

Если в 2016 г. ингушская молодежь не признавала право на свободу вероисповедания и приверженность иных религиозных принципов и установок, то сегодня можно отметить, что ситуация несколько изменилась. Так, авторами статьи в 2021 г. было проведено эмпирическое исследование с целью выявления уровня сформированности компонентов гражданской идентичности у молодых людей Республики Ингушетия. Исследование проводилось с использованием следующих методик: экспресс-опросник «Индекс толерантности», в основу которого лег отечественный и зарубежный опыт в данной области (Г. У. Солдатова, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев, Л. А. Шайгерова), методика «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатова, С. В. Рыжова), анкета «Мой выбор» (И. В. Кожанов). Данные методики позволяют диагностировать как общий уровень толерантности, так и уровни этнической, социальной толерантности и толерантности как черты личности; этническое самосознание и его трансформации в условиях межэтнической напряженности; сформированность ценностно-ориентировочного компонента гражданской идентичности личности. В исследовании приняли участие 500 человек, полученный материал представляет объемную базу данных, обработка которой еще не закончена, поэтому далее приведены результаты, касающиеся опроса 110 человек, среди которых 40 мужчин и 70 женщин. Формирование гражданской идентичности является сложным процессом, который продолжается и в зрелом возрасте, однако, в рамках данного исследования внимание было уделено молодым людям в возрасте от 16 до 30 лет.

Результаты исследования сформированности эмоционально-оценочного компонента гражданской идентичности личности показывают следующее:

- у подавляющей массы респондентов (66,4 %) наблюдается средний уровень сформированности этнической идентичности; высокий уровень сформированности этнической идентичности наблюдается у 29,1 % респондентов;
- средний уровень сформированности общероссийской идентичности выявлен у 73,6 % респондентов; низкий уровень — у 16,4 %;
- высокий уровень общечеловеческой идентичности отмечен у 32,7 %, а средний — у 66,4 % (таблица 1).

Таблица 1

Распределение респондентов по уровням сформированности отдельных составляющих и в целом эмоционально-оценочного компонента гражданской идентичности личности

Уровень	Составляющие эмоционально-оценочного компонента			Общее (абс./%)
	этническая (абс./%)	общероссийская (абс./%)	общечеловеческая (абс./%)	
Высокий	32 (29,1 %)	11 (10,0 %)	36 (32,7 %)	11 (10,0 %)
Средний	73 (66,4 %)	81 (73,6 %)	73 (66,4 %)	98 (89,1 %)
Низкий	5 (4,5 %)	18 (16,4 %)	1 (0,9 %)	1 (0,9 %)

Согласно данным авторского исследования, уровень религиозной толерантности ингушской молодежи повысился. Так, большинство респондентов негативно отнеслись к тезису об ограничении свободы вероисповедания. По мнению 63 % опрошенных, любые религиозные течения имеют право на существование. Отрицательная реакция большинства молодых людей на утверждение: «Нормально считать, что твой народ лучше, чем другие» — является своего рода проявлением этнической толерантности. 57,3 % опрошенных не согласны с этим утверждением. Кроме того, 82,7 % опрошенных отметили желание расширить свой круг межнационального общения, проявили готовность к дружеским отношениям с представителями других национальностей.

Если говорить о готовности к заключению брака с представителем другой национальности, то по данным опроса 2016 г. ингушская молодежь отличилась: 49 % респондентов отметили, что такая ситуация допустима, но для себя не представляют ее возможной. Около 34 % опрошенных в этом вопросе категоричны — такое развитие событий неприемлемо, и лишь 16 % посчитали возможным заключение брака с представителем другой национальности [6].

Интолерантные установки относительно межэтнических отношений на уровне семьи присутствуют и на сегодняшний день. Так, по мнению 40 % респондентов, «в смешанных браках обычно больше проблем, чем в браках между людьми одной национальности». 48,2 % склонны к толерантной позиции, заявив, что «готовы принять в качестве члена семьи человека любой национальности». Абсолютно не согласны с этой позицией 13,6 % опрошенных.

При анализе социальной толерантности молодежи, были выявлены следующие особенности. У респондентов отмечается положительная реакция к такой социальной группе, как «нищие и бродяги». Большая часть опрошенных (67,3 %) отметили, что не согласны с высказыванием «нищие и бродяги сами виноваты в своих проблемах». При этом 47,3 % менее толерантны к психическим больным — их нужно изолировать от общества. Толерантное отношение к этой социальной группе выявлено у 52,7 % респондентов, в том числе 12,7 % абсолютно не согласны с этим высказыванием.

Положительная реакция отмечается в отношении беженцев, 63,6 % проявили толерантное отношение к этой социальной группе, ответив, что не согласны с утверждением: «Беженцам надо помогать не больше, чем всем остальным, так как у местных проблем не меньше». Относительно выражения любого мнения в СМИ респонденты разделились следующим образом: 77,3 % относятся к этому лояльно, 10 % категорически против свободы выражения мнения в СМИ.

Выслушать позицию своего оппонента, имея при этом свое мнение, готовы практически все опрошенные (94,5 %). Следует отметить, что лишь у 18,2 % респондентов вызывает раздражение и неприязнь человек, который имеет мнение отличное от их. При этом на грубость ответят грубостью половина опрошенных (50,9 %). Хотели бы быть более терпимыми по отношению к другим людям 75,5 % респондентов.

Таким образом, можно сделать вывод, что вектор формирования идентичности смещен в сторону общечеловеческой идентичности. В целом можно сделать вывод, что у 89,1 % опрошенных средний уровень сформированности эмоционально-оценочного компонента гражданской идентичности личности, у 10 % — высокий; у 16,4 % респондентов наблюдаются интолерантные проявления в отношении различных социальных групп и некоторых социальных процессов.

Результаты проведенного исследования типов этнической идентичности по опроснику, содержащему шесть шкал: этнонигилизм, этническая индифферентность, позитивная этническая идентичность, этноэгоизм, этноизоляция, этнофанатизм — показали, что более выраженным типом идентичности является позитивная этническая идентичность:

- 90 % респондентов демонстрируют повышенный и высокий показатель сформированности позитивной этнической идентичности;

- у +17,3 % респондентов уровень этнической индифферентности выше среднего, что означает размывание у данной группы респондентов этнической идентичности или ее неактуальности;
- у 20,9 % респондентов наблюдается повышенный и высокий уровень этнофанатизма, что говорит о готовности данной группы опрошенных к любым действиям во имя так или иначе понятых этнических интересов, о признании приоритета этнических прав народа над правами человека, оправдании любых жертв в борьбе за благополучие народа. Так, 35,5 % считают, что любые средства хороши для защиты интересов своего народа; 61,8 % считают, что необходимо сохранять чистоту нации; 50,9 % считают, что на его земле все права пользования природными и социальными ресурсами должны принадлежать только его народу.

Негативное отношение к межэтническим бракам отмечено у 40 % респондентов, выразивших согласие с утверждением, что межнациональные браки разрушают народ.

Результаты диагностики по методике Кожанова И. В. «Мой выбор» показали, что у 80,9 % респондентов наблюдается высокий уровень сформированности ценностно-ориентировочного компонента гражданской идентичности. Интересуются историческим прошлым родного народа, рассказывают об этом другим, берегут сохранившиеся исторические памятники родного народа 81,8 % респондентов, из них 19,1 % выбрали ответ «скорее да, чем нет». Интересуются и гордятся историческим прошлым России, рассказывают об этом другим 47,3 % респондентов, из них 24,6 % выбрали ответ «скорее да, чем нет». Тревожным моментом является согласие 41,8 % респондентов с утверждением, что человек имеет право вести себя в соответствии с традициями людей своей культуры, даже если это противоречит нормам местного населения. 83,6 % считают, что качественное образование является залогом хорошей работы. 93,6 % любят своих родителей, благодарны им за заботу и считают, что родители делают для них все, что могут.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов:

- для всего СКФО, и в частности Республики Ингушетия, ввиду многонационального и многоконфессионального населения, задача формирования и развития общероссийской граждан-

ской идентичности и ее гармоничное соотношение с этнической и региональной идентичностями в сознании молодежи крайне важна;

- в современных условиях, когда остро стоят такие проблемы, как коррупция, распространение экстремистских идей, систематический мониторинг, эффективная диагностика уровня радикализации молодежи и роста напряжения в обществе, анализ уровня сформированности гражданской идентичности играют ключевую роль;
- сформированность гражданской идентичности молодежи зависит не только от социокультурных условий, в которых происходит этот процесс, но и от социально-политических и социально-экономических факторов. Так, значительная дифференциация регионов по уровню социально-экономического развития отрицательно влияет на формирование гражданского единства, вызывая негативное отношение к власти и утрате доверия к ней, в свою очередь, экономический рост, уровень и качество жизни во многом зависят от того, насколько население чувствует свою общность и ответственность за судьбу страны;
- на основании результатов исследований можно говорить о выраженной позитивной этнической идентичности;
- вектор формирования идентичности смещен в сторону общечеловеческой идентичности. В целом можно сделать вывод, что у 89,1 % опрошенных средний уровень сформированности эмоционально-оценочного компонента гражданской идентичности личности;
- у 80,9 % респондентов наблюдается высокий уровень сформированности ценностно-ориентировочного компонента гражданской идентичности.

Таким образом, в регионе необходима разработка и реализация национальной политики с целью снижения выраженности таких типов этнической идентичности, как этнофанатизм и этноизоляция, развития межнациональных отношений, способствующих росту различных форм межэтнических отношений, а также необходима разработка и реализация молодежной политики с целью воспитания и развития у молодежи критического мышления, личной ответственности, гражданского самосознания и самоидентификации.

Использованная литература:

1. *Водолажская Т.* Идентичность гражданская // Образовательная политика. 2010. № 5–6. С. 140–142.
2. *Гришина Е. А.* Гражданская идентичность российской молодежи: опыт мониторинговых исследований 90-х гг.: автореф. дис. ... д-ра соц. наук: 22.00.04. М., 2000.
3. *Ефименко В. Н.* Структурные компоненты и содержательное наполнение понятия «Гражданская идентичность» // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 250–254.
4. *Кожанов И. В.* Формирование гражданской идентичности личности в процессе этнокультурной социализации в системе непрерывного образования: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01. Чебоксары, 2018.
5. *Оплетина И. А., Белоусова Н. А.* Выраженность компонентов гражданской идентичности у жителей разных регионов России // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 6. С. 89–93. DOI: 10.24158/spp.2021.6.14.
6. Самоидентификация молодежи Северного Кавказа как фактор национальной безопасности. М., 2016. URL: http://kavpolit.com/media/upload/files/csi/skfo_broshura.pdf (дата обращения: 18.09.2021).

Lyudmila R. BARAKHOEVA,

Cand. Sci. (Economics and Management of the National Economy), Senior Researcher, Ingush Scientific Research Institute, Magas, Republic of Ingushetia, Russia, lirout@mail.ru.

Marina A. ARSELGOVA,

Researcher, Ingush Scientific Research Institute, Magas, Republic of Ingushetia, Russia, marinaarselgova@mail.ru.

Formation of Civic Identity of Youth of the Republic Ingushetia

The article deals with a problem that is urgent for the structure of civil society-formation of the civic identity of young people. Today, the formation and strengthening of the civic identity of representatives of the younger generation is one of the main tasks of the state, since it is young people who are the key strategic resource of any country. The authors analyze the essence and structure of civic identity, its features, study the mechanisms of its formation. The results of the author's research are presented, within the framework of which the peculiarity of the civic identity of young people is revealed, its

impact on the formation of the value system of the young generation and their attitude to the law is studied. The performed analysis allows us to conclude that the formation of the civic identity of young people depends not only on the socio-cultural conditions in which this process takes place, but also on socio-political and socio-economic factors. On the one hand, the deep differentiation of regions by the level of socio-economic development has a negative impact on the formation of civil unity, causing a negative attitude towards the authorities and a loss of trust in it, on the other hand, economic growth, the level and quality of life largely depend on how the population feels its community and responsibility for the fate of the country.

Keywords: *civic identity, ethnic identity, civil society, youth, identity, tolerance, socio-economic factor, the Republic of Ingushetia.*

О. Е. Пересада*

«Живу в квартире, сплю на кровати, укрываюсь пуховым одеялом, но все это как-то не так, хочется в Россию»: фронтовые письма Николая Рощина

В статье автор публикует фронтовые письма своего деда Николая Семеновича Рощина (1904–1945), сбереженные как драгоценная семейная реликвия. Цели статьи — по письмам и другим документам, дополняя сведения биографии устными воспоминаниями близких людей, реконструировать черты личности одного из многих солдат Великой Отечественной, показать судьбу поколения, которому суждено было ради Победы пройти путями военного лихолетья от их родных мест до Берлина.

Ключевые слова: фронтовые письма, Великая Отечественная война 1941–1945, патриотизм советского народа, роль личности в истории Победы.

Первой попыткой отдать дань труженикам войны и военного тыла Ставропольского края было издание сборника писем времен Великой Отечественной войны [4], впоследствии дополненного и переизданного [3]. Письма с фронта, дневниковые записи, извещения о гибели и награждениях публиковались также и в других местных изданиях (см.: [2] [5]). Сюжетам военных будней была посвящена статья Т. А. Булыгиной о фронтовых письмах, хранящихся в Государственном архиве Ставропольского края [1], в которой анализ других документов

* ПЕРЕСАДА Ольга Евгеньевна, независимый исследователь, Ставрополь, Россия, leka.stav@mail.ru.

и сведений устной истории не проводился. Наше решение продолжить работу в этом направлении объясняется тем, что письма с фронтов Великой Отечественной показывают человека в экстремальных условиях, высвечивая его отношение к родине, к семье, к войне. Личные письма субъективны, но каждое как грань общего восприятия трагедии необходимо для анализа психологии человека в военной обстановке. Приоткрывая завесу времени, фронтовые письма доносят нам историю семьи и историю Родины. Актуальность изучения эпистолярного материала 1941–1945 гг. растет по мере того как уходит поколение людей, лично помнивших события Великой Отечественной: воинов и членов их семей, поэтому важно сохранить любой источник информации, принадлежащий той эпохе, помнить о «маленьком человеке» и его участии в завоевании Победы.

В статье пойдет речь о фронтовых письмах Николая Семеновича Рощина (1904–1945) — моего деда, который участвовал во взятии Берлина, вернулся с войны, но так и не дождал до конца победного сорок пятого. История находки писем такова. В мае 2020 г. я разбирала бумаги, оставшиеся после смерти его сына, Николая Николаевича Рощина (1943–2019), который приходился мне дядей. Я с детства помню их старый дом в центральной части Ставрополя, где жила моя овдовевшая в 35 лет

Рис. 1. Николай Семенович Рощин — справа

бабушка — Мария Игнатъевна Рощина (1910–2000). Там в старинном дубовом шкафу хранились два небольших чемоданчика, обитые по округлым краям металлическими уголками. В сороковых-пятидесятых годах такие чемоданчики называли «балетками». В одном из них были семейные фотографии, в том числе довоенный снимок Николая Семеновича с друзьями или коллегами (рис. 1), в другом чемоданчике — документы по газификации дома, квитанции, расписки.

Среди бумаг я обнаружила голубой конверт из тонкой бумаги, на почтовом штемпеле которого читалась дата: 1945. Пересмотрев содержимое чемоданчика, я нашла пачку личных документов Н. С. Рощина: трудовую книжку, красноармейскую книжку, военный билет, извещения о награждении орденами и медалями, благодарности... Вместе с ними лежали конверты — письма с фронта, написанные четким разборчивым почерком на листах бумаги разного качества, от прозрачной, как калька, до плотной, как тонкий картон. Только два из 12 писем были в неважном состоянии, остальные очень хорошо сохранились. «Солдатских треугольников» среди них не было. Некоторые писались химическим карандашом, другие — чернилами, перьевой ручкой.

Для ответа на вопрос, каким человеком был их автор, для понимания взаимоотношений в семье, я попыталась восстановить его биографию на основе документов и устных воспоминаний, известных родственникам и мне, из уст бабушки Марии Игнатъевны.

Николай Семенович родился 13 октября 1904 г. в Санкт-Петербурге, был младшим ребенком в семье купца Семена Федуловича Рощина. У мальчика было две сестры и два брата. В северной столице он закончил шесть классов гимназии. С 1921 г. местом жительства Николая стал Ставрополь, город, в котором со своими семьями проживали родные братья его отца — Иван Федулович и Дмитрий Федулович Рощины. Юноша начал трудовую деятельность с 16 лет: работал конторщиком в «Райконефти», затем в различных организациях, продвигаясь по служебной лестнице, дорос от делопроизводителя до старшего бухгалтера. Увлекался футболом. В фондах Ставропольского историко-культурного и природно-ландшафтного государственного музея-заповедника имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве хранится фотография футбольной команды «Шторм» (рис. 2), снятая в 1925 г. [7, л. 19]. На ней Николай Семенович во втором ряду третий справа.

На срочную службу в армию был призван в 1926 г., проходил ее по военно-учетной специальности «писарь, чертежник, библиотекарь»,

Рис. 2. Футбольная команда «Шторм». Во 2-м ряду третий справа — Николай Рошин

которую освоил очень добросовестно. Н. С. Рошина и через 10 лет привлекали к работе по приведению учетно-воинских документов в порядок. За это ему была объявлена благодарность при прохождении в мае 1936 г. лагерных сборов отдельного батальона связи 22-й стрелковой дивизии г. Ворошиловск (так назывался Ставрополь с 1935 по 1943 г.).

Его гражданская специальность была бухгалтер (работал в производственной части Ставропольского Пищевкускомбината, возглавлял бухгалтерию Ворошиловской артели «Пищепром»).

В 1936 г. женился на Марии Рошиной (1910–2000), в девичестве она носила фамилию Сазонова (рис. 3). Мария Игнатьевна родила ему двоих сыновей: старшего звали Евгений (1938–2013), младшего Николай (1943–2019).

Великая Отечественная война застала семью в Ставрополе, до 3 августа 1942 г. Николай Семенович продолжал работать в той же артели, так как по состоянию здоровья имел отсрочку от призыва на военную службу по мобилизации. В начале августа фашисты заняли Ворошиловск. Трагический период в истории города — оккупация немецкими захватчиками длилась до 21 января 1943 г. Нам пока что не удалось найти информацию о событиях в жизни Николая Семеновича

вплоть до середины апреля 1944 г., когда начался его боевой путь в рядах Красной Армии. Однако не сомневаемся, что был он человеком храбрым и любящим свою Родину.

Николай Роцин был мобилизован Овидиопольским Райвоенкоматом (Украина) 14 апреля 1944 г. Воевал в составе 140-го Гвардейского стрелкового Краснознаменного ордена Кутузова полка 47-й Гвардейской Стрелковой Нижнеднепровской Краснознаменной ордена Богдана Хмельницкого дивизии 1-го Белорусского фронта. Начал службу 2 мая 1944 г. в должности писаря батальона (звание — старший сержант административной службы). Воинское звание *старший сержант* присвоено 12 октября 1944 г., 25 октября того же года добавилось уточнение: *гвардии старший сержант административной службы* (поскольку полк и дивизия тоже носили звание Гвардейских).

Первой его наградой был Орден Славы III степени за отвагу в боях 18 июля 1944 г. при прорыве обороны противника у села Ольшанка [8, л. 2–5] и при взятии села Окунин [8, л. 74]. Награду вручили в августе, список награжденных опубликовала газета «Красный воин» [7, с. 1]. Н. С. Роцин значится в этом списке под номером 29. Медаль «За отвагу»

Рис. 3. Мария Сазонова (во 2-м ряду слева) с сестрой Верой (в 1-м ряду слева) и подругами

вручена Николаю Семеновичу за то, что он «на левом берегу реки Вислы при отражении ожесточенной контратаки противника в районе Дамбы Радомского воеводства 15 августа 1944 г. лично из своего автомата уничтожил пулеметный расчет, а пулемет доставил на КП» [9, л. 2–12]. Это документально подтверждают материалы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. Орден «Красная звезда» присужден 3 декабря 1944 г. «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленное при этом доблесть и мужество» [10, л. 1–2, 14].

Также Николай Семенович 16 июня 1945 г. представлен к награждению орденом Славы II степени [10, л. 1–19]. Его подвиг описан в наградном листе: «При взятии Берлина 1.05.45 г. тов. Роцин все время находился в боевых порядках нашей пехоты, он при любых обстоятельствах какой бы не был огонь противника, выяснял потери своих бойцов. Во время штурма одного из укрепленных кварталов Берлина 01.05.45 г., дальнейший путь нашей пехоте преграждал пулеметный и автоматный огонь, который вел противник из одного укрепленного дома. В это время тов. Роцин находился в 1-й стрелковой роте, которой командовал гвардии старший лейтенант Мишин, его роте было приказано овладеть домом, в котором засели гитлеровцы. За отсутствием командиров взводов тов. Мишин поручил командование одной из групп тов. Роцину. Он с группой бойцов в количестве восьми человек, зашли в тыл противнику, ворвались в дом, в котором засели гитлеровцы и завязали рукопашный бой. Благодаря умению руководить боем и личной его отваге, дом полностью был очищен от гитлеровских захватчиков. Отважные гвардейцы истребили при этом 17 гитлеровцев и 14 взяли в плен» [11, л. 183].

В его красноармейской книжке имеются записи о правительственных благодарностях за прорыв обороны противника западнее Ковеля; за форсирование рек Буга и Вислы; за прорыв обороны при наступлении на Берлин, за пересечение германской границы и вторжение в пределы Бранденбургской провинции; за овладение Берлином. Выданные 23 июня 1945 г. справки свидетельствуют о праве Н. С. Роцина на получение медалей: «За освобождение Варшавы» (рис. 4), «За взятие Берлина» (рис. 5) «За победу над Германией» (рис. 6). Однако он умер вскоре после возвращения из армии и эти награды не получил. (Николай Роцин был уволен в запас по закону о демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии, принятому 23 июня 1945 г.).

Рис. 4. Справка от 23.06.1945 г. № 019 на получение медали «За освобождение Варшавы»

Рис. 5. Справка от 23.06.1945 г. № 018 на получение медали «За взятие Берлина»

Двенадцать найденных мною его фронтовых писем охватывают заключительный этап Великой Отечественной (сентябрь 1944 г. — апрель 1945 г.) и два месяца после Победы (9 мая — 14 июля 1945 г.).

НКО СССР
 = 140 =
 ГВАРДЕЙСКИЙ
СТРЕЛКОВЫЙ ПОЛК
 (Суровая) Часть
 28-й *Гвардейский* 1945 г.
 № 017
 2

СПРАВКА

Выдана настоящая справка *Старшему лейтенанту*
Рожиничу Николаю Васильевичу в том, что он действительно
 является участником Великой Отечественной войны в составе
140-го гвардейского стрелкового Краснознаменного
Берлинского *Ордена Кутузова* *полка*
 с *20-го апреля* 1945 г. по *2 мая* 1945 г.
 в должности *командира взвода* *в составе*
 Специально выдана на предмет получения медали «За победу над

 КОМАНДИР:
 НАЧАЛЬНИК ШТАБА:

Рожинич
Иванов

Рис. 6. Справка от 23.06.1945 г. № 017 на получение медали «За победу над Германией»

Начало писем практически одинаково, боец ласково именует жену и детей: «Дорогие Марусенька, Женичка и Колюша!», обращается и к остальным родственникам: «Дорогие Марусенька, Женичка, Колюнька и все остальные близкие»¹. В строках каждого письма чувствуются крепкие родственные связи, озабоченность положением жены и детей, тревога за близких людей. Часто упоминаются имена родителей Марии — Игната Андреевича (1882–1965) и Ольги Ивановны (1883–1967); брата жены — Григория Игнатьевича Сазонова (1920–1944); двоюродной сестры — Натальи Ивановны Рожиной (1896–1983); своей тети. «Пиши, как здоровье Женички, ты меня заставила беспокоиться за него ... как здоровье твое и сына Колюшки. Пиши, как живет Наташа и Тетя, и про всех вообще остальных».

В ответ на известие о болезни детей Николай Семенович пишет: «...относительно Женички, я смотрю так — если будет не поздно, то сделать ему лечение после войны, во-первых, вернуться с фронта хорошие врачи, которые именно творят чудеса а во вторых, он подрастет

¹ Тексты писем цитируются без исправления грамматических и орфографических ошибок.

немного и сам будет больше понимать и серьезней относиться к лечению и наконец если останусь я жив, то возможно будет нужна и моя помощь (поехать с ним куда-либо и т. п.)». Он благодарен за неустанные усилия и стремление оберечь семейный очаг, понимает тяжесть забот, которые легли на плечи жены. Трогательно упоминает о первом дне рождения младшего сына, гордится первыми успехами старшего, радуется воинской награде ее брата: «Напиши какого числа и месяца родился Колюнька? Ведь ему годок. Наверное ходит и лопочет что нибудь. Как здоровье Женички? Наверное, шалун большой? Любит ли братика? Как старики? Как твоё здоровье? Очень рад, что Гриша жив — и награжден».

Три письма адресованы сыну Евгению, который готовится пойти в школу. «Я Женичке послал письмо, буду в дальнейшем внушать его в отношении учебы а также прошу тебя посматривать за ним». В письмах к Марии он добавляет: «Жаль конечно, что заболел у тебя Колюша, но я надеюсь, что сейчас он уже здоров. Последнее письмо я послал примерно 15–20 сего месяца своему сыночку Женичке, где просил его не писать мне писем, надеясь скоро увидеться, но мое предположение не осуществилось а поэтому пока пишите». И строит планы дальнейшей мирной жизни: «очень жаль, что я не успел получить от тебя письмо в котором должна была сообщить про Ольгу, Наума Давыдовича и др. во всяком случае, я надеюсь с ними встретится и потолковать т. к. по своей специальности мне работать не хочется а вообще я об этом меньше думаю, самое основное это подыскать квартиру и с осени подготовить топливо и кое-что из овощей...»

Он признателен кухне Наташе за родственную помощь: «Поздравляю тебя Марусенька и благодарю за все... Я также хочу поблагодарить Наташу за ее заботу, у меня почему-то было такое предчувствие, что без ее хлопот дело не обойдется... Конечно если останусь жив, первым делом буду рассчитывать со всеми кто помог тебе и детям». В письмах нет ни слова о любви к жене, но она читается между строк. Николай Семенович, как более умудренный жизненным опытом, старается поддерживать ее морально: «знаю, что тебе сейчас не легко, но нужно как-то пережить этот период тяжелого времени»; «Ты пишешь, что детки растут, а также понемногу прибабливают, — тут ты родная ничего не поделаешь, конечно с больными тебе еще тяжелее, но тем не менее нужно бодриться, не падать духом, верить и надеяться на лучшее будущее. Я знаю тебя, твою заботливость, твою доброту и состояние твоего здоровья а поэтому прошу тебя, не принимай так близко к сердцу все

неполадки семейной жизни»; «прошу тебя не надрывайся особенно с огородными работами, у тебя и так много дела а здоровье слабое ... Ждите от меня сообщений и не волнуйтесь».

Забота проявляется и в стремлении помочь своей семье материально: «нам разрешено посылать домой посылки с трофеями по 5 кг в м-ц. Так я отправил кое что, но конечно малоценное, т. е. то, что было под руками, в момент отправления выбор был плоховат»; «Вот меня также удивляет почему до сих пор ты не получила посылки, она тебя поддержала-бы, кое-что продала-бы, кое-что оставила себе... Передай Игнату Андреевичу, что ему Большаков Дмитрий то-же выслал посылку. Квитанции на посылки я тебе выслал потому, что возможно на почте будут спрашивать какой вес?, от кого получаете? и пр.»; «... сегодня 30 Мая отправил тебе посылку весом 5 кг ... не знаю почему до сих пор не получила ранее высланных посылок, это меня очень волнует т.к. я знаю твое материальное положение, а вот они то облегчили бы тебя»; «Вчера получил письмо от 17.06.45 г. очень рад, так как давно от Вас не было писем. Также доволен сообщением о получении посылки»; «я ... послал посылку в которой разная чепуха а также отправил 2 сертука, которые у нас не носят, но Женички думаю будет хороший костюмчик ходить в школу... Вот плохо с обувью не пришлось достать... во всяком случае по возвращении на родину, что-нибудь сделаем босые не будем, а Женичке в школу ходить — так ему позаботимся в первую очередь. Везу ему карандаши и тетради, а уж перья в Германии такие паршивые ... а потому достанем ему отечественных».

Редкий человек на фронте не тосковал по дому, не мечтал увидеть родных и близких: «Очень хотелось побывать у Вас, повидаться, но сейчас об этом думать нечего. Будем надеяться, будем верить в скорую встречу»; «Давно сынок я не видел тебя и очень по тебе соскучился»; «теперь можно надеяться на скорую встречу, там уже поговорим про весь пройденный путь»; «От Вас письма идут очень скоро — получаю на 6–8 день но ... очень редко несмотря на обещания писать почаще. Ну ладно, будем надеяться на скорое свидание».

Николай Семенович страдает, переживает вместе с родными боль утраты близкого человека: «Извещение о потери дорогого брата Гриши это наше большое горе. О котором никогда не забудешь. Гриша и сейчас у меня перед глазами и не хочется верить о его смерти... я вместе с Вами скорблю за него... На счет Гриши напишу тоже, если сообщат подробности, не задержу с ответом... Жаль стариков, я знаю, что те-

перь дня не проходит без слез в их скромной стариковской жизни, но надо как-то успокаивать их»; «В отношении Гриши я и сейчас сожалею т.к. он был лучшим моим братом, но ничего не поделаешь, возможно конечно, что тяжело был ранен и пока ничего не известно. Подчас писаря допускают ошибки в своих сообщениях. Будем надеяться, что сообщит о себе».

В заголовок своей статьи мы поставили одну из фраз, позволяющих понять, насколько велико чувство любви солдата к Родине: *«В настоящее время живу в квартире, сплю на кровати, укрываюсь пуховым одеялом, но все это как-то не так, хочется в Россию».* Это написано сразу после победы (рис. 7). *«Как провели день Победы 9 Мая — я отвечаю: Наша часть в тот момент находилась в Берлине... Кругом салюты, ракеты и пр. торжество, но все-же бесконечно вспоминали нашу родную Москву мысленно представляя торжество нашей столицы»; «На днях будет праздник нашей части, день годовщины, будет парад, концерт, танцы и прочие развлечения. И вообще сейчас у нас не скучно. Живем хорошо. Начальство хорошее. Место, где стоим, тоже хорошее, но все-же хочется на родину».*

Еще одна важная черта личности Николая Семеновича раскрывается перед нами в письмах: он был человек обязательный: *«Адреса моего никому пока не давай т.к. я считаю своим долгом написать всем знакомым письма, первым сам, как обещал. Понимаешь? А то получится не красиво с моей стороны».*

Сравнивая наградные листы Н. С. Рощина с описанием им своих заслуг в письмах, понимаешь, что он человек скромный. Рассказывает о фронтовых наградах как бы между делом, не акцентируя внимания: *«я тоже имею награждение орденом Слава III и чин мл. сержанта»; «Шлю свои благодарности, прошу хранить и сообщить получили ли ранее посланные мною еще 2 благодарности».* Только предпоследнее письмо более эмоционально в этом отношении: *«Сегодня у меня большой праздник пришел приказ о награждении меня орденом “Слава 2 ст.” — это за бои при наступлении на Берлин, я конечно об этом только мог мечтать, но мечты стали действительностью. Кроме того со всеми остальными товарищами, получаем медали: 1) “За победу над Германией”, 2) “За Освобождение Варшавы”, 3) “За Взятие Берлина” вот мои солдатские новости».*

Очень сдержанно описывается в письмах участие в боевых операциях против ненавистного врага: *«я сейчас в Германии... но конечно не в тылу, а на передовой ... по гвардейски справляемся с немчурой...»*

Берлин
9 мая 1945 г.

Здравейте
дорогие Матусенкова
Женюшка
Колечка

Поздравляю я вас с
победой над лютыми врагами
теперь можно надеяться
на скорую встречу, там уже
подготовили про все приден-
ный путь. Привет всем, всем
пишите как с посылками,
что-то долго нет сообщений
о получении. Последнее письмо
получил, где писал Женюшка
второй раз. Мало слов благо-
дарности, прошу хранить и
сообщить получили ли ранее
преданные лично еще 2 благо-
дарности. В наступающей время

живу в квартире сплю
на кровати, укрываюсь
пуховиком теплым, но все
это как-то не так, хочется
в Россию, победитесь со
всем.

Целую крепко Иннок

пишите.

Рис. 7. Письмо из Берлина, написанное 9 мая 1945 г.

Прогулялись по Польше, прошли не мало по Германии и теперь осталось немного до фашистской берлоге, трудный путь, далекий путь, но, когда вспомнишь, что близок час расплаты так забываешь про усталость и рвешься вперед, скорей на последний удар по фашистской гадине. Если останусь жив, то будет о чем поговорить при встрече с тобой»; «... окружаем и уничтожаем немецких вояк, которые чувствуя свою скорую гибель, крепко огрызаются, однако это им не помогает и вот на наших пути, все их попытки переходов в контратаки разбивались вдребезги, в результате — море немец. трупов и разбитых танков, орудий и техники».

Приведем еще один знаменательный фрагмент: *«Мы гвардейцы, первые вошли в центр Берлина еще 1 Мая, под сильным огнем форсировали реку Шпрее и ворвались в дома, где сидели фашисты и там начали заканчивать счета, но к утру 2-го Мая фашисты начали пачками сдаваться в плен, стрельба стала стихать и мы торжественно шествовали по улицам Берлина, так в этот день кончилась наша фронтовая жизнь, нам больше воевать не пришлось. Теперь переходим на мирное положение, немного скучновато, привыкли к путешествиям по Польше, Германии не сидится на месте хочется объехать всю Европу».*

В письмах с фронта отражена и служебная повседневность: *«...и в нашей работе бывают ошибки, сообщат одно, а потом выяснишь, смотришь ошибка а уже на родину сообщишь. Но это конечно очень редко бывает... я сейчас в Германии ... на прежней должности, работы хватает...», «мне по моей работе нельзя пить, как вытью так, как нарочно срочная работа», «перья в Германии такие паршивые, что я сам ими писать не могу».*

В наградном листе на получение ордена Славы II степени присутствует упоминание о неукоснительном исполнении должностных обязанностей, связанном с риском для жизни: *«При взятии Берлина 1.05.45 года тов. Роцин все время находился в боевых порядках нашей пехоты, он при любых обстоятельствах, какой бы не был огонь противника, выяснял потери своих бойцов».*

Три письма, адресованные старшему сыну, начинаются с обращения *«дорогой сыночек Женичка!»*. Они передают огромную любовь, радость и гордость за успехи мальчика, содержат просьбы и отеческие наставления: *«Письмо твое получил, очень рад, что ты уже умеешь сам писать мне письма. Пиши почаще не ленись... А пока слушайся старших, которые любят тебя и за тебя беспокоятся. Помогай по*

хозяйству, учишься по немногу читать и писать, если нет бумаги я тебе вышлю. Смотри за братцем Колюшей, не обижайся на него, когда он бьет тебя. Ведь он маленький, а ты большой. Передавай привет Дедушке и Бабушке, а также всем остальным»; «Поцелуй за меня всех кого любишь».

Не забывая, что Женя еще ребенок, отец прикладывает к письмам детские подарки: «В подарочек за письмо, посылаю тебе картиночки, по которым нужно уметь рассказывать сказочки, если разгадаешь, как называется эта сказочка, то напиши мне, я пришлю новые»; «Выслал вам еще посылочку ... там будет тебе подарочек а пока посылаю открыточки». В фотоальбоме моей бабушки М. И. Рощиной я видела эти «картиночки, по которым нужно уметь рассказывать сказочки», — немецкие открытки-иллюстрации к сказке «Пряничный домик».

В других письмах семье тоже есть строки, адресованные непосредственно Жене: «...только вот мой сыночек что-то ленится писать мне письма, наверное очень занят, придется ему больше не посылать картиночек если будет в дальнейшем лениться. Женичка! Нужно стараться учиться и притом не надо бояться школы учиться нужно обязательно, в нашей стране все учатся и плохо тому кто не умеет читать, писать и поэтому нужно сейчас каждый день полчаса не больше уделять учебе а потом смело играть. Как говорится "Кончил дело, гуляй смело". Я думаю ты больше лениться не будешь. Теперь война кончилась, возможно, скоро отпустят нас по домам и надеюсь увидеть тебя грамотным человеком. Я уже стал стар так, что тебе нужно учиться а потом будешь кормить нас»; «Как сынок дела с учебой? Собираю тебе карандаши, ручки, бумагу, надеюсь обеспечить тебя на первое время. Я получил твои картинки, вот за это молодец хорошо нарисовал, любо посмотреть и товарищам похвалиться».

Во время войны обострились чувства, на нервную систему ложились небывалые нагрузки. Николай Семенович ушел на войну в 40 лет, вполне зрелым человеком. Неудобства фронтового быта: недоедание и недосыпание, жара и холод, переутомление и отсутствие нормального уютного жилья, а также уже дававшая о себе знать неизлечимая болезнь оказали огромное влияние на его психологическое состояние. Это заметно в письмах после дня Победы, когда начало спадать нервное напряжение. Он писал о себе: «я уже стал стар... Ты интересовалась на счет зубов. Я имел зубы вставные, но надо сказать были сделаны довольно не удачно и притом в армии мне с ними возиться было некогда

я их не носил и затерял при походах так, что сейчас беззубый. Желудок работает плоховато, когда были в Берлине, то попили винца так вроде стало лучше»; «вставил себе зубы, так, что по зубам меня не узнаешь. Но я думаю ты меня узнаешь и так, хотя я уже седой».

У родных нет ни одного снимка Николая Семеновича в военной форме, хотя сын Евгений и просил такой снимок сделать и прислать. Отец ответил: «Женичка! Ты просишь фотокарточку, у меня здесь нет фотографии а есть товарищи которые фотографируют как попало, из молодых делают старых и наоборот, а поэтому я воздерживаюсь от фотографирования, лучше подожди».

Интересна еще одна история. В одном из писем Николай Семенович просил жену сфотографироваться вместе с детьми: «В отношении фотографирования, скажу одно, ведь ты наконец не для жениха фотографируешь себя, а для меня — поэтому напрасно ты думаешь сфотографировать только одних детей, я ведь соскучился за Вами всеми, здесь письмо перечитываю несколько раз а фотографию знаешь, как бережешь, ведь у меня цела еще старая фотокарточка. Надеюсь если еще не выполнила моей просьбы, то сделаешь, буду очень рад».

Разобрав фотодокументы из семейного архива, я определила, о каких снимках в данном случае шла речь. На одном запечатлена Мария

Рис. 8. Мария Рощина с сыном Евгением

Игнатъевна со старшим сыном в возрасте 4–5 лет (рис. 8), на другом — сыновья в полный рост: Женя и рядом на стуле стоит Коля (рис. 9). Здесь Евгению сравнялось шесть, а Николаю — годик (они оба рождены в августе месяце). Жена все же не выполнила просьбу мужа, не сфотографировалась вместе с детьми. Вероятно, не хотела огорчить супруга своим внешним видом.

Рис. 9. Евгений (слева) и Николай (справа) Рощины

Николай Семенович вернулся в Ставрополь 1 августа 1945 г. уже сильно больным, он скончался от рака желудка 7 декабря, не дожил до конца Победного года. Был погребен на одном из старых кладбищ Ставрополя. Ныне это кладбище (Успенское) закрыто для захоронений и считается недействующим, множество могил подверглось разрушению от старости.

Как внучка Николая Семеновича Рощина и Марии Игнатьевны Рощиной (дочь их сына Евгения Николаевича Рощина) считаю своим долгом опубликовать тексты найденных мною фронтовых писем.

1

03.09.44 г.

Здравствуйте дорогие Марусенька, Меничка, Колюнька,
Наташа, а также все остальные.

Шлю привет с фронта, пока жив и здоров, письмо получил 29.08.44. Этот день у меня был особенный, можно сказать праздничный. Поздравляю тебя Марусенька и благодарю за все, знаю что тебе сейчас не легко, но нужно как-то пережить этот период тяжелого времени, люди живут в тысячу раз хуже особенно на Украине, да и здесь в Польше, все кругом разрушено немецкими зверями, которые не оставляют даже крова, не говоря уже об остальном. Я также хочу поблагодарить Наташу за ее заботу, у меня почему-то было такое предчувствие, что без ее хлопот дело не обойдется.

Надеюсь конечно, что скоро покончим с немцами и только тогда, можно будет приступить к восстановлению своих личных дел, ибо сейчас война не позволяет делать этого. Конечно если останусь жив, первым делом буду рассчитыватьсь со всеми кто помог тебе и детям, а потом все остальное.

Напиши какого числа и месяца родился Колюнька? Ведь ему годок. Наверное ходит и лепочет что нибудь. Как здоровье Менички? Наверное, шалун большой? Любит ли братика?

Как старики? Как твое здоровье?

Очень рад, что Ирина жив — и награжден, я тоже имею награждение орденом «Слава» III и чин мл. сержанта. Работаю пока временно по своей прежней воинской специальности.

Ты не обижайся, но писать я могу не регулярно, вот например, только сегодня собрался с ответом. И то на скорую руку. Ты же пиши по прежнему адресу, и почаще, знай, что не все письма здесь получивш.

Адреса моего никому пока не давай т.к. я считаю своим долгом написать всем знакомым письма, первым сам, как обещал. Понимаешь? А то получится не красиво с моей стороны

Будет время, буду писать независимо от полученного письма

Целую всех
Коля.

2

4 октября 1944 г.

Здравствуйте дорожке Марусенька, Менижка, Колюнька
и все остальные близкие!

Письмо Ваше получил 30 октября, очень рад, что все живы и здоровы. Маруся! Ты пишешь, что детки растут, а также понемногу прибаливают, — тут ты родная ничего не поделаешь, конечно с больными тебе еще тяжелее, но тем не менее, нужно бодриться, не падать духом, верить и надеяться на лучшие будущие. Я знаю тебя, твою заботливость, твою доброту и состояние твоего здоровья а поэтому прошу тебя, не принимай так близко к сердцу, все неполадки семейной жизни.

8-го Октября

Продолжаю дальше. Вчера получил еще одно письмо, очень благодарен за быстрый ответ, а вот я этого обещать не могу. Марусенька! относительно Менижки, я смотрю так — если будет не поздно, то сделать ему лечение после войны, во первых, вернуться с фронта хорошие врачи, которые именно творят чудеса а во вторых, он подрастет немного и сам будет больше понимать и серьезней относиться к лечению и наконец если останусь я жив, то возможно будет нужна и моя помощь (поехать с ним куда либо, и т.п.) а также самое главное. Сухая ложка рот дерет. Хорошему врачу нужно хорошо заплатить, а доверять лечение глаз кому-либо, это опасно. В отношении фотографирования, скажу одно, ведь ты наконец не для жениха фотографируешь себя, а для меня — поэтому напрасно ты думаешь сфотографировать только одних детей, я ведь соскучился за Вами всеми, здесь письмо перечитываю несколько раз а фотографию знаешь, как бережешь, ведь у меня целая еще старая фотокарточка. Надеюсь если еще не выполнила моей просьбы, то сделаем, буду очень рад.

Письмо без конца прерываю писать, нет время. Сейчас решил окончить на этом а то опять задержу ответ на несколько дней, лучше буду писать понемногу, но почаще.

Целую всех, желаю здоровья.

Отправляю 12 Октября 1944 г.

Живем хорошо – будет время, напишу.

3

Действующая армия, 28.02.45 г.

Здравствуйтесь, дорогие Марусенька Меничка и Колонька!

Получил от Вас письмо 22.02 с/г а также получил еще раньше от 10.01., но с ответом собрался только сегодня.

Извещение о потере дорогого брата Ириши это наше большое горе. О котором никогда не забудешь. Ириша и сейчас у меня перед глазами и не хочется верить о его смерти, но видимо это правда, раз сообщили военкомат, хотя и в нашей работе бывают ошибки, сообщают одно, а потом выяснишь, смотришь ошибка а уже на родину сообщишь. Но это конечно очень редко бывает а поэтому я вместе с Вами скорблю за него.

Маль стариков, я знаю, что теперь дня не проходит без слез в их скромной стариковской жизни, но надо как-то успокаивать их.

Ты интересуешься за меня, я сейчас в Германии, где именно писать не положено но конечно не в тылу, а на передовой, на прежней должности, работы хватает, кушать хватает, начальство хорошее я уважаю его а за редзят и говорит не приходится, по гвардейски расправляемся с нелицурой, живем дружно.

Прогулялись по Польше, прошли не мало по Германии и теперь осталось немного до фашистской берлоге, трудный путь, далекий путь, но, когда вспомнишь что близок час расплаты так забываешь про усталость и рвешься вперед, скорей на последний удар по фашистской гадине.

Если останусь жив, то будет о чем поговорить при встрече с тобой а пока больше сообщить о себе нечего.

Марусенька! ты знаешь, что нам разрешено посылать домой посылки с трофеями по 5 кг в м^{есяц}. Так я отправил кое что, но конечно малоценное, т. е. то, что было под руками, в момент отправления выбор был плоховат а заблаговременно я ничего не делаю,

живу сегодняшним днем. Адрес написал на маму, только не удивляйся, что отправитель по фамилии Литвин Павел Сем<енович>, это он отправлял мою посылку уважил мне и вздумал, что так надо написать, но это значения не имеет. Если получишь сообщки, что получила. Но это дело наверно не скоро дойдет, хотя у нас сейчас все быстро делается.

Пиши как здоровье Менички, ты меня заставила беспокоиться за него. Пиши как здоровье твое и сына Колюшки. Очень хотелось побывать у Вас, повидаться, но сейчас об этом думать нечего.

Будем надеяться, будем верить в скорую встречу.

Пиши, как живёт Наташа и Тетя и про всех вообще остальных. От Мурки получил письмо, если успею сегодня напишу ответ. На счёт Грании напишу тоже, если сообщат подробности, не задержу с ответом.

Привет всем.

Целую крепко. Коля.

4

Действующая армия, 05.03.45 г.

Здравствуй дорогой сыночек Меничка!

Письмо твое получил, очень рад, что ты уже умеешь сам писать мне письма. Пиши почаще не ленись, буду отвечать тебе, также не буду лениться. Давно сынок я не видел тебя и очень по тебе соскучился.

Вот скоро разобьем немцев, тогда кончится война и если все будет благополучно со мной приеду к тебе и снова попретждему проживем по хорошему, будет и на нашей улице праздник.

А пока слушайся старших, которые любят тебя и за тебя беспокоятся. Помогай по хозяйству, учись по немногу читать и писать, если нет бумаги я тебе вышлю. Смотри за братцем Колюшей, не одитайся на него когда он бьет тебя, ведь он маленький а ты большой.

Передай привет Дедушке и Бабушке а также всем остальным.

В подарочек за письмо, посылаю тебе картиночки, по которым нужно уметь рассказывать сказочки, если разгадаешь, как называется эта сказочка, то напиши мне, я пришлю новые.

А пока крепко, крепко целую тебя твоей Мана

1-ое апреля 1945 г.

Здравствуйте дороше детки Марусенька, Меничка и Колюнька!

Получил от Вас письмо от 14.III.45 г. очень рад, что пока все живы и здоровы, желаю всем, не болеет<ь> а поправляется. Я живу по старому, окружаем и уничтожаем немецких вояк, которые чувствую свою скорую гибель, крепко орызываются, однако это им не помогает и вот на наших пути, все их попытки переходов в контратаки разбивались вдребезги, в результате – море немец<их> трупов и разбитых танков, орудий и пр<очей> техники. В последнее время среди пленных фрицев заметно много стариков и юношей, видимо чистокровные «арийцы» уже вышли, да и пора уже им, ведь сколько их бьют а сколько берем в плен, ясно, что скоро Гитлеровской армии придет конец.

Сейчас здесь весна, цветут синие подснежники и кое-где встречал фиалки, поля покрываются зеленым ковром – уже нет возврата к зиме, чувствуется тепло. Между прочим вот уже полтора м<еся>ца, находимся в Германии и погода можно сказать нас не обижала а на Родине писали редьятам были холода, снег и пр<очее>.

Ты Марусенька пишешь, что у Вас возле Д.К.А. написано «До Берлина осталось 60 км», это точно и уже мы тут были еще полтора м<еся>ца тому назад. Дальше ты пишешь за письмо из Ростова и свою обиду, для меня не понятно к кому относится все это – если ко мне то напиши. Я Меничке послал письмо, буду в дальнейшем внушать его в отношении учебы а также прошу тебя посматривать за ним. Если получишь мои посылки, то на работу пока не поступай.

Вот в отношении посылок. Первую небольшую посылку, командование отправило на Ростов не знаю перешло ли тебе или нет. Вторую (Февральскую) отправили мои товарищи 3.03.45 г. по квит<анции> которую только вчера получили. Третью Мартовскую на твой адрес отправлял в конце Марта а пойдет видимо в Апреле – отправитель Павленко Иван Сидор<ович> мой товарищ, а вот я так и не собрался послать тебе посылочки нет у меня время хотя ты и обижаеш<ь>ся. Но будем надеется на скорую встречу. И так писать больше нечего, жду от Вас ответа и крепко целую Колю.

Привет всем, все

6

Берлин, 25 апреля 1945 г.

Дорогой сыночек Меничка!

Письма твои получил, одно от 28-го Марта, другое от 7-го
Апреля, очень рад, что Вы живы и здоровы.

Скоро победим немцев и если останусь жив приеду к тебе
и тогда уж заживем.

Выслал вам еще посылочку 13.04.45 г., там будет тебе подарок
а пока посылаю открытки и целую всех крепко, крепко.

Твой Папа.

Поцелуй за меня всех кого любишь.

P.S. Квитанцию на посылку высылаю больше писать нет время,
исполняю твою просьбу пишу чуть, чуть.

Передай Игнату Андреевичу нашему дедушке, что Большаков
Дмитрий, тоже в это время отправлял ему посылку. Ждите полу-
чение.

Не скучай сынок, учись читать и писать.

7

Берлин, 9 мая 1945 г.

Здравствуйте
дорогие Марусенька
Меничка
Колечка

Поздравляю я Вас с победой над лютым врагом теперь можно
надеяться на скорую встречу, там уже поговорим про весь пройденный
путь. Привет всем, всем. Пишите как с посылками, что-то долю нет
сообщения о получении. Последнее письмо получил, где писал Меничка
второй раз. Шлю свои благодарности, прошу хранить и сообщить по-
лучили ли ранее посланные мною еще 2 благодарности. В настоящее
время живу в квартире, сплю на кровати, укрываюсь пуховым одеялом,
но все это как-то не так, хочется в Россию, повидаться со всеми.

Целую крепко Николай

Пишите.

Германия, 23 мая 1945 г.

Здравствуйтесь дорогие Марусенка, Менигка и Колюша!

Большое спасибо за письма, только вот мой сыночек что-то ленился писать мне письма, наверное очень занят, придется ему больше не посылать картиночек если будет в дальнейшем лениться.

Менигка! Нужно стараться учиться и притом не надо бояться школы учиться нужно обязательно, в нашей стране все угатся и плохо тому кто не умеет читать, писать и поэтому нужно сейчас каждый день полчаса не больше уделять учебе а потом смело играть. Как говорится «Кончил дело, гуляй смело». Я думаю ты больше лениться не будешь. Теперь война кончилась, возможно, скоро отпустят нас по домам и надеюсь увидеть тебя грамотным человеком. Я уже стал стар так, что тебе нужно учиться а потом будешь кормить нас.

Маруся! Ты интересовалась на счет зубов. Я имел зубы вставные, но надо сказать были сделаны довольно не удачно и притом в армии мне с ними возиться было некогда я их не носил и затерял при походах так, что сейчас беззубый. Мелодок работает плоховато, когда были в Берлине, то поили вина так вроде стало лучше.

В отношении квартирного вопроса я тебе не понял а поэтому никакого совета дать тебе не могу. И вообще считаю не стоит заниматься сейчас этим делом, я думаю тебе не надо затевать хлопоты.

В отношении Ирины я и сейчас сожалею т.к. он был лучшим моим братом, но ничего не поделаешь, возможно конечно, что тяжело был ранен и пока ничего не известно. Подчас писаря допускают ошибки в своих сообщениях. Будем надеяться, что сообщит о себе. Вот, меня также удивляет почему до сих пор ты не получила посылки, она тебя поддержала-бы, кое-что продала-бы, кое-что оставила себе. В Берлине, (вернее в развалинах) я подобрал кое, что подходящее на посылку, но у меня кто-то стянул чемоданчик так, что больше послать опять нет ничего хорошего а в прошлых посылках, что было возможно, то и послал. Все придется. Передай Инаату Андреевичу, что ему Большаков Дмитрий тоже выслал посылку. Пусть ждет. Квитанции на посылки я тебе выслал потому, что возможно на почте будут спрашивать какой вес?, от кого получаете? и пр<очее>.

Мду писем и крепко целую

Николай

Германия, 30 мая 1945 г.

Здравствуйтесь дорожке Маруся, Меничка и Колюша!

Письмо от 11 мая получил 25 мая с/л. Очень рад, что Все живы здоровы это самое главное. Ты спрашиваешь как провели день «Победы» 9 Мая – я отвечаю: Наша часть в тот момент находилась в Берлине, жили в генеральских квартирах, пили конечно лучшие напитки, кушали консервы рыдные, мясные, овощные и кроме того был хороший вкусный обед. Я со своими хлопцами также как и все немного подвыпил (мне по моей работе нельзя пить, как вылью так, как нарочно срочная работа) и даже нелюющие были выпивши. Кругом салюты, ракеты и пр. торжество, но все-же бесконечно вспоминали нашу родную Москву мысленно представляя торжество нашей столицы. Каждый конечно вспоминал свой пройденный боевой путь и как-то не верил, что больше нет стрельбы, что наступил мир в Европе.

Мы гвардейцы, первые вошли в центр Берлина еще 1 Мая, под сильным огнем фашистов форсировали реку Шпрее и ворвались в дома, где сидели фашисты и там начали заканчивать счеты, но к утру 2-ю Мая фашисты начали парками сдаваться в плен, стрельба стала стихать и мы торжественно шествовали по улицам Берлина, так в этот день кончилась наша фронтовая жизнь, нам больше воевать не пришлось. Теперь переходим на мирное положение, немного скучновато, привыкли к путешествиям по Польше, Германии не сидится на месте хочется объехать всю Европу. Вот интересно мне как будут торжествовать наши хлопцы, когда возвратятся на Родину, видимо праздник будет длиться целый месяц. Теперь хочу сказать, что сегодня 30 Мая отправил тебе посылку весом 5 кг. со следующими: Костюм черной мужской, (видимо какого то чиновника с лампасами, но лучшего не было) и сорочку мужскую новую, теперь отрез крепдемина черного на платье, халат шелковый коричневый, отрез черной шерсти на платье, отрез темно-синего материала тоже на платье, ну кажется все, теперь не знаю почему до сих пор не получила ранее высланных посылок, это меня очень волнует т.к. я знаю твое материальное положение, а вот они то облегчили бы тебя. Нашими хлопцами сообщают с Родины, что посылки получили в полном порядке, буду ждать такого сообщения и я. Правда там ничего особенно хорошего нет, но все-же если нужно пошить белье, то там есть простыни, теперь

два или три наперника, мануфактура метров 10 и пр. мелочь, в хозяйстве все пригодится. Если получили напиши что получила. Сообщии иде работают Ольга, Марка. Как дела Натани иде работает она. Соскучился я за Вами всеми.

Заканчиваю писать
прервалам.

Целую Коля

10

Здравствуй, дорогой сыночек Меничка!

Письмо твое получил, очень рад, что все живы и здоровы.

Ты просишь фотокарточку, у меня здесь нет фотографии а есть товарищи которые фотографируют как попало, из молодых делают старых и наоборот, а поэтому я воздерживаюсь от фотографирования, лучше подожди.

Как сынок дела с учебой? Собираю тебе карандаши, ручки, бумагу, надеюсь обеспечить тебя на первое время. Я получил твои картинки, вот за это молодец хорошо нарисовал, любю посмотреть и товарищам похвалиться.

Я живу сейчас далеко от тебя в большом городе на реке Эльба, здесь много клубники, черешни так, что кушаю ягоды в этом году до отвала. Тем более, здесь же вставил себе зубы, так, что по зубам меня не узнаешь. Но я думаю ты меня узнаешь и так, хотя я уже седой.

Сейчас иду в кино а потом приду и буду готовить тебе посылку, собрал кое что.

Ну пока, передавай всем привет

твой Папа

Пишем пока мне не пиши, возможно скоро увидимся

11

29 июня 1945 г.

Здравствуйте дорогие Марусенька, Меничка и Колюша!

Вчера получил письмо от 17.06.45 г. очень рад, так как давно от Вас не было писем. Также доволен сообщением о получении

посылки, но вот беда в том, что в этих посылках были желтые мужские туфли о которых ничего не пишешь, а в первой был кусочек коричневого маркизета, тоже ничего не пишешь. Возможно просто не написала? Маль конечно, что заболел у тебя Колоса, но я надеюсь, что сейчас он уже здоров. Последнее письмо я послал примерно 15-20 сего месяца своему сыночку Меничке, где просил его не писать мне писем, надеюсь скоро увидиться, но мое предположение не осуществилось а поэтому пока пишите. От Вас письма идут очень скоро – полугаю на 6-8 день но... очень редко несмотря на обещания писать почаще. Ну ладно, будем надеяться на скорое свидание. А пока еще послужим, хотя уже нас считают стариками и первую очередь готовят к отправки (я во второй очереди)

Сегодня у меня большой праздник пришел приказ о награждении меня орденом «Слава 2 ст.» – это за бой при наступлении на Берлин, я конечно об этом только мог мечтать, но мечты стали действительностью. Кроме того со всеми остальными товарищами, получаем медали:

- 1) «За победу над Германией»
- 2) «За Освобождение Варшавы»
- 3) «За Взятие Берлина»

вот мои солдатские новости.

На днях будет праздник нашей части, день годовщины, будет парад, концерт, танцы и прочие развлечения. И вообще сейчас у нас не скучно. Живем хорошо. Начальство хорошее. Место, где стоим, тоже хорошее, но все-же хочется на родину.

Маруся! сообщи мне про Ольгу Ковалеву – где она работает? На прежнем ли месте? Какие у тебя с ней отношения? Как она вспоминает про меня? (Вот вопрос занул не правда-ли?) Но ты сама понимаешь мое любопытство, для чего оно мне нужно.

Как живет Наум Давыдович и где работает, если на прежнем месте, то сообщи чтобы я знал.

Кроме того, сообщи где работает Косой И. И. и как и где живет Морка, Комаровский и пр. товарищи по работе.

Теперь прошу тебя не надрывайся особенно с огородными работами, у тебя и так много дела а здоровье слабое.

Если получила посылку еще, то сообщи.

Целую всех крепко

Николай

юр. Хилиниц (Германия), 14 июля 1945 г.

Здравствуйте, дорогие Марусенька, Меничка и Колюша!

Не смотря на то, что недавно написал письмо и послал через товарища, все же, от безделья, пишу другое. Я жив и здоров, нахожусь теперь в другой части, из которой производят отpravку по домам на основании постановления Правительства о демобилизации от 23 июня 1945 г. Мду очередности, но как я уже сообщал моя очередь не из первых, вперед отправляют более старших, потом тех кто живет на Урале, Сибири и т. д. а уж нас остальных не ранее Августа м<еся>-ца, это конечно не так долго, но ждать утомительно и что самое главное нет у нас почты а поэтому письма не получаем, хотя я уже писал, чтобы мне не писали писем на старый адрес а если будет новый, то тогда сообщу. А вообще за это время разленились ужасно, на занятия не ходим, на работы также, едим, да спим. Безконечные толки о дне отъезда, но все эти слухи обычно строятся на предположениях т.к. никто ничего точно не знает.

Маруся! я не так давно примерно числа 1-2 с/м<еся>-ца послал посылку в которой разная чепуха а также отправил 2 сертука, которые у нас не носят, но Менички думаю будет хороший костюмчик ходить в школу так что как получишь так и знай что это сертуки специального назначения. Вот плохо с обувью не пришлось достать и сам я остался в плохеньких сапогах хотя нам приказано дать хорошую обувь, но вместо сапог брать ботинки не хочется у меня на этот счет свои соображения, во всяком случае по возвращении на родину, что-нибудь сделаем досые не будем, а Меничке в школу ходить — так ему позаботились в первую очередь. Везу ему карандаши и тетради, а уж перья в Германии такие поршывые что я сам или писать не могу, а потому достанем ему отечественных.

Ну так, пока хватит, очень жаль, что я не успел получить от тебя письмо в котором ты должна была сообщить про Ольгу, Наума Давыдовича и др. во всяком случае, я надеюсь с ними встретиться и потолковать т.к. по своей специальности мне работать не хочется а вообще я об этом меньше думаю, самое основное это подыскать квартиру и с осени подготовить топливо и кое-что из овощей. Ну пока. Ждите от меня сообщений и не волнуйтесь.

Целую Николай.

Благодаря документам и фронтовым письмам, сохраненным М. И. Рощиной, автору данной статьи удалось соприкоснуться со своим дедом. Он стал не просто «абстрактным предком», а вполне реальной личностью — живым и сердечным человеком, который добросовестно отдал долг стране в трудные годы испытаний, одним из тех, кто внес вклад в дело Победы над захватчиками, отстоял страну и мирную жизнь вопреки всем испытаниям Великой Отечественной войны.

Использованная литература:

1. Булыгина Т. А. Письма с фронта как источник истории повседневности в годы Великой Отечественной войны // Ставрополье: Правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях. Ставрополь: Изд-во Ставропольск. гос. ун-та, 2005. С. 530–540.
2. Голоса из провинции. Жители Ставрополя в 1941–1964 гг.: сб. док. / отв. сост. В. В. Белоконь. Ставрополь: Б. и., 2011.
3. Огненные строки: Письма с фронта и на фронт, 1941–1945 / сост.: В. А. Водолажская и др.; изд. 2-е, доп. и перераб. Ставрополь: Кн. изд-во, 1985.
4. Огненные строки: Сб. писем (1941–1945 гг.) / сост.: В. А. Водолажская и др. Ставрополь: Кн. изд-во, 1975.
5. Получил Ваше письмо... Победа будет за нами!»: Письма с фронта и на фронт / сост.: Н. И. Любимова и др. Ставрополь: Б. и., 2020.
6. Слава отважным // Красный воин. 1944. 11 авг. № 97.
7. Ставропольский историко-культурный и природно-ландшафтный государственный музей-заповедник имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве. Архив. Ф. 619. Оп. 1. Ед. хр. 79.
8. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 2821.
9. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 3957.
10. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 33. 686196. Д. 782.
11. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 7143.

Olga E. PERESADA,
Independent Researcher, Stavropol, Russia,
leka.stav@mail.ru.

**“I live in an Apartment, I sleep on a Bed,
I cover myself with a Duvet, but all this is somehow wrong,
I want to go to Russia”: Nikolai Roshchin front-line Letters**

In the article, the author publishes front-line letters of her grandfather Nikolai Semenovich Roshchin (1904–1945), saved as a precious family heirloom. Letters and other documents are supplemented with information about his biography, oral memoirs of people close to him. The purpose of the article is to reconstruct the personality traits of one of the many soldiers of the Great Patriotic War, to show the fate of the generation that was destined to walk the paths of military hard times from their native places to Berlin for the sake of Victory.

Keywords: *front-line letters, the Great Patriotic War of the 1941–1945, patriotism of the Soviet people, the role of personality in the history of Victory.*

РАЗДЕЛ 5

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: ОПЫТ АКТУАЛИЗАЦИИ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

*Е. А. Дзадзиева**

Владикавказ как пространство культурной памяти

Предлагаемая статья представляет собой попытку краткого обозначения понятийного аппарата и отдельных историко-культурных положений как оснований исследования по теме: «Владикавказ — хранитель и транслятор культурной памяти». В рамках исследования город анализируется как пространственно-временной конструкт, историко-культурный «текст» в развитии (полилоге) культурно-исторических эпох. Основу структурирования городского пространства по культурно-историческим срезам составляет архитектурно-монументальное (в том числе мемориальное) городское пространство как совокупность конвенциональных знаков — носителей кодированных смыслов и социально-значимой информации. Знаково-смысловое значение недвижимых объектов культурного наследия интерпретируется в качестве своеобразного хранителя и транслятора историко-культурной памяти, способствующего преемственности поколений и преодолению временной дистанции.

* ДЗАДЗИЕВА Елизавета Александровна, ученый секретарь Национального музея Республики Северная Осетия — Алания, старший научный сотрудник Отдела традиционной культуры и фольклора Института истории и археологии Республики Северная Осетия — Алания, Владикавказ, Республика Северная Осетия — Алания, Россия, liza.dzadziewa@mail.ru.

Ключевые слова: культурно-историческая эпоха, культурный диалог как проблема «понимания», культурно-исторический текст, интерпретация, дешифровка, недвижимые объекты культурного наследия, модель реализации коммуникативного процесса.

Существует множество определений городского пространства. Город сравнивают с «каменной книгой», «кольцами на распиле древесного ствола», «слоеным пирогом» и, наконец, со «стеклянной матрешкой».

Казалось бы, это всего лишь образные сравнения, уподобления с целью наибольшей выразительности. Но подобные метафоры не так уж далеки от научного понимания данного феномена. Город представляет собой пространственно-временную структуру и, анализируемый в контексте информационно-семиотической концепции культуры, он может рассматриваться и рассматривается как культурный текст, смысловой знаковый конструкт.

Как культурный текст, структурированный на основе горизонтального синхронного среза, он будет представлять собой целостное множество и разнообразие явлений в виде отдельных сфер творчества, актуальных для одного временного отрезка, т. е. определенной культурно-исторической эпохи — сравнительно-длительного качественно-своеобразного периода доминирования сходных культурных форм на одной ценностно-смысловой основе [2, с. 14].

Но даже при максимальном охвате всех культурных явлений, актуальных для данного временного отрезка, данная модель, фиксируя всего лишь одно мгновение в развитии города, будет иметь статичный характер. Тогда как город представляет собой синхронно-диахронную структуру и, анализируя городское пространство лишь в синхронном горизонтальном срезе, мы неизбежно столкнемся с проблемой различия культурно-исторических эпох, проблемой несоответствия пространственных характеристик исследуемого предмета во времени (т. е. с проблемой развития).

Разрешение этой проблемы возможно на основе одного из основных принципов современного гуманитарного знания — принципа диалога. В отечественной науке создателем философии диалога считается М. М. Бахтин. Отметим, что диалог определяется как проблема «понимания» и дешифровки (декодирования) культурных текстов как различных национальных культур, так и различных культурно-исторических эпох одной национальной культуры, с целью достижения «целостности» исследуемого предмета.

Принцип диалога в сочетании с пониманием феномена памяти в культурологическом аспекте позволяет выстроить целостную динамическую модель городского пространства, в том числе и как хранителя и транслятора культурной памяти.

Анализируя культуру с точки зрения семиотики, один из выдающихся исследователей в области культурологии Ю. М. Лотман рассматривает ее как коллективный интеллект, как надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (тестов) и выделяет при этом «память информативную» и «память креативную (творческую)». Если информативная память имеет плоский, расположенный в одном временном измерении характер; при хранении, например, технической информации активным является ее итоговый (хронологически, как правило, последний) срез и каждое новое изобретение сдает предшествующее в музей, а люди, не использующие технику своего времени оказываются в положении отсталых; то креативная творческая память не только панхронна, но и противостоит времени. Активной в данном случае является потенциально вся толща культурных текстов. Они не уходят в небытие, а подвергаются кодированию и переходят на хранение. Их актуализация не может быть сведена к формуле «самый новый — самый ценный», а расположение образует в целостности текст, который ассоциируется не с библиотекой, а, например, с кинолентой такого типа как «Зеркало» А. Тарковского [6, с. 38–39, 73, 74].

В соответствии с вышеизложенным городское пространство Владикавказа как хранителя и транслятора культурной памяти анализируется в диахронно-синхронном сравнении, диалоге трех культурно-исторических эпох с предварительными обозначениями «Владикавказ дореволюционный», «Владикавказ советский», «Владикавказ современный (постсоветский)», своеобразным индикатором которых служит его изменяющееся имя собственное Владикавказ (Дзауджикау) — Орджоникидзе — Владикавказ (Дзауджикау).

Название Владикавказ, в котором отражается военно-стратегическое значение крепости, утверждающейся на Северном Кавказе Российской империи, впервые появляется в письме командующего Кавказским корпусом, графа П. С. Потёмкина, датированном 25 апреля 1784 г. Этимология этого новообразования по образцу имени Владимир достаточно прозрачна и в своей первой части происходит от церковнославянских слов «владь» и «володеть», т. е. от существительного «власть» и глагола «владеть». Несколько сложнее обстоят дела с происхождением слова

«Кавказ» составляющем его вторую половину. Исследователи склонны считать, что этимология слова «Кавказ» восходит к греческим источникам и имеет скифское происхождение. Впервые, дошедшее до нас слово «Кавказ», встречается у греческого мыслителя Ферикида VI–V вв. до н. э. Кроме индоиранских вариантов этимологии слова со значением «блестящий лед» существуют и указания римского автора Плиния Старшего на то, что скифы называют этот регион «Кроукасом» — т. е. белоснежным [9].

Что касается этимологии осетинского названия крепости Дзауджикау, то происходит оно от имени собственного Дзауг и слова «къау» — «поселение», т. е. поселение Дзауга. Согласно историческим сведениям, выходец из с. Тменикау Геналдонского ущелья, Дзауг Бугулов в 1760 г. основал село недалеко от того места, где позже в 1784 г. была заложена крепость [3, с. 227]. В настоящее время это самая возвышенная юго-восточная часть города — Ирыкъау, т. е. «Осетинское поселение», именуемое также Осетинской слободкой. С 1784 г., т. е. с момента основания и до 1931 г. город носил двойное название Владикавказ — Дзауджикау; с 1931 г. и до последнего десятилетия 20 в. — имя советского государственного и партийного деятеля Г. К. Орджоникидзе. В 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР ему было возвращено наименование Дзауджикау, но сохранялось оно непродолжительное время — немногим менее десятилетия. И наконец, исторически традиционное название Владикавказ — Дзауджикау было возвращено городу Постановлением Верховного Совета Республики от 20 июня 1990 г. [10, с.77].

Семиотическое (знаковое) пространство Владикавказа — это история, рассказанная языком культурных текстов в диалоге культурно-исторических эпох. Отметим, что в контексте информационно-семиотической концепции культуры тексты понимаются не только как письменные. Явление культуры как объективированные значения и смыслы представляют собой «знаки и совокупности знаков (тексты), в которых зашифрована социальная информация, т. е. вложенное в них людьми содержание» [5, с. 38]. «Если понимать текст широко — как всякий знаковый комплекс, то искусствоведение (музыковедение, теория и история изобразительных искусств) имеет дело с текстами (произведениями искусства)... Всякая система знаков, на какой узкий коллектив не опиралась бы ее условность, принципиально всегда может быть расшифрована», — пишет М. Бахтин [1, с. 473]. Следовательно, понимание любого явления культуры означает не просто его созерцание и чувственное

восприятие, но и осмысление заключенного в нем невидимого смысла. С этой точки зрения явление культуры как знаковая система есть своего рода информационное сообщение, культурный текст, подлежащий дешифровке и интерпретации. Неотъемлемой составляющей этого текста является социальная память.

Культурные тексты, насыщающие пространство культуры, жанрово многообразны и неоднородны, соответственно, культурно-исторические срезы могут структурироваться по различным принципам в зависимости от поставленных исследовательских задач. В нашем случае основу структурирования составляет архитектурно-монументальное, в том числе мемориальное городское пространство, т. е. недвижимые объекты культурного наследия как самые очевидные знаки — материализованное, опредмеченное свидетельство и механизм передачи культурно-исторической памяти. Безмолвные, на первый взгляд, они представляют собой совокупность конвенциональных (условных) знаков — носителей кодированных смыслов и социально-значимой информации. Они как бы выдвинуты из прошлого в настоящее, и «целостность» городского пространства определяет их «дешифровка» и «прочтение» как культурных текстов.

Французский исследователь П. Нора определяет объекты, символически концентрирующие время и место, провоцирующие «символическую концентрацию прошлого» как «места памяти», топосы. В контексте нашего исследования актуально и следующее замечание П. Нора: «У нас больше нет общей почвы с прошлым. Мы можем обрести его лишь через реконструкцию — с помощью документов, архивов, памятников... Мы больше не живем в нем, оно говорит с нами лишь через оставленные следы — загадочные следы, смысла которых мы должны допытываться, потому что в них скрывается секрет того, кто мы есть, нашей идентичности» [8, с. 395].

Смысло содержание объектов недвижимого культурного наследия помогает раскрыть и понятие «хронотоп». Использованное впервые А. А. Ухтомским в психологии, оно нашло широкое распространение как отечественном, так и зарубежном гуманитарном знании (прежде всего, литературоведении и эстетике), благодаря трудам М. М. Бахтина. «В литературно-художественном хронотопе, — пишет М. Бахтин, — имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно зримым; пространство же, интенсифицируясь, втяги-

ваются в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, а пространство осмысливается и измеряется временем» [1, с. 121–122]. Хронотоп в эстетической системе М. Бахтина — понятие ценностно-гуманистического содержания и диалога. Центральным в его понимании является аксиологическая направленность пространственно-временного единства на выражение культурно-художественного смысла; т. е. содержащиеся в произведении смыслы могут быть объективированы только через их пространственно-временное выражение. Многослойность произведения его полифоническую структуру определяют хронотопы, индивидуальные для каждого выраженного им смысла, при этом обладателями самостоятельных смыслов являются и само произведение, и его автор, и воспринимающие его читатель, слушатель, зритель. Чем более многомысленно произведение, тем более оно многозначно. Его понимание, «социальная объективация» по М. Бахтину, есть одно из проявлений диалогичности бытия. Хронотопы выражающие общие черты художественной пространственно-временной организации в данной системе культуры свидетельствуют о духе и направленности доминирующих в ней ценностных ориентаций.

Как самый очевидный хранитель памяти недвижимые объекты культурного наследия являются одновременно и ее трансляторами. Как носители социально-значимой информации, отсылая человека к определенным событиям и фактам истории и культуры, они выполняют роль специфического коммуникатора. Осуществление коммуникативного процесса в данном случае в целом аналогично коммуникативной модели, предлагаемой музеологами, т. е. модели актуальной для движимых объектов культурного наследия (музейной экспозиции и музейных экспонатов).

Впервые модель реализации коммуникативного процесса в музее была предложена канадским музеологом Дж. Камероном и выглядела она следующим образом: адресант (экспозиционер) ➔ посредник (музейный предмет) ➔ адресат (посетитель) [4]. Английская исследовательница А. Хуппер-Гринхил, рассматривая музейную экспозицию как знаковую систему, сосредоточила свое внимание на постоянно происходящем процессе генерирования культурных значений, которые не просто передаются от адресанта к адресату, но конструируются адресатом (посетителем) на основе собственного опыта и знаний конкретного контекста. В результате интерпретация коммуникативной модели, предложенной А. Хуппер-Гринхил, получила диалоговый характер: упряжка коммуника-

торов (музейные работники) ➔ средние значения (музейные предметы) ↔ активные создатели смыслов (посетители) [7]. В модели А. Хуппер-Гринхил передача информации выступает как способ установления отношений «человек — человек» и «человек — общество» с помощью существующих в культуре кодов. Ее отличительной особенностью является уравновешенность исходных позиций всех участников коммуникаций (даже разделенных во времени и пространстве). Восприняв сигнал, посетитель-адресат выделяет сообщение. Процесс этот всегда детерминирован не только самим сигналом и имеющимся в культуре кодом, но и имеющимся у адресата культурным и информационным багажом и личным опытом. Трактовка посетителя как носителя определенной информации, разность культурных потенциалов или культурно-историческая дистанция являются основаниями для диалога, направленного на выработку общего мнения. Субъекты, включенные в коммуникацию, выступают как носители культурных позиций и норм, а предметно-пространственные послания — как культурные тексты. И хотя и тот и другой авторы рассматривают как модель реализации коммуникативного процесса в музее, т. е. актуальную для движимых объектов культурного наследия, с нашей точки зрения, она (модель, в частности, предложенная А. Хуппер-Гринхил), вполне применима при анализе в качестве коммуникатора и недвижимых памятников. Осуществляя акт передачи социально значимой информации, недвижимые объекты культурного наследия являются своего рода посредниками, тем самым способствуют преемственности поколений. Причем эффективность процесса передачи и осмысления этой информации многократно усиливается благодаря суггестивным возможностям данных культурных текстов.

Анализ символического городского пространства на основании вышеизложенных подходов позволяет составить представление о городе как целостной пространственно-временной структуры в развитии со значимыми функциональными возможностями. Городское знаковое пространство, обладая значительным информационно-содержательным потенциалом и исключительными средствами выразительности, есть среда, в которой человек живет и действует повседневно. Она может служить не только одним из источников исторической памяти и историко-культурных знаний. Она формирует бережное отношение к историко-культурному наследию, уважение к истории Отечества, привязанность к конкретному месту, «чувство дома» и Родины, а в конечном счете — национальное самосознание.

Использованная литература:

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986.
2. Берёзовая Л. Г., Берлякова Н. П. История русской культуры. М.: Гуманитарный издательский центр «Владос», 2002. Ч. 1.
3. Блиев М. М., Бзаров Р. С. История Осетии с древнейших времен до конца XIX в. М.: Издательский центр «Вентана-Граф», 2005.
4. Камерон Дж. Музей: храм или форум // Музейное дело: музей — культура — общество. М.: б. и., 1992. С. 259–275.
5. Кармин А. С. Основы культурологии. Морфология культуры. СПб.: Лань, 1997.
6. Лотман М. Ю. Избранные работы по культурологии и искусству. Владикавказ: Живая мысль, 2008.
7. Музейное дело России // под ред. М. Е. Каулен. М.: ВК, 2003.
8. Нора П. Всемирное торжество памяти // Память о войне. 60 лет спустя. Россия. Германия. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
9. Перевалов С. Владикавказ. Что в имени твоём? // Отчизна. 2009. № 1.
10. Северная Осетия. Этнополитические процессы. 1990–1994 гг. Очерки, документы, хроника / сост. и отв. ред. Л. К. Гостиева, А. Б. Дзадзиев. Т. I. М.: УОА Института этнологии и антропологии РАН, 1995 г.

Elizaveta A. DZADZIEVA,

Scientific Secretary, National Museum of the Republic of North Ossetia-Alania, Senior Researcher, Department for Traditional Culture and Folklore, Institute for History and Archaeology of the Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, Russia, liza.dzadzиеva@mail.ru.

Vladikavkaz as a Space of Cultural Memory

The proposed article is an attempt to briefly identify the conceptual apparatus and the individual historical and cultural provisions as the basis for research on the topic “Vladikavkaz is the keeper and translator of cultural memory”. Within the framework of the study, the city is analyzed as a space-time construct, a historical and cultural “text” in the development (polylogue) of cultural and historical epochs. The basis for structuring urban space according to cultural and historical sections is architectural and monumental (including memorial) urban space as a set of conventional signs as carriers of coded

meanings and socially significant information. The symbolic and semantic meaning of immovable objects of cultural heritage is interpreted as a kind of keeper and translator of historical and cultural memory, contributing to the continuity of generations and overcoming the time distance.

Keyword: *cultural and historical epoch, cultural dialogue as a problem of “understanding”, cultural and historical text, interpretation, deciphering, immovable objects of cultural heritage, a model for the implementation of the communicative process.*

С. А. Безугев*

Музеи Чеченской Республики: история и современность

В данной статье описывается роль музеев Чеченской Республики как хранителей историко-культурного наследия Юга России. В настоящее время музеи Чеченской Республики играют важную роль в сохранении, изучении и репрезентации историко-культурного наследия. Музеи — это научные и культурные учреждения, занимающие важное место в сохранении и развитии культурного многообразия народа, презентации ее исторических и культурных ценностей, представляя Россию как страну исторических, культурных и нравственных традиций. Музеи Чеченской Республики также играют важную роль в развитии национального самосознания, национальной гордости и взаимодействия различных культур. Каждый музей Чеченской Республики уникален и неповторим своими постоянными, временными, передвижными коллекциями, своими фондами, постоянно действующими, временными, передвижными выставками, изучение и публикация которых открывает обществу малоизученные страницы истории и культуры.

Ключевые слова: Музей Чеченской Республики, историко-культурное наследие, музей, музейная сеть, коллекции, фонды, выставки, культурные ценности, исторические традиции.

Музеи, несомненно, играют позитивную роль в развитии национальной идентичности, национальной гордости и взаимодействии культур. Они предназначены для сбора, сохранения, экспонирования и изучения исторических, культурных и природных объектов, представляющих историческую и культурную ценность.

* БЕГУЕВ Сулейман Ахьятевич, старший научный сотрудник отдела истории народов Северного Кавказа Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, старший преподаватель кафедры музееведения и культурологии Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова, Грозный, Чеченская Республика, Россия, sbeguev@mail.ru.

Д. Ф. Камерон отмечает особенность современной эпохи и роли в ней музея следующим образом: «...современный музей должен отвечать вопросам культурной политики, основная задача которых — демократизация культуры (в том числе и музейной сети) и обеспечение всем равенства культурных возможностей» [7, с. 12].

Каждый музей Чеченской Республики уникален своими постоянно действующими, временными, передвижными фондами, изучение и публикация которых открывают обществу малоизвестные страницы истории и культуры народа.

Концепции образовательной, культурной деятельности многообразны, но все они должны строиться с учетом особенности музея. Это его расположение, территория, коллекции, экспозиционная площадь, постоянные посетители, профессиональное мастерство музейных специалистов [1, с. 63].

Исследователь И. М. Коссова верно указывает, что «музей должен научить высоко ценить разнообразие культур и идей, представленных в нем» [8, с. 7].

В Чеченской Республике широко применяется метод «музейного диалога» в процессе профессиональной подготовки специалистов в области музейной педагогики. Особую роль в музее играет экспозиция, материалы, входящие в экспозицию. Для эффективного образовательного процесса необходимы не только экскурсовод, путеводитель, но и сама экспозиция, основанная на педагогических принципах.

Музей Чеченской Республики был основан в 1924 г. как Окружной музей истории и религии, состоявший из трех отделов: краеведческого, исторического и нумизматического. На момент открытия в музее насчитывалось около 150 единиц хранения. В 1926 г. коллекция музея пополнилась кавказским оружием — кинжалами, шашками, пистолетами. Наряду с историей Грозного и Чечни здесь были представлены экспонаты по истории религии. Работа по созданию музея велась с помощью местного коллекционера, страстного филателиста Бориса Скалиотти, ставшим первым директором музея [11].

Картины, изделия из керамики, оружие, книги по истории Кавказа были привезены в музей из фондов Государственных музеев Москвы и Ленинграда. После объединения Чечни и Ингушетии в Чечено-Ингушскую автономную область в 1936 г. Чеченский этнографический музей был переименован в Чечено-Ингушский этнографический музей. В 1961 г. на базе Историко-этнографического музея был открыт Музей

изобразительных искусств имени П. Захарова, где были собраны картины и археологические материалы, найденные на территории Чечни и Ингушетии. В конце XX в. музеи Чечни были крупнейшими музеями Северного Кавказа. Около 90 процентов фондов чеченских музеев было уничтожено и разграблено во время двух последних войн на территории Чеченской Республики. В 1996 г. Музей изобразительных искусств имени П. Захарова и краеведческий музей были объединены в Национальный музей Чеченской Республики.

В последние годы руководство республики внесло значительный вклад в восстановление Национального музея Чеченской Республики. В новом здании открылась этнографическая экспозиция и выставка работ профессиональных художников Чеченской Республики [11].

13 августа 2021 г. Национальный музей Чеченской Республики был переименован в Музей Чеченской Республики. В настоящее время Музей Чеченской Республики насчитывает в своих фондах более тридцати тысяч экспонатов. Фонды музея постоянно пополняются за счет поиска и возврата музейных ценностей, утерянных во время двух военных компаний. 5 октября 2012 г. в Грозном открыли новое современное здание музея.

Из всех музеев России Музей Чеченской республики был единственным музеем, пострадавшим в результате военных действий. В непростых условиях современного мира с его многочисленными очагами напряженности и экстремизма опыт деятельности музеев республики как хранителей исторических и культурных ценностей заслуживает изучения, обобщения и распространения [3, с. 91–92].

В настоящее время Музей Чеченской Республики имеет следующие филиалы: Литературно-мемориальный музей А. Мамакаева в селе Надтеречное Надтеречного района, Литературно-этнографический музей Л. Н. Толстого в станице Старогладовской Шелковского района, Литературный музей М. Ю. Лермонтова в селе Парабоч Шелковского района, Литературно-мемориальный музей А. Айдамирова в селе Мескеты Ножай-Юртовского района, Махкетинский краеведческий музей в селе Махкеты Веденского района, Галерея Илеса Татаева в г. Грозный.

Литературно-мемориальный музей А. Мамакаева создан в 1989 г., с 1990 г. является филиалом Национального музея ЧР (ныне Музей ЧР), имеет в своих фондах около 1500 ед. хранения. Музей размещен в бывшем доме-усадебке Мамакаевых в с. Надтеречное, в котором родился

и вырос сам Арби Мамакаев. Дом был реконструирован в архитектурных формах и планировке 2-й пол. XIX в. Министерством культуры ЧР в 1992 г. Посвящен музей жизни и творчеству классика чеченской литературы, одному из основоположников чеченской лирической поэзии Арби Шамсудиновичу Мамакаеву, пережившему сталинские репрессии. Благодаря неутомимой энергии сына поэта — Эдуарда Арбиевича Мамакаева — в музее собраны и популяризируются мемориальные и личные предметы поэта, рукописные материалы, его документы, литературные произведения. Большое место в музее занимают экспозиции, посвященные знаменитым землякам и некоторым родственникам поэта.

В первозданном виде восстановлены жилые комнаты и кабинет А. Мамакаева. Помимо экспонатов, непосредственно связанных с жизнью и творчеством писателя, на выставке представлено множество экспонатов, посвященных жизни, культуре и историческому наследию чеченцев. Ежегодно музей посещают тысячи посетителей из Чеченской Республики, России и стран СНГ.

Благодаря усилиям сотрудников музея он не только ни на день не прекращал свою работу, но даже в самые трудные годы своего существования фонды музея активно пополнялись. Во время первой и второй чеченских войн музей посещали федеральные военнослужащие и сотрудники МВД. По словам военных, музей оказывал положительное влияние на чеченцев. В книге для посетителей они оставляли соответствующие отзывы и предлагали свою помощь в благоустройстве музея [3, с. 86].

Сотрудники музея проводят большую работу по сбору, популяризации, исследованию и публикации литературного наследия Арби Мамакаева. В музее проводятся экскурсии для школьников, различные семинары и конференции.

Литературно-этнографический музей Л. Н. Толстого — один из лучших музеев республики. Музей как филиал Чечено-Ингушского краеведческого музея (ныне Музей ЧР) был основан в 1980 г., в его фондах насчитывается более 2000 ед. хранения.

Музей располагается в станице Старогладовской Шелковского района ЧР, где в 1851–1853 гг. находился Л. Н. Толстой. Здесь с помощью двух друзей он записал две чеченские народные песни с переводом, что стало первым опытом записи чеченского фольклора. Здесь он завершил свое первое произведение — повесть «Детство». Экспозиция в первом зале рассказывает о начале творческой деятельности и о дружбе Л. Н. Толстого с местными чеченцами. Во втором зале расположены

выставки, посвященные повести «Казачи» и станице Старогладовской того времени. Третий зал посвящен военной службе Л. Н. Толстого. Четвертый зал рассказывает о последних днях жизни писателя и его последнем произведении, посвященном Кавказу, повести «Хаджи-Мурат». В коридоре находится экспозиция на тему «Л. Н. Толстой и Чечено-Ингушетия». В типологическом уголке «Двор казака и горца середины XIX в.» представлены стилизованные постройки времен Л. Н. Толстого, инструменты и предметы быта.

В мае 2021 г. министром культуры РФ Ольгой Любимовой в музее торжественно открыта новая постоянная экспозиция «Л. Н. Толстой — писатель», где представлены фотографии, копии рукописей писателя, документов, сабли Садо и другие предметы. Комплекс размещен в центре зала на аппликации из двух цветов напольного покрытия, имитирующего воду и берега Терека. Всего в музее на эту дату насчитывается 1872 ед. хранения [10].

Реальным восстановлением и развитием музейной сети республики, в том числе Литературно-этнографического музея Л. Н. Толстого, занялись с 2000 г., когда была восстановлена организационная структура музеев. Это стало возможным благодаря политике руководства Чеченской Республики, направленной на развитие музейной сети и музейного дела в республике.

Литературный музей М. Ю. Лермонтова в селе Парабоч Шелковского района ЧР посвящен жизни и творчеству великого поэта и его пребыванию в Чечне. Он был официально открыт в 2006 г. Музей впервые был учрежден приказом Министерства культуры Чеченской Республики от 18.08.1992 г., однако он так и не начал функционировать из-за отсутствия материальных и финансовых условий. Второе его «рождение» произошло в 2004 г. Создан он был так же, как и в первый раз, на базе бывшего дома-усадьбы Хастатовых, построенном в 1760 г. предками М. Ю. Лермонтова по материнской линии [3, с. 87]. Официальное открытие музея состоялось 3 июня 2006 г.

За время его существования под руководством Национального музея ЧР (ныне — Музей ЧР) проведена работа по укреплению материально-технической базы, созданию экспозиций музея и научно-просветительской деятельности. Особенно она активизировалась после согласований с бывшим балансодержателем — Управлением лесного хозяйства ЧР, руководитель которого Д. Мулаев, проявил завидное понимание и заинтересованность.

Здание бывшего дома-усадьбы Хастатовых было переведено на баланс Национального музея ЧР, в нем произведен текущий ремонт, укомплектован музейный фонд, созданы экспозиции. Ныне здесь совместно с учебными заведениями района проводятся массовые мероприятия с охватом большого числа представителей общественности, учащейся молодежи и школьников. Руководством музея установлены творческие связи с другими лермонтовскими музеями страны.

Литературно-мемориальный музей А. Айдамирова — самый молодой из филиалов Музея ЧР. Создание музея было инициировано Министерством культуры ЧР с целью увековечения памяти народного писателя ЧИАССР, просветителя, видного общественного деятеля республики и бывшего Народного депутата СССР Абузара Абдулхакимовича Айдамирова, произведения которого стали классикой современной чеченской литературы.

Еще при жизни Абузара Айдамирова инициативная группа приняла решение заложить фундамент будущего литературно-мемориального музея, посвященного трилогии писателя «Долгие ночи». Однако скромный писатель не решился создать музей, заявив, что «при жизни памятники не ставят». 27 мая 2005 г. А. Айдамирова не стало. В связи с этим правительственная комиссия по увековечению памяти выдающегося писателя приняла решение о создании Литературно-мемориального музея А. Айдамирова. Музей был создан в 2006 г. в родовом селе писателя Мескеты Ножай-Юртовского района ЧР. Он размещен в доме, в котором жил писатель.

В создании музея и его экспозиций активное участие приняли директор музея Соли Айдамиров, научный сотрудник Руслан Джабраилов и дочь писателя Машар Айдамирова. За относительно короткое время в музее созданы великолепные экспозиции с мемориальными и личными вещами, рукописями, документами и наградами, личной библиотекой писателя.

Руководству музея удалось значительно расширить музейные площади. В данное время коллектив работает над совершенствованием тематической структуры экспозиций и разработкой новых творческих проектов. В экспозиции представлено более 400 предметов, из которых 64 экспоната были переданы семьей А. Айдамирова в фонд Национального музея ЧР. На базе музея организовано проходят экскурсии, уроки литературы с учащимися местных и районных школ, вечера памяти и другие массовые мероприятия как районного, так и республиканского масштаба [3, с. 89–90].

Махкетинский краеведческий музей был основан в 1962 г. Один из местных школьников нашел старую кольчугу во время весенних пахотных работ на приусадебном участке. История музея началась с этой кольчуги. Начиная с этого момента под руководством учительницы М. В. Маевской они начали собирать предметы музейного значения. В 1962 г. было принято решение о создании школьного краеведческого музея на базе имеющихся экспонатов под руководством учителя истории А. Ш. Шахидова. В 1986 г. музею было присвоено звание народного музея. В 1989 г. музей стал одним из филиалов Чечено-Ингушского государственного краеведческого музея (ныне Музей ЧР).

До последнего времени он был единственным государственным музеем в горной зоне республики. Первоначально он размещался в Махкетинском сельском клубе, здание которого в досоветский период являлось культовым, т. е. было собственностью сельской мечети. С конца 1990-х гг. музей размещен на безвозмездно арендуемых площадях частного дома.

В музее выставлено около 800 экспонатов, многие из которых имеют историческую и культурную значимость, документируют историю республики, Веденского района и с. Махкеты. Основными посетителями музея являются учащиеся школ, граждане и гости района. Музей осуществляет экскурсионную и лекционную деятельность среди населения района. Руководство Национального музея и филиала неоднократно вело переговоры с руководством района о помощи в улучшении материально-технической базы музея. К настоящему времени построено новое здание музея.

Галерея Илеса Татаева учреждена Министерством культуры ЧР в 2005 г. в г. Москва в связи с ходатайствами Академии художеств России, Творческого союза художников России, Российского отделения ЮНЕСКО, депутатов Госдумы РФ.

За время своего существования галерея обрела широкую популярность среди москвичей, чеченской диаспоры и гостей столицы. Частыми ее гостями стали учащиеся и студенты московских школ и вузов. В стенах галереи проведены такие стационарные выставки, как «Гармония природы», «Космическое искусство», «Мудрость природы», «Тайны природы», а также передвижные выставки в залах Госдумы, Союза художников, Академии художеств.

По решению руководства Чеченской Республики, с целью создания условий быта и для творческой деятельности в Грозном восстановлен дом — творческая мастерская художника скульптора И. В. Татаева.

Знаменательным событием в жизни галереи стало посещение ее Президентом Чеченской Республики, Героем России Р. А. Кадыровым в конце 2008 г. После знакомства с выставкой произведений И. Татаева и общения с ним президент пришел к выводу о необходимости построить в Грозном новые площади для Галереи Илеса Татаева, что позволит приобщить к его неповторимому искусству широкие слои населения республики и ее гостей.

Грозненская галерея Илеса Татаева — один из филиалов Музея Чеченской Республики, в котором представлены уникальные работы заслуженного художника Чеченской Республики и России. Трудно подобрать эпитет для его работ, этих фантастических скульптур, играющих свою неповторимую симфонию, можно лишь молча удивляться тому, как были задуманы красота, музыка и сама гигантская Вселенная. Никто не видел и не нашел того, что он нашел и открыл в дереве, — это само начало зарождения жизни, овеянное и отраженное резцом гения в дереве [4].

Ильес Татаев — не только скульптор, но и первый профессиональный кинорежиссер Чечено-Ингушетии, один из основоположников российского кинематографа. Он является членом Союза кинематографистов СССР, членом Союза художников России, доктором искусствоведения, заслуженным деятелем искусств Российской Федерации и Чечено-Ингушетии, народным художником России. Его называют «жрецом величия природы», скульптором нового тысячелетия, первооткрывателем и творцом доселе неведомой красоты, таящейся в природе.

Мемориальный комплекс Славы имени А. А. Кадырова посвящен Победе в Великой Отечественной войне, а также первому Президенту Чеченской Республики, Герою России Ахмату-Хаджи Кадырову.

Он расположен в центре Грозного и состоит из музея, парка и ряда памятников. Мемориал площадью 5 гектаров является третьим по величине объектом в России, построенным в ознаменование победы советского народа в Великой Отечественной войне. Комплекс рассчитан на 15 тысяч человек [5].

Строительство мемориального комплекса, начавшееся в октябре 2009 г., продолжалось около полугода. Торжественное открытие этого комплекса состоялось 8 мая 2010 г., в канун 65-летия Победы в Великой Отечественной войне.

Центральная часть мемориального комплекса представляет собой двухуровневое здание Музея Ахмата-Хаджи Кадырова. По богатству

и красоте интерьера музей не уступает знаменитым памятникам мировой архитектуры. Оно был основан еще в 2004 г., а в 2010 г. переехал в современное здание комплекса Славы. В музее есть несколько постоянных экспозиций: Первый Президент Чеченской Республики Ахмат-Хаджи Кадыров, участие чечено-ингушского народа в Великой Отечественной войне, картинная галерея, — а также проводятся временные выставки.

Фонды музея превышают 1000 единиц. Здесь представлены государственные награды участников Великой Отечественной войны, памятные фронтовые фотографии и печатная продукция, камуфляж всех видов войск времен Великой Отечественной войны, электронное табло со списком участников военных действий, призванных на фронт из ЧИАССР.

Вокруг мемориального комплекса разбит парк, благоустроенный дорожками, клумбами, системами автоматического полива газонов и фонарями. Почти каждый день комплекс посещают тысячи туристов и гости города, где проводят интересные экскурсии по музею. В картинной галерее также проходят выставки художников со всей России. Новые выставки открываются ежемесячно.

Государственная галерея имени А. А. Кадырова учреждена Распоряжением Правительства Чеченской Республики от 12 апреля 2010 г. № 143-р. Официальное открытие галереи состоялось 22 августа 2010 г. В галерее ежемесячно обновляются выставочные экспонаты из произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства художников и мастеров Чеченской республики, Северного Кавказа и России. Галерея проводит персональные и совместные выставки известных художников.

Галерея расположена на одной из старейших улиц в центре Грозного, проспекте имени Х. А. Исаева, в бывшем здании выставочного зала Петра Захарова. Здание построено в 1983 г. «Чеченгражданпроект» (стиль модерн).

Учреждение занимается формированием и хранением коллекции современного искусства, ведет научно-исследовательскую и воспитательную работу, организует индивидуальные, коллективные, тематические, сборно-комбинированные, выездные выставки художников из Чеченской Республики, Северного Кавказа, Российской Федерации и зарубежья в целях повышения культурного уровня, духовно-нравственного воспитания, развития эстетических предпочтений, укрепления межнациональных связей через культуру.

В залах художественной галереи представлены 2 постоянные экспозиции «Малая Третьяковка» и «Малая Пинакотека», в которые включены копии шедевров мирового искусства таких художников, как Брэдфорд Уильям, Винсент Ван Гог, Жан Этьен Лиотар, Пьер Огюст Ренуар, Жан-Леон Жером, Питер Брейгель Старший, Серов Владимир, Айвазовский Иван, Исаак Левитан, Виктор Васнецов и многих других.

Помимо всемирной живописи для посетителей выставки открыта постоянная экспозиция картин, состоящая из современных художников из СНГ. Все представленные мастера являются Заслуженными художниками Европы и лауреатами многочисленных престижных международных конкурсов и премий.

Картинная галерея обрела известность как один из лучших художественных музеев региона. Основной фонд галереи состоит из живописи, скульптур, графики, предметов народного и декоративно-прикладного искусства отечественных и зарубежных мастеров.

Фонд галереи на сегодняшний день составляет: 1090 предметов основного фонда (живописные полотна, графика, предметы декоративно-прикладного искусства), 1239 единиц вспомогательного фонда.

Краеведческий музей имени Х. Исаева расположен в замковом комплексе Пхьакоч у входа в ущелье Тазбичи Итум-Калинского района ЧР. Комплекс был воссоздан на основе средневекового историко-архитектурного ансамбля Пхьакоч XI–XV вв. Реставраторы полностью восстановили замковый комплекс в первоизданном виде. Внутри замка есть боевая башня, несколько жилых башен, водяная мельница и каменные постройки. Значительная часть камней покрыта петроглифами.

Местные жители рассказывают легенду о создании этого места. Основателем этого комплекса был некий Итон, который остановился здесь для отдыха и сна. Когда он проснулся, возле него паук сплел паутину и ласточка свила гнездо. Он решил, что это хорошее место, и остался там. Он женился на местной девушке и построил целый замковый комплекс под названием Итум-Кали, в переводе на чеченский язык — Итон-Кхаъл.

Замковый комплекс и музей расположены в живописном уголке Чеченской Республики, на высоте 850 м над уровнем моря. Это уникальное и очень интересное для культурного досуга, для туристов место со всех сторон окружено высокими и труднодоступными горами.

Краеведческий музей расположен на втором этаже одной из жилых башен. Здесь представлены старинная утварь, предметы быта, ору-

жие и орудия труда. На втором этаже башни расположен музей в память о Первом председателе Государственного Совета Чеченской Республики Хусейна Исаева, погибшего в результате теракта на стадионе «Динамо» в Грозном в 2004 г. Экспозиция воспроизводит обстановку рабочего кабинета Хусейна Исаева. Здесь хранятся личные вещи политика, документы с его пометками, научные труды [9].

Музей «Донди-Юрт» — частный музей в г. Урус-Мартан ЧР — создан местным жителем города Адамом Сатуевым во дворе своего дома. В 1991 г. был заложен первый камень для музея, а функционировать он начал в 2000 г. Адам Сатуев собирает камни для музея в основном на близлежащей реке Рошня [11].

Поначалу идея создания музея была воспринята окружающими крайне негативно. Однако со временем отношение изменилось на противоположное, и люди даже помогли Адаму Сатуеву со строительством и наполнением музея. Адам Сатуев назвал музей «Донди-Юрт» по своему прозвищу «Донда», которым назвала бабушка своего внука Адама в честь известного местного кузнеца. Таким образом, музей и получил название «Донди-Юрт».

Сам музей, расположенный в гористой местности на западной окраине Урус-Мартана, представляет собой современную реконструкцию части древнего аула. В частности, был воссоздан комплекс башен и склепов, где чеченцы в древности хоронили своих предков, а также каменный дом, построенный по чертежам, найденным у немецкого путешественника.

Построена и трехэтажная башня, в которой иногда живет сам Сатуев. Напротив башни вырыта землянка, сверху которой установлен настил, укрывающий ее от непогоды. В землянке стены и пол обиты и выложены войлоком и бараньими шкурами.

Пополняются коллекции музея, за счет добровольных пожертвований предметов старины жителями Чечни, собраны экспонаты, относящиеся к различным периодам чеченской истории. В экспозиции музея представлен кувшин, по утверждению Сатуева, относящийся к бронзовому веку, ожерелье из серебра, около 60 керамических предметов. Есть также и старинные весы, особенностью которых является наличие двух точек, посредством которых обеспечивается равновесие; старый плуг, три «амбара», представляющие собой выдолбленные изнутри большие бревна, изготовленные более сотни лет назад [11].

Аргунский государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник — это один из последних созданных на территории Советского Союза музеев-заповедников. Он является объектом федерального значения. По многочисленным просьбам и обращениям ведущих ученых республики по археологии и архитектуре в 1985 г. была проведена большая предварительная работа по изучению местности «в Чеберлое, в верховьях рек Шаро- и Чанты-Аргуна, и в Галанчожемском ущелье. В результате этих исследований была составлена документация по созданию на описываемой территории историко-архитектурного и природного музея-заповедника на базе филиала Чечено-Ингушского краеведческого музея в с. Советском (ныне с. Шатой)» [2].

На территории Аргунского музея-заповедника «находятся более 763 памятника истории, культуры, археологии, из них более 50 объектов относятся к памятникам федерального значения».

Аргунский государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник создан на основе комплексов памятников истории и природы Чанты-Аргунского и Шаро-Аргунского ущелий, представляющих собой особую историческую, научную и архитектурную ценность в сочетании с окружающими их уникальными природными комплексами. Музей-заповедник находится на самой высокогорной и труднодоступной части Чеченской Республики. Общая его площадь составляет 233,8 тыс. га. В настоящее время территория музея-заповедника полностью или частично охватывает следующие районы Чеченской Республики: Итум-Калинский и Шаройский, Урус-Мартановский, Ачхой-Мартановский, Серноводский, Веденский и Шатойский, где насчитывается около 700 памятников исторического, культурного, архитектурного и природного значения, из которых более 50 объектов относятся к памятникам федерального значения [12].

На территории заповедника — более 150 башенных поселений, в которых сотни жилых и боевых башен различной степени сохранности, около 20 культовых сооружений, более 150 полуподземных и надземных склепов.

В 2004 г. вышла в свет книга, исследователя башенной архитектуры Л. М. Ильясова «Тени вечности» [13]. Книга посвящена проблемам древней истории Чечни, ее материальной и духовной культуры. В создании этой книги есть и большая доля работников Аргунского музея-заповедника, оказавшие квалифицированную помощь в те годы Л. Ильясову. В 2004 г. в Аргунском музее-заповеднике были со-

зданы экспедиционно-рабочие группы из числа штатных сотрудников, в каждой группе были архитектор, археолог и биолог, каждую группу сопровождали государственные инспектора. Группы обходили закрепленные территории, осматривали состояния памятников, занося все данные в специально заведенные журналы учета. По исследованным памятникам составлялись карты обследования, дефектные акты технического состояния [3].

Созданное как научно-исследовательское и научно-просветительское учреждение, Аргунский государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник призван собирать, охранять и восстанавливать памятники истории и культуры, находящиеся в пределах Итум-Калинской, Галанчожской, Малхистинской, Майстинской и Хойско-Макажойской котловин, ландшафтно связанных между собой. Население этих районов находится в тесной этической и исторической взаимосвязи. В недрах этой территории еще сокрыто огромное количество памятников материальной культуры различных эпох, открытие которых выступает важной задачей перед настоящими и будущими исследователями [14, с. 369–370].

Аргунский государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник вносит огромный вклад в сохранении и восстановлении объектов культурного и природного наследия чеченского этноса. Рассмотренные нами архитектурные памятники федерального и регионального значения, несомненно, уникальные в своем роде, свидетельствуют о наличии древней, самобытной материальной культуры чеченского народа [16, с. 44–45].

Историко-краеведческий музей ЧГУ учрежден 14 апреля 2004 г. Ученым советом Чеченского государственного университета при кафедре «Истории мировой культуры и музееведения» на историческом факультете. С первого дня его функционирования сотрудники кафедры и музея с помощью студенческого актива, в частности, из числа студентов, обучающихся по специальности «Музейное дело и охрана памятников», начали активную работу по поиску и выявлению предметов, представляющих историческую ценность не только для истории Чеченской Республики, но и всего Юга России. Историко-краеведческий музей, который с первого дня открытия находился по адресу: г. Грозный, ул. Киевская, 33. В настоящее время музей располагается в главном корпусе Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова, по адресу: г. Грозный, ул. А. Шерипова, д. 32.

Здесь представлены предметы нескольких профилей, говорящие о крае, быте, культуре и истории, в том числе истории становления и развития Чеченского государственного университета.

Историко-краеведческий музей ЧГУ пополняется экспонатами, которые относятся к различным эпохам. На сегодняшний день фонд музея насчитывает около пятисот различных предметов по этнографии, археологии, нумизматике и т. д. Самое важное в этом собирательском деле, то, что почти все предметы, находящиеся в музее, найдены на территории Чеченской Республики. Это уже говорит о многих тайнах, которые историкам еще предстоит разгадать [15, с. 401].

Руководство музея и сотрудники кафедры музееведения и культурологии ведут активную работу со студентами по привлечению их к музейной деятельности. Сотрудники кафедры музееведения и культурологии совместно с руководством музея и студентами направлений подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» и «Культурология» ведут большую работу по пропаганде историко-культурного наследия и накопили определенный опыт по нравственному, эстетическому и патриотическому воспитанию.

Использованная литература:

1. *Акиева Х. М.* Роль музеев Чечни и Ингушетии в сохранении историко-культурного наследия Юга России // Историко-культурное и природное наследие народов Юга России: состояние, перспективы сохранения и развития: матер. всерос. науч.-практ. конфер. (Грозный, 25–26 июня 2009 г.). Грозный: Чеченский гос. ун-т, 2009. Т. I. С. 63–67.
2. Аргунский государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник. Афиша мероприятий // Аргунский государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник. URL: <https://amz.mk95.ru/> (дата обращения: 10.01.2022).
3. *Асталов В. А.* Музейное строительство в Чеченской Республике на рубеже XX–XXI вв. // Историко-культурное и природное наследие народов Юга России: состояние, перспективы сохранения и развития: матер. всерос. науч.-практ. конфер. (Грозный, 25–26 июня 2009 г.). Грозный: Чеченский гос. ун-т, 2009. Т. I. С. 83–99.
4. Галерея Илеса Татаева // Галерея Илеса Татаева. URL: <https://www.culture.ru/institutes/11784/galereya-ilesa-tataeva> (дата обращения: 10.01.2022).

5. Государственная галерея имени А. А. Кадырова. Афиша мероприятий // Государственная галерея имени А. А. Кадырова. URL: <https://aakg.mk95.ru/> (дата обращения: 10.01.2022).
6. *Ильясов Л. М.* Тени вечности. Чеченцы: архитектура, история, духовные традиции. М.: Пантори, 2004.
7. *Камерон Дж.* Музей: храм или форум // Музейное дело: музей — культура — общество. М.: б. и., 1992. С. 259–275.
8. *Коссова И. М.* Культурно-образовательная деятельность музеев. Тенденции и перспективы // Культурно-образовательная деятельность музеев: сб. ст. М.: Брандес, 1997.
9. Краеведческий музей имени Х. А. Исаева. Афиша мероприятий // Краеведческий музей имени Х. А. Исаева. URL: <https://muzey-isaeva.mk95.ru/> (дата обращения: 10.01.2022).
10. Любимова открыла экспозицию в литературно-этнографическом музее Льва Толстого в Чечне. 30 мая 2021 г. // ТАСС. URL: <https://tass.ru/kultura/11511451> (дата обращения: 10.01.2022).
11. Музей Чеченской Республики. Афиша мероприятий // Музей Чеченской Республики. URL: <https://nacmuzeychr.mk95.ru/> (дата обращения: 10.01.2022).
12. Отчет Аргунского государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника за 2014 г.
13. Памятники культуры — это историческое лицо нашей республики // Вести республики. 2006. 14 февр. № 13.
14. *Саратов С. Х.* Роль Аргунского музея-заповедника в сохранении и восстановлении памятников истории и культуры, изучении и публичном представлении территориальных комплексов в их исторической среде // Историко-культурное и природное наследие народов Юга России: состояние, перспективы сохранения и развития: матер. всерос. науч.-практ. конфер. (Грозный, 25–26 июня 2009 г.). Грозный: Чеченский гос. ун-т, 2009. Т. I. С. 368–373.
15. *Хулаев И. М.* Становление и развитие историко-краеведческого музея ЧГУ // Историко-культурное и природное наследие народов Юга России: состояние, перспективы сохранения и развития: матер. всерос. науч.-практ. конфер. (Грозный, 25–26 июня 2009 г.). Грозный: Чеченский гос. ун-т, 2009. Т. I. С. 400–402.
16. *Юсупова Х. М., Бегуев С. А.* История становления и развития Аргунского государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника // Известия Чеченского государственного университета. 2021. № 2. С. 39–45.

Suleiman A. BEGUYEV,

Senior Researcher, Department for the History of the Peoples of the North Caucasus, Institute for Humanitarian Research, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Senior Lecturer, Department of Museology and Culturology, Chechen State University, Grozny, Chechen Republic, Russia, sbeguev@mail.ru.

Museums of the Chechen Republic: History and Modernity

This article describes the role of museums of the Chechen Republic as keepers of the historical and cultural heritage of the South of Russia. Currently, the Museum of the Chechen Republic plays an important role in the preservation, study and representation of historical and cultural heritage. Museums are scientific and cultural institutions that occupy an important place in the preservation and development of the cultural diversity of the people, the presentation of its historical and cultural values, representing Russia as a country of historical, cultural and moral traditions. The Museum of the Chechen Republic also plays an important role in the development of national consciousness, national pride and the interaction of different cultures. Each museum of the Chechen Republic is unique and inimitable with its permanent and temporary collections and mobile funds mobile exhibitions, the study and publication of which open up to society little-studied pages of history and culture.

Keywords: the National Museum of the Chechen Republic, historical and cultural heritage, museum, collection, foundation, museum network, the Chechen Republic.

В. В. Шолохова*

Всероссийский интернет-проект в условиях пандемии «Вместе с Шолоховым “Они сражались за Родину”». Объединяющая сила живого слова

Активная культурно-просветительская деятельность музея-заповедника М. А. Шолохова получает вдохновение из простого источника — художественного слова писателя. Обширное творческое наследие, оставленное писателем, — произведения, выступления, письма, — дает ответы на сложнейшие вопросы времени. В год 75-летия со Дня Великой победы — 2020-й год, уже вошедший в память социума как время пандемии, —

* ШОЛОХОВА Валерия Владимировна, заместитель директора по развитию Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова», Вёшенская, Ростовская область, Россия, 0385227@gmail.com.

Музей-заповедник М. А. Шолохова запустил масштабный интернет-проект «Вместе с Шолоховым «Они сражались за родину» — чтение глав романа деятелями культуры, искусства, политики, медицины в онлайн-формате. Акция явилась объединяющим началом, духовной поддержкой в противостоянии обрушившемуся на страну испытанию.

Ключевые слова: Наследие М. А. Шолохова, духовные ценности, интернет-проект, пандемия, Великая Победа.

Государственный музей-заповедник М. А. Шолохова является одним из крупнейших музеев на юге России, современным культурным центром, хранителем исторической памяти и творческого наследия великого русского советского писателя. В 2006 г. музей внесен в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации. Музей ведет широкую научно-исследовательскую деятельность, основываясь на исторических материалах и современных изданиях, активно развивает новые формы работы с посетителями, предлагая актуальные интерактивные форматы, хранит бесценные коллекции подлинных предметов и последовательно продолжает работу по мемориализации пространства, описанного в произведениях писателя.

Донские хутора и станицы, в которых жили шолоховские герои, до сих пор сохраняют свой исторический облик, став живыми экспозициями. В состав музея входят классические и нестандартные музейные объекты — мемориальные усадьбы и выставочные центры, детский музейный центр, старинная мельница и синематограф начала XX в., традиционное казачье подворье, приходское училище, конюшня. Наличие таких разнообразных объектов позволяет системно вести культурно-просветительскую деятельность и реализовывать программы патриотического воспитания.

В настоящее время мы видим, как беспринципно переписываются исторические факты, растворяются духовные ценности, происходит подмена моральных устоев и как в нашу жизнь нашего сообщества, в жизнь наших детей внедряется идеология потребительства.

Сохранение культурного наследия и исторической правды является основной задачей для каждого музея. Вопросы взаимодействия с аудиторией, с разными целевыми группами каждый музей решает многими индивидуальными методами и средствами. Сложный период 2020 г. принес ограничения, в условиях которых тем не менее музей-заповедник М. А. Шолохова нашел новые формы работы, уже прочно вошедшие в нашу жизнь. В апреле 2020 г. был введен режим изоляции, отменены все события и культурные акции. Были закрыты все культурно-досу-

говые учреждения: музеи, театры, дома культуры, невозможно было какое-либо событие представить с участием группы людей. Стало понятно, что необходимо переводить деятельную активность в интернет-пространство, что физическая изоляция не должна стать причиной культурного вакуума. Именно тогда сформировалась идея проведения акции-чтения «Вместе с Шолоховым “Они сражались за родину”» [1].

В музее-заповеднике М. А. Шолохова хранится книга «Они сражались за родину», пробитая осколком мины. Шолохову ее прислал с передовой Великой Отечественной войны лейтенант Анатолий Константинов. В сопровождающем письме он написал, что книга принадлежала героически погибшему бойцу Харламову, который не расставался с ней, перечитывал и хотел «быть похожим на Лопихина и Кочетыгова». «Харламов сам и все бойцы нашей части несколько раз перечитывал Вашу книгу, восхищаясь подвигами Лопихина, Звягинцева, Стрельцова, Поприщенко, Кочетыгова и других героев. У них мы учимся воевать и побеждать врагов» [3]. Писем о том, что книги М. А. Шолохова являлись духовным ориентиром в сложнейших испытаниях для многих людей, приходило писателю огромное количество. Главы романа «Они сражались за родину» явились мощнейшим воодушевляющим источником, найдя самый короткий путь к сердцу читателя. В год 75-летия Великой Победы именно это произведение о войне, о подвиге и жертвах советских солдат надо было прочитать громко и всенародно.

В романе описан один из трагических моментов Великой Отечественной войны — отступление наших войск на Дону летом 1942 г. В главах романа — глубокое знание своего народа, правда истории. В этом произведении, как и всем своим творчеством, Шолохов говорит о том, что настоящий человек в любых испытаниях остается человеком.

Роман «Они сражались за родину» был задуман писателем как трилогия, рассказывающая о реальных судьбах людей в тяжелые периоды нашей истории: 30-е гг., Великая Отечественная война, послевоенное время. Как и в других произведениях писателя, в основе романа — реальные люди, настоящие судьбы, не придуманные исторические события.

Генерал Лукин появляется в романе «Они сражались за родину» под именем Александра Стрельцова, так же, как Харлампий Ермаков в «Тихом Доне» — под именем Григория Мелехова. Михаил Фёдорович Лукин — уроженец крестьянской семьи из Тверской губернии, начавший службу в царской армии в 1914 г., прошедший Гражданскую войну. Он принял революцию, вступил в РККА, был человеком необычайно авто-

ритетным среди руководства и простых военнослужащих. Дослужился до звания генерал-лейтенанта. Командовал в 1941 г. сначала 16-й, а затем 19-й армиями на Западном фронте. В августе 1941 г. он был переброшен в Смоленск, в наисложнейшее время с целью противостояния значительным силам фашистских войск, подбирающихся к Москве. Он умело противостоял наступлению, но из-за существенного перевеса сил армия оказалась разбитой и попала окружение, Михаил Федорович оказался в немецком концлагере. Немцы активнейшим образом пытались завербовать его, на все уговоры фашистского командования Лукин отвечал категорическим отказом. В апреле 1945 г. Лукин и генерал Музыченко совершили побег. Прибыли в г. Мосбург, где находился лагерь для 300 военнопленных разных национальностей. Через несколько дней генералов отправили в Париж в репатриационное консульство. За Лукиным приехали военные из Москвы. Генерала отвезли в Лефортово, где в течение пяти месяцев продолжались его допросы. Предъявить обвинение ему было не в чем, генерала отпустили домой, но в течение многих лет он ощущал на себе политическое недоверие.

После войны Михаил Александрович продолжал работать над романом. Все сюжетные линии, судьбы героев, все было продумано. Но Н. С. Хрущёв прямо ему заявил: «Еще не пришло время писать об этой войне, да и о 1937 г. тоже» [5, с. 6].

Строгой цензуре подверглась глава, в которой Александр Стрельцов рассказывает брату о непростых 1930-х гг., когда прошедшие Халгин-Гол командующие отправлялись в советские концлагеря, а затем — на фронт Великой Отечественной войны. Дело в том, что опубликованные известные нам главы романа «Они сражались за Родину» писались во время войны. Бойцам требовался настрой — и для борьбы с врагом, и для передышек между боями. Тем не менее эти главы имели цель только «разбавить» основное полотно романа. Поэтому рассказы о тридцатых годах, о репрессиях и отношении к военнопленным автор планировал добавить в послевоенные годы. На эту тему М. А. Шолохов заговорил первым из советских писателей, со свойственной ему прямоотой. После войны М. А. Шолохов обращался в Главную военную прокуратуру о пересмотре отношения к бывшим военнопленным и реабилитации М. Ф. Лукина: «Вот у меня с собой пачка депутатских писем. Обращаются некоторые из попавших в плен, просят защиты от несправедливости, помощи... Что такое плен для преданного Родине человека, мы теперь представляем. Не дай Бог, как говорится, это испытать и пережить.

Но, к сожалению, ко всем оказавшимся в плену отношение почти одно — осуждение, недоверие и даже преследования...» [2, с. 4].

Однако главы, принесенные писателем в «Правду», подверглись жесткой корректуре, которую писатель принять не мог. М. А. Шолохов обратился к Брежневу с просьбой «ответить мне, даже не из чувства товарищества, а из элементарной вежливости» [4, с. 395], но так и не получил ответа. Писатель понял, что ему не дадут возможности опубликовать роман в соответствии с авторским замыслом. История романа трагична — незадолго перед смертью писатель сжег неопубликованные главы романа, материалы и черновики, дневники генерала Лукина.

По роману снят фильм режиссера Сергея Бондарчука, признанный лучшим фильмом 1976 г., отмеченный многими международными наградами и премиями.

В 2020 г. праздновалось 75-летие Великой Победы и 115-летие М. А. Шолохова. В честь этих знаменательных дат 115 известных граждан России полностью прочитали роман «Они сражались за родину». Технически это было организовано следующим образом. Все произведение было поделено на 115 отрывков, и эти фрагменты предлагались участникам. Каждый участник акции записывал видео своего чтения на самые разные носители: телефон, видеокамеру и присылал технической команде музея. Записи публиковались на сайте музея, в соцсетях и на ютуб-канале.

Акция-чтение «Вместе с Шолоховым “Они сражались за родину”» стартовала 24 мая в день рождения Михаила Шолохова. Начало романа прозвучало в исполнении Александра Шолохова, внука писателя, который на протяжении многих лет возглавлял Государственный музей-заповедник М. А. Шолохова, а в настоящий момент является первым заместителем председателя Комитета по культуре ГД РФ и президентом российского отделения ИКОМ (Международный совет музеев).

В акции-чтении приняли участие известные политики и писатели, военные и артисты, врачи и ученые, деятели культуры: председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко, советник Президента РФ по вопросам культуры Владимир Толстой, вице-спикер ГД РФ и Парламентского совета Европы Петр Толстой, министр культуры Ольга Любимова, директор департамента информации и печати МИД Мария Захарова, губернатор Ростовской области Василий Голубев, руководитель Департамента культуры г. Москва Александр Кибовский, председатель

Мосгордумы Алексей Шапошников, первый заместитель министра просвещения Александр Бугаев.

Акцию поддержали знаменитые деятели культуры: директор Большого театра Владимир Урин, художественный руководитель Государственного Кубанского казачьего хор Виктор Захарченко, ректор театрального института имени Б. Щукина Евгений Князев, ректор Академии русского балета Николай Цискаридзе, директор академического театра «Русская песня» Надежда Бабкина, директор Большого Московского цирка Эдгар Запашный, государственный деятель Михаил Швыдкой, пианистка Екатерина Мечетина, директор Государственного Российского Дома народного творчества Тамара Пуртова, руководитель международного балета «Тодес» Алла Духова, художественный руководитель хора имени М. Е. Пятницкого Александра Пермякова, режиссер Сергей Урсуляк, художник Андрей Ковальчук, президент ассоциации «Лермонтовское наследие» Михаил Лермонтов.

Отрывки произведения прочитали Герои России: генерал-полковник Владимир Шаманов, пилот Дамир Юсупов, летчик-космонавт Роман Романенко, генерал-майор Сергей Липовой.

Невзирая на колоссальную занятость, в акции приняли участие знаменитые врачи. Денис Проценко, главврач больницы в Коммунарке, и руководители крупнейших медицинских центров — Лео Бокерия и Лев Рошаль, не сомневаясь, подтвердили готовность принять участие в чтении.

Ректор МГИМО Анатолий Торкунов, директор ИМЛИ РАН Вадим Полонский, митрополит Тихон Шевкунов, именитые спортсмены Александр Карелин, Николай Валуев, популярные представители телеиндустрии Дмитрий Дибров, Борис Корчевников, Дмитрий Борисов вместе с нами читали роман.

Сложные и эмоциональные эпизоды романа прозвучали в исполнении любимых артистов: Владимира Машкова, Евгения Миронова, Сергея Безрукова, Михаила Пореченкова, Ивана Охлобыстина, Евгения Ткачука, Полины Чернышевой. Известные писатели Валентин Курбатов, Захар Прилепин, Николай Иванов, Алексей Варламов, Сергей Шаргунов, внесли свою пронзительную ноту в общее прочтение.

Директора российских музеев единодушно поддержали акцию чтение. Главы романа звучали в исполнении Натальи Грамолиной, Алексея Левыкина, Светланы Мельниковой, Дмитрия Бака, Тамары Мельниковой, Евгения Богатырева, Светланы Сивковой, Юрия Мудрова, Ларисы

Мызиной, Владимира Гриценко, Сергея Архангелова, Геннадия Вдовина, Сергея Некрасова, Гульзады Руденко, Юрия Комлева.

Акция показала, что, несмотря на серьезные испытания, которым подвергается современное общество, объединяющим началом, помогающим преодолеть любые испытания и идти дальше, является народная воля и обращение к мощному духовному наследию, оставленному потомкам русскими писателями.

Акцию-чтение можно найти по ссылке #вместесшолоховым, страницах соцсетей и YouTube первого заместителя председателя Комитета по культуре Государственной Думы РФ А. М. Шолохова и Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова [1].

Использованная литература:

1. Акция-чтение «Вместе с Шолоховым “Они сражались за родину”» // Государственный музей-заповедник М. А. Шолохова. URL: https://www.sholokhov.ru/museum/aksiya-chtenie_vmeste_s_sholohovym_oni_srazhalis_za_rodinu/ (дата обращения: 20.08.2021).
2. *Викторов Б. А. Судьбы* // Литературная Россия. 1990. 23 мая. С. 4.
3. Письмо А. Константинова М. А. Шолохову, 30 апреля 1944 г. // Фонды Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова. КП-232.
4. Письмо М. А. Шолохова Л. И. Брежневу 30 октября 1968 г. Москва // М. А. Шолохов / под общ. ред. А. А. Козловского, Ф. Ф. Кузнецова, А. М. Ушакова, А. М. Шолохова. М: Ин-т мировой лит-ры РАН, 2003. С. 395.
5. *Шолохова С. М. К истории ненаписанного романа* // Шолохов М. А. Они сражались за Родину. М.: Либерия; Раритет, 1995. С. 4–12.

Valeria V. SHOLOKHOVA,

Deputy Development Director, National Sholokhov Museum-Reserve,
Veshenskaya, Rostov Region, Russia, 0385227@gmail.com.

The All-Russian Internet-Project «Together with Sholokhov “They Fought for their Country”» in the Conditions of the Pandemic. The Unifying Power of the Living Word

The active cultural and educational activities of the M. A. Sholokhov Museum-Reserve receive inspiration from a natural source — the writer’s artistic word. The extensive creative legacy left by the writer including works, speeches, letters, provides

answers to the most difficult questions of the time. In the year of the 75th anniversary of the Great Victory — the 2020, which entered the memory of society as a time the pandemic the M. A. Sholokhov Museum-Reserve launched a large-scale Internet project «Together with Sholokhov, “They fought for their Country”» with reading the chapters of the novel by figures of culture, art, politics, medicine in an online-format. The action has become a unifying beginning, a spiritual support in the struggle against the ordeal that the country had to survive.

Keywords: *M.A. Sholokhov’s heritage, spiritual values, Internet project, pandemic, Great Victory.*

С. А. Рагуленко*

Роль научной реставрации в сохранении культурного наследия (на примере спасательной реставрации уникальных предметов из музейных коллекций)

В работе рассматривается проблема сохранения предметов культурного и исторического значения. Она состоит в отсутствии соответствующих условий хранения и экспонирования и в неквалифицированной реставрации или ее отсутствии. Показывается, что это часто приводит к полной или частичной утрате памятника. В статье наглядно иллюстрируются эпизоды, когда в условиях срочных спасательных реставрационных мероприятий возможно не только сохранить предметы, но и привести их в экспозиционный вид для всеобщего обозрения. В основу исследования положена авторская реставрационная работа над археологическими предметами из различных металлов, являющимися экспонатами Национального музея Северной Осетии — Алании. Его новизна заключается во вводе в научный оборот предметов, которые в результате реставрации обрели свое достойное место в экспозициях музея.

Ключевые слова: реставрация, экспозиция, музей, история, память, задачи, изучение, сохранение, кинжал из медного сплава со скульптурным навершием на рукояти, орнаментированный пояс из медного сплава, акинак с биметаллической зооморфной рукоятью.

Не секрет, что фонды и экспозиции музеев, которые не располагают собственными отделами реставрации, как правило, находятся в плачевном состоянии. Большое разнообразие материалов (металлы

* РАГУЛЕНКО Сергей Анатольевич, художник-реставратор 1-й категории по металлу, научный сотрудник отдела культурного наследия Института истории и археологии Республики Северная Осетия — Алания, Владикавказ, Республика Северная Осетия — Алания, Россия, ragus67@mail.ru.

и сплавы, стекло, кожа, дерево, ткани, бумага и т. д.) требуют специальных условий хранения (температуры и влажности). Но при этом соблюдение этих условий не обеспечивает гарантии их сохранности от разрушения. Археологические предметы, хранящиеся в фондах музея, требуют особого внимания и обращения, поскольку они изначально находились в условиях агрессивной среды. Например, характерной особенностью металлов является их термодинамическая нестабильность, стремление возвратиться в исходное состояние и вещество, из которого они получены. Поэтому для них опасно не столь физическое разрушение, сколько коррозия, поскольку она затрагивает форму и материал в результате необратимого процесса. В силу этого реставрация предмета требует знания процессов коррозии и химии, особенности разрушения различных материалов.

В данной работе представлены два археологических предмета из медного сплава и один биметаллический. Они прошли процедуру реставрации. Один из этих предметов — редкий кинжал, дающий дополнительную информацию исследователям о взаимосвязях и развитии культур эпохи «поздней бронзы», два других являются примерами спасательной реставрации, предотвратившей утрату уникальных артефактов.

1. Кинжал из медного сплава со скульптурным навершием на рукояти обнаружен в 2007 г. в результате археологических раскопок «Адайдонского» могильника эпохи поздней бронзы (IX–VIII вв. до н. э.) Алагирского района РСО — Алания. Кинжал выделяется не только изящной формой, но и филигранной работой мастера.

Рис. 1

После помещения кинжала в эксикатор обнаружилось, что на поверхности металла имеются 827 активных очагов коррозии меди (рис. 1). На реставрационном совете в силу ограниченных сроков подготовки экспозиции было принято решение о полной очистке поверхности металла от окислов меди. В процессе реставрации кинжал был приведен в экспозиционное состояние (рис. 2) [2] и сейчас является одним из лучших экспонатов экспозиции Национального музея РСО — Алания во Владикавказе (рис. 3).

Рис. 2

Рис. 3

2. Акинак (кинжал) с биметаллической зооморфной рукоятью был обнаружен в период 1987–1998 г. в результате археологических раскопок могильника эпохи поздней бронзы (VII–IV вв. до н. э.) «Гастон Уота» Дигорского района РСО — Алания. На момент его обнаружения в фондах Национального музея РСО — Алания (2018 г.) данный кинжал находился в крайне плачевном состоянии (рис. 4). В процессе анализа

Рис. 4

обнаружилось, что в структуру акинака происходило вмешательство с целью реставрации формы. Но, поскольку «реставрация» производилась непрофессионально, это только усугубило процесс коррозии и деформации предмета. Поэтому первой задачей было устранение всех ошибок и дефектов предыдущего вмешательства, чтобы более объективно оценить состояние предмета. В итоге после всех мероприятий научной реставрации данный акинак был не только сохранен как археологический артефакт, но и приобрел экспозиционный вид (рис. 5) [3].

В процессе реставрации, чтобы не утратить индивидуальные особенности предмета и не изменить фактуру поверхности, специфический оттенок металла и многое другое, реставратор всегда обращается к изучению материала и развития технологии в данном хронологическом отрезке истории. Итогом одного из подобных исследований выяснилось,

Рис. 5

что акинак из Гастон-Уота уникален не только композиционным и технологическим решениями, но и тем, что в своем роде это единственный артефакт с зооморфной рукоятью в полной сохранности [1, с. 61]. Наиболее близкая аналогия биметаллической рукояти обнаруживается во фрагменте рукояти из Урус-Мартана (рис. 5а) [5, с. 132–134] (на данный момент хранится в фондах Эрмитажа). Несмотря на то, что изделия достаточно близки в технологическом исполнении, на рукояти из Урус-Мартана имеется ряд композиционных отличий. Несколько отличается композиция на навершии, а на лицевой обкладке изображение

Рис. 5а

зверя выполнено в так называемом скифо-сибирском стиле — тулово в средней части вывернуто на 180°. При этом остается неясным, каким было перекрестие.

После реставрации акинак с биметаллической зооморфной рукоятью из могильника «Гастон Уота» представлен в экспозиции Национального музея РСО — Алания во Владикавказе (рис. 6).

Рис. 6

3. Орнаментированный пояс из медного сплава обнаружен 1982 г. в результате археологических раскопок на могильнике кобанской культуры в районе сел. Тли Республики Южная Осетия. На момент поступления на реставрацию в 2019 г. пояс хранился в крайне неблагоприятных условиях (рис. 7–9): во-первых, фрагменты пояса уложили на фанеру, которая при производстве пропитывается фенолами, испарение которых провоцирует коррозию металлов; во-вторых, фрагменты крепили к поверхности фанеры при помощи канцелярских кнопок, что спровоцировало электро-химическую коррозию; в-третьих, пояс хранился в крайне неблагоприятных внешних условиях (постоянных перепадов температуры и влажности). Все эти неблагоприятные условия привели к множественным деформациям и разрывам в целостности структуры

поверхности металла. К тому же отсутствовала какая-либо документация на данный артефакт.

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

В процессе реставрационных мероприятий удалось стабилизировать металл и структуру пояса, а также выяснить (по орнаменту), что данный пояс принадлежит к погребению № 350 Тлийского могильника эпохи поздней бронзы кобанской культуры [6, с. 112–117, 260–262].

После реставрации пояс приобрел экспозиционный вид (рис. 10–11), но, к сожалению, из-за неблагоприятных условий хранения, его целостность все же была утрачена на 10–15%.

Рис. 10

Рис. 11

На данный момент орнаментированный пояс из медного сплава эпохи поздней бронзы Центрального Кавказа занимает дно из центральных мест в экспозиции Национального музея Республики Южная Осетия (рис. 12).

Рис. 12

Таким образом, все вышеизложенное наглядно иллюстрирует, что методы научной реставрации обеспечивают не только сохранить архео-

логические предметы для исследовательской работы, но также довести их до уровня демонстрации в экспозиции музея.

Использованная литература:

1. Рагуленко С. А. Редкий скифский кинжал из собрания «Национального музея» РСО-Алания // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. 2018. № 3. С. 59–61.
2. Рагуленко С. А. (художник — реставратор первой категории по металлу). Паспорт реставрации памятника истории и культуры (движимого). Владикавказ, 2017.
3. Рагуленко С. А. (художник — реставратор первой категории по металлу). Паспорт реставрации памятника истории и культуры (движимого). Владикавказ, 2018.
4. Рагуленко С. А. (художник — реставратор первой категории по металлу). Паспорт реставрации памятника истории и культуры (движимого). Владикавказ, 2019.
5. Спицын А. А. Медная оправа кинжала из Терской области (с 2 рис.) // Известия императорской археологической комиссии. 1902. Вып. 4. С. 132–135.
6. Техов Б. В. Графическое искусство населения Центрального Кавказа в конце II и в первой половине I тысячелетия до н.э. (по бронзовым поясам из Тли). Владикавказ-Цхинвал: Изд-во Владикавказского научного центра, 2001 г.

Sergey A. RAGULENKO,

Artist Restorer of the 1st Category in Metal, Researcher,
Department for Cultural Heritage, The Institute for History
and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania,
Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, Russia, ragus67@mail.ru.

The Role of Scientific Restoration in the Preservation of Cultural Heritage (on the Example of Rescue Restoration of Unique Items from Museum Collections)

The paper deals with the problem of preserving objects of cultural and historical significance. It concerns the lack of appropriate storage and exhibition conditions and in unskilled restoration or its absence. It is shown that this often leads to the complete or partial loss of the artifact. The article clearly illustrates the episodes when, in the

conditions of urgent rescue restoration measures, it is possible not only to preserve objects, but also to bring them into an exposition form for public viewing. The research is based on the author's restoration work on archaeological objects made of various metals, which are the exhibits of the National Museum of North Ossetia-Alania. Its novelty lies in the introduction into scientific circulation the objects that, as a result of restoration, have found their rightful place in the museum's expositions.

Keywords: restoration, exposition, museum, history, memory, tasks, study, preservation, copper alloy dagger with a sculptural pommel on the handle, ornamented copper alloy belt, akinak with a bimetallic zoomorphic handle.

С. И. Фомина*

Сетевые технологии формирования гражданской идентичности в условиях смешанного обучения

Автор рассматривает одну из самых актуальных проблем современного образования — использование смешанных технологий в процессе обучения — и одну из значимых задач «Стратегии развития и воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» — формирование гражданской идентичности. Приводятся примеры форм организации образовательного процесса в условиях дистанционного и смешанного обучения в области художественного образования. Особое внимание автор уделяет эффективным формам смешанного обучения при формировании гражданской идентичности.

Ключевые слова: гражданская идентичность, онлайн- и офлайн-обучение, смешанный тип обучения, формы смешанного типа обучения, технологии.

Актуальность формирования гражданской, общероссийской идентичности на всех ступенях образования очевидна и подчеркивается современным поликультурным обществом, где происходит трансформация сложившейся системы обучения и воспитания, пересмотр образовательных стандартов, изменение контингента обучающихся в сторону многонациональных этнических групп как внутри страны в целом, так и в регионах в частности, а также обусловлена социокультурной, экономической и политической ситуацией в стране. Безусловно, многонациональность и поликультурность России требует повышенного

* ФОМИНА Светлана Игоревна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры искусствоведения и педагогики искусства Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, svig73@yandex.ru.

внимания к коммуникационным взаимодействиям внутри общества, к учету полиэтничности и толерантности его членов.

Понятие «гражданская идентичность» вошло в обиход педагогической речи в связи с принятием новых федеральных государственных образовательных стандартов, где одним из главных приоритетов становится задача формирования основ гражданской идентичности обучающихся.

Под гражданской идентичностью в современном обществе принято понимать «индивидуальное чувство принадлежности к общности граждан конкретного государства, позволяющее гражданской общности действовать в качестве коллективного субъекта» [3]. Однако не следует забывать, что гражданская идентичность является одной из составляющих социальной идентичности и формируется наряду с другими (возрастная, этическая, религиозная, политическая и др.), влияя на процесс становления личности.

Несмотря на то, что у ученых отсутствует единая точка зрения на понимание гражданской идентичности как явления и зависит она от круга интересов исследователей, мы будем рассматривать в ключе понимания разработчиков ФГОСов, а именно: гражданская идентичность осмысливается как осознание принадлежности человека к общности граждан того или иного государства, имеющей для него значимый смысл, и выступает основой группового самосознания, интегрирует население страны и является залогом стабильности государства. Гражданская идентичность тесно связана с потребностью в установлении связей с другими людьми и включает в себя не только осознание индивидом своей принадлежности к гражданской общности, но и «восприятие значимости этой общности», представление о принципах и основах данного объединения, принятие поведенческой модели гражданина, осознание целей и мотивов деятельности, представление о характере взаимоотношений граждан между собой [1].

Современная система образования характеризуется актуализацией вопросов, связанных с развитием и становлением личности, ее общероссийской идентичности в условиях глобализации общества и самого образования. В условиях глобализации образования все более актуальными становятся сетевые формы и технологии обучения.

Под сетевыми технологиями будем понимать «технологии обучения, базирующиеся на использовании сети Интернет при создании, передаче информации и приобретении знаний, формировании навыков,

умений и контроля за их формированием в процессе обучения и взаимодействием между преподавателем и обучаемым» [2]. Информационные технологии и компьютеры стали неотъемлемой частью образовательных технологий, обеспечивающих как образование, так и воспитание, соответственно способствующих процессу формирования социальной, гражданской идентичности в целом и общероссийской в частности. Важно отметить, реальность в мировом масштабе такова, что образовательному процессу оставаться исключительно в классической форме офлайн невозможно. На это влияют множество факторов: эпидемиологическая и политическая обстановки, удаленность объектов и субъектов обучения, психолого-педагогические характеристики новых поколений и многое другое. В связи с вышеперечисленными еще более актуальной становится задача формирования гражданской общероссийской идентичности. Безусловно, одним из решений является использование сетевых технологий и смешанного обучения.

На данный момент существует множество определений смешанного обучения, но их всех объединяет одно — образовательный процесс, который включает в себя непосредственное общение педагога и обучающихся с использованием технологий онлайн-обучения, где, в отличие от дистанционного обучения, взаимодействие происходит «здесь и сейчас» [4].

В институте художественного образования РГПУ имени А. И. Герцена, не смотря на специфику обучения, предполагающую работу в мастерских, т. е. обучение офлайн, использование форм смешанного типа обучения вводилось давно в связи с тем, что в стенах института обучается много иностранных студентов. По этой же причине вопрос формирования гражданской идентичности всегда стоял очень остро и, как правило, решался при составлении контента учебных дисциплин, где акцент делался на культуру народов Российской Федерации. До периода пандемии были выделены наиболее эффективные формы организации смешанного типа обучения, которые в период перехода на дистанционное обучение подтвердили свои положительные характеристики:

- **видеоконференции** (интерактивная коммуникация спикера и слушателей). Студентами проводятся внеурочные занятия на платформе ZOOM в рамках педагогической практики с учащимися, перешедшими на дистанционную форму обучения.

- **видеолекции/видеоуроки** (процесс передачи информации с помощью мультимедийных технологий). Данную форму дистанционного обучения студенты реализуют как на педагогической практике (наглядность к урокам, короткий обучающий ролик), так и на практических занятиях, проводя семинары;
- **чат/беседы** в социальных сетях (обмен сообщениями с помощью информационно-коммуникационных технологий, в чате — это в режиме реального времени). Организуется студентами при подготовке к педагогической практике. С его помощью осуществляется сопровождение образовательных маршрутов при дистанционном обучении, форм организации вебинаров, уроков изо, внеурочных занятий по художественной и досуговой деятельности.
- **скринкаст** (видеозапись действий, презентация, набор изображений и т. д., сопровождающихся голосовыми комментариями). Реализуется студентами при необходимости визуализации своих действий, например на таких этапах урока, как «педагогический рисунок» или объяснение инструкций по выполнению того или иного творческого задания.
- **чек-лист** (перечень пошаговых последовательных действий). Используется студентами для качественной разработки учебного контента при подготовке к педагогической практике, в дальнейшем используется как раздаточный дидактический материал при дистанционной форме обучения.
- **лонгриды** (качественный контент в виде текста, разбитый на части с помощью мультимедийных элементов). Чаще всего данную форму смешанного типа обучения используют педагоги для формирования профессиональных умений будущего педагога-художника при работе с большим текстом на практических занятиях профильных дисциплин. Однако некоторые студенты разрабатывают лонгриды для учащихся старших классов по дисциплине «Мировая художественная культура» и для ДХШ по курсу «История искусства».
- **вебинары** (интерактивная коммуникация спикера и слушателей). Студентами проводятся вебинары в рамках вузовского проекта «Продленка с Герценовским университетом» в рубрике «Будет интересно! Дополнительные вебинары», а также

с использованием этой формы коммуникации проходят педагогические практики студентов магистратуры и бакалавриата, не имеющих пока возможности вернуться в Россию для продолжения обучения в традиционном формате.

Неоспоримо, что вопрос формирования гражданской идентичности можно решить только в системе духовно-нравственных ценностей, складывающихся в процессе культурного развития обучающегося, а также при демонстрации и популяризации культурных ценностей народов России с помощью современных средств, форм и методов. Поэтому и тематика вебинаров студентов института художественного образования напрямую была связана с задачами ФГОСа и «Стратегии развития и воспитания в Российской Федерации до 2025 г.» в области становления гражданской идентичности: «Рождественский ангел. Художественный текстиль», «Загадочное ДПИ», «Какая масленица без куклы?», «Акварельная иллюстрация “Зимняя сказка” по мотивам русских народных сказок» и др.

Таким образом, можно сделать вывод, что использование сетевых технологий позволяет сделать современное обучение более эффективным и решать важные государственные задачи, например формирование гражданской идентичности, используя формы и методы смешанного типа обучения. Все участники образовательного процесса при смешанной форме обучения становятся полноправными организаторами своего обучения, тем самым формируя свою гражданскую идентичность.

Использованная литература:

1. *Абросимова К. А.* Анализ сущности понятия «Гражданская идентичность» // Сборник конференций НИЦ Социосфера. 2014. № 5. С. 42–45.
2. *Андреенко О. А.* Сетевые образовательные технологии и их использование при работе с обучающимися. Текст электронный // Хуманитарни Балкански изследвания. 2019. Т. 3. № 1. С. 5–7.
3. *Водолажская Т.* Идентичность гражданская // Образовательная политика. 2010. № 5–6. С. 140–142.
4. *Фомина С. И.* Технологии смешанного обучения в контексте профессионализации художественно-педагогического образования // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2021. № 1–2. С. 41–44.

Svetlana I. FOMINA,
Cand. Sci. (Theory and Methodology of Training and Education),
Assoc. Prof., Department of Art History and Pedagogy Art,
Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg,
Russia, svig73@yandex.ru.

Network Technologies for the Formation of Civic Identity in the Conditions of mixed Learning

The author considers one of the most pressing problems of modern education, the use of mixed technologies in the learning process, and one of the significant tasks of the “Strategy of Development and education in the Russian Federation for the period up to 2025”, the formation of civic identity. The examples of forms of organization of the educational process in the conditions of distance and mixed learning in the field of art education are given. The author pays special attention to effective forms of blended learning in the formation of civic identity.

Keywords: *civic identity, online and offline learning, mixed type of learning, forms of mixed type of learning, technologies.*

Т. Ф. Маслова*

Студенческое сообщество и риски безопасности образовательной среды Северного Кавказа

Студенческое сообщество — одно из представительных образований, в котором, несмотря на объединяющие факторы (возрастной, мотивационный) во взаимодействии молодежи, проявляется разность культур по национальному, территориальному, статусному признакам; обуславливается поведение по принципу «свой-чужой», формируется маргинальность положения отдельных лиц или групп. Все это создает условия и предпосылки безопасной социализации молодых людей и требует превентивных мер, основанных на глубоком анализе ситуации с привлечением результатов специально организованных исследований, представляющих технологию социологического сопровождения процесса социального взаимодействия групп студентов в поликультурной образовательной среде, формирующейся в многонациональном северокавказском ре-

* МАСЛОВА Татьяна Федоровна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры дополнительного образования Ставропольского государственного педагогического института, Ставрополь, Россия, tatianamaslova@rambler.ru.

гионе. В статье отражены методологические подходы, методы и некоторые результаты исследования, полученные при изучении проблемы риска безопасной социализации студентов в контексте их социального взаимодействия.

Ключевые слова: социальные отношения и взаимодействия, безопасная образовательная среда, риски, конфликты, партнерство, студенты-мигранты, поликультурное пространство.

Риски безопасности образовательной среды, формируемой в поликультурном студенческом сообществе, рассматриваются как неопределенность стратегий и действий субъектов образовательных отношений в изменяющихся условиях, складывающихся под воздействием множества факторов (социальных, духовных, экономических, психологических) и порождающих феномен «мы — они отношений» [4, с. 96]. В результате формируется соответствующее пространство отношений в континууме «свои», кто считает себя полноправными хозяевами территории, связанными с нею правами, культурными нормами, и «чужие». Их связь с территорией имеет культурные и/или правовые ограничения.

Очевидно, что в поликультурном социальном пространстве фигурируют два фактора: «риска» конфликта и «паритета» как состояния относительного равновесия ресурсов, равноценности целей, равенства прав и обязанностей и т. д.

Это обуславливает два типа социальных отношений (М. Дойч): кооперации и конфликта [1]. Для кооперативного типа характерна более эффективная внутригрупповая коммуникация. В ней достигается большее согласие с идеями других, большее чувство сходства в базисных убеждениях, ценностях, большее доверие к друг другу. В конкурентных группах, где присутствуют конфликтные отношения, цель участников — усиление собственных позиций за счет ущемления интересов другой стороны. При этом конкуренция увеличивает масштаб проблемы, и в попытках повлиять на других используются принудительные средства воздействия друг на друга. Если акторы «говорят на разных языках» и преследуют взаимоисключающие цели и интересы, то результаты такого взаимодействия вряд ли будут положительными [3], а отношения будут включать назревающий конфликт и экстремистские проявления.

Степень остроты, масштабы и формы проявления проблем отношений студентов в поликультурном сообществе определяет комплекс факторов: культурно-этических, социальных, экономических, психологических.

Культурно-этические факторы связаны со столкновением культур, носителями которых являются студенты, их ценностных ориентаций, с восприимчивостью деструктивных моделей поведения из-за низкого уровня знаний и воспитания и др.

Социальные факторы вызываются конкуренцией статусов по территориальному, социальному и этническим признакам.

Экономические факторы отражают разный уровень материальной возможностей в решении вопросов самореализации, материальной независимости, жизнеустройства.

Коммуникативные факторы обусловлены отсутствием понимания культурных смыслов взаимодействия, трудностями отношений с конкретной группой, отсутствием «коллективной солидарности».

Психологические факторы — это стереотипы сознания взаимодействующих групп, ксенофобия, неблагоприятный психологический климат, индивидуальные особенности.

Анализ данных факторов позволяет представить показатели и индикаторы, используемые при разработке программы и методов социологического исследования. Основными из них выбраны: опрос экспертов, анкетирование студентов, фокус-группа.

В ответах экспертов (всего 24 человека, представляющих специалистов в области организации воспитательной работы и молодежной политики краевого центра) преобладают комментарии в пользу имеющихся проблем взаимодействия для студентов, во-первых, прибывших из республик Северного Кавказа, во-вторых, из населенных пунктов Ставропольского края. Такие проблемы имеют разную природу и основания, среди которых выделяются психологические и культурно-нормативные. Первые (психологические) связаны с обособленностью, отчуждением, неприятием «иного», недоверием как основы безопасности. Вторые (культурно-нормативные) обусловлены «сужением опыта социального взаимодействия молодых людей», игнорированием этических норм и требований, обособленностью или демонстративным поведением, подчеркивающим стремление следовать ранее усвоенным образцам культуры. Треть экспертов подчеркнула, что проблем взаимодействия (поведение, действия) между студентами — местными жителями и приезжими из населенных пунктов Ставропольского края в регионе нет.

Комментарии экспертов связываются с обоснованием различий между группами студентов: по индивидуальным (психологическим)

характеристикам, по условиям среды социализации, по культуре, по выраженности ксенофобий.

Среди полученных результатов исследования примерно в равной доле представлены те, которые указывают не только на различия взаимодействующих групп, но и на сходство интересов, желание общаться, которое при определенных условиях может перерасти в тесные связи. Отсюда можно предположить, в студенческой среде действуют как механизмы конкуренции, конфликта, так и кооперативного взаимодействия.

Здесь стоит привести данные «точечного» устного опроса самих студентов и их анкетирования. В восприятиях и ощущениях респондентов фиксируются характеристики студенчества как единого и разнообразного целого, где сосредоточены образы близкого, но «иного». Это связано с присутствием в нем представителей многих социумов, стремление к сближению, признание учебы, образования как главного условия для этого. Присутствие эмоциональной связи, ощущение взаимопомощи, единство статуса, целей отмечают те, кто характеризуют студенчество как молодежное объединение и студенческое братство (22 ответа). Учеба, образование — главное, что объединяет студентов, несмотря на различия.

На вопрос: «В какие формы взаимодействия приходилось вовлекаться в вашей студенческой жизни?» — преобладают следующие варианты ответов:

- *«толерантное отношение к представителям иной культуры»* (53,5%), в том числе 47,0% у представителей республик СКФО, 50,6% у представителей территорий Ставропольского края, 66,0% у местных студентов;
- *«помощь студентам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации»* (34,6% от общего числа опрошенных, в том числе 41,1% — представители СКФО, 36% — жители территорий Ставропольского края, 24,5% — местные студенты);
- *нахождение компромиссов* (28% от общего числа опрошенных, в том числе 31% — представители СКФО, 23% — жители территорий Ставропольского края, 32% — местные студенты).

Есть основания полагать, что такое отношение основано на сложившемся чувстве *доверия, сходстве убеждений и ценностей «у большинства студентов»*. Более трети студентов (35,2%) подчеркнули именно эту черту в качестве характерной. 35,2% отмечают сходство убеждений

и ценностей у большинства студентов (из них 35,2 % приехали из республик СКФО, 34,6 % — из территорий Ставропольского края).

Ситуации риска и проявление конфликтов в образовательной среде отражают несогласие со сверстниками по принципиальным вопросам, ущемление интересов, неприятие и непонимание, принудительное воздействие друг на друга, словесное унижение. Ситуации риска и проявление конфликтов в образовательной среде вызваны:

— *принципиальными разногласиями, ущемлением интересов.*

По данным опроса, *согласие со сверстниками по принципиальным вопросам* обнаруживается у значительно меньшей части студентов. Распространенность данного явления в студенческой группе отметили 14,7%. Судя по реакциям студентов, это обуславливает проблемы межличностных коммуникации. 13 % респондентов подчеркнули, что есть проблемы во взаимодействии. Свыше 9 % указали на то, что есть *ущемление их интересов*; 13 % — что есть *неприятие и непонимание*; 7 % заявили, что имеет место *принудительное воздействие* друг на друга, 5,9 % — *случаи жестокого обращения* между студентами (10,2 % из них составляют студенты — выходцы из республик СКФО, 1,3 % — из территорий Ставропольского края, 5,6 % — местные жители); случаи *словесного унижения* отметили 8,8 %, 6,6 % и 9,4 %, соответственно.

— *индивидуализмом.*

Учитывая, что каждый второй нормой повседневной жизни в студенческом социуме считает защиту «личных интересов, прежде всего», риски конфликтов, скорее всего, находятся в сфере межличностных отношений.

В ответах на вопрос: «Приходилось ли вам участвовать в каких-либо конфликтах между студентами?» — именно *межличностные конфликты* выходят на первый план: четверть студентов заявили, что участвовали в них, в том числе 29 % — среди выходцев из республик СКФО, 20 % — из территорий Ставропольского края, 28 % — из местных студентов.

Наименьшая доля (4,5 %) студентов указали на участие в межгрупповых конфликтах, столько же — в межнациональных и межрелигиозных.

— *приоритетом насильственных форм.*

Примечательно, что 17 % респондентов считают нормой повседневной жизни утверждение силы по отношению к другим людям. Не исключается, что именно насильственные формы выбираются для урегу-

лирования возникающих конфликтов. Отвечая на вопрос: «Какие меры, по-вашему, наиболее приемлемы в случае возникновения серьезных конфликтов в студенческой среде?» — 34 % студентов ответили: «*“Разборки” своими силами*». В их числе так считают 32 % из числа выходцев из республик Северного Кавказа; 35 % — из территорий Ставропольского края; 36 % — из местных студентов. Обращает внимание то, что, если в комментариях, тяготеющих к кооперативному взаимодействию, объединению студентов в ответах экспертов выделяется образовательная среда как фактор, то причинами столкновений с участием студентов выдвигается социальное окружение, внешнее по отношению к образовательной сфере. Прямо указывается на неблагоприятное влияние субъектов социума: СМИ, диаспоры, характер молодежной политики, а также на идеологические воздействия деструктивных организаций, на мировоззренческую неустойчивость молодежи, на социальные проблемы (миграционные потоки, безработица и т. д.)

На вопрос: «Что можно назвать в качестве конфликтогенных факторов местного сообщества, влияющих на поведение студентов?» — получены ответы, отражающие наличие групп проблем (культурно-психологических, коммуникативных, социальных).

Культурно-психологические проблемы сводятся к «непониманию друг друга, отрицательному восприятию чужих, стереотипам, менталитету россиян, нетерпимости к представителям других национальностей, отличиям в моделях поведения, невоспитанности; *коммуникативные* — к «отсутствию знаний и навыков коммуникации студентов и местного населения, к восприятию друг друга как чужих, неизвестных, низкому уровню жизни местного населения; *социальные* — к большому количеству бесконтрольных приезжих студентов, слабой работе диаспор по социализации приезжих студентов и др.

Предложения по созданию условий для кооперативных форм отношений среди студентов и предупреждения конфликтов сгруппированы следующим образом.

Культурно-коммуникативные условия предполагают:

- развитие межкультурной коммуникации, вовлечение студентов различных национальностей в активную совместную общественную деятельность;
- поддержание этики признания интересов и уважительного отношения к представителям других конфессий, приобщение к общегражданским нормам и ценностям, поддержка инициа-

тивы студентов по проведению мероприятий, направленных на укрепление межэтнических отношений, решение общих проблем конкретного социума, региона.

Идеологические, политические, организационные условия отражают:

- культивирование приоритета гражданской идентичности при сохранении этноконфессиональной самобытности;
- согласованные действия различных организаций (вузов, общественных организаций, органов молодежной политики, администрации муниципальных и территориальных образований и др.);

Социально-психологические условия, по мнению опрошенных, включают:

- оказание социально-психологической помощи и поддержки в ходе адаптации молодежи в новом социуме, в определении жизненных перспектив;
- проведение мониторинга общественного мнения студентов по вопросам межнационального, межконфессионального взаимодействия;
- предупреждение возможных конфликтов.

Таким образом, поликультурный социум оказывает воздействие на отношения студентов и содержит как стимулы, так и препятствия для их позитивного развития, на которые указывает большая часть участников опроса. Но поскольку основным пространством взаимодействия студентов является образовательная среда, постольку «снятие» противоречий зависит от того, в какой мере институты и агенты социализации, в качестве которых выступают образовательные организации, педагоги, другие участники отношений в сфере образования реализуют свои интеграционные функции.

Важным результатом здесь выступает формирование субкультуры студенчества, исключаяющей (сдерживающей) конфликтные, экстремистские отношения, выдвигающей отношения кооперации и партнерства.

Использованная литература:

1. *Дойч М.* Закон социальных отношений // Studme.org. URL: http://studme.org/1874041423254/menedzhment/situatsionnye_podhody (дата обращения: 12.12.2018).

2. *Петров В. Н.* Миграция населения и этнические мигранты в современной России. Краснодар: Кубанского гос. ун-та, 2004.
3. Социальное взаимодействие, социальные отношения, социальный контроль. Социальное взаимодействие // Энциклопедия экономиста. URL: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/socialnoe-vzaimodeystvie.html> (дата обращения: 12.12.2018).
4. *Халий И. А.* Местное сообщество в России: соотношение общего и специфического, традиций и инноваций // Региональная социология в России. М.: Экслибрис-Пресс, 2007.

Tatyana F. MASLOVA,

Dr. Sci. (Sociology of Culture, Intellectual Life),
Assoc. Prof., Prof., Department of Additional Education,
Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol,
Russia, tatianamaslova@rambler.ru.

The Student Community and the Risks to the Safety of the Educational Environment of the North Caucasus Region

One of the requirements for the educational environment is to create conditions for the harmonious development of the individual, the recognition of individuality, the strengthening of its identity. Among the safety risks of a multicultural environment rejection of other cultures, violation of the comfort of relations and conflicts are highlighted. They are reflected in the trends of increasing number of young people leaving the territory of their permanent residence to receive vocational education in universities of large cities, and their interaction in new conditions. In the student environment, both the mutual enrichment of intercultural relations and the forms of behavior on the principle: “own” — “alien” are reproduced. A significant part of students who come from the territories of the North Caucasus Federal District is characterized by a state of marginality, as well as motivation to consolidate in a new environment. The problems of interaction between migrant students in a multicultural community require solutions based on the analysis of the situation using sociological research methods.

Keywords: *social relations and interactions, safe educational environment competition, risks, conflicts, partnership, migrant students, multicultural space.*

Л. В. Кубанова*

Этнический компонент образования как стратегический ресурс укрепления общероссийской идентичности (прикладной аспект)

В последние годы актуализировались вопросы укрепления общероссийской гражданской идентичности при сохранении культурного многообразия народов. В статье рассмотрены вопросы этнокультурного образования на примере одного из полиэтничных регионов России — Карачаево-Черкесской Республики. Результаты проводимых социологических исследований, а также экспертные опросы свидетельствуют о востребованности этнокультурного компонента в системе образования. Сохраняется общественная заинтересованность в сохранении преподавания родных языков. В многонациональном и поликонфессиональном регионе молодежь демонстрирует высокий уровень толерантности к представителям иной культуры. В портфеле идентичности населения преобладает общероссийская идентичность при сохранении этнической. Что свидетельствует об успешной реализации процесса формирования государственного единства.

Ключевые слова: общероссийская гражданская идентичность, этнокультурный компонент, образование, молодежь, народные традиции, родные языки.

На протяжении последнего десятилетия темой общегосударственного дискурса являются вопросы укрепления государственного единства и целостности Российской Федерации при сохранении этнокультурной самобытности ее народов. Этнокультурную политику в России регулируют Конституция и целый ряд законов и подзаконных актов Российской Федерации. Одним из главных стратегических документов является «Стратегия государственной национальной политики на период до 2025 г.», в которой отмечено, что «Общероссийская гражданская идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию. Современное российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации и в котором заключены такие основополагаю-

* КУБАНОВА Лиана Владимировна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований, Черкесск, Карачаево-Черкесская Республика, Россия, lianakubanova@mail.ru.

щие общечеловеческие принципы, как уважение самобытных традиций народов, населяющих Российскую Федерацию, и интегрирование их лучших достижений в единую российскую культуру». На заседании Совета по межнациональным отношениям 30 марта 2021 г. Президент России В. В. Путин отметил, что «национальные языки и обычаи, общий государственный русский язык, сформированные на века общие культурные и духовные ценности и традиции — все это укрепляет единство и силу России, обеспечивает ее суверенитет и независимость» [4].

Не случайно, в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» среди приоритетных целей и задач важное место занимает укрепление российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации. Российская молодежь представляет собой важнейший социальный ресурс развития общества, главный объект общественных проектов и преобразований. Поэтому перед российской системой образования стоят важные задачи, в том числе и развития этнокультурного образования, направленного на сохранение этнической идентичности народов с одновременной интеграцией в общероссийское культурное пространство, на формирование гражданской идентичности.

Вопросами этнокультурного образования в последние годы занимаются не только языковеды, филологи, этнологи, но и политологи, социологи. Начиная с 2015 г. в Карачаево-Черкесской Республике — полиэтничном регионе России — в рамках федеральных проектов проводятся различные социологические опросы, которые в той или иной мере затрагивают вопросы этнокультурного образования, реализации языковой политики. На наш взгляд, в республике отражены как общие, присущие всем или большинству регионов страны проблемы, так и те, которые обусловлены собственной спецификой республики, связанной в первую очередь с конституционно закрепленными пятью государственными языками проживающих в ней народов.

В ходе опросов изучались различные мнения людей, оценочные суждения экспертов в сфере образования, учителей средних общеобразовательных учреждений и преподавателей вузов республики, а также учащихся старших классов общеобразовательных учреждений, студентов высших учебных заведений. Это позволило представить достаточно полную картину субъективных оценок этнокультурного компонента в образовании. После утверждения федеральной целевой программы

«Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» большая роль в реализации некоторых ее целей, таких как формирование общероссийской гражданской идентичности, сохранение и развитие культурного разнообразия и языкового наследия, отводится системе образования.

Данные экспертного опроса по вопросам этнокультурного образования, языковой политики и межнациональных отношений свидетельствует о том, что формированию представлений о российской гражданской идентичности, так же, как и формированию представлений о культурном многообразии России, в большей мере способствуют такие предметы, как история, география, краеведение, естествознание, обществознание, языки и литература, затем идут такие предметы, как эстетическое воспитание, этика [3]. Большинство экспертов (72,2 %) отметили, что учебные администрации в регионе хорошо осведомлены об этнокультурных интересах населения в сфере образования.

Что касается прогнозов на ближайшие годы, то большая часть из них считают, что достаточное количество родителей будет заинтересовано в обучении их детей родным языкам (78,3 %), предметам этнокультурной направленности (57,2 %), меньшее количество — предметам религиозной направленности (36,7 %), предметам на национальных языках (21,1 %). А сокращение или полное отсутствие национальных языков и этнокультурного содержания образования в учебных заведениях региона могут стать поводом недовольства общественности — так считают 71,7 % опрошенных экспертов.

Востребованность изучения предметов этнокультурной направленности и родных языков подтвердили и данные социологических опросов, проведенные как среди учащихся, так и их родителей. Большинство опрошенных родителей (59,3 %) выступают за стандартное изучение национальных языков, треть из них (23,3 %) — за углубленное изучение или дополнительное изучение национального языка, всего 6 % — за общее знакомство с национальным языком.

Из предметов этнокультурной направленности наиболее важными, по мнению родителей, являются история родного края (70 %), национальные традиции, народные праздники (67,3 %), история народа (история народов региона) (62,7 %), национальные танцы (48,7 %), национальная литература, народный эпос, народные сказания (42 %). Около трети опрошенных указали национальную культуру и искусство, народное изобразительное творчество, народные ремесла, географию

родного кая (37,3 %), национальную кухню (30 %). Менее трети опрошенных обратили внимание на традиционную религиозную культуру (26 %), народную музыку, народное песенное творчество (22 %). Незначительное число указали на национальные виды спорта (16 %), традиционные виды труда и хозяйствования, традиционный костюм (11,3 %). Ранжирование ответов показывает, что для родителей учащихся республики важен региональный компонент в образовании, основанный на изучении элементов этнической культуры.

Знания о народной культуре нужны детям, в-первых, для сохранения этнических традиций (мнение 83,3 % опрошенных родителей); во-вторых, чтобы чувствовать принадлежность к своему народу (46,7 % опрошенных); в-третьих, для получения специальных навыков и умений, которые пригодятся в жизни (34 %). Таким образом, родители выступают за необходимость сохранения традиций и этнической идентичности, которые невозможны без специальных знаний и навыков.

Опросы показали, что знания о народной культуре, по мнению учащихся, могут пригодиться для их будущей профессии. Половина из них считает, что такие знания будут востребованы в сфере образования и воспитания (48 % опрошенных), почти столько же (45 %) считают, что эти знания могут пригодиться в туристическом бизнесе, гостиничном хозяйстве. Треть учащихся (37 %) отметили важность знаний о народной культуре в работе на телевидении, радио, в газете (в Карачаево-Черкесии на языках народов республики издаются газеты, детские журналы, на русском, карачаевском, черкесском, абазинском и ногайском языках транслируются программы государственной телерадиокомпании Карачаево-Черкесии, республиканского канала «Арзых — 24», созданы национальные редакции на радио).

Около трети учащихся считают, что знания о народной культуре пригодятся в народных промыслах, при производстве игрушек, создании художественных изделий. Четвертая часть учеников (25 %) связывает знания о народной культуре и концертную деятельность, почти столько же — с архитектурным проектированием, домостроительством. Пятая часть респондентов (21 %) отметила, что знания о народной культуре могут пригодиться при производстве тканей, одежды, обуви. Столько же считают, что такие знания пригодятся в сельском хозяйстве. Незначительное число респондентов (десятая часть) отметило, что знания о народной культуре могут потребоваться социальным работникам, медикам, маркетологам, а также при благоустройстве парков, приуса-

дебных участков, ландшафтном дизайне, при осуществлении рекламных и оформительских работ.

В ходе опроса выяснилось отношение молодых людей к совместному обучению с ними сверстников, отличающихся от них языком, религией. Более половины опрошенных (соответственно 61 % и 63 %) отметили полную интеграцию, гораздо меньше (19 % и 7 %) — значительную интеграцию и 9 % и 8 %, соответственно, — определенную интеграцию. Незначительное число учащихся отметили очень низкую интеграцию, полуизоляцию и изоляцию. Это свидетельствует о том, что молодые люди проявляют толерантность по отношению к сверстникам другого вероисповедания, другой национальности. Для большинства учащихся (58 %) не имеют значения культурные отличия в учебном коллективе. Пятая часть респондентов культурные отличия учитывают частично (19 % опрошенных). Все же среди опрошенных есть те, кто обращают внимание на культурные отличия (менее пятой части опрошенных — 17 %). Обостренно воспринимают культурные отличия в учебном коллективе всего 5 % опрошенных. В ходе опроса выяснялось, на какие именно отличия обращают внимание учащиеся в первую очередь. Большинство опрошенных (47 %) обращают внимание на демографические и персональные отличия (пол, возраст). Затем идут внешность, ум, и в последнюю очередь — здоровье и физические возможности человека.

Почти треть опрошенных детей (29 %) обращают внимание на культурные отличия. В первую очередь это традиции и нормы поведения. Во вторую очередь это язык. В третью очередь это религия и национальность. Четвертая часть опрошенных (24 %) обращает внимание на социальные отличия. Далее идут образование, место учебы или работы, а в последнюю очередь внимание фокусируется на внешнем виде (одежде человека).

В целом, среди учащихся к людям с культурными отличиями преобладает больше позитивное, чем негативное восприятие. Треть из них относится к людям с культурными отличиями нейтрально. Из тех, кто позитивно настроены по отношению к людям с культурными отличиями, большинство проявляют к ним интерес, меньше по количеству готово их поддержать или им доверять. Из тех, кто относятся негативно к людям с культурными отличиями, большинство ощущает чувство тревоги, меньшее число опрошенных не хочет общаться с такими людьми или ощущает чувство неодобрения по отношению к ним. Те,

кто нейтрально относится к людям с культурными отличиями, делятся на тех, кто допускает общение без особого интереса, не поддерживают, но и не отрицают общения, незначительная часть опрошенных особо не доверяет такому общению, но и особо не тревожится насчет него. В общем, преобладает позитивное восприятие сверстников с культурными отличиями.

Вследствие того, что КЧР — многонациональная и поликонфессиональная республика, молодежь демонстрирует высокий уровень толерантности к представителям иной культуры. Что касается портфеля идентичности, то в нем преобладает общероссийская идентичность (65% опрошенных считают, что в обычной жизни их должны в первую очередь воспринимать как гражданина страны). На втором месте по результатам опроса оказалась этническая идентичность. Пятая часть учащихся (22%) считает, что в обычной жизни их должны воспринимать как представителя отдельной национальности. На третьем месте — региональная идентичность. Десятая часть респондентов отметила, что их должны воспринимать в обычной жизни как жителей определенного региона (11%). Это свидетельствует о том, что в регионе упрочивается идея российской гражданской идентичности. С другой стороны, очевидна выраженная этническая дифференциация.

Полученные в ходе социологических опросов результаты свидетельствуют о том, что в республике эффективно реализуется комплекс мероприятий по развитию потенциала молодежи и его использование в интересах укрепления единства российской нации, упрочения мира и согласия. Только за последние два года проведены молодежный форум «Межкультурный диалог», патриотический форум «Архыз-2019», форум «Формула согласия», молодежный форум «Махар-2020» и др.

Представляется важным остановиться на вопросе родных языков. Реализация языковой политики в Карачаево-Черкесской Республике базируется на ряде федеральных и региональных доктрин, программ, указов и постановлений. Среди них определяющими на региональном уровне является Закон КЧР от 14 июня 1996 г. «О языках народов Карачаево-Черкесской Республики», направленный на решение задач по сохранению, равноправному и самобытному развитию языков народов региона. В статьях закона зафиксирован статус государственных языков, право народов на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Также отмечено, что обучение детей родному языку является гражданским правом и долгом родителей.

Применительно к сфере образования ключевым на республиканском уровне является Закон КЧР от 2 ноября 2009 г. № 50-РЗ «Об образовании в Карачаево-Черкесской Республике». В нем зафиксировано, что граждане Российской Федерации, проживающие на территории Карачаево-Черкесской Республики, имеют право на получение основного общего образования на родном языке, а также на выбор языка обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования. В Законе Карачаево-Черкесской Республики № 72-РЗ от 6 декабря 2013 г. «Об отдельных вопросах в сфере образования на территории Карачаево-Черкесской Республики» определены основные принципы в сфере этнокультурной составляющей образования и языковой политики. Среди них — общие вопросы языковой политики, право на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке, а также право на изучение родного языка из числа государственных языков Карачаево-Черкесской Республики в пределах возможностей, предоставляемых системой образования в порядке, установленном законодательством об образовании.

С момента внесения поправок в «Закон об образовании в Российской Федерации» в 2018 г. [2] языковой вопрос актуализировался в регионе. Представители гуманитарной интеллигенции, общественность выступили против принятия поправок, опасаясь, что, по сути, узаконенное добровольное изучение родных языков может привести к потере языкового многообразия. Оценить эффективность обновленного закона можно будет спустя годы, но в настоящее время можно наблюдать усиление внимания к языковой ситуации, как со стороны властных структур, так и институтов гражданского общества. Проводятся круглые столы, конференции с участием ученых, преподавателей, общественников. Актуальными проблемами являются согласие родителей, наличие учебно-методической литературы, обеспечение профессиональным преподавательским корпусом и др.

О характере реакции федеральной власти на языковую проблему свидетельствует тот факт, что Президент РФ В. В. Путин 26 октября 2018 г. подписал указ о создании Фонда сохранения и изучения родных языков народов РФ с целью создания условий для сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации, являющихся национальным достоянием и историко-культурным наследием Российского государства.

Общественная заинтересованность в сохранении преподавания национальных языков устойчива. Об этом свидетельствуют результаты проводимых на территории республики опросов. Анализ ответов учащихся, представляющих разные этнические группы, показывает, что значительное большинство владеет родными для них языками, общаясь на них в семье, с друзьями, знакомыми. Согласно социологическому опросу, проведенному в конце 2019 г. среди молодежи КЧР [1, с. 47–53], 68,5 % респондентов в семье или при общении с близкими и друзьями используют родной язык. Среди причин, по которым опрошенные не общаются на родном языке, были указаны следующие:

- окружающие не знают моего языка (31,5 %);
- незнание родного языка (12 %);
- чувство стеснения при использовании родного языка (5,5 %).

Давая текстовое определение родному языку, 38 % отметили, что это язык народа, подчеркнув его роль основного идентификатора идентичности. Вторым по значимости оказался ответ, что «это язык детства» (24 %), что тоже, на наш взгляд, связано с родной семьей и языком общения в ней. Почти пятая часть (19 %) считает, что родной язык — это язык семьи, родственников. Только для 9 % респондентов родной язык — это язык постоянного пользования. Таким образом, в ответах молодых респондентов родной язык ассоциируются в первую очередь с семьей, родней, народом, то есть определяется этнической принадлежностью. Ответы подтверждают тем, что национальность большинство молодых людей (77 %) определяет как принадлежность к народу, 16 % относит ее к гражданству.

Языковая политика является одним из главных политических направлений стратегического развития страны. Результаты проводимых социологических опросов подтверждают факт успешного решения общероссийских задач по поддержке и сохранению этнокультурного многообразия на региональном уровне. Общественными институтами, органами власти и научным сообществом реализуется комплекс мер и проектов, направленных на актуализацию и поддержку родных языков. Осознается потребность в их изучении и сохранении.

Национально-патриотические ориентации занимают значимое место в политическом сознании молодежи. Современные ценности не вытесняют традиционные, а встраиваются в них, их эффективное регулирование в системе образования способствует подлинной гражданской консолидации, укреплению единства российской нации.

Использованная литература:

1. Кубанова Л. В., Щербина Е. А. Реализация государственной национальной политики, национально-культурного самоопределения народов, вопросы этнокультурного образования и межнациональные отношения в Карачаево-Черкесской Республике (результаты социологических исследований в 2018–2020 гг.). Информационно-аналитические материалы. Черкесск: Карачаево-Черкесский ин-т гуманитар. исслед., 2021.
2. О внесении изменений в ст. 11 и 14 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201808030079?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 27.07.2021).
3. Проект 8.4504.2017 Распределенного научного центра межнациональных и межконфессиональных проблем Министерства образования и науки РФ: Мониторинг этноконфессиональной ситуации в полиэтничных регионах Российской Федерации на основе модели Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем, анализ гуманитарного предметно-дисциплинарного цикла в школах и вузах в аспекте формирования российской идентичности, воспитания гражданской ответственности и солидарности в регионах Северо-Кавказского федерального округа (Ставропольский край, Республика Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарская Республика и Карачаево-Черкесская Республика).
4. Путин заявил, что гражданскую и этническую идентичности в России противопоставлять нельзя // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11028377> (дата обращения: 27.07.2021).

Liana V. KUBANOVA,

Cand. Sci. (Political Institutions, Processes and Technologies),
Leading Researcher, Department for Socio-Political Studies,
Karachay-Cherkess Institute for Humanitarian Studies, Cherkessk,
Karachay-Cherkess Republic, Russia, lianakubanova@mail.ru.

Ethnic Component of Education as a Strategic Resource f or Strengthening the All-Russian Identity (Applied Aspect)

In recent years, issues of strengthening the all-Russian civic identity have been updated while preserving the cultural diversity of peoples. The article considers the issues of ethno cultural education on the example of one of the multi-ethnic regions of Russia —

the Karachay-Cherkess Republic. The results of sociological research, as well as expert surveys, indicate the demand for an ethno cultural component in the education system. There remains a public interest in preserving the teaching of native languages. In a multi-ethnic and multi-denominational region, young people show a high level of tolerance for representatives of a different culture. The portfolio of identity of the population is dominated by the all-Russian identity, maintaining ethnic identity at the same time. This testifies to the successful implementation of the process of formation of state unity.

Keyword: *all-Russian civic identity, ethno cultural component, education, youth, folk traditions, native languages.*

Д. И. Асланов*

Современные механизмы социокультурной интеграции учащихся-билингвов в Ставропольском государственном педагогическом институте

Статья посвящена анализу проблем социокультурной интеграции и феномену поликультурности при выстраивании образовательной парадигмы в современном вузе. Выделяются основные компоненты социокультурной компетентности студентов-билингвов, а также комплекс педагогических условий ее формирования в условиях поликультурной среды Ставропольского края и республик Северного Кавказа. Обращается внимание на многообразные формы организации просветительских образовательных мероприятий с привлечением студентов, в частности, на уникальном проекте «Песенный арсенал Победы на языках народов Северного Кавказа», реализация которого стала осуществляться в институте с 2017 г. Он получил широкое официальное и народное признание. Данный проект был рекомендован к использованию Министерством культуры России в преддверии 75-летия Победы для популяризации песен военных лет среди молодежи.

Ключевые слова: Песенный арсенал Победы на языках народов Северного Кавказа, 75-летие Победы, студенты-билингвы, поликультурность, социокультурная многомерность, социокультурная компетентность.

Актуальность проблемы социально-культурной интеграции и адаптации личности к стремительно изменяющимся условиям современного социума, активно набирает обороты, что обусловлено не только фундаментальным положением вопросов интеграции в современных

* АСЛАНОВ Дмитрий Иванович, доктор экономических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела, профессор кафедры истории, права и общественных дисциплин филиала Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки, Ессентуки, Ставропольский край, Россия, aslanovdi@mail.ru.

науках социально-гуманитарного профиля, но и требованием времени, реалии которого заставляют искать новые интеграционно-культурные ресурсы в изменяющемся нестабильном мире.

В условиях мировых интеграционных процессов и культурной конвергенции образовательная система представляется эффективным механизмом этнокультурной идентификации личности и средством гармонизации межэтнических отношений.

В. И. Загвязинский дает прогноз эволюции российского образования в период «глубокого и перманентного кризиса». Он указывает, что «в этих условиях и определяется особая миссия российского образования способствовать социальной стабильности и прогрессу, восстановлению и развитию культурного и кадрового потенциала страны посредством гармонизации отношений в макро-, мезо- и микросоциуме. Но для этого нужно стремиться к гармонизации прежде всего ведущих ориентиров, ценностей, парадигм, тенденций развития образовательного поля» [3, с. 33].

Ставропольский край как один из наиболее привлекательных для проживания регионов, сталкивается с возросшими миграционными потоками, заметно изменившими его социокультурное пространство.

Феномен поликультурности необходимо учитывать при выстраивании образовательной парадигмы, поскольку сегодня очевидно, что обеспечение необходимого уровня образования и воспитания подрастающего поколения, формирования общей культуры и удовлетворения познавательных интересов личности происходит путем приобщения ее к национальным, российским и мировым ценностям культуры и цивилизации. Такой подход определяет инвариант современной образовательной системы и указывает на направления ее реализации на региональном уровне.

В этой связи для образовательных организаций, и в частности для нашего регионального профильного института, актуальной становится задача разработки действенного механизма адаптации и интеграции новых членов сообщества — учащихся — инофонов и билингов.

Федеральный государственный стандарт третьего поколения, представляющий собой не столько обучающе-знаниевый конструкт, сколько социокультурное явление, делает акцент на формировании и развитии общекультурных и профессиональных компетенций, что дает возможность воспитать компетентного, высококвалифицированно-го, социально-зрелого специалиста и повышает его конкурентоспособ-

ность на рынке труда и успешность в профессиональной деятельности и в социокультурном взаимодействии.

В этих условиях значительно возрастает значение социокультурной среды вуза, которая охватывает как образовательный, так и воспитательный аспекты.

«Многомерный характер социокультурной дифференциации» отмечал Б. С. Ерасов [2, с. 133]. Согласно его подходу, в рамках социокультурной среды выделяют культурно-историческое наследие, художественную, социально-психологическую, духовно-нравственную, политическую и экологическую среды обитания человека.

Социокультурная среда вуза должна способствовать развитию личности таких индивидуальных качеств, как творческое мышление, способности планировать и управлять своей деятельностью, наличие мотивации, умение преодолевать психологические барьеры, обладать качеством конкурентоспособности. Подготовка конкурентоспособного специалиста предполагает не только получение качественного образования, но и воспитание у него самостоятельности и инициативности как формы выражения своих профессиональных потребностей.

Формирование социокультурной компетентности в учебном и воспитательном процессе вуза является для Ставропольского государственного педагогического института (СГПИ) одной из основных задач, поскольку позволяет способствовать формированию высококвалифицированного специалиста с развитыми социально-культурными качествами, что делает его более успешным и востребованным в профессиональной среде.

Определение сущности феномена социокультурной компетентности позволило выделить его методическое содержание.

Социокультурная компетентность студентов-билингвов – это комплексная качественная характеристика индивида, результативный блок межкультурной языковой личности, которая предусматривает:

- овладение иноязычной культурой (ознакомление с национально-культурными особенностями страны учебы, правилами речевого и неречевого поведения в типичных ситуациях общения и языкового этикета);
- формирование умений и навыков диалогического вещания студентов-билингвов в условиях межкультурного общения;
- воспитание толерантного отношения к иностранному языку, представителям иноязычной культуры и страны учебы;

-
- развитие творческих способностей и способность учиться на протяжении жизни, в том числе средствами русского языка как иностранного.

Именно вуз является и образовательным, и социокультурным пространством, в котором происходит преобразование всех форм жизнедеятельности студентов (образовательной, профессиональной, досугово-рекреационной, физкультурно-оздоровительной, информационной, культурно-нравственной) в более высокий, компетентностный уровень.

Специфика полиэтнических школ Ставропольского края, для которых мы готовим специалистов, определяется большим количеством сельских школ, являющихся часто единственными культурными учреждениями: именно в них организуется и проходит культурная жизнь села, характеризующаяся многонациональностью и поликультурностью; представители этносов, проживающих на территории села (района), имеют свою культуру, языковые традиции, порой в корне отличающиеся от традиций русского народа. Указанная специфика обуславливает педагогическую деятельность всего коллектива полиэтнической школы и особенно учителя русского языка, поскольку проблема социокультурной адаптации детей-инофонов и билингвов в процессе обучения, связанная с непониманием ребенком иной культуры, ее смысловых, ценностно-нормативных особенностей, напрямую влияет на содержание образования.

Для педагога исключительно важно учитывать реалии социокультурного мира каждого ребенка, с учетом индивидуального проявления субкультуры, характерного для его возраста, своеобразия и среды воспитания. Это позволит ему понимать явления объективной действительности, реагировать на них и адекватно проявлять себя в данной социальной среде.

Для успешного решения этой задачи педагог сам должен быть транслятором бережного отношения к национальной культуре, к обычаям, традициям, языку, культурному наследию народов.

Именно опора на национальные семейные ценности, выражающие нравственное отношение к окружающему миру (природе, людям), которые у всех этносов и народов имеют общие основания (универсальные), поможет педагогическим работникам облегчить адаптацию ребенка — билингва и инофона к образовательной среде, условиям нового для них социума, а также позволит ребенку «совместить» свои культурные ценности с другими.

С этой целью в Ставропольском государственном педагогическом институте осуществляется целенаправленный процесс формирования социокультурной компетенции обучающихся, который мы выстраиваем на основе деятельностного подхода, предполагающего интеграцию аудиторной и внеаудиторной деятельности и использование педагогических технологий для развития коммуникативных навыков и раскрытия личностного потенциала билингвальной личности для взаимодействия в команде.

Комплекс педагогических условий формирования социокультурной компетенции включает в себя:

- выявление психологических особенностей студентов-билингвов, влияющих на развитие их коммуникативных навыков, снятие психологического напряжения и эмоциональной скованности;
- использование педагогических технологий: педагогики сотрудничества, что позволяет продуктивно организовать совместную деятельность студентов для формирования позитивных межличностных отношений, развивать познавательную активность, самостоятельность, коммуникативные навыки обучающихся, настраивает на совместную работу, что в конечном итоге способствует развитию личностных качеств обучающихся, раскрытию потенциала студентов-билингвов в условиях сотрудничества, взаимопомощи, толерантности.

Так, в институте практикуется многолетнее сотрудничество с созданным в 2011 г. в Ставропольской краевой универсальной научной библиотеке имени М. Ю. Лермонтова информационно-библиотечным Центром «Диалог». В его рамках осуществляется диалог культурных этнических объединений г. Ставрополь, проводятся просветительские образовательные мероприятия в сотрудничестве с национально-культурными автономиями, национальными общественными объединениями, образовательными и культурными учреждениями, общественными организациями г. Ставрополь и Ставропольского края.

Наши студенты принимают активное участие в мероприятиях этого центра не только в качестве зрителей, но и как участники, авторы сценариев проводимых мероприятий, художественные декламаторы, танцоры и певцы. При этом наши студенты получают бесценный опыт межнационального общения, знакомятся с литературой, языками, историей, культурой народов, населяющих Северный Кавказ.

Традиционными для головного вуза и его филиалов в г. Буденновск, Железноводск, Ессентуки стали мероприятия, посвященные Дню славянской письменности, юбилеям писателей северокавказских литератур, (Р. Гамзатова, К. Мечиева, М. Ибрагимовой, К. Мхце, К. Хетагурова и мн. др.), творческие встречи с писателями, читательские конференции, участие в ежегодной конференции «Ставрополь — город межэтнического согласия и единства», фестивали национальных культур и др.

Многолетний положительный опыт патриотического воспитания молодежи в СГПИ пополнился еще одним уникальным проектом — «Песенный арсенал Победы на языках народов Северного Кавказа», реализация которого осуществляется в институте с 2017 г.

Идея перевести на национальные языки песни Победы возникла в преддверии 75-й годовщины битвы за Кавказ, когда был проведен социологический опрос, в котором участвовали молодые люди, проживающие в г. Ставрополь, Ставропольском крае, республиках Северного Кавказа. Он показал, что богатейший воспитательный потенциал песен Победы, к сожалению, не используется в полной мере ни в решении стратегических задач национальной и культурной политики государства, в том числе по причине снижения роли и значения русского языка в национальных республиках, ни в профилактике экстремизма в культурной сфере.

Выполненный в рамках государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 гг.» проект, организаторами которого стали президент института, доктор педагогических наук, профессор, депутат краевой Думы Л. Л. Редько, доктор филологических наук, профессор А. А. Фокин, направлен, прежде всего, на решение задачи, сформулированной в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»: содействие формированию правовых, культурных и нравственных ценностей среди молодежи.

Данная задача решалась нами посредством развития волонтерской и культуротворческой деятельности, когда сформированные из числа студентов СГПИ поисковые отряды отправились в экспедиции в различные населенные пункты северокавказского региона для сбора песенного материала о Великой Отечественной войне на национальных языках. Экспедиционная работа была направлена непосредственно на аудиофиксацию песенного материала, его перевод, систематизацию и каталогизацию.

Результаты поиска отчетливо показали, что арсенал песен Победы необычайно популярен у представителей старшего поколения, но практически не востребован в молодежной среде. И если песни Победы на русском языке хоть иногда звучат в молодежной аудитории, то переведенные на национальные языки они, как правило, остаются достоянием лишь ограниченного контингента населения, тогда как Великая Победа явилась результатом совместных усилий, воинского и человеческого подвига представителей разных национальностей, населявших Советский Союз.

Все это подтвердило важность и своевременность проекта для нашего региона, где тесно сплетены культурные, религиозные и этнические факторы, где на стыке межнациональных и межрелигиозных отношений возникают проблемы, преодолеть которые зачастую помогают «духовные скрепы», транслирующиеся не только на русском, но и на национальных языках.

Процесс перевода песен Победы на языки народов Северного Кавказа неожиданно вылился в невероятную активность студентов-носителей языков, родителей, педагогов, библиотекарей, работников издательств, поэтов, да и просто неравнодушных людей.

Мы наглядно увидели, как наша идея способствует формированию и развитию чувства патриотизма у молодежи, как повышается интерес и уважение к истории Великой Отечественной войны, ее отражению в культуре народов Северного Кавказа и Юга России.

Мы увидели, что арсенал песен Победы, который мы пополняем, становится для молодежи определенной системой отсчета социальных и культурных контекстов, способствует перекодировке стереотипных поведенческих норм и решению назревших проблем в сфере межэтнических отношений.

Характерной особенностью арсенала песен Победы является их глубокая связь с фольклорными традициями народов России. Это дало возможность молодым людям глубже узнать ментальные и психологические особенности народов, проникнуться чувством уважения к жизненным устоям и культуре. Уже в процессе экспедиций стало понятно, что мы решаем очень серьезные задачи.

Проект позволил выстроить и проследить хронологию Великой Отечественной войны, проникнуться мыслями и чувствами наших предков — солдат, мужественно вставших на защиту родной земли, и разделить с ними торжествующий пафос победителей.

Анализ текстов песен позволил провести и научно-аналитическую работу по выделению основных мотивов, героев и антигероев, наиболее значимых сюжетов, которая в дальнейшем вылилась в научные статьи, опубликованные в том числе и в журналах, входящих в перечень ВАК.

Кроме того, помимо основных целей проекта, удалось осуществить изучение и внедрение передового экспедиционного и этнолингвистического опыта в практику военно-патриотического воспитания молодежи.

В рамках уникальной этнографической экспедиции творческой командой сотрудников ГБОУ ВО СГПИ был осуществлен сбор и обработка текстов песен Победы на языках народов Северного Кавказа, записан большой массив аудио-, видеоматериала, создан систематизированный информационный ресурс <http://ethno-expedition.ru>¹. На площадке Youtube был создан канал [4], где выставлено 34 ролика с исполнением песен Победы на разных языках народов Северного Кавказа.

Следующий этап нашего проекта — концертный марафон — был направлен на популяризацию этого уникального материала, его трансляцию на территории субъектов Северного Кавказа посредством проведения серии выездных концертов с привлечением к участию в марафоне молодежных (студенческих) творческих коллективов, исполняющих песни Победы на национальных языках. Базовыми площадками стали вузы, в основном педагогического профиля. Концерты проводились по принципу «эстафеты-марафона», когда каждый следующий концерт был дополнен материалом из предыдущего, полученным при участии местных творческих коллективов.

Концерты проходили в переполненных залах, зрители пели вместе с ребятами, плакали, рукоплескали. После концерта к исполнителям подходили люди старшего поколения со словами благодарности. И это было лучшей наглядной демонстрацией успеха мероприятия.

К каждому концерту готовилось текстовое сопровождение, рассказывающее об основных этапах ВОВ, в частности, о битве за Кавказ, об особенностях менталитета воинов-представителей различных национальностей, о том, как совместными усилиями ковалась Великая Победа.

Абсолютно вся работа по сбору текстов, их переводу, исполнению песен и танцев, дизайну костюмов, соответствующих эпохе, подготовке сценариев и проведению концертов осуществлялась силами преподавателей и студентов СГПИ.

¹ В настоящее время ресурс не функционирует по этой ссылке. — *Прим. ред.*

В процессе реализации проекта к сценарию добавлялись концертные номера в исполнении творческих коллективов регионов. Все концертные номера исполнялись под аккомпанемент оркестра народных инструментов СГПИ, что вызывало абсолютный восторг зрителей и исполнителей из соседних республик.

К годовщине празднования 75-летия битвы за Кавказ в г. Ставрополь состоялся итоговый гала-концерт с участием всех национальных творческих коллективов, принявших участие в марафоне, на который были приглашены ветераны [1].

Восстановление и актуализация песен Победы на языках народов Северного Кавказа позволили обеспечить доступность и привлекательность их художественного (языкового и музыкального) арсенала для современной молодежи поликультурного региона, способствовали формированию национальной идеи, межнационального и межконфессионального диалога, возрождению духа интернационального патриотизма. Особый упор при работе с песенным материалом мы делали на межэтнической солидарности как источнике Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Кроме ожидаемых результатов проекта хочется отметить то, что он явился отправной точкой для активизации процесса изучения языков народов Северного Кавказа, поскольку помимо патриотического воспитания, проект направлен на реализацию культурно-языковой политики повсеместного развития русско-национального двуязычия как единственной формулы обеспечения дальнейшей интеграции народов Северного Кавказа в общероссийскую культуру, основанную на русском языке и сохранении местных языков как важного элемента национального самосознания и культурной идентификации.

Неожиданным, но очень приятным результатом для нас стало то, что проект «Песенный арсенал Победы на языках народов Северного Кавказа» был рекомендован к использованию Министерством культуры России в преддверии 75-летия Победы для популяризации песен военных лет среди молодежи.

Использованная литература:

1. Гала-концерт проекта «Концертный марафон» // Ставропольский государственный педагогический институт. URL: <https://sspi.ru/index.php?news=1110> (дата обращения: 05.12.2021).

2. Ерасов Б. С. Социальная культурология. М.: Аспект Пресс, 2000.
3. Загвязинский В. И. О стратегических ориентирах развития образования на современном этапе // Образование и наука. 1999. № 1. С. 32–40.
4. Песенный арсенал Победы на языках народов Кавказа // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/channel/UCVf9aYr15Eb5QIATv9C5IKw/videos> (дата обращения: 05.12.2021).

Dmitry I. ASLANOV,

Dr. Sci. (Economics and Management of the National Economy), Assoc. Prof., Head, Research Department, Prof., Department of History, Law and Social Sciences Branch in Essentuki, Stavropol State Pedagogical Institute, Essentuki, Stavropol Region, Russia, aslanovdi@mail.ru.

Modern Mechanisms of Socio-Cultural Integration of Bilingual Students at the Stavropol State Pedagogical Institute

The article deals with the analysis of the problems of socio-cultural integration and the phenomenon of multiculturalism in building an educational paradigm at a modern university. The main components of the socio-cultural competence of bilingual students are highlighted, as well as a set of pedagogical conditions for its formation in the multicultural environment of the Stavropol Territory and the republics of the North Caucasus. Attention is drawn to the diverse forms of organizing educational events involving students, in particular, to the unique project “Victory Song Arsenal in the languages of the peoples of the North Caucasus”, the implementation of which has been carried out at the Institute since 2017. It received wide official and popular recognition. This project was recommended for use by the Ministry of Culture of Russia on the eve of the 75th anniversary of the Victory to popularize songs of the war years among young people.

Keywords: Song arsenal of Victory in the languages of the peoples of the North Caucasus, 75th anniversary of Victory, bilingual students, multiculturalism, sociocultural multidimensionality, sociocultural competence.

**КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
КАК РЕСУРС МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ**

Сборник научных статей
по итогам VII международного научного форума

*Ответственный редактор
Горлова Ирина Ивановна*

Корректор: *Плёткина Е. А.*
Компьютерная верстка: *Клюшенкова О. В.*

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
E-mail: info@heritage-institute.ru